

Д.О. Серов, А.В. Федоров

Дела и судьбы
следователей Петра I

Научное издание

Издательская группа «Юрист»
Москва • 2019

УДК 930.24

ББК 63

Авторы:

Серов Д.О., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, доктор исторических наук, доцент;

Федоров А.В., заместитель Председателя Следственного комитета России, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Рецензенты:

Волеводз А.Г., заместитель декана по научной работе Международно-правового факультета, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук;

Гаврилов Б.Я., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Редин Д.А., главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

С 32 **Серов Д.О., Федоров А.В.** Дела и судьбы следователей Петра I : научное издание. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательская группа «Юрист», 2019. — 432 с.

ISBN 978-5-94103-430-7

Монография содержит очерки о лицах, занимавшихся предварительным следствием в России первой четверти XVIII в. На основе преимущественно архивных документов впервые системно освещены обстоятельства служебных карьер следователей Петра I и подробности расследовавшихся ими резонансных уголовных дел. Рассмотрены неизвестные ранее сюжеты, когда сами следователи подвергались уголовному преследованию. Особое внимание уделено обзору биографий следователей «майорских» следственных канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г.

Монография адресована студентам, магистрантам и преподавателям юридических факультетов, курсантам, слушателям и адъюнктам профильных ведомственных институтов, академий и университетов, работникам судов, прокуратуры, Следственного комитета и иных правоохранительных органов, а также всем тем, кто испытывает интерес к истории государства и права России.

ISBN 978-5-94103-430-7

DOI : 10.18572/978-5-94103-430-7-2019-1-432

© Серов Д.О., Федоров А.В., 2019

© Издательская группа «Юрист», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

От главного редактора Издательской группы «Юрист».....	5
Введение	7
Глава 1. Органы следствия при Петре I	10
§ 1. Органы следствия первой четверти XVIII века: нормативная основа деятельности.....	10
§ 2. «Майорские» следственные канцелярии	22
§ 3. Следственная канцелярия генерал-прокуратуры Сената и Розыскная контора Вышнего суда.....	32
§ 4. Петр I как следователь	45
Глава 2. Первые российские следователи	58
§ 1. Гвардии майор князь М.И. Волконский.....	58
§ 2. Гвардии подполковник князь В.В. Долгоруков ...	71
§ 3. Гвардии капитан-поручик И.Н. Плещеев	86
§ 4. Гвардии капитан И.С. Чебышев.....	102
§ 5. Гвардии капитан Г.И. Кошелев	115
Глава 3. Презусы «майорских» следственных канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г.	126
§ 1. Гвардии подполковник князь П.М. Голицын	126
§ 2. Гвардии майор С.А. Салтыков.....	140
§ 3. Гвардии майор князь Г.Д. Юсупов.....	155
§ 4. Гвардии майор М.Я. Волков.....	167
§ 5. Гвардии майор И.И. Дмитриев-Мамонов	180
§ 6. Гвардии майор М.А. Матюшкин	195

Глава 4. Ассессоры «майорских» следственных канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г.	210
§ 1. Гвардии капитан И.М. Лихарев	210
§ 2. Гвардии капитан-поручик Е.И. Пашков.....	225
§ 3. Гвардии поручик В.И. Иванов и гвардии подпоручик В.Г. Языков.....	241
§ 4. Гвардии капитан-поручик И.И. Бахметьев	259
§ 5. Гвардии капитан Г.А. Урусов.....	274
§ 6. Гвардии поручик С.Л. Игнатъев	288
Глава 5. Руководители последних следственных канцелярий Петра Великого	310
§ 1. Гвардии полковник И.И. Бутурлин	310
§ 2. Гвардии капитан Б.Г. Скорняков-Писарев	324
Глава 6. Государственные и военные деятели, осуществлявшие отдельные расследования	337
§ 1. Тайный советник П.А. Толстой	337
§ 2. Гвардии майор Г.Г. Скорняков-Писарев.....	355
§ 3. Генерал-майор В.И. Геннин	369
Глава 7. Обер-фискалы и проводимые ими расследования	386
§ 1. Обер-фискал А.Я. Нестеров.....	386
§ 2. Обер-фискал М.А. Косой.....	398
Заключение	411
Литература	412

*К 20-летию выхода первого номера
журнала «Российский следователь»*

От главного редактора Издательской группы «Юрист»

Настоящий сборник выпускается Издательской группой «Юрист» к юбилейной дате — 20-летию выхода первого номера журнала «Российский следователь».

За 20 лет этот журнал стал одним из наиболее авторитетных научных изданий по вопросам предварительного следствия. Журнал «Российский следователь» включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень российских рецензируемых журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Большое внимание журнал уделяет вопросам истории отечественных органов предварительного следствия, периодически публикуя статьи на эти темы. Издательской группой «Юрист» на основе опубликованных в журнале «Российский следователь» статей в 2015 г. был издан сборник «Очерки истории российских следственных органов»¹, а в 2016 г. — сборник «Дела и судьбы следователей Петра I»². Указанные издания вызвали большой интерес читателей.

¹ Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов : научное издание. М. : ИГ «Юрист», 2015. 318 с.

² Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I. М. : ИГ «Юрист», 2016. 364 с.

К 20-летию выхода первого номера журнала «Российский следователь» Издательская группа «Юрист» выпускает второе издание сборника Д.О. Серова и А.В. Федорова «Дела и судьбы следователей Петра I», дополненного новыми статьями.

Чтобы придать сборнику определенное единство и обеспечить последовательность в изложении материала, статьи по предложению автора сгруппированы по семи разделам.

Издание сопровождается обширным списком литературы, использованной авторами при подготовке издания.

Руководство Издательской группы «Юрист» выражает благодарность авторам указанного научного издания — Серову Дмитрию Олеговичу и Федорову Александру Вячеславовичу за их труд и желает им новых творческих успехов в научной и практической деятельности.

В.В. Гриб,

главный редактор Издательской группы «Юрист»,
член-корреспондент Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Введение

В современной юридической литературе следственные органы определяются в широком понимании как государственные органы, осуществляющие досудебное производство — предварительное расследование, которое возможно в двух процессуальных формах: в форме предварительного следствия и в форме дознания.

В узком понимании следственные органы — это органы, осуществляющие предварительное следствие, которые также могут в случаях, предусмотренных законом, осуществлять дознание по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно. Соответственно, при таком понимании следственных органов к их числу не относятся органы дознания.

Также следует учитывать, что в настоящее время имеет место разделение органов, осуществляющих предварительное следствие, и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в том числе деятельность по выявлению преступлений и розыску преступников.

Однако так было не всегда. На протяжении многих столетий для ключевых звеньев отечественного государственного механизма был свойственен феномен «единства компетенции», когда один и тот же орган власти обладал и административными, и юрисдикционными полномочиями — и управлял, и судил одновременно. Таким образом, «единство компетенции» находило выражение в том, что издревле одни и те же органы либо должностные лица осуществляли весь цикл уголовного судопроизводства в его современном понимании как на судебной, так и на досудебной стадиях процесса, а зачастую занимались и розыском преступников с использо-

ванием методов, признаваемых в настоящее время оперативно-розыскными.

На органические взаимосвязи в прошлом таких видов деятельности, как розыск и следствие, глубокие исторические корни розыска, его первичность по отношению к следствию неоднократно обращалось внимание в литературе¹.

История становления следственных органов неразрывно связана с развитием розыскной деятельности и ее регламентацией. В допетровский период российской истории розыск (розыскная деятельность) представлял собой особую форму судопроизводства, следственного процесса, который включал как уголовно-процессуальные, так и чисто сыскные (непроцессуальные с позиции сегодняшнего дня) составляющие². При этом специальные следственные органы как таковые в государственном механизме не выделялись. Условия для появления таких органов (как и для связанного с этим совершенствования уголовного процесса) сложились лишь в начале XVIII в. и были обусловлены глубокими преобразованиями в российском обществе и государстве — реформами Петра I.

Настоящее издание посвящено рассмотрению вопросов истории становления российских следственных органов в период первой четверти XVIII века во время царствования Петра I. Рассматриваются вопросы создания первых следственных органов в российской истории и приводятся подробные сведения о делах и судьбах первых российских следователей.

¹ Наиболее подробно см.: Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.

² Подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие в Древнерусском государстве X–XIV веков // Российский следователь. 2014. № 1. С. 53–56 ; Они же. Следствие в Московском государстве XV–XVII вв. // Российский следователь. 2014. № 2. С. 52–56.

Впервые через рассмотрение дел и судеб следователей Петра Великого, иных государственных и военных деятелей, осуществлявших отдельные расследования, а также обер-фискалов, чьи материалы служили основой для многих расследований, комплексно рассматривается период зарождения российского следствия — в контексте происходивших в России того времени глубоких социально-экономических преобразований и сопутствующих им изменений в государственном строительстве.

Глава 1

Органы следствия при Петре I

§ 1. Органы следствия первой четверти XVIII века: нормативная основа деятельности*

Продлившийся 29 лет период единодержавия Петра I (январь 1696 г. — январь 1725 г.) вместил множество событий, значимых для политической, военной, дипломатической, социально-экономической истории России. Немало из этих событий оставили заметный след и в истории отечественного государства и права. Отдельные тогдашние нововведения сохранились и вовсе до настоящего времени. Достаточно вспомнить, что мы сейчас живем по летоисчислению, установленному в нашей стране Петром I, по-прежнему используем «гражданский» шрифт, собственноручно выправленный и утвержденный царем в 1708–1710 гг., а также порядок обнародования нормативных актов, введенный в 1714 г. Досье сохранилась и основанная Петром I российская прокуратура.

В период правления царя и императора Петра I в нашей стране было осуществлено множество преобразований —

* Параграф подготовлен на основе материалов статей: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: изменения в процессуальном законодательстве, сопутствующие созданию специальных следственных органов // Российский следователь. 2015. № 3. С. 48–51; Они же. Следствие при Петре I: образование «майорских» следственных канцелярий и зарождение стадии предварительного расследования // Российский следователь. 2015. № 4. С. 53–56.

военная, административная, судебная, церковная и податная реформы. Значительные перемены произошли тогда и в сфере духовной культуры, особенно в области книгоиздания и в области профессионального образования (прежде всего военного).

В рамках административной реформы конца XVII — первой четверти XVIII в. состоялись две городские реформы (1699 г. и 1720–1721 гг.), две губернские реформы (1708–1710 гг. и 1719 г.), ликвидация Боярской думы и учреждение Правительствующего Сената (с его реорганизациями в 1718 г. и 1722 г.), коллежская реформа 1717–1719 гг. К этой реформе следует отнести и основание первых отечественных органов надзора — фискальской службы и прокуратуры. В результате в России сформировалась принципиально новая система государственного управления.

К административной реформе примыкала реформа судебная (ответвлением которой явилась военно-судебная реформа). Основные преобразования в судостроительстве и судопроизводстве были осуществлены в 1717–1723 гг. Наиболее существенными из них явились учреждение системы судов общей юрисдикции (что сопровождалось структурным и функциональным отделением судебных органов от административных), а также значительное уменьшение числа специализированных судов. Наряду с этим произошло зарождение не имевшего зарубежных аналогов института судебного управления. В итоге судебная система впервые превратилась в обособленный сегмент государственного механизма России.

Проведение столь масштабных государственных преобразований сопровождалось интенсивным развитием системы законодательства. Если за 47 лет, с февраля 1649 г. по февраль 1696 г., в нашей стране было издано 1458 нормативных правовых актов, то лишь за 8 лет с 1717 г. по январь 1725 г. —

1584 таких акта¹. Наиболее емко цель выработки нового законодательства Петр I сформулировал в собственноручно написанном предисловии к Уставу воинскому 1716 г.: «Дабы всякой чин знал свою должность... и неведением не отговаривался»².

Вершиной развития отечественного уголовного процесса в первой четверти XVIII в. должен был стать уголовно-процессуальный раздел Уложения Российского государства — единого кодифицированного акта, разработка которого началась в 1718 г. и которому предстояло заменить собой архаичное Уложение 1649 г.³ В соответствии с композицией, утвержденной Уложенной комиссией 5 августа 1723 г., в первых двух книгах законопроекта содержались законодательные предположения, в которых регулировались организация суда и различные аспекты судопроизводства. Состоявшая из 25 глав книга первая законопроекта «О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду подлежащих» посвящалась судоустройству и процессу (преимущественно гражданскому).

Состоявшая из 12 глав и 129 статей книга вторая «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных де-

¹ Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 16 ; Акишин М.О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 103.

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 204.

³ О подготовке проекта Уложения Российского государства в первой четверти XVIII в. наиболее подробно см.: Peterson C. Användningen av dansk och svensk rätt i Peter den stores lagkommission, 1720–1725 // Danske og Norske Lov i 300 år / red. Ditlev Tamm. København, 1983. S. 369–404 ; Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 годов — памятник отечественной политико-правовой мысли // Замуруев А.С. Работы разных лет : сб. статей. Псков, 2006. С. 156–366.

лах» касалась исключительно уголовного судопроизводства⁴. В названной книге предполагалось регламентировать все стадии уголовного процесса — от стадии возбуждения уголовного дела (чему посвящался ряд статей главы 1 «О испытании злодейств, и каким процесом во оных поступать надлежит») до стадии исполнения приговора (регулированию которой всецело посвящалась состоявшая из девяти статей глава 12 «Что при экзекуции надлежит исполнять»)⁵. На основании ознакомления с архивным подлинником законопроекта представилось возможным констатировать, что книга «О процесе в криминальных или розыскных, пыточных делах» явилась первым опытом подготовки уголовно-процессуального кодекса России, на 130 лет опередившим Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

После смерти Петра I работа над проектом Уложения Российского государства была приостановлена. Законопроект так и не обрел юридической силы, оставшись исключительно памятником отечественной политико-правовой мысли первой четверти XVIII в. В итоге крупнейшими актами уголовно-процессуального законодательства России Петровского времени явились «Краткое изображение процесов и судебных тяжб»⁶ (в редакциях 1712 г. и 1715 г.)⁷ и именной указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г.⁸

⁴ См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 342. Кн. 33, ч. 2 (итоговая черновая редакция).

⁵ Там же. Л. 91–112, 398–406 об.

⁶ Полное собрание законов. Т. 5. С. 382–411.

⁷ Об истории создания «Краткого изображения процесов...» наиболее подробно см.: Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процесов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 113–121.

⁸ Полное собрание законов. Т. 7. С. 147–150.

В вопросе о том, к какой разновидности нормативных актов следует отнести «Краткое изображение процессов...», нельзя не согласиться с авторитетным мнением С.В. Юшкова и О.И. Чистякова, которые определили его как кодекс⁹. В составе из трех частей, 10 глав и 101 статьи «Кратком изображении процессов...» оказались гораздо более детально, нежели в предшествующем законодательстве, регламентированы вопросы организации военных судов (кригсрехтов) — полкового и генерального, процессуального положения подсудимого и свидетелей, вопросы подготовки и проведения судебного разбирательства, постановления и вступления в силу приговора.

В кодексе закреплялись основания и порядок применения к подсудимому пытки, были указаны основания для пересмотра судебных решений, определен круг лиц, которые не могли привлекаться судом в качестве свидетелей. В ст. 3 гл. 1-й разграничивались системы общих и военных судов: «гражданской суд, который во время войны и миру в каждом государстве твердо определен есть» и в котором разбираются дела, возникающие между всеми подданными, и «воинской суд», в котором рассматриваются «толко ссоры между офицеры, салдаты и протчими особами, войску надлежащими».

В «Кратком изображении процессов...» было сформулировано общее учение о доказательствах, а также охарактеризована их система. При этом круг доказательств был очерчен исчерпывающе, а доказательства дифференцированы по степени их значимости. Согласно ст. 1 гл. 2-й части 2, лучшим доказательством «всего света» являлось собственное признание подсудимого, а наихудшим, согласно ст. 7 гл. 5-й, — при-

⁹ Юшков С.В. История государства и права СССР. 4-е изд. М., 1961. Ч. 1. С. 331 ; Чистяков О.И. Процессуальное законодательство // Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 794.

сяга, относительно которой оговаривалось, что она «осторожности достойна есть». В ст. 9 той же гл. 5-й впервые в истории отечественного права был сформулирован принцип презумпции невиновности: «Лучше есть 10 виновных свободить, нежели одного невинного к смерти приговорить»¹⁰.

Примечательно, что далеко не все нормы «Краткого изображения процессов...» оказались воплощены в российской правоприменительной практике. Так, в отечественных военных судах XVIII в. никогда не рассматривались гражданские иски (что предусматривалось в ст. 1 и 2 гл. 2-й и в главах 3-й и 4-й части 1 «Краткого изображения процессов...»). В связи с этим мертвой буквой остались и положения гл. 5-й части 1, в которой регламентировалось участие в военном судопроизводстве «адвокатов и полномочных»¹¹. Никак не воплотился на практике и подробно описанный в ст. 1–6 гл. 6-й части 1 такой прежде отсутствовавший в России процессуальный институт, как «салф кондукт» (от латинского *salvus conductus*) — совокупность норм, регулирующих гарантии для обвиняемого, скрывшегося от преследования, свободно явиться в суд¹².

Что касается именного указа «О форме суда» от 5 ноября 1723 г., то наиболее значительными нововведениями, зафиксированными в данном указе, стали, во-первых, закрепление в ст. 5 указа права ответчика ознакомиться до начала судебного разбирательства с содержанием исковой челобитной (для сбора доказательств к своему оправданию) и, во-вторых, утверждение в ст. 3 и 4 порядка разбирательства дела строго по пунктам исковой

¹⁰ Полное собрание законов. Т. 5. С. 402–403.

¹¹ Там же. С. 391–392. Это был первый (и на долгое время последний) случай употребления в отечественном законодательстве термина «адвокат».

¹² Об институте *salvus conductus* подробнее см.: Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 124–127.

челобитной. Указ начинался с констатации того, что «не надлежит различать (как прежде бывало) один суд, другой розыск, но токмо один суд»¹³.

В данном именном указе были детализированы различные процедуры подготовки и проведения судебного разбирательства: от введения единой формы (по пунктам), по которой надлежало составлять исковую челобитную, до указания в обязательном порядке ссылаться на конкретные законодательные акты при постановлении приговора (что, не будучи специально регламентировано, как явствует из архивных уголовных дел, применялось на практике и в предшествующий период¹⁴). В целом же именной указ «О форме суда» явился значительным шагом на пути дальнейшей бюрократизации российского судопроизводства, сокращения в нем начал устности — при усилении канцелярской тайны.

Как бы то ни было, ни в проекте Уложения Российского государства, ни в «Кратком изображении процессов...», ни в именном указе «О форме суда», ни во многих иных актах процессуального законодательства Петровского времени не содержалось норм, предусматривавших вычленение стадии предварительного расследования в уголовном процессе. Зарождение этой стадии произошло только благодаря изданию Наказа «майорским» следственным канцеляриям¹⁵ от 9 декабря 1717 г.

Судьба этого закона сложилась неординарно. Не обнародованный в момент издания типографски и не попавший в со-

¹³ Полное собрание законов. Т. 7. С. 147.

¹⁴ См., например, составленную в марте 1721 г. подготовительную Выписку к постановлению приговора бывшему сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 87–93 об.).

¹⁵ Об этих канцеляриях подробнее см. в следующем параграфе настоящей главы.

став опубликованного в 1830 г. «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года» Наказ от 9 декабря 1717 г. почти два столетия находился в забвении. Будучи выявлен и бегло упомянут историком В.И. Веретенниковым в 1910 г.¹⁶, этот законодательный акт оказался окончательно введен в научный оборот лишь в начале XXI в.¹⁷

С внешней стороны Наказ представлял собой скрепленный подписью Петра I типовой нормативный документ¹⁸, который был 9 декабря 1717 г. вручен руководителю каждой из созданных на тот момент следственных канцелярий (вместе с реестром подлежащих расследованию дел). Из шести подписанных царем списков Наказа до наших дней сохранился единственный — адресованный полковнику Г.И. Кошелеву и дьяку Ф.Д. Воронову¹⁹.

¹⁶ Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 41.

¹⁷ См.: «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судоустройства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 202; Серов Д.О. Забытая страница истории уголовно-процессуального законодательства России XVIII в.: Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. // Научные труды Российской академии юридических наук / отв. ред. В.В. Гриб. М., 2010. Вып. 10. Т. 3. С. 941–945. Примечательно, что первая публикация Наказа (никак не замеченная ни историками, ни историками права) была осуществлена в 1867 г. — в составе хаотично подобранных документов, извлеченных из домашнего архива князей Юсуповых (Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. 2. С. 175–176).

¹⁸ Типовые нормативные акты (появившиеся в системе российского законодательства в XVII в.) регулировали полномочия и статус должностных лиц различных уровней. Данные акты содержали разнообразные нормы материального и процессуального права, издавались главой государства, высшими органами государственной власти либо ведомствами, обнародовались исключительно в рукописном виде и вручались соответствующим должностным лицам в индивидуальном порядке.

¹⁹ РГИА, Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68–68 об. Далее цитаты из текста Наказа приведены по указанному архивному подлиннику.

С содержательной стороны Наказ являлся, во-первых, учредительным актом об основании соответствующей канцелярии, во-вторых, в нем регламентировались полномочия следственной канцелярии и ее статус, в-третьих, в Наказе регулировался ряд процедур досудебного производства по уголовному делу, а также закреплялась ответственность глав канцелярии за ненадлежащее расследование полученных в производство дел.

Прежде всего необходимо отметить, что, согласно Наказу от 9 декабря 1717 г., впервые предусматривалось составление такого процессуального документа, который сегодня именуется обвинительным заключением, а в Наказе был обозначен термином «приговор». В названном документе полагалось систематизировать данные, добытые в ходе расследования, а также сформулировать предъявленные обвинения с определением квалификации преступления. Выстраивать обвинительное заключение надлежало по «пунктам» — эпизодам обвинения: «О врученных делах прежде не доносить, пока все розыскано будет и на всякой пункт потписан будет приговор, чему хто будет достоин».

Одновременно в Наказе был специально оговорен запрет «майорской» канцелярии заниматься отправлением правосудия: «Самому... никаких дел не кончать [не выносить приговоры] и эксекуцей [исполнения приговоров] не чинить». Не вызывает сомнений, что в приведенных процессуальных нормах законодатель впервые отделил предварительное следствие от судебного, вычленив тем самым стадию предварительного расследования в отечественном уголовном судопроизводстве.

Кроме того, в процессуальном разделе Наказа от 9 декабря 1717 г. впервые регулировался порядок применения пыток в отношении обвиняемых из числа государственных гражданских служащих (а также детализировался в отношении

строевых и отставных военнослужащих). В Наказе закреплялось право «майорской» канцелярии самостоятельно назначать пытку гражданским служащим в должности до вице-губернатора, а военнослужащим — в звании до младшего офицера. Применение пытки в отношении младших офицеров должно было санкционироваться военным судом²⁰ («над обор-афицерами перво держать кригсрехт, и ежели улика будет, по тому пытать»), а в отношении старших и высших офицеров и должностных лиц гражданской администрации от вице-губернатора и выше — самим монархом.

При этом в Наказе пояснялось, что данный порядок назначения пытки в отношении военнослужащих распространялся не на всех лиц, имевших воинские звания, а лишь на тех, которые проходили действительную военную службу. Для применения же пыток в отношении лиц, хотя и имевших офицерские звания, но никогда не состоявших на строевой службе, не требовалось санкции ни кригсрехта, ни царя («а которыя в армии не служили... тех не почитать за афицеров, но за простых, и таких бес кригсрехта пытать, хто доведетца, не толко обор-[младших офицеров], но и штапных [старших офицеров]»). В свою очередь, допросы высших должностных лиц, а также очные ставки с их участием в Наказе предписывалось производить в помещениях Правительствующего Сената («в палате сенатской»).

Согласно Наказу от 9 декабря 1717 г., «майорской» следственной канцелярии предоставлялось право принимать (как от подследственных и свидетелей, так и от сторонних лиц) заявления о преступлениях, совершенных против интересов службы (по формулировке законодателя, «дела государственному интересу касающиеся или... в великих неправдах

²⁰ Эта норма, вводившая по существу судебный контроль над применением пыток, не воспроизводилась более в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

и граблении народа»). Однако по материалам таких заявлений канцелярия могла осуществлять лишь, выражаясь по-современному, доследственную проверку, а полномасштабное расследование могло начаться в данном случае лишь по указанию монарха и после окончания производства по делам, исходя порученных канцелярии. Завершая характеристику процессуального раздела Наказа от 9 декабря 1717 г., необходимо отметить, что, констатируя в заключительной части Наказа отсутствие в России современного единого кодифицированного акта («понеже Устава земского полного и порядочного не имеем»), законодатель предписал «майорской» канцелярии руководствоваться при квалификации обвинений нормами военно-уголовного законодательства.

Что касается статуса «майорской» канцелярии, то из положений Наказа следовало, что канцелярия подчинялась непосредственно главе государства, перед которым и отчитывалась о результатах расследования. В Наказе от 9 декабря 1717 г. не был упомянут ни один орган власти, уполномоченный давать «майорской» канцелярии какие-либо указания. Даже Сенат, согласно заключительному положению Наказа, обязывался (причем «под опасением жестокого ответу») только оказывать следственной канцелярии содействие в вопросах кадрового обеспечения.

В единственной внесенной в Наказ от 9 декабря 1717 г. уголовно-правовой норме определялась ответственность руководителей канцелярии за совершенные при осуществлении расследования преступления против интересов службы. За это следователям канцелярии грозила единственная санкция — смертная казнь. Как выразился законодатель во вступительной части Наказа, «ежели ж какая мана [пристрастие], взятки или иная правды лишенная причина сыщется, то без всякой пощады лишены будете живота [жизни] и чести».

Остается добавить, что нормы, закрепленные в Наказе от 9 декабря 1717 г., отнюдь не остались мертвой буквой. Более того, из архивных материалов очевидно, что Наказом руководствовались не только «майорские» канцелярии (которым он был изначально адресован), но также и иные органы предварительного следствия, а именно созданные в 1722–1723 гг. следственная канцелярия генерал-прокуратуры Сената и Розыскная контора Вышнего суда²¹. Вполне в соответствии с положениями Наказа, означенные канцелярия и контора не занимались отправлением правосудия, составляли обвинительные заключения, применяли пытки к высокопоставленным подследственным лишь с санкции монарха.

Остается добавить, что век первых отечественных органов предварительного расследования, нормативной основой функционирования которых стал Наказ от 9 декабря 1717 г., оказался недолг. Учрежденные для расследования относительно узкого круга резонансных (по современной терминологии) уголовных дел все эти органы были ликвидированы уже к 1726 г. С их упразднением утратил силу и Наказ от 9 декабря 1717 г., а стадия предварительного расследования вновь слилась со стадией судебного разбирательства.

Утратив в середине 1720-х гг. юридическую силу, Наказ «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г. длительное время не имел аналога в отечественном законодательстве. «Преемником» Наказа от 9 декабря 1717 г. явился только изданный совсем в иных исторических условиях «Наказ судебным следователям» от 8 июня 1860 г.²²

²¹ Об этих органах следствия подробнее см. в § 3 настоящей главы.

²² Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. СПб., 1862. Т. 35. Отд. 1. № 35891.

§ 2. «Майорские» следственные канцелярии*

Образование самостоятельных специализированных российских следственных органов началось с «майорских» следственных канцелярий, именуемых в литературе также как «канцелярии розыскных дел». Первая «майорская» следственная канцелярия была образована указом Петра I от 25 июля 1713 г. Созданная под началом гвардии майора князя Михаила Ивановича Волконского, канцелярия была основана для работы на территории Архангелогородской губернии по рассмотрению обвинений, выдвинутых против обер-комиссара Д.А. Соловьева и комиссара С.М. Акишева²³.

В царском указе говорилось о том, что князю М.И. Волконскому надлежало выехать в губернию, где произвести досудебное разбирательство обвинений против архангелогородских администраторов, а затем доставить материалы дела и тех лиц, «которые тому делу будут виноваты», в столицу. В остальном деятельность Михаила Волконского никак не регламентировалась — кроме закрепления за ним права самостоятельно принимать решения о пытке подследственных.

Не вдаваясь на этих страницах в подробности о деятельности следственной канцелярии М.И. Волконского (о чем речь пойдет ниже²⁴), необходимо отметить, что она оказалась не вполне успешной. В итоге в 1715 г. князь Михаил Иванович был отозван в Санкт-Петербург, год спустя отдан под следствие и 9 декабря 1717 г. расстрелян по приговору воен-

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: «майорские» следственные канцелярии // Российский следователь. 2015. № 5. С. 51–56.

²³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1.

²⁴ См. § 1 главы 2-й настоящего издания.

ного суда. Однако Петра I не смутила неудача с архангелогородской миссией Михаила Волконского. Наоборот, именно в середине 1710-х гг. будущий император окончательно утвердился в стремлении привлечь строевых гвардейских офицеров — свой кадровый резерв, пригодный на все участки государственной работы, — к исполнению еще и поручений следственного характера.

В мае 1714 г. в Москву был командирован гвардии майор А.И. Ушаков, имевший между иного высочайшее поручение «зело тайно проведать... о денгах, которыя по зарукавьям текут», негласно проверить финансовую деятельность ряда центральных ведомств и Московской губернской канцелярии²⁵. В середине того же 1714 г. для разбирательства «подрядной аферы» в Санкт-Петербурге образована канцелярия ведения гвардии майора В.В. Долгорукова, в июне 1715 г. для расследования нескольких уголовных дел, возбужденных фискалами, — канцелярия гвардии капитан-поручика И.Н. Плещеева, а несколько позднее — капитана И.С. Чебышева.

Сочтя опыт деятельности отмеченных канцелярий удачным (в наибольшей мере, вероятно, опыт работы канцелярии В.В. Долгорукова, под руководством которого в 1714–1715 гг. было проведено расследование дела об организации группой высших должностных лиц фальшивых подрядов), Петр I пришел к мнению о необходимости создать особую систему подобных органов расследования.

Окончательное решение на этот счет царь принял, судя по всему, вскоре после возвращения из длительной зарубежной поездки, в начале ноября 1717 г. По крайней мере, как явствует из архивных документов, 11 ноября 1717 г. он указал вызвать в Санкт-Петербург 16 офицеров гвардейских Преображенского и Семеновского полков, которые чуть

²⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 19.

менее месяца спустя получили назначения на руководящие должности в новоучрежденных следственных канцеляриях²⁶.

9 декабря 1717 г. было образовано сразу шесть «майорских» следственных канцелярий: во главе с М.Я. Волковым, П.М. Голицыным, И.И. Дмитриевым-Мамоновым, С.А. Салтыковым, Г.Д. Юсуповым, а также Г.И. Кошелевым и Ф.Д. Вороновым (последняя была реорганизована из уже существовавшей с 1716 г. канцелярии под руководством тех же лиц). В отличие от прежних, управлявшихся единолично, новые канцелярии получили коллегиальное устройство, идентичное с организацией военного суда («кригсрехта»): при руководителе («презусе») состояли два или три «ассессора», младших участника коллегиального следственного производства. Того же 9 декабря 1717 г. каждому из руководителей канцелярий был вручен подписанный царем реестр подлежащих расследованию дел.

Как удалось установить по архивным материалам, на протяжении 1713–1720 гг. было учреждено в общей сложности 15 следственных канцелярий. Состав следственных присутствий этих канцелярий Петр I комплектовал почти исключительно из строевых офицеров гвардии. Из 39 лиц, бесспорно занимавших должности презусов, ассессоров и глав единолично управлявшихся следственных канцелярий, 37 являлись офицерами гвардии в званиях от подпоручика до подполковника. Из 19 лиц, возглавлявших канцелярии, звание гвардии майора имели в момент назначения семь человек (М.Я. Волков, М.И. Волконский, И.И. Дмитриев-Мамонов, В.В. Долгоруков, М.А. Матюшкин, С.А. Салтыков и Г.Д. Юсупов). Шестеро глав канцелярий были гвардии капитанами, двое (И.И. Бутурлин и П.М. Голицын) — гвардии подполковниками, один (И.Н. Плещеев) — капитан-поручиком и один (М.Я. Лоба-

²⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

нов-Ростовский) — гвардии поручиком. Лишь двое руководителей «майорских» канцелярий (дьяк Ф.Д. Воронов и обер-секретарь А.Я. Щукин) были гражданскими лицами, никогда не состоявшими на воинской службе.

Общее количество дел, расследовавшихся «майорскими» канцеляриями, подсчитать с точностью вряд ли возможно из-за гибели основной части их делопроизводства при пожаре в московском Кремле 29 мая 1737 г. Несомненно, что количество таких дел исчислялось многими десятками. Под следствием названных канцелярий оказалось 12 из 30 российских губернаторов первой четверти XVIII в. (40% состава губернаторского корпуса), а также 11 из 23 сенаторов того времени (48% состава)²⁷.

Расследованные «майорскими» канцеляриями дела поступали затем на судебное рассмотрение либо в Правительствующий Сенат, либо в военные суды, либо в особое военно-судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров самих этих канцелярий.

Нормативную основу функционирования «майорских» канцелярий образовал специально изданный для них упоминавшийся выше Наказ от 9 декабря 1717 г. Необходимо отметить, что нормы, внесенные в Наказ, отнюдь не остались мертвой буквой.

К примеру, в полной мере реализовался на практике высокий формально-иерархический статус «майорских» следственных канцелярий. Так, согласно сохранившейся в архиве протокольной записи, на заседании Сената 17 октября 1722 г., обсудив поступившее обращение Святейшего Синода с жалобой на действия следственной канцелярии

²⁷ Подробнее см.: Серов Д.О. Высшие администраторы под судом Петра I: из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 47–63.

И.И. Дмитриева-Мамонова, сенаторы распорядились «ответствовать, что понеже оные [“майорские”] канцелярии Сенату не подчинены, того ради им, Правительствующему Сенату, о том разсуждения никакого определить не надлежит»²⁸. Таким образом, даже высший орган государственной власти подтвердил отсутствие у него власти над «майорскими» следственными канцеляриями.

Надежды Петра I, что укомплектованные офицерами-фронтовиками «майорские» канцелярии станут могущественным и независимым органом предварительного расследования, вполне оправдались. Канцелярии быстро завоевали влияние в правительственной среде, стали приводить в настоящий трепет лихоимцев и казнокрадов даже из числа высоких должностных лиц. Так, когда в феврале 1719 г. бывший сенатор Петр Апраксин узнал, что его слуги в Санкт-Петербурге взяты под стражу в следственную канцелярию П.М. Голицына (стандартная предупредительная мера при неисполнении знатными «персонами» требований канцелярии), то у Петра Матвеевича случился «удар» (инсульт)²⁹.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на эффективность деятельности «майорских» канцелярий негативно влияли два обстоятельства: во-первых, сохранение почти всеми руководителями и всеми асессорами параллельных служебных обязанностей (что не позволяло им всецело заниматься следственной работой) и, во-вторых, нередкие реорганизации канцелярий, сопровождавшиеся передачей дел от одного состава следователей другому.

Например, определенный в декабре 1717 г. асессором в следственную канцелярию И.И. Дмитриева-Мамонова гвардии поручик Иван Иванович Бахметев продолжил занимать

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 559.

²⁹ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 465–465 об.

строевую должность в 1-й роте Семеновского полка. 1 января 1721 г. (в самый разгар работы следственной канцелярии) И.И. Бахметев был произведен в капитаны и назначен командиром 4-й роты того же полка. Более трети века спустя при подготовке послужного списка от декабря 1754 г. Иван Бахметев так описал этот период службы: «В [1]717-м году... на галерах в Ревель, и в том же [1]717-м году в Санкт-Питербурх. И по имянному его императорского величества указу, определен к следственным делам в канцелярию с маэром Дмитриевым-Мамоновым. И в [1718] году на галерах в походе на Оланских [Аландских] островах... В [1]721-м году пожалован в капитаны, и в том же году в походе на галерах...»³⁰

Что до перемен в составе следователей, то, например, уже упоминавшееся дело комиссара С.М. Акишева, возбужденное устюжскими фискалами в 1712 г., расследовалось первоначально М.И. Волконским, а с января 1716 г. — Г.И. Кошелевым и Ф.Д. Вороновым. В феврале 1718 г. из расследования дела выбыл Федор Воронов, а в ноябре 1718 г. — Герасим Кошелев. Зато с марта 1718 г. в отмеченном расследовании стали принимать участие определенные ассессорами следственной канцелярии Г.И. Кошелева гвардии подпоручики В.И. Иванов и В.Г. Языков. В свою очередь, вместо Герасима Кошелева именованным указом от 10 апреля 1719 г. презусом канцелярии был назначен гвардии майор М.А. Матюшкин. Наконец, по именованному указу от 27 сентября 1720 г. ассессоры Василий Иванов и Василий Языков оказались заменены на А.Ф. Бредихина, А.И. Шаховского и А. Захарьина.

В итоге, несмотря на то что 18 декабря 1718 г. Петр I указал ускорить расследование дела Семена Акишева (с последующей передачей в особое военно-судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров «майорских» канцелярий), это

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 439. Л. 80–80 об.

уголовное дело так и не дошло до суда³¹. Если же принять во внимание, что расследование дела С.М. Акишева было в действительности завершено еще Михаилом Волконским к июню 1714 г., то ситуация принимает вовсе фантазмагорический характер. Одной из причин такого развития событий можно считать то, что следствие не было ограничено какими-либо процессуальными сроками.

Однако, несмотря на все затруднения, возникавшие в работе «майорских» следственных канцелярий, возможно со всей определенностью констатировать, что в начале 1720-х гг. мнение о необходимости развития системы «майорских» канцелярий стало мало-помалу укрепляться в сознании не только законодателя, но и относительно широкого круга высокопоставленных должностных лиц. Подобные умонастроения в среде генералитета и высшей бюрократии наиболее ярко проявились в эпизоде о предпринятом генерал-майором В.И. Генниным в 1723 г. уголовном преследовании судебного комиссара Уктусского дистрикта Сибирской губернии В.Ф. Томилова и земского комиссара Каменского дистрикта той же губернии Ф.Ф. Фефилова.

Направленный в 1722 г. на Урал с поручениями Петра I по организации горнозаводской промышленности генерал-майор Вилим Геннин, отличавшийся необыкновенной честностью, попытался пресечь преступную деятельность представителей низового звена местной администрации (нередко превышая в данном случае свои должностные полномочия). Среди прочих чиновников его внимание привлекли комиссары Венедикт Томилов и Федор Фефилов.

Что касается В.Ф. Томилова, то он обвинялся в нанесении «мужикам великих обид и разорения, и волокит». Кроме того, судебный комиссар оказался уличен в присвоении изъятых

³¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 108, 225, 203–212, 225, 406.

у задержанных воров и разбойников краденых вещей и в необоснованном (и явно небескорыстном) освобождении двоих из них из-под стражи. По степени криминальной активности от Венедикта Томилова не отставал и Ф.Ф. Фефилов: на него было подано 10 исковых челобитных, в которых он обвинялся в вымогательстве взяток. Для того чтобы добиться получения взяток, Федор Фефилов необоснованно содержал крестьян под стражей, подвергая их побоям. Общая сумма взяток, полученных Ф.Ф. Фефиловым только в 1719–1722 гг., исчислялась в 248 рублей³².

Получив сведения о таковых деяниях В.Ф. Томилова и Ф.Ф. Фефилова (как напрямую от потерпевших, так и от территориального органа фискальской службы), Вилим Геннин незамедлительно арестовал комиссаров, а затем основал следственную канцелярию во главе с майором Тобольского полка И. Брикгаузенем. Согласно распоряжению В.И. Геннина от 12 июля 1723 г., Иоганну Брикгаузену (совместно с одним-двумя строевыми офицерами) надлежало в кратчайший срок осуществить предварительное следствие («исследовать... наискорее») по делам В.Ф. Томилова и Ф.Ф. Фефилова. Расследованные дела предполагалось затем передать на судебное рассмотрение в Преображенский приказ в Москву³³. Не вызывает сомнений, что, будучи осведомлен о формах организации предварительного следствия, которые получили развитие во второй половине 1710-х гг., Вилим Геннин создал в 1723 г. уральский аналог «майорской» канцелярии.

³² Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / сост. М.О. Акишин. Екатеринбург, 1995. С. 431.

³³ Подробнее см.: Редин Д.А. О разграничении юрисдикций гражданских и горных властей в западных провинциях Сибирской губернии (на примере уголовных дел 1723–1724 гг.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 113–116.

Можно констатировать, что появление «майорских» следственных канцелярий как государственного института — органа предварительного следствия — стало возможным в результате сложившихся объективных и субъективных предпосылок. С одной стороны, сложилась общественная потребность в появлении специализированного органа расследования, с другой — необходимость основания соответствующего органа была осознана законодателем — Петром I.

В свою очередь Петр I при принятии решения об учреждении «майорских» следственных канцелярий действовал не с «чистого листа», а опирался на известный ему отечественный опыт. Так, возможно констатировать типологическое сходство между следственной канцелярией М.И. Волконского и теми возглавлявшимися «сыщиками» сыскными экспедициями («приказами сыскных дел»), которые направлялись в предшествующем столетии для борьбы с разбоями, поиска беглых крестьян и холопов либо для разбирательства обвинений против местных администраторов. Но в отличие от канцелярии Михаила Волконского сыскные экспедиции XVII в. подчинялись направившим их центральным административно-судебным органам, а самое главное, обладали судебными полномочиями.

Однако, несмотря на то что в конце 1710-х — начале 1720-х гг. идеи как о необходимости вычленения стадии предварительного расследования в отечественном уголовном судопроизводстве, так и о дальнейшем развитии системы «майорских» канцелярий «витали в воздухе», этого не произошло. Более того, даже для судебных и полицейских органов, создававшихся в ходе административной и судебной реформ, Петр I предпочел сохранить традиционный вид уголовного процесса. К примеру, учрежденные в 1718–1722 гг. первые

органы полиции России были наделены полномочиями как по сыску преступников, так и по суду над ними³⁴.

Еще более примечательно, что законодатель не отделил предварительное следствие от судебного даже в области судопроизводства по государственным преступлениям. В первой четверти XVIII в. рассмотрение этих преступлений входило в юрисдикцию Преображенского приказа и Тайной канцелярии, которые являлись специализированными судами и не располагали ни территориальными подразделениями, ни агентурным аппаратом³⁵. Более того, по своей компетенции Преображенский приказ вообще являлся классическим многофункциональным ведомством образца XVII в. Как явствует из архивного документа, в 1717 г. Преображенский приказ, во-первых, осуществлял разбираемость дел по государственным преступлениям, во-вторых, рассматривал уголовные и гражданские дела, касавшиеся военнослужащих гвардейских полков, а в-третьих, управлял рядом земель, принадлежавших царствующему дому и Новодевичьему монастырю³⁶.

Что касается разграничения юрисдикционных полномочий между Преображенским приказом и основанной в 1718 г. Тайной канцелярией, то оно носило исключительно территориальный характер: дислоцировавшаяся в Санкт-Петербурге Тайная канцелярия имела в производстве дела по государственным преступлениям, возбуждавшиеся в новой столице и на Северо-Западе, а расположенный в подмосковном селе

³⁴ Подробнее см.: Сизиков М.И. О судебнo-следственных функциях полицейстерских канцелярий России в первой четверти XVIII в. // Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института. Свердловск, 1970. Вып. 11. С. 87–93.

³⁵ Подробнее см.: Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009. С. 94–95, 272–284.

³⁶ РГАДА. Ф. 198. № 901. Л. 16.

Преображенском Преображенский приказ — дела, возбуждавшиеся в Москве и в остальных частях России. Известно, что в Тайной канцелярии с 1719 г. по июль 1726 г. было осуществлено разбирательство 280 уголовных дел, а в Преображенском приказе за 1718–1725 гг. — 1988 дел³⁷. Весь массив этих дел был рассмотрен по архаичным процедурам уголовного судопроизводства.

При подобных умонастроениях законодателя не приходится удивляться, что век «майорских» следственных канцелярий оказался недолог. 9 декабря 1723 г. (ровно через пять лет после основания шести коллегиально устроенных следственных канцелярий) император издал указ об их упразднении³⁸. Впрочем, к тому времени в России уже функционировал новый специализированный орган следствия — Розыскная контора Вышнего суда.

§ 3. Следственная канцелярия генерал-прокуратуры Сената и Розыскная контора Вышнего суда*

На смену «майорским» следственным канцеляриям в начале 1720-х гг. пришли следственная канцелярия генерал-прокуратуры Правительствующего Сената и Розыскная контора Вышнего суда. Возникновение первой из них было связано с тем, что в марте 1722 г. в руки Петра I попала челобитная

³⁷ Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. статей. М., 1964. С. 258.

³⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 49.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: следственная канцелярия генерал-прокуратуры и Розыскная контора Вышнего суда // Российский следователь. 2015. № 7. С. 52–56.

жителя Ярославля И.И. Сулягина, содержащая многочисленные обвинения против ярославского провинциал-фискала С.Ф. Попцова. Челобитная не осталась без внимания, и уже 20 марта 1722 г. секретарь императора А.В. Макаров направил генерал-прокурору Сената П.И. Ягужинскому письмо, в котором передал высочайшее указание, чтобы «по тому делу [С.Ф. Попцова] изследовали в Сенате или особливо в вашей канторе»³⁹. Так началось резонансное «дело фискалов».

Тот факт, что поручение осуществить предварительное следствие по делу по обвинению руководителя территориального органа фискальской службы оказалось адресовано основанной в январе 1722 г. российской прокуратуре⁴⁰, представляется вполне объяснимым. С одной стороны, в действовавшем на тот момент Законе «Должность генерала-прокурора» в редакции от 27 января 1722 г. ни слова не говорилось о следственных функциях генерал-прокуратуры (как ни слова о таких полномочиях не будет сказано в изданной чуть позже редакции Закона от 27 апреля 1722 г.⁴¹). С другой стороны, согласно ст. 4 Закона от 27 января 1722 г., фискальская служба ставилась под надзор генерал-прокуратуры (в обязанность генерал-прокурору вменялось «за фискалами смотреть»). По всей очевидности, расширительно истолковав положения именно ст. 4 Закона, Петр I и поручил следствие по делу ярославского провинциал-фискала генерал-прокуратуре.

Для начала 30 марта 1722 г. генерал-прокурор распорядился доставить С.Ф. Попцова в генерал-прокуратуру⁴².

³⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 274. Л. 2–2 об.

⁴⁰ Подробнее см.: Серов Д.О. Прокуратура России: начало пути // Законность. 2005. № 12. С. 28–30.

⁴¹ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 5. С. 661–664.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 7.

Вскоре состоялся и первый допрос ярославского провинциал-фискала. Итог допроса был, впрочем, предсказуем: Савва Попцов, самоуверенный и прожженный делец, решительно отверг все обвинения в свой адрес.

Между тем не имевший никакой юридической подготовки генерал-прокурор П.И. Ягужинский решил привлечь к расследованию кого-то из более искушенных в практическом законоведении нижестоящих прокуроров. 22 июня 1722 г. Павел Ягужинский поручил ведение следствия по делу С.Ф. Попцова прокурору Военной коллегии гвардии капитану Е.И. Пашкову⁴³, в 1717–1722 гг. работавшему в следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова. В итоге с июля 1722 г. в правительственном делопроизводстве замелькало наименование: «Канцелярия генерала-лейтенанта и генерала-прокурора Павла Ивановича Ягушинского да лейб-гвардии капитана Егора Ивановича Пашкова». Другими словами, в генерал-прокуратуре Правительствующего Сената образовалось новое структурное подразделение, особая следственная канцелярия под руководством непосредственно генерал-прокурора.

С появлением Е.И. Пашкова расследование заметно активизировалось. В итоге накопленный материал позволил Павлу Ягужинскому и Егору Пашкову перейти к более решительным действиям. К началу августа 1722 г. выявилось 28 эпизодов обвинений против С.Ф. Попцова — от укрывательства им беглых солдат до умышленного убийства. 21 августа 1722 г., рассмотрев специально подготовленную обобщающую Выписку по материалам дела, следственная канцелярия вынесла постановление подвергнуть Савву Попцова пытке⁴⁴. 25 августа 1722 г. ярославский провинциал-фискал очутился в застенке.

⁴³ Там же. Л. 21.

⁴⁴ Там же. Л. 666–669, 1614–1615.

Но ни подъем на дыбу, ни 17 ударов кнутом не сломили его. Допрос с пристрастием не дал никаких результатов. Со своей стороны генерал-прокуратура не стала церемониться с упрямым подследственным. Следующая пытка была назначена на 30 августа 1722 г.

И вот тогда провинциал-фискал дрогнул. Согласно протокольной записи, сохранившейся в материалах уголовного дела, «августа 30-го дня Сава Попцов вожен в застенки вторично, при чем лейб-гвардии капитану Егору Ивановичу Пашкову он, Попцов, сказал, что де по делам ево, что на него показано, и сверх того, что он какое преступление указом... чинил, и кем что знает, приносит он пред его императорским величеством повинную...»⁴⁵. Другими словами, Савва Федорович выразил готовность дать признательные показания.

Уже 30 августа 1722 г. последовала череда признаний. Самым значительным из них явилось подтверждение Саввой Попцовым факта получения им от ярославского бурмистра Сергея Титова колоссальной по тем временам взятки в 900 рублей.

Окончательный перелом в настроениях С.Ф. Попцова произошел 31 августа. В тот день Савва Федорович разразился огромной, в 70 пунктов, повинной. Убежденный Е.И. Пашковым в необходимости деятельного раскаяния, Савва Попцов в самом деле взялся рассказывать все, что знал. А знал он очень и очень многое.

Со страниц повинной С.Ф. Попцова перед Павлом Ягужинским и Егором Пашковым открылась уникальная в своей полноте картина криминальных деяний местных администраторов. Впрочем, бесповоротно вступивший на путь сотрудничества со следствием провинциал-фискал осветил злоупотребления не только региональных чиновников. В повинной

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 678.

от 31 августа (существенно пополненной затем 18 сентября, 12 и 18 октября 1722 г.) речь пошла и о более значительных «персонах».

Особенно подробно С.Ф. Попцов остановился на разоблачении высокопоставленного должностного лица, в расчете на действенное покровительство которого он так стойко держался на первых допросах. Психологически капитулировавший перед следствием Савва Попцов дал изобличающие показания на главу фискальской службы России обер-фискала Алексея Яковлевича Нестерова.

Деятельно раскаявшийся Савва Федорович подробно рассказал о масштабном взяточничестве А.Я. Нестерова, о создании им целой системы поборов с подчиненных фискалов⁴⁶. Брал Алексей Яковлевич, следует признать, с размахом: деньгами, предметами домашнего обихода, продуктами питания, фуражом.

К примеру, за содействие в определении Саввы Попцова в фискалы А.Я. Нестеров получил с него 500 четвертей ржи. В другой раз, будучи у С.Ф. Попцова в гостях, А.Я. Нестеров прихватил с собой приглянувшееся ему стенное зеркало. А вот с фискалов Г.Я. Терского, Г. Зиминского, Ф. Угрюмова и С.Я. Турчанинова Алексей Нестеров «брал... взятки денгами, лошедми и рыбою, белугами и протчими...»⁴⁷.

Уже в самый день подачи С.Ф. Попцовым повинной, 31 августа 1722 г., генерал-прокурор проинформировал о приведенных в ней эпизодах, касавшихся А.Я. Нестерова, Правительствующий Сенат, запросив тут же санкцию на арест обер-фискала. Такая санкция была получена⁴⁸. 3 сентября 1722 г. особым письмом П.И. Ягужинский предписал Алек-

⁴⁶ Там же. Л. 700 об.–701, 702–707, 711, 716–718.

⁴⁷ Там же. Л. 702 об., 717 об., 736.

⁴⁸ Там же. Кн. 1888. Л. 480 об.

сею Нестерову явиться в следственную канцелярию. 5 сентября посланный генерал-прокуратурой подьячий опечатал документы в доме Алексея Яковлевича⁴⁹. Тогда же, в первых числах сентября, обер-фискал взяли под стражу.

«Дело фискалов» стремительно набирало обороты. Основное внимание следственная канцелярия сосредоточила на разбирательстве криминальных деяний нескольких фигурантов — С.Ф. Попцова, ярославского фискала А.И. Никитина и А.Я. Нестерова. Согласно архивным документам, только по эпизодам, непосредственно касавшимся Саввы Попцова, на протяжении двух месяцев, с конца сентября по конец ноября 1722 г., в канцелярии были допрошены 28 человек — главным образом жители Ярославля, Бежецкого Верха и Ростова. Свидетели подтвердили в основном факты поборов со стороны С.Ф. Попцова, хотя и оговорились по большей части, что давали ему подношения добровольно («из воли своей»).

Но центр тяжести расследования чем дальше, тем отчетливее смещался к фигуре А.Я. Нестерова. Как ни упирался Алексей Яковлевич, все больше и больше эпизодов его преступной деятельности находило подтверждение. Особенно ценные показания, изобличавшие обер-фискал, дал откупщик А.К. Брыскин. В частности, Авдей Брыскин поведал о взятке в 500 рублей, полученной Алексеем Нестеровым от дворянина Л.Г. Воронцова за содействие в назначении его воеводой в один из сибирских городов⁵⁰.

5 октября 1722 г. генерал-прокурор П.И. Ягужинский направил письмо с докладом о ходе следствия к находившемуся в Астрахани Петру I. При этом генерал-прокурор пожаловался на давление, оказываемое на следствие со стороны кого-то из влиятельных лиц («к тому же не без приятеля у обер-

⁴⁹ Там же. Кн. 273. Л. 26, 58–58 об.

⁵⁰ Там же. Л. 60–63 об., 64–65 об., 75–77 об., 80–82, 283–284.

фискала»), в связи с чем попросил императора направить «особливый указ» к Е.И. Пашкову, который без этого «в такие важные дела вступать не смеет»⁵¹.

Самодержец откликнулся незамедлительно. Уже 15 октября 1722 г. в Москву ушло высочайшее послание с указанием Егору Пашкову замещать при необходимости генерал-прокурора в делах следственной канцелярии, а также с разрешением применять к А.Я. Нестерову пытки⁵². 8 ноября 1722 г., обобщив добытые следственной канцелярией материалы, уличавшие обер-фискала, Е.И. Пашков вынес постановление о пытке Алексея Нестерова⁵³. Бывший обер-фискал не стал дожидаться привода в застенок. 9 ноября 1722 г. А.Я. Нестеров принес повинную⁵⁴. Расследование «дела фискалов» вышло на следующий виток.

Еще не разобравшейся в полном объеме с показаниями С.Ф. Попцова следственной канцелярии предстояло теперь проверять не менее содержательные откровения Алексея Нестерова. Подобно С.Ф. Попцову, А.Я. Нестеров не ограничился признанием собственных вин, но и рассказал много интересного про других лиц. Он сообщил о взятках и казнокрадстве бывшего московского вице-губернатора, а затем главы Монастырского приказа В.С. Ершова, о подлоге завещания бывшим обер-фискалом, а ныне судьей Московского надворного суда М.В. Желябужским, о многообразных злоупотреблениях комиссара А.С. Сергеева и дьяка А.Г. Ратманова.

31 января 1723 г. состоялся допрос Алексея Нестерова лично императором. К этому допросу Петр I даже собствен-

⁵¹ Там же. Л. 165–166 об. О каком «приятеле» А.Я. Нестерова упомянул П.И. Ягужинский, установить к настоящему времени не удалось.

⁵² Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 3.

⁵³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 226–230.

⁵⁴ Там же. Л. 232–246 об.

норучно написал вопросные пункты, в которых он выразил, в частности, уверенность в весьма значительной информированности А.Я. Нестерова о криминальных деяниях государственных служащих: «...первое, по чину фискалскому, вторые, понеже прибежище всех воров был»⁵⁵. Однако, несмотря на то что допрос проводился главой государства и под пыткой, никаких откровений Алексея Нестерова более не последовало⁵⁶.

В декабре 1722 г. наступил перелом в разбирательстве дела фискала Алексея Никитина. 30 ноября 1722 г., обобщив данные, добытые в ходе расследования, Е.И. Пашков вынес постановление о пытке А.И. Никитина, упорно отрицавшего всякие обвинения⁵⁷. Поднятый 3 декабря 1722 г. на дыбу, Алексей Никитин сознался в четырех эпизодах получения взяток с жителей Ярославля и Борисоглебской слободы на общую сумму 111 рублей (плюс бочонок вина)⁵⁸.

Между тем по мере разбухания «дела фискалов» и вычленения из него все новых эпизодов перед Петром I обозначилась перспектива дополнительно закрепить за прокуратурой полномочия органа предварительного расследования, совместить в ее компетенции функции надзора и уголовного преследования (что было возможно осуществить, внося соответствующие дополнения в Закон «Должность генерала-прокурора»). Если бы законодатель решился в 1723 г. придать генерал-прокуратуре полномочия органа предварительного расследования, то уже тогда в России могла сложиться функциональная модель прокуратуры, существовавшая затем в 1928–2007 гг. Кроме того, наделение прокуратуры полномочиями органа

⁵⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 572.

⁵⁶ Там же. Ф. 248. Кн. 273. Л. 428.

⁵⁷ Там же. Кн. 274. Л. 1387–1390.

⁵⁸ Там же. Л. 1391–1391 об.

предварительного расследования могло бы привести к окончательному вычленению стадии предварительного следствия в отечественном уголовном процессе.

Однако в решающий момент Петр I не пожелал отказываться от изначально возникшей надзорной модели отечественной прокуратуры. Это выразилось в том, что в январе 1723 г. император принял решение освободить генерал-прокуратуру от расследования «дела фискалов».

В данном случае Петру I довелось решать весьма непростую задачу. С одной стороны, продолжение следствия по «делу фискалов» могло трансформировать генерал-прокуратуру из надзорного в преимущественно следственный орган. С другой стороны, столь разветвившееся к началу 1723 г. «дело фискалов» требовало еще основательного досудебного исследования. Передача находившегося в такой стадии расследования уголовного дела в какой-либо иной судебный или следственный орган грозила это расследование дезорганизовать.

В итоге первый российский император принял компромиссное решение. В конце января 1723 г. расследовавшиеся следственной канцелярией генерал-прокуратуры уголовные дела были переданы в только что основанный Вышний суд, занявший в реформированной судебной системе России место суда высшего звена⁵⁹.

Сама же следственная канцелярия была преобразована в Розыскную контору — особое следственное подразделение суда (отдаленный прообраз учрежденного в 1922 г. следственного подразделения Верховного Суда РСФСР⁶⁰). От след-

⁵⁹ О Вышнем суде подробнее см.: Серов Д.О. Забытая страница судебной реформы Петра I: Вышний суд (1723–1726 гг.) // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения) : материалы международной научно-практической конференции. М., 2010. С. 296–301.

⁶⁰ См.: ст. 32 «Положения о судостроительстве РСФСР» от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

ственной канцелярии генерал-прокуратуры Розыскная контора унаследовала не только находившиеся в производстве дела, но и руководителя — прокурора Е.И. Пашкова.

Это должно было обеспечить необходимую преемственность в расследовании переданных из генерал-прокуратуры в Вышний суд как «дела фискалов», так и вычленившихся из него к тому времени иных уголовных дел. Показательно, что в правительственном делопроизводстве Розыскная контора впоследствии нередко упоминалась в «связке» с предшественницей: «Канцелярия господина генерала-лейтенанта и генерала-прокурора, что ныне Вышняго суда кантора Розыскная». Розыскной конторе Вышнего суда довелось расследовать не только дела, которыми она занималась прежде. В 1723 г. в производство Розыскной конторы поступил еще ряд уголовных дел — в частности, многоэпизодное дело по обвинению дьяков Преображенского приказа Я.В. Былинского и В.Н. Нестерова в преступлениях против интересов службы и против правосудия.

Изменение ведомственной принадлежности следственной канцелярии в самом деле никак не отразилось на ходе расследования «дела фискалов». Следственные действия по данному делу продолжились в полном объеме. Например, 13 февраля 1723 г. состоялся длительный допрос А.Я. Нестерова. А 29 мая 1723 г. в Розыскной конторе был допрошен один из «дарителей» Алексея Нестерова новгородский провинциал-фискал И.П. Погребов, подтвердивший сведения о поднесении им обер-фискалу серебряной посуды, но при этом подчеркнувший, что «во взятку ему, Нестерову, ни от каких дел ничего не давал»⁶¹.

⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 445–451 об., 509–510. Мотивы указанного подношения Иуда Погребов объяснил, впрочем, двояко: с одной стороны, «из любви», с другой — «чтоб он, Нестеров, был к нему впредь благоприятен» (т.е. оказывал бы общее покровительство по службе) (Там же. Л. 509 об.).

В октябре 1723 г. глава Розыскной конторы направил в Вышний суд подборку итоговых процессуальных документов по М.В. Желябужскому, А.И. Никитину и С.Ф. Попцову. Составление документов по А.Я. Нестерову было отложено, вероятнее всего, до времени новых допросов бывшего обер-фискала Петром I (которые состоялись только в январе 1724 г.).

Помимо традиционных «выписок» (и их сокращенных версий — «экстрактов»), содержащих выстроенные по пунктам эпизоды обвинения по соответствующему фигуранту, в Розыскной конторе оказались впервые подготовлены принципиально новые процессуальные документы. В этих документах (подписанных Е.И. Пашковым, но никак, правда, не озаглавленных) оказались соединены: краткое изложение эпизодов обвинения, квалификация этих эпизодов по действующему законодательству, а также предложения о назначении меры наказания. Такой документ, являвшийся с точки зрения обобщения материалов следствия шагом вперед по сравнению с «выпиской» и «экстрактом», явился отдаленным прообразом современного обвинительного заключения, оформляемого следователем при передаче дела в суд.

Подобные обвинительные заключения были в итоге составлены в Розыскной конторе по М.В. Желябужскому, А.Я. Нестерову, А.И. Никитину, С.Ф. Попцову⁶². Согласно выпискам и обвинительным заключениям, Алексею Нестерову было вменено 39 эпизодов преступной деятельности (главным образом получение взяток), Алексею Никитину — пять эпизодов (исключительно получения взяток), Михаилу Желябужскому — два эпизода (подлог завещания и лжесвидетельство по этому поводу). Савве Попцову Розыскная контора вменила 11 эпизодов: от злоупотребления долж-

⁶² См.: Там же. Л. 683–689, 715–717 об.; Там же. Кн. 274. Л. 1026–1028, 1441–1442.

ностными полномочиями и казнокрадства до получения взяток (общая величина которых образовала внушительную сумму в 6420 рублей).

В отношении мер наказания в обвинительных заключениях прокурор Е.И. Пашков предлагал санкции в основном в соответствии с действующим законодательством. Нельзя не отметить, что Егор Иванович предпринял попытку не допустить вынесения смертного приговора деятельно раскаявшемуся С.Ф. Попцову. По всей очевидности, обещавший Савве Федоровичу сохранение жизни в обмен на сотрудничество со следствием Егор Пашков в обвинительном заключении предложил назначить бывшему провинциал-фискалу наказание в виде двух лет каторжных работ с последующей пожизненной ссылкой.

После этого «дело фискалов» поступило в Вышний суд, который 22 января 1724 г. приговорил: А.Я. Нестерова «казнить жестокою казнию, колесовать», А.И. Никитина и С.Ф. Попцова — «казнить смертью» (во всех случаях в качестве дополнительной санкции назначалась конфискация имущества). При утверждении приговоров Петр I оставил без изменения меры наказания Алексею Нестерovu и Савве Попцову, но освободил от смертной казни Алексея Никитина⁶³.

24 января 1724 г. на Троицкой площади Санкт-Петербурга приговоры были приведены в исполнение. Помилованный императором А.И. Никитин получил 25 ударов кнутом, там же на эшафоте ему вырвали ноздри (после чего отправили отбывать пожизненную каторгу в Рогервик)⁶⁴. Таков был эпизод завязавшегося в марте 1722 г. «дела фискалов».

Что касается Розыскной конторы Вышнего суда, то по завершении «дела фискалов» она продолжила работу (все так

⁶³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 690–691 ; Там же. Кн. 274. Л. 1029, 1443.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 1444 об.

же под руководством Е.И. Пашкова). Впрочем, век Розыскной конторы оказался немногим более долгим, нежели век следственной канцелярии генерал-прокуратуры. Розыскная контора подверглась упразднению уже в 1726 г. — вместе с Вышним судом.

Как бы то ни было, в ходе расследования «дела фискалов» впервые в истории отечественной государственности оказались реализованы на практике сразу две модели построения следственного аппарата — прокурорская и судебная. Кроме того, при расследовании названного дела была выработана новая разновидность процессуального документа, в котором обобщались итоги предварительного расследования и который возможно счесть прямым предшественником современного обвинительного заключения. Остается добавить, что после ликвидации в 1723–1726 гг. «майорских» следственных канцелярий, следственной канцелярии генерал-прокуратуры Сената и Розыскной конторы Вышнего суда специализированный следственный аппарат России как таковой прекратил существование более чем на три четверти столетия — до учреждения в 1808 г. следственных приставов Министерства внутренних дел.

Таким образом, возможно констатировать, что в период правления Петра I в нашей стране были впервые созданы три организационные модели следственных органов: 1) вневедомственная модель (вневедомственный следственный аппарат) — «майорские» следственные канцелярии; 2) прокурорская модель (следственный аппарат в структуре органов прокуратуры) — следственная канцелярия генерал-прокуратуры; 3) судебная модель (следственный аппарат при органах правосудия) — Розыскная контора Вышнего суда.

§ 4. Петр I как следователь*

В истории отечественных органов следствия выдающийся российский реформатор — царь и император Петр I сыграл неоспоримо уникальную роль. Именно Петр I учредил первые в истории российского государства специализированные органы следствия — упоминавшиеся выше «майорские» следственные канцелярии, следственную канцелярию генерал-прокуратуры и Розыскную контору Вышнего суда, а также, издав Наказ «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г., нормативно закрепил выделение стадии предварительного расследования в уголовном процессе.

Кроме того, Петр I, как никто другой из российских монархов, уделял значительное внимание личному практическому участию в уголовном судопроизводстве, в том числе на досудебных стадиях, периодически выступая, в современном понимании, в роли следователя. Необходимо отметить, что порядок непосредственного участия главы государства в уголовном процессе в законодательстве России конца XVII — первой четверти XVIII в. регламентировался лишь фрагментарно.

Прежде всего следует упомянуть о подборке законодательных актов 1700–1718 г., устанавливавших особый порядок судопроизводства по делам о государственных преступлениях и о преступлениях против интересов службы, в которых предусматривалось личное участие главы государства в возбуждении таких дел. Причем это высочайшее участие обуславливалось непосредственным обращением подданных.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Петр I как следователь // Российский следователь. 2016. № 3. С. 50–56.

В первом из означенных актов — Законе от 2 февраля 1700 г. — речь шла о праве подданного извещать непосредственно верховную власть о «великих государственных делах»⁶⁵. Исходя из сохранившихся документов можно с уверенностью полагать, что под «великими государственными делами» Петр I подразумевал в данном случае как актуальные в те годы предложения об увеличении государственных доходов, так и сообщения об особо важных государственных преступлениях. Таким образом, в Законе от 2 февраля 1700 г. впервые в истории российского права оказалось прямо закреплено (хотя и в расплывчатой форме) право подданных обращаться непосредственно к монарху с сообщением о преступлении.

Регламентация этих вопросов нашла продолжение в Законе от 23 октября 1713 г., собственноручно написанном Петром I. В нем закреплялось право любого жителя страны — «от первых даже до земледельцов»⁶⁶ — извещать о «грабителях народа» (т.е. о преступной деятельности должностных лиц всех уровней) непосредственно монарха⁶⁷. В изданном два месяца спустя Законе от 23 декабря 1713 г. подданным дозволялось сообщать лично царю о таких преступлениях, как умысел на «государское здоровье», оскорбление «высокомонаршей чести», бунт и измена⁶⁸ (что являлось конкретизацией формулировки о «великих государственных делах» из Закона от 2 февраля 1700 г.).

Своего рода обобщением отмеченных законов 1713 г. явился Закон от 25 января 1715 г., в котором Петр I сформу-

⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 4. С. 3.

⁶⁶ То есть «до земледельцев», крестьян.

⁶⁷ Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский ; под ред. Б.И. Сыромятникова. М. — Л., 1945. Т. 1. С. 361.

⁶⁸ Полное собрание законов. Т. 5. С. 76.

лировал знаменитые «три пункта», содержавшие составы особо тяжких преступлений, о подготовке или совершении которых только и допускалось напрямую извещать верховную власть. В первых двух пунктах (почти в полном соответствии с Законом от 23 декабря 1713 г.) фигурировали государственные преступления: посягательство на жизнь самодержца, измена и бунт. В третьем пункте речь шла о казнокрадстве⁶⁹.

По смыслу рассмотренных законодательных актов самодержец выступал (в оговоренных случаях) в роли инициатора уголовного преследования. Указанный порядок сохранялся до издания Закона от 19 января 1718 г., по которому из вышеприведенного списка 1715 г. был, по существу, исключен третий пункт⁷⁰.

Перечисленными законодательными актами не исчерпывалась разработанная при Петре I нормативная основа участия самодержца в российском уголовном судопроизводстве конца XVII — первой четверти XVIII в. Так, необходимо вспомнить, что в Наказе «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г. вводилось санкционирование главой государства применения пыток в отношении подследственных из числа должностных лиц гражданской администрации от вице-губернатора и выше, а также в отношении старших и высших офицеров⁷¹.

Кроме того, Законом от 3 марта 1719 г. устанавливалось обязательное утверждение царем приговоров военных судов, в которых назначалась смертная казнь лицам, имевшим офицерское звание⁷². Этот порядок был изменен в самом конце правления Петра I: согласно высочайшей резолюции

⁶⁹ Законодательные акты Петра I. С. 364.

⁷⁰ Там же. С. 367.

⁷¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68–68 об.

⁷² Полное собрание законов. Т. 5. С. 670.

от 11 ноября 1724 г., наложенной на доклад Военной коллегии, на утверждение императора должны были впредь поступать смертные приговоры, вынесенные только старшим офицерам⁷³.

Наряду с этим именованным указом от 7 марта 1721 г. на обязательное утверждение царя было предписано направлять приговоры, вынесенные Сенатом по делам о казнокрадстве⁷⁴. В данном случае с процессуальной стороны монарх выступал в качестве высшей ревизионно-решающей инстанции.

Что касается личного участия Петра I в расследовании преступлений, то оно носило весьма разнообразный характер. Монарх-реформатор возбуждал уголовное преследование, принимал решения о мерах пресечения, допрашивал обвиняемых и свидетелей, санкционировал различные следственные действия (прежде всего применение пыток), выносил или чаще утверждал приговоры.

Известен эпизод, когда царь Петр Алексеевич даже принял личное участие в задержании подозреваемого. В ночь на 8 декабря 1718 г. глава государства в сопровождении гвардейских солдат явился в Санкт-Петербурге на подворье Тихвинского монастыря для проверки сведений о нелегальных литургиях, которые служил архимандрит Рувим. Убедившись, что литургия в самом деле осуществлялась, Петр I приказал взять архимандрита под стражу, возбудить уголовное дело и передать его в производство Тайной канцелярии⁷⁵.

Как часто применялись на практике рассмотренные выше нормы законодательных актов 1700–1718 гг. об особом порядке судопроизводства по делам о государственных преступле-

⁷³ Полное собрание законов. Т. 7. С. 361.

⁷⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1451. Кн. 13. Л. 49.

⁷⁵ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 98–99.

ниях и о преступлениях против интересов службы, в точности сказать затруднительно. Статистика подобного рода в те времена не велась. Можно предположить, что, по всей видимости, приоритетно сосредоточенному на решении военных, дипломатических и финансовых вопросов Петру I, нередко болевшему в то время, было чаще всего недосуг лично выслушивать заявления подданных о государственных и должностных преступлениях.

Одним из немногих известных в настоящее время примеров реализации на практике норм Законов от 25 января 1715 г. и от 19 декабря 1718 г. об особом порядке судопроизводства по государственным преступлениям явился эпизод с холопом прапорщика Т.С. Скобеева — Акимом Ивановым. Этот холоп, подслушав негативные высказывания хозяина о бытовом поведении Петра I, пришел 17 апреля 1721 г. в царскую резиденцию в селе Преображенском, где объявил «слово и дело» караульному офицеру. Извetchика незамедлительно препроводили к царю. И хотя Петр I резонно счел извет «неважным», он направил дело на рассмотрение в Тайную канцелярию, которая и осудила 1 мая 1722 г. излишне болтливого Тимофея Скобеева к телесному наказанию⁷⁶.

Из числа уголовных дел особенное внимание монарха-реформатора привлекали дела по государственным преступлениям, дела по обвинениям высокопоставленных должностных лиц в преступлениях против интересов службы. Примеров разнообразного участия Петра I в разбирательстве дел по государственным преступлениям известно множество⁷⁷. Именно с делом о государственном преступлении был связан

⁷⁶ Семевский М.И. Слово и дело! 1700–1725. 2-е изд. СПб., 1884. С. 50–51.

⁷⁷ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 38–41, 44, 47–50, 52, 54, 61 и др.; Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 110, 173–174 и др.

и первый документально зафиксированный эпизод участия Петра I в уголовном судопроизводстве: известно, что в августе 1689 г. 17-летний царь лично допрашивал обвиненного в заговоре окольничего Ф.Л. Шакловитого⁷⁸.

Значительное внимание Петр I уделил и расследованию дела о стрельцком восстании 1698 г.⁷⁹ Это расследование велось в сентябре — октябре 1698 г. особо учрежденной следственной комиссией, состоявшей из 10 высших должностных лиц. Комиссией было допрошено (преимущественно под пыткой) более 520 участников восстания и служителей царевны Софьи Алексеевны. Для проведения пыток было специально оборудовано 14 помещений («застенок»).

Петр I не только внимательно следил за результатами расследования, но и регламентировал его производство. Так, 19 сентября 1698 г. он продиктовал состоявшие из пяти пунктов особые «статьи», по которым надлежало допрашивать подследственных с применением пыток⁸⁰.

Кроме того, Петр I лично участвовал в допросах. Например, 23 сентября 1698 г. царь лично допросил свою сводную сестру царевну Марфу Алексеевну, заподозренную в сочувствии к стрельцам, а 27 сентября — сестру Софью Алексеевну, заподозренную в прямых связях с восставшими.

Впоследствии из череды дел по государственным преступлениям более всего времени Петр I уделил (что легко понять) процессу своего старшего сына царевича Алексея Петровича, проходившему в феврале — июне 1718 г. Здесь царь принял самое активное участие как в предварительном следствии (осуществлявшемся специально учрежденной следственной

⁷⁸ Там же. С. 98.

⁷⁹ Подробнее см.: Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 26–58, 61–111.

⁸⁰ Публикацию «статей» см.: Там же. С. 38.

канцелярией под руководством П.А. Толстого⁸¹), так и в судебном производстве по делу (осуществлявшемся особым судебным присутствием)⁸². В частности, будущий император провел несколько допросов царевича под пыткой⁸³.

Однако Петр I занимался не только разбирательством «измены» Алексея Петровича, но и иными лицами, причастными к делу. К примеру, когда поступили данные о пособничестве царевичу со стороны генерал-лейтенанта князя В.В. Долгорукова, царь незамедлительно возбудил в отношении его уголовное преследование и санкционировал арест (произведенный в Санкт-Петербурге 20 февраля 1718 г. лично генерал-губернатором и президентом Военной коллегии А.Д. Меншиковым). Вслед за этим 9 марта 1718 г. будущий император допросил доставленного в село Преображенское подследственного. Наконец, после того как особое судебное присутствие 14 марта 1718 г. приговорило Василия Долгорукова к лишению чинов, конфискации имущества и ссылке, 5 июля 1718 г. Петр I утвердил приговор, избрав осужденному в качестве места ссылки город Соликамск⁸⁴.

⁸¹ В 1718 г. эта следственная канцелярия была (в безуказном порядке) преобразована в Тайную канцелярию.

⁸² В современной литературе о процессе Алексея Петровича наиболее подробно см.: Bushkovitch P. *Peter the Great: The Struggle for Power: 1671–1725*, Cambridge, 2001. P. 383–425.

⁸³ Как явствует из рассекреченного в конце 1850-х гг. архивно-следственного дела, осведомленность об одном из таких допросов оказалась роковой для нескольких петербургских жителей. Оказавшись невольным свидетелем пытки царевича Петром I в загородном доме сенатора И.А. Мусина-Пушкина, один из служителей сенатора имел неосторожность поделиться этими сведениями со своей деловой компаньонкой Ириной Ивановой и ее братом. В итоге 15 декабря 1718 г. все трое собеседников были казнены по приговору Тайной канцелярии. См.: Есипов Г.В. Кабачок «Мартышка». Эпизод 1718–19 гг. // *Русский вестник*. 1860. № 11. С. 115–126.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 6. № 55. Л. 1–2 об., 9–9 об., 14 об.–15, 19–19 об.

Если говорить о делах по преступлениям против интересов службы, то в данном случае неизменным вниманием Петра I пользовались те из них, которые находились в производстве подчиненных непосредственно ему упоминавшихся «майорских» следственных канцелярий. Достаточно сказать, что только главе первой из таких канцелярий гвардии майору князю М.И. Волконскому царь направил в ноябре 1713 — марте 1715 г. шесть писем, содержащих указания по проведению следствия по «архангельскому делу»⁸⁵.

Петр I также самолично осуществлял распределение уголовных дел по «майорским» канцеляриям. К примеру, 9 декабря 1717 г. он направил в производство следственной канцелярии Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова возбужденные фискальской службой дела по обвинениям гвардии капитана князя А.Л. Долгорукова, архангелогородского вице-губернатора П.Е. Лодыженского, архангелогородского обер-комиссара Д.А. Соловьева, бывшего архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова, рижского губернатора князя П.А. Голицына, бывшего сенатора М.М. Самарина, комиссара П.И. Власова и дьяка П.К. Скурихина⁸⁶.

Сохранилось уникальное свидетельство о реакции современников на участие Петра I в осуществлявшемся следственной канцелярией В.В. Долгорукова в 1714–1715 гг. предварительном следствии по возбужденному фискальской службой «подрячному делу», в котором оказалась замешана группа высших должностных лиц. Вот что писал на исходе 1714 г. находившемуся в Голландии брату Осипу весьма осведомленный дворецкий А.Д. Меншикова Ф.А. Соловьев: «Светлейший князь [А.Д. Меншиков] в великой конфузии, и все в самом печальном образе, понеже царское величество зело при-

⁸⁵ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 9, 11, 18–19, 28, 40, 46.

⁸⁶ Там же. Л. 69–70 об.

лежно сие дело [подрядное] сам розыскивает и не токмо сие, но и всякия дела сам обещается пересмотреть и наказать как за большое, так и за малое равно, о чем все трясутся...»⁸⁷.

«Трястись», впрочем, было от чего. Впечатленный масштабами вскрывшихся фальшивых подрядов Петр I распорядился пытаться сановных фигурантов дела. В присутствии царя 27 ноября и 13 декабря 1714 г. поднимали на дыбу сенатора князя Г.И. Волконского, 27 ноября — санкт-петербургского вице-губернатора Я.Н. Римского-Корсакова⁸⁸.

Не меньше внимания Петр I уделил и многим другим делам по обвинению высокопоставленных лиц в «преступлениях должности своей». Так, монарх принял самое активное участие в процессе по делу сенатора и вице-президента Коллегии иностранных дел барона П.П. Шафирова и обер-прокурора Сената Г.Г. Скорнякова-Писарева. Император сыграл решающую роль на всех стадиях названного процесса: от возбуждения 9 января 1723 г. в отношении Петра Шафирова и Григория Скорнякова-Писарева уголовного преследования и до утверждения вынесенных им 13 февраля 1723 г. приговоров⁸⁹.

Участвуя в процессе, Петр I досконально вникал даже в прямо не относившиеся к делу эпизоды, которые вскрывались по ходу допросов подсудимых и свидетелей. К примеру, проверив фигурировавший в показаниях Г.Г. Скорнякова-Писарева эпизод о подозрительных обстоятельствах назначения на должность вице-президента Ярославского надворного суда князя А.М. Шейдякова, император распорядился не принимать его во внимание, наложив пространную резолюцию:

⁸⁷ Там же. Л. 286 об. Письмо было изъято в амстердамской конторе О.А. Соловьева в 1717 г. в ходе обыска, произведенного в рамках расследования «архангельского дела».

⁸⁸ Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 144–145, 148.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 10–11, 14, 58 и др.

«Отставить, для того что доносил, что он за простотою своею не годен, а преступления он за ним никакого не знает»⁹⁰.

Как уже упоминалось выше, много внимания уделил Петр I и обстоятельствам начавшегося в сентябре 1722 г. процесса над бывшим главой фискальской службы России обер-фискалом А.Я. Нестеровым. В частности, император принял участие во всех трех допросах Алексея Нестерова под пыткой — 30 января 1723 г., 16 и 18 января 1724 г.⁹¹ 29 января 1723 г. Петр I даже собственноручно написал вопросы к предстоявшему допросу Алексея Яковлевича⁹².

Впрочем, внимание царя привлекали не только уголовные дела с участием сановных подследственных и подсудимых. Активное участие Петр I принял в процессе по обвинению группы служащих Ревельской адмиралтейской провиантской канцелярии во взятках и хищении казны («ревельском адмиралтейском деле»)⁹³. Примечательно, что, получив сведения о злоупотреблениях ревельских военно-морских интендантов, царь счел дело настолько важным, что 8 августа 1718 г. распорядился направить его для предварительного расследования в Тайную канцелярию⁹⁴. Ряд фигурантов этого дела были в 1720 г. осуждены военным судом, а комиссар Я. Лопухин 4 августа 1720 г. — Правительствующим Сенатом⁹⁵.

Стоит заметить, что личное присутствие монарха на допросах подследственных и подсудимых нередко оказывало на последних значительное психологическое воздействие, способствовало тому, что они давали признательные и откровен-

⁹⁰ Там же. Л. 72.

⁹¹ Там же. Кн. 273. Л. 428, 633, 635.

⁹² См.: Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 572.

⁹³ Подробнее см.: Самойлов В.И. О первых узниках Петропавловской крепости // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 119–121.

⁹⁴ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 110.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1886. Л. 154 об.–156.

ные показания. К примеру, именно в ходе допроса 5 февраля 1723 г., проходившего с участием императора, судья Московского надворного суда бывший обер-фискал М.В. Желябужский признался в подлоге завещания вдовы Акулины Поливановой⁹⁶.

Из числа судебных органов повышенный интерес Петра I привлекала, конечно, работа специализированных судов по государственным преступлениям — Тайной канцелярии и Преображенского приказа. Показательно, что 25 ноября 1718 г. царь установил себе особый день (понедельник) для посещения Тайной канцелярии⁹⁷.

В последние годы жизни наибольшее внимание первый российский император уделял учрежденному в 1723 г. в качестве высшего органа правосудия Вышнему суду, в структуре которого было учреждено особое следственное подразделение — упоминавшаяся выше Розыскная контора. В частности, сохранились реестры уголовных дел, рассматривавшихся судом, с многочисленными высочайшими резолюциями, наложенными 24 октября и 9 декабря 1723 г.⁹⁸

Систематические данные о количестве как вынесенных, так и утвержденных Петром I приговоров на сегодня не установлены. Исходя из архивных материалов и сведений, приведенных в литературе, возможно лишь предположить, что количество таких приговоров исчислялось сотнями. Например, только за 1700–1705 гг. по делам, находившимся в производстве Преображенского приказа, царь вынес более 50 приговоров⁹⁹.

⁹⁶ Там же. Кн. 273. Л. 440.

⁹⁷ Веттенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 109–110.

⁹⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 13–25 об., 37–48.

⁹⁹ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 39.

Что касается существа деятельности Петра I по утверждению приговоров, то он их либо подтверждал, либо смягчал, но никогда не отменял (вовсе освобождая осужденных от наказания) и почти никогда не ужесточал. Например, смертный приговор, вынесенный 16 июля 1712 г. военным судом уличенному во взяточничестве гвардии поручику Н.Т. Ржевскому, будущий император заменил на телесное наказание и ссылку в Сибирь¹⁰⁰. Аналогично Петр I поступил и с майором Петром Сомовым, приговоренным Правительствующим Сенатом за укрывательство трех дезертиров и вырубку заповедного леса к смертной казни. 6 ноября 1715 г. царь заменил П. Сомову смертную казнь пятью годами каторжных работ¹⁰¹.

В свою очередь, холопу Алексею Немирову, осужденному в 1700 г. за ложное обвинение хозяина в государственном преступлении, Петр I заменил смертную казнь на наказание кнутом, клеймение и трехлетние каторжные работы, приняв во внимание его несовершеннолетие («что он, Алешка, не в совершенных летех»)¹⁰².

Еще более примечательна была мотивация первого российского императора при разрешении вопроса о судьбе бывшего холопа Ф. Резанова, приговоренного Вышним судом 23 января 1724 г. к смертной казни за пособничество А.Я. Нестерову в вымогательстве взяток с жителей Ржева. В данном случае в резолюции на приговоре Петр I отметил, что Федор Резанов не являлся в момент совершения преступления должностным лицом («никакого дела врученного не имел»), на основании чего заменил ему казнь на «политическую смерть»¹⁰³

¹⁰⁰ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2583. Оп. 1. № 5. Л. 46–46 об.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 40.

¹⁰² Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 54.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 827–827 об.

(что означало наказание кнутом, вырезание ноздрей и ссылку на каторгу).

Наконец, нельзя не отметить, что первый российский император практиковал и последующее (отложенное) помилование осужденных с его участием лиц. При этом Петр I никогда не отменял прежние приговоры полностью. Осужденные освобождались в таких случаях лишь от определенной части назначенного им наказания.

К примеру, ранее упомянутый гвардии поручик Н.Т. Ржевский, осужденный в 1712 г. за взяточничество, был освобожден из ссылки по именному указу от 26 января 1722 г. (в рамках амнистической кампании по случаю победы России в Великой Северной войне)¹⁰⁴. Осужденный в 1718 г. за пособничество царевичу Алексею Петровичу князь В.В. Долгоруков получил освобождение из ссылки по указу Петра I от 7 мая 1724 г., изданному в связи с коронацией императрицы Екатерины Алексеевны¹⁰⁵.

Таким было практическое участия Петра I в уголовном судопроизводстве. Представляется неоспоримым, что в своей государственной деятельности, выступая и следователем, и судьей, Петр I в полной мере воплотил в жизнь слова из опубликованного в 1722 г. известного политико-правового трактата «Правда воли монаршей» о том, что «должен царь пещися да будет истинное в государстве правосудие»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 177 об.

¹⁰⁵ Архив Правительствующего Сената / сост. П.И. Баранов. СПб., 1872. Т. 1. С. 129.

¹⁰⁶ Правда воли монаршей во определении наследника престола. М., 1722. С. 26.

Глава 2

Первые российские следователи

§ 1. Гвардии майор князь М.И. Волконский*

1717 года декабря 8 дня в городе Санкт-Петербурге на тонкую, голландской выделки бумагу чуть наискось легли твердо начертанные государем царем и великим князем Петром Алексеевичем строки: «За неправой суд и преступления... бывшей маеор от гвардии Волхонской... завтрашнего числа, то есть в 9 день будет казнен смертию... Сей указ объявляетца для ведения народу»¹. Кто же такой был «бывшей маеор от гвардии Волхонской», и отчего объявление о его предстоящей казни взялся собственноручно писать Петр I?

Сегодня личность «маеора от гвардии Волхонского» возможно идентифицировать с полной уверенностью. Князь М.И. Волконский был выходцем из старинного, многократно ветвившегося дворянского рода, происходившего от князя Ивана Юрьевича Торусского (по прозвищу Толстая Голова), владевшего в XIV в. городищем Волконой². Ни места, ни времени рождения князя Михаила Волконского устано-

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь М.И. Волконский // Российский следователь. 2016. № 4. С. 50–55.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 166.

² Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004. С. 18.

вить к настоящему времени не удалось. Известно лишь, что в конце XVII в. начал службу при царском дворе, получил «московский» чин стольника. Однако придворная служба Михаила Ивановича не затянулась.

Молодой стольник попал в учрежденную Петром I Семеновскую потешную роту. Согласно документу полкового архива, в 1695 г. при реформировании потешной роты в Семеновский полк (один из первых двух полков российской гвардии) М.И. Волконский состоял уже в «начальных людях», имея чин поручика³. Однако поскольку основная часть архива Семеновского полка была уничтожена во время окружения русской армии при Пруте в июле 1711 г., военную карьеру князя Михаила Ивановича возможно проследить сегодня лишь весьма фрагментарно.

Бесспорно известно, что в октябре 1702 г. Михаил Волконский отличился при штурме шведской крепости Нотебург⁴ близ устья Невы, за что был произведен из капитан-поручиков в капитаны. Полгода спустя, 7 мая 1703 г., капитан М.И. Волконский принял участие в отчаянной атаке гвардейцев, посаженных на лодки, двух шведских боевых кораблей в устье Невы. В ходе боя, завершившегося абордажным захватом вражеских судов, Михаил Волконский получил ранение⁵. По распоряжению Петра I в честь этой победы была отчеканена памятная медаль с надписью «Небываемое бывает», одним из награжденных которой, по всей вероятности, был и М.И. Волконский.

Второе фронтовое ранение (пулей в левое плечо) гвардии капитан М.И. Волконский получил 9 августа 1704 г. при

³ Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. С. 19.

⁴ Ныне г. Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944–1992 гг. именовался Петрокрепость).

⁵ Карцов П.П. Указ. соч. С. 54, 57.

штурме Нарвы. 30 августа 1708 г. в сражении при селе Добром (при Молятичах⁶) князь Михаил Иванович был ранен в третий раз (теперь в правое плечо)⁷.

Однако, несмотря на скудость выявленных сведений о боевых заслугах князя Михаила Ивановича, не вызывает сомнений, что они были значительны. Воинское звание гвардии майора было в России первой четверти XVIII в. редким и довольно высоким. Достаточно сказать, что, как явствует из архивного документа, по состоянию на 1 января 1721 г. в гвардии Семеновском полку (имевшем 13 рот личного состава) числилось всего три офицера в звании майора⁸.

Без устали перемещавшийся по фронтам Великой Северной войны, царь Петр Алексеевич досконально знал боевую службу офицеров гвардии и никогда не повышал их в чине без серьезных оснований. То, что М.И. Волконский стал к 1713 г. майором Семеновского полка, свидетельствует о высокой оценке его служебно-боевой деятельности со стороны скупого на награды и поощрения Петра I.

Будучи поголовно лично известны главе государства, гвардейские офицеры выполняли многие ответственные высочайшие поручения нестроевого характера: направлялись с дипломатическими и разведывательными заданиями за рубеж, организовывали трудовые и воинские мобилизации, контролировали деятельность ряда высших должностных лиц, осуществляли охрану царя и его семьи⁹. Неудивительно, что

⁶ Ныне *Маляцічы* — агрогородок в составе Молятичского сельсовета Кричевского района Могилевской области Республики Беларусь.

⁷ Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / сост. А.В. Павлов, Н.К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 60–61.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 2–2 об.

⁹ Подробнее см.: Болтунова Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011. С. 50–61.

в начале 1710-х гг. Петр I решил привлечь гвардейцев еще и к участию в уголовном судопроизводстве, которому, как уже говорилось выше, уделял значительное внимание.

Руководителем первой в истории государства и права России следственной канцелярии был назначен гвардии майор М.И. Волконский. 25 июля 1713 г. в канцелярии царя Петра Алексеевича в числе иных документов был подготовлен «Указ маеору от гвардии Волконскому», предписывавший майору произвести следствие о «худых поступках» архангелогородского обер-комиссара Д.А. Соловьева. Выработка этого государственного указа пошла в тот день не вполне ординарным путем.

Как явствует из сохранившегося в архиве подлинника документа, в уже полностью оформленный и подписанный царем указ — прямо поверх высочайшей подписи — было внесено дополнение, которым «маеору от гвардии Волконскому» предписывалось также расследовать еще и эпизоды о «взятках и других обидах жителям» устюжского комиссара С.М. Акишева. Кроме того, Петр I собственноручно вписал в раздел документа, относящийся к Д.А. Соловьеву, фразу: «И буде дойдет до пытки, пытать»¹⁰. В тот же день указ был заново переписан набело и повторно скреплен монаршей подписью¹¹.

Так необычно подготовленный именной указ от 25 июля 1713 г. явился актом об учреждении первой в истории отечественного государства и права «майорской» следственной канцелярии, положившей начало развитию специализированных органов следствия России¹². К появлению столь

¹⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 5–5 об.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1.

¹² Неслучайно Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2013 г. № 741 дата основания этой канцелярии — 25 июля — была утверждена в качестве Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации (СЗ РФ. 2013. № 35. Ст. 4526).

значимого именного указа от 25 июля 1713 г. привела достаточно длительная череда событий.

Началось все с того, что 28 августа 1712 г. сотрудники территориального органа фискальской службы (непосредственной предшественницы прокуратуры России) в г. Великом Устюге Федор Протопопов, Сила Смольников и Иван Оконнишников подали в Правительствующий Сенат доношение о бесчинствах подьячих¹³ и солдат, направленных в Устюжский уезд для взыскания недоимок комиссаром С.М. Акишевым¹⁴. Как сообщали фискалы, «они, подьячие и солдаты, приехав... и указов соцким¹⁵ не объявля, бьют без милости и тиранскими муками мучат: вешают в дыбы и на козле¹⁶ плетми свинцовыми бьют и огнем стращают. И в церковной трапезе батожьем и на козле бьют ругательски руки и ноги и зубы ломают. И многих жен за власы волочили и нагих девиц водили, также многих жен блудным воровством сильно бесчестили¹⁷». Сам комиссар обвинялся устюжскими фискалами в потворстве бесчинствам подчиненных, а также в вымогательстве взяток¹⁸.

Сенаторы не оставили доношение без внимания. Уже 20 сентября 1712 г. состоялось решение об отстранении Семёна Акишева от должности и о вызове его для допроса в Сенат. 25 сентября 1712 г. в Великий Устюг за комиссаром выехал сенатский подьячий Евсевий Говорков.

¹³ То есть младших канцелярских служащих.

¹⁴ О деятельности фискальской службы по выявлению преступлений см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: фискальская служба как орган уголовного преследования // Российский следователь. 2015. № 6. С. 50–55.

¹⁵ То есть выборным должностным лицам органов местного самоуправления.

¹⁶ Особый станок для телесного наказания.

¹⁷ То есть подвергли изнасилованию.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 82. Л. 34.

Дальше события приняли неожиданный поворот: С.М. Акишев ехать в Москву отказался. Как сообщил в Сенат 10 ноября 1712 г. Е. Говорков, «он, комисар, сказал, что к Москве не едет и указу не послушает, для того что отпущен¹⁹ от губернатора, а не от Сената... И он, подьячий, велел ево, комисара, посланным драгунам взять. И он, комисар, учинился государеву указу силен²⁰, от драгун отбился»²¹.

Крайне самоуверенное поведение Семена Акишева было неслучайным. Комиссар рассчитывал на поддержку своего руководства. Благоволивший к Семену Матвеевичу глава Архангелогородской губернии вице-губернатор А.А. Курбатов в самом деле решительно вступился за подчиненного и отказался выслать его в Сенат. Иными словами, в ходе разгоревшегося по поводу С.М. Акишева бюрократического конфликта вице-губернатор Алексей Курбатов отказался признать юрисдикционные полномочия Правительствующего Сената по отношению к государственным гражданским служащим Архангелогородской губернии.

Все, что сенаторы смогли противопоставить самовластию вице-губернатора, это отправку более статусного должностного лица, нежели подьячий Е. Говорков. 19 июня 1713 г. Сенат командировал в Архангельск стольника С.Е. Пашкова. В его задачу входило произвести проверку обстоятельств уголовного дела, возбужденного устюжскими фискалами против Семена Акишева.

Однако и Семену Пашкову не удалось преодолеть сопротивления губернских чиновников. Стольник был остановлен в Вологде ландрихтером²² И.Ф. Нахаловым, который

¹⁹ То есть назначен.

²⁰ То есть отказался исполнять указ.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 82. Л. 78, 100 об.–101.

²² Чиновником, занимавшимся судебными вопросами в администрации губернии.

отказался принять у него подорожную²³, не дал солдат для рассылок, а заодно воспрепятствовал аресту нескольких подозреваемых²⁴. Впрочем, к тому времени криминальные сюжеты, связанные с руководящими должностными лицами Архангелогородской губернии, уже не исчерпывались делом С.М. Акишева.

Дело в том, что в феврале 1713 г. уже сам А.А. Курбатов известил Петра I о крупномасштабных махинациях командированного из Москвы в Архангельск обер-комиссара Дмитрия Соловьева при установлении цен на товары казенного экспорта, в незаконной хлебной торговле и неуплате таможенных пошлин. По всей очевидности, Алексей Курбатов надеялся, что следствие по делу обер-комиссара будет поручено именно ему. Однако царь не вдохновился идеей передать расследование особо важного уголовного дела региональному администратору, да еще в лице столь склонного к самоуправству вице-губернатора. Вместо этого 25 июля 1713 г. была учреждена упомянутая следственная канцелярия «маеора от гвардии Волконского».

В именном указе от 25 июля 1713 г. говорилось о том, что гвардии майору надлежало произвести исключительно досудебное разбирательство обвинений против архангелогородских администраторов, а затем доставить само дело и обвиняемых («которые тому делу будут виноваты») в Санкт-Петербург. В остальном деятельность руководителя канцелярии никак не регламентировалась с процессуальной стороны, кроме отмеченного выше закрепления за ним права самостоятельно принимать решения о пытке подследственных (что являлось значительным отступлением от старомосковской традиции, по которой применение пытки к

²³ Прообраз современного командировочного удостоверения.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 82. Л. 17–18 об., 49, 79–88, 89–94 об.

должностным лицам выше подъячего санкционировалось, по меньшей мере, руководителем центрального административно-судебного органа).

27 июля 1713 г. в дополнение к указу секретарь царя А.В. Макаров направил руководителю канцелярии письмо с изложением высочайших указаний, во-первых, о запрете предпринимать какие-либо следственные действия в отношении вице-губернатора А.А. Курбатова, а во-вторых, о необходимости соблюдать тайну следствия («и сие изволь хранить тайно»)²⁵.

Деятельность канцелярии ведения князя Михаила Ивановича оказалась, однако, не вполне успешной. Для начала М.И. Волконский сумел в сжатые сроки и в полном объеме провести расследование дела комиссара Семена Акишева, в ходе которого в основном подтвердились вскрытые фискальской службой эпизоды его преступной деятельности. Некогда ощущавшему себя «хозяином» Устюжского уезда, грозившему фискалам, что он «велит их шпагами колоть до смерти», Семену Акишеву довелось хлебнуть лиха за попустительское бесчинствам подчиненных и за вымогательство взяток. Находясь под следствием, комиссар предпринял даже попытку суицида. Как отмечено в одной из записей архивно-следственного дела, «в третий застенок (С.М. Акишев) привожен и роспрашиван, а не пытан, для того что был болен: преж застенка резался по горлу и по брюху в трех местах»²⁶.

Однако затем направленность следствия изменилась. Поскольку Д.А. Соловьев являлся ставленником «полудержавного властелина» генерал-фельдмаршала А.Д. Меншикова, Михаил Волконский предпочел не проявлять излишнего рвения в расследовании махинаций обер-комиссара.

²⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 6–6 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Кн. 193, ч. 1. Л. 14.

Вместо этого, видимо, в угоду Александру Меншикову М.И. Волконский (вопреки высочайшему указанию от 27 июля 1713 г.) взялся за сбор материалов против вице-губернатора А.А. Курбатова.

Превращение Алексея Курбатова из инициатора следствия в обвиняемого происходило неспешно, но необратимо. В январе 1714 г. царь отстранил вице-губернатора от должности, а в мае того же года дал, наконец, Михаилу Волконскому санкцию расследовать «дело преступления Курбатова»²⁷. Что же до временно отстраненного от должности Дмитрия Соловьева, то он был в том же мае 1714 г., наоборот, возвращен к исполнению обер-комиссарских обязанностей.

Однако не дремали и противники М.И. Волконского в правительственных сферах. Еще в конце 1713 г. руководитель фискальской службы Москвы А.Я. Нестеров направил Петру I доношение, в котором обвинил Михаила Ивановича в «худых и указу противных делах», в частности во взятках с поморских жителей, выразив готовность в дальнейшем представить царю более подробные сведения, уличавшие гвардии майора. Собственноручная резолюция Петра I была краткой: «Приготовляй к зиме»²⁸.

Кроме того, 21 сентября 1714 г. к воротам Устюжской провинциальной канцелярии было подброшено адресованное новому архангелогородскому вице-губернатору гвардии капитану П.Е. Лодыженскому подметное письмо, в котором Михаил Волконский обвинялся также в том, что «в бытность на Устюге... народу чинил великое раззорение и со многих брал взятки». Это письмо было переправлено вице-губернатором в Сенат 26 октября 1714 г.²⁹

²⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 18.

²⁸ Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 15.

²⁹ Подлинник подметного письма см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 83. Л. 483–485.

Князя Михаила Ивановича компрометировал, как мог, и лишившийся из-за него должности А.А. Курбатов. Обладавший литературными наклонностями, Алексей Александрович описывал моральный облик гвардии майора в апокалиптически мрачных тонах: «Он, Волконской, царского повеления нарядной преступник... указам его государевым непослушник, многих государственных интересов повредителям лукавой прикрыватель, и сам повредитель и хищник, многих напрасный разоритель и кровопийца и мститель злодейственный, вор и коварный составщик и лакомый мздоимец, и давно обывлый ябедник и ученик богопротивного волшебства, для которого держал он у себя бабу волшебницу»³⁰. Учитывая, впрочем, что М.И. Волконский сумел выявить ряд эпизодов получения Алексеем Курбатовым взяток и превышения им должностных полномочий, приведенные строки вряд ли имеет смысл воспринимать буквально.

Как бы то ни было, архангелогородская миссия Михаила Волконского чем дальше, тем больше вызывала недовольство главы государства. Неоднократно получавший от царя указания поскорее завершать расследование Михаил Волконский был, в конце концов, отозван в Санкт-Петербург достаточно резким письмом Петра I от 17 марта 1715 г. Вскоре именным указом от 27 января 1716 г. М.И. Волконский был сам отдан под следствие следственной канцелярии гвардии капитана Г.И. Кошелева и дьяка Ф.Д. Воронова³¹.

Заодно следственная канцелярия Герасима Кошелева и Федора Воронова возобновила в полном объеме расследование дела Д.А. Соловьева. Генерал-фельдмаршал А.Д. Меншиков, чья репутация в глазах царя изрядно пошатнулась в связи с разоблачением в 1715 г. «подрядной аферы», теперь уже

³⁰ Там же. Ф. 340. Оп. 1. Кн. 14539. Л. 235 об.

³¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 46, 48.

не мог с прежним успехом прикрывать своего ставленника. Это явилось началом злключений князя Михаила Волконского.

Состав инкриминированных М.И. Волконскому деяний на сегодня окончательно не прояснен. Поиски материалов как следственного, как и судебного производств по делу Михаила Волконского, предпринятые в фондах трех федеральных архивов, оказались к настоящему времени безрезультатными.

Насколько возможно судить по косвенным указаниям архивных источников, Михаил Волконский был обвинен в свертывании (в нарушение именного указа от 25 июня 1713 г.) расследования против обер-комиссара Д.А. Соловьева, в частичной фальсификации дела против А.А. Курбатова, а также во взятках с поморских жителей. Что бы там ни было, в 1717 г. князь М.И. Волконский был предан военному суду.

Тогдашние военные суды («кригсрехты») представляли собой временные коллегиальные судебные присутствия, формировавшиеся из строевых военнослужащих для рассмотрения уголовных дел по обвинению их сослуживцев. Поскольку М.И. Волконский служил в гвардии, судить его должны были офицеры Преображенского и Семеновского полков. В этом отношении весьма примечательно сохранившееся в архиве письмо гвардии подполковника В.В. Долгорукова командовавшему Семеновским полком подполковнику князю П.М. Голицыну от 11 ноября 1717 г. с изложением высочайшего указания о вызове его и семерых офицеров-семеновцев в Санкт-Петербург. Одновременно в столицу были командированы восемь офицеров Преображенского полка³². Судя по всему, именно из этих офицеров и был образован кригсрехт, перед которым предстал Михаил Волконский.

³² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

Приговор кригсрехта был беспощаден: смертная казнь с конфискацией имущества. Поскольку для постановления приговора в 1717 г. российский военный суд мог использовать единственный законодательный акт — Артикул воинский редакции 1715 г.³³, можно с уверенностью предположить, что обвинения, предъявленные М.И. Волконскому, были квалифицированы по ст. 27 Артикула — умышленное неисполнение приказа «началника своего». Названная статья предусматривала единственную санкцию — смертную казнь³⁴.

Впрочем, поскольку приговоры, вынесенные офицерам, в обязательном порядке утверждались в то время царем, осужденный Михаил Волконский имел весомый шанс на сохранение жизни: Петр I имел обыкновение смягчать приговоры лицам, имевшим боевые заслуги и фронтовые ранения³⁵.

В этот раз, однако, помилования не последовало. Вместо этого 8 декабря 1717 г. царь собственноручно написал приведенный выше указ о публичном объявлении о предстоящей казни «бывшего маора Волхонского». На следующий день — 9 декабря 1717 г. — на Троицкой площади, в самом центре тогдашнего Санкт-Петербурга, руководитель первой следственной канцелярии России был публично расстрелян³⁶.

В тот же день был издан именной указ об учреждении шести новых следственных канцелярий, руководителю каждой

³³ Подробнее см.: Серов Д.О. Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (опыт систематического обзора) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 165–173.

³⁴ Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 757.

³⁵ Подробнее см.: Серов Д.О. Петр I как вершитель правосудия // *Cahiers du Monde russe*. 2014. № 55/1–2. Р. 13–30.

³⁶ Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 36.

из которых царь вручил собственноручно подписанный Наказ — первый нормативный акт, в котором закреплялось выделение стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе. Как уже упоминалось, во внесенной в Наказ от 9 декабря 1717 г. единственной уголовно-правовой норме определялась ответственность следователей канцелярии за совершенные при осуществлении расследования преступления против интересов службы. За это следователям грозила единственная санкция — смертная казнь.

Стоит повторить, что во вступительной части Наказа указывалось: «Ежели ж какая мана³⁷, взятки или иная правды лишенная причина сыщется, то без всякой пощады лишены будете живота³⁸ и чести, ибо пример видите бывшего маеора Волконского»³⁹. «Пример бывшего маеора Волконского» следователи новоявленных канцелярий (почти все из которых являлись офицерами гвардии) могли, впрочем, «видеть» в прямом смысле слова.

Учитывая особенности характера Петра I, имеются все основания полагать, что те самые офицеры, из которых был образован кривсрехт, осудивший Михаила Волконского, были назначены руководителями следственных канцелярий, и указы будущий император вручил «господам штап- и обор-афицерам» либо непосредственно на месте расстрела Михаила Волконского, либо в первые часы после него.

Таким образом, казнь первого следователя России носила в значительной мере показательный, демонстративно устрашающий характер. Вместе с тем нельзя не отметить, что расстрел (впервые введенный в России как раз Артикулом воинским) являлся в XVIII — начале XX в. наиболее почетной для

³⁷ То есть пристрастие.

³⁸ То есть жизни.

³⁹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68.

военнослужащего формой смертной казни⁴⁰. Учитывая, что в ст. 27 Артикула воинского 1715 г. форма смертной казни не конкретизировалась, назначение Михаилу Волконскому в качестве санкции именно расстрела представляется возможным трактовать как меру (хотя и чисто символическую) в пользу осужденного.

Представляется, что Петр I испытывал впоследствии некое внутреннее сокрушение в связи с решением не сохранять жизнь М.И. Волконскому. По крайней мере, 11 марта 1718 г. Петр I указал вернуть матери и вдове Михаила Ивановича часть его конфискованной недвижимости с примечательной оговоркой: «Другим не в образец»⁴¹.

Место погребения Михаила Волконского неизвестно.

§ 2. Гвардии подполковник князь В.В. Долгоруков*

Князя Василия Владимировича Долгорукова затруднительно отнести к числу вовсе забытых государственных деятелей России XVIII в. Многим сегодня памятны боевые заслуги князя, неординарные зигзаги его биографии. Достаточно только сказать, что в высший воинский чин генерал-фельдмаршала Василию Долгорукову довелось быть произведенным дважды.

⁴⁰ К примеру, в 1733 г. осужденный за умышленное убийство к смертной казни через колесование полковник А. Мещерский обратился к императрице Анне Иоанновне с челобитной, в которой просил — в качестве особой милости — подвергнуть его расстрелу. См.: Калашников Г.В. *Офицеры под судом и следствием: из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745)* // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 84–85.

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 117. Л. 208–208 об.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. *Дела и судьбы российских следователей: князь В.В. Долгоруков* // Российский следователь. 2016. № 13. С. 49–55.

Вместе с тем нельзя не отметить, что основные сведения о жизненном пути князя Василия Владимировича, бытующие ныне в читательском обороте, восходят к сочинениям Д.Н. Бантыш-Каменского и князя П.В. Долгорукова, опубликованным соответственно 203 года и 176 лет назад и имеющим, мягко говоря, ограниченное научное значение⁴². В ряду малопроясненных обстоятельств биографии В.В. Долгорукова оказалась и его роль в деятельности первых отечественных органов следствия.

Василий Долгоруков был выходцем из старинного княжеского рода, восходившего к оболенскому удельному князю Андрею Константиновичу. По заслуживающим доверия подсчетам историка рода, только на протяжении 1700–1839 гг. десятеро Долгоруковых стали сенаторами, один — министром юстиции и генерал-прокурором, один — генерал-фельдмаршалом, четверо — генерал-аншефами, семеро — кавалерами ордена св. Андрея Первозванного (высшей награды Российской империи). За тот же период семеро князей Долгоруковых погибли в войнах⁴³.

Согласно надгробной надписи, Василий Долгоруков родился в 1667 г.⁴⁴ в семье боярина В.Д. Долгорукова. Первые тридцать три года жизни будущего генерал-фельдмаршала освещены в сохранившихся исторических источниках крайне скудно. Достоверно известно лишь, что В.В. Долгоруков имел придворный чин стольника и что он не попал в 1697 г.

⁴² См.: Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М., 1813. Ч. 2. С. 55–77; Долгоруков П.В. Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 89–99.

⁴³ Долгоруков П.В. Сказание о роде князей Долгоруковых. С. VIII–IX. Последним из павших в боях в отмеченный период был гвардии корнет князь Н.Н. Долгоруков, погибший в ходе войсковой операции в Дагестане в 1837 г.

⁴⁴ Петербургский некрополь / сост. В.И. Саитов. СПб., 1912. Т. 2. С. 71.

в число стольников (почти все из которых состояли на военной службе), направленных в образовательную поездку в Западную Европу⁴⁵.

Наиболее значительным пробелом в ранней биографии князя следует признать вопрос о времени начала его военной карьеры. Согласно сведениям, извлеченным из архива гвардии Преображенского полка, Василий Владимирович стал офицером полка в 1700 г., будучи произведен «из полковых сержантов»⁴⁶. В свою очередь, в другом полковом документе 1700 г. указан и как дата производства В.В. Долгорукова в первый офицерский чин, и как дата начала его службы в гвардии, и как дата начала его военной службы вообще⁴⁷.

Вместе с тем некий «князь Василий Долгоруков» упоминается в документах другого гвардейского полка — Семеновского. Согласно этим документам, в 1695 г. при переформировании Семеновской потешной роты в гвардейский полк Василий Долгоруков перешел туда с чином прапорщика. После взятия в июле 1696 г. турецкой крепости Азов он был произведен в поручики⁴⁸.

Отмеченные взаимопротиворечия в документах на сегодня представляются необъяснимыми. Не исключено, что в Семеновском полку начинал службу тот «князь Василий Долгоруков», который в чине гвардии капитана состоял

⁴⁵ Впрочем, и пребывая в России, В.В. Долгоруков получил явственно недостаточное образование. Судя по автографам князя, сохранившимся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), он не умел даже связно писать, с трудом выводя буквы черточками.

⁴⁶ История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. / сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. Т. 4. Приложения. С. 83.

⁴⁷ История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1904. С. 198.

⁴⁸ Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. С. 20, 35.

(по меньшей мере, в 1707–1713 гг.) командиром 5-й роты Преображенского полка⁴⁹. Каких-либо биографических подробностей об этом тезке В.В. Долгорукова выявить к настоящему времени не удалось.

Однако как бы ни сложились обстоятельства поступления князя Василия Владимировича на военную службу, первый его карьерный взлет оказался связан именно с Преображенским полком. Из эпизодов тогдашней служебно-боевой деятельности В.В. Долгорукова достоверно известно, в частности, что во время многочасового штурма шведской крепости Нотебург⁵⁰ 11 октября 1702 г. он был в числе нескольких гвардейских офицеров, которые добровольно вызвались присоединиться к атакующей колонне. 28 августа 1705 г. при штурме замка в г. Митаве⁵¹ гвардии майор Василий Долгоруков получил ранение в руку (у которой было отбито два пальца)⁵².

Первой значительной военной операцией, проведением которой довелось руководить князю Василию Владимировичу, явилось подавление казачьего восстания под руководством атамана К.А. Булавина, разгоревшегося на Дону, в тылу российских войск, осенью 1707 г. Будучи отозван с фронта в апреле 1708 г., гвардии майор В.В. Долгоруков получил под командование внушительную войсковую группировку общей численностью свыше 32 тыс. пехоты и сабель. Итог действий группировки был емко сформулирован в официальной «Истории Свейской войны», составлявшейся в первой половине

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 75; История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому. С. 195.

⁵⁰ Ныне г. Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944–1992 гг. именовался Петрокрепость).

⁵¹ Ныне Елгава (*Jelgava*) — город республиканского подчинения Латвийской Республики.

⁵² Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. 2. С. 40, 80.

1720-х гг.: «И тако к осени [1708 г.] весьма тот бунт искоренен»⁵³.

Петр I высоко оценил личное мужество и командные способности Василия Долгорукова. 9 декабря 1709 г. он был произведен в подполковники гвардии⁵⁴ и стал командиром Преображенского полка⁵⁵. По авторитетному суждению известного военного историка и военного юриста сенатора П.О. Бобровского, почти девятилетнее командование Василия Долгорукова составило «одну из наиболее блестящих страниц» истории Преображенского полка⁵⁶.

Однако исполнение строевых обязанностей отнюдь не исчерпывало круг занятий В.В. Долгорукова в 1710-е гг. Он оказался одним из первых гвардейских офицеров, кого царь привлек к следственной деятельности.

В 1714 г. Василий Долгоруков возглавил особую следственную канцелярию, учрежденную второй по счету после охарактеризованной выше следственной канцелярии гвардии майора М.И. Волконского. В правительственном делопроизводстве новая канцелярия получила громоздкое наименование: «Канцелярия ведения генерала, кавалера и от гвардии

⁵³ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова; под ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 140. Стоит добавить, что В.В. Долгоруков принял участие в подготовке «Истории...», составив в сентябре 1724 г. небольшую записку о действиях своей группировки по подавлению восстания (публикацию документа см.: О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. / публ. В.И. Лебедева // Исторический архив. 1955. № 4. С. 193–194).

⁵⁴ История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому. С. 195.

⁵⁵ Кроме того, 14 октября 1711 г. царь пожаловал князя Василия Владимировича в кавалеры единственного тогда российского ордена — св. Андрея Первозванного. См.: Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 72.

⁵⁶ Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 2. С. 209.

подполковника его сиятельства князя Василия Володимировича Долгорукова». При всем том, что основная часть документации канцелярии оказалась к настоящему времени утрачена, составить некоторое представление о ее деятельности представилось все же возможным⁵⁷.

Крупнейшими уголовными делами, которые поступили в производство канцелярии В.В. Долгорукова, явились уже упоминавшиеся «подрядное дело» («подрядная афера»)⁵⁸ и «счетное дело» генерал-фельдмаршала светлейшего князя А.Д. Меншикова. Вскрытый в ходе расследования механизм аферы не отличался сложностью. Как было установлено, группа высших должностных лиц (включая А.Д. Меншикова и сенаторов В.А. Апухтина и Г.И. Волконского), установив изрядно завышенные подрядные цены на поставку в Санкт-Петербург и армию провианта и фуража, сама и осуществляла — разумеется, через подставных лиц — эти поставки. Колоссальные переплаты казенных сумм шли в карманы предприимчивым соратникам царя-реформатора.

Растревоженный полученной следствием информацией Петр I взял разбирательство дела под личный контроль. Под государевым приглядом следствие быстро набрало обороты. Вращавшийся в правительственных кругах современник так описывал настроения среди «птенцов гнезда Петрова» на исходе 1714 г.: «...Светлейший князь [А.Д. Меншиков] в великой конфузии, и все в самом печальном образе, понеже царское величество зело прилежно сие дело [подрядное] сам розыски-

⁵⁷ В литературе краткие сведения о канцелярии В.В. Долгорукова см.: Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. С. 56–58 ; Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 216–218.

⁵⁸ В литературе о «подрядном деле» наиболее подробно см.: Bushkovich P. Peter the Great: The Struggle for Power. 1671–1725. Cambridge, 2001. P. 322–334.

вает и не токмо сие, но и всякая дела сам обещается, пересмотреть и нанизать как за большое, так и за малое равно, о чем все трясутся»⁵⁹.

«Трястись» действительно было от чего. Разгневанный вскрывшимися эпизодами фальшивых подрядов царь санкционировал пытки высокопоставленных подследственных. На дыбу попал ближайший сподвижник А.Д. Меншикова Санкт-петербургский вице-губернатор Я.Н. Римский-Корсаков, дважды пытали сенатора князя Г.И. Волконского⁶⁰.

Итог расследования В.В. Долгорукова вышел для прощтрафившихся «господ вышних командиров» драматичным. Вот как в Походном журнале Петра I была засвидетельствована состоявшаяся 6 апреля 1715 г. на Троицкой площади Санкт-Петербурга публичная «эксекуция»: «...И приведши их на площадь, где положена была плаха и топор, объявлен указ: сенаторам двум, Волконскому и Апухтину за вины их (что они, преступая присягу⁶¹, подряжались сами чужими именами под правиянт и брали дорогую цену, и тем народу приключали тягость) указано их казнить смертью, однако от смерти освобождены, толко за лживую их присягу обожжены у них языки⁶², и имение их все взято на государя⁶³».

⁵⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 286 об.

⁶⁰ Г.И. Волконского поднимали на дыбу 27 ноября и 13 декабря 1714 г. в присутствии Петра I.

⁶¹ В данном случае речь идет о нарушении присяги на верность государственной службе, собственноручно написанной Петром I и утвержденной 2 марта 1711 г. (Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 98).

⁶² Г.И. Волконскому и В.А. Апухтину было вменено в вину, по всей очевидности, нарушение ст. 2 упомянутой выше присяги — обязательства хранить «правду... в деле государственном». В дальнейшем, насколько известно авторам, такая санкция, как прижигание языка, в отечественной правоприменительной практике более не применялась.

⁶³ Имеется в виду полная конфискация имущества.

Бывшего вице-губернатора Я.Н. Римского-Корсакова наказали кнутом⁶⁴. Остальные фигуранты дела отделались денежными штрафами в полуторакратном размере полученной криминальной прибыли.

Что касается «счетного дела» о финансовых махинациях А.Д. Меншикова, то здесь достаточно сказать, что предварительный денежный начет, предъявленный следственной канцелярией В.В. Долгорукова светлейшему князю, составил астрономическую по тем временам сумму в 1,238 млн руб.⁶⁵ Кроме того, в производстве канцелярии находилось возбужденное в 1714 г. московским фискалом М.А. Косым дело по обвинению комиссара П.И. Власова и дьяка П.К. Скурихина во взятках и хищениях казенных средств на внушительную сумму в 140 665 руб., а также ряд менее значительных дел, главным образом по преступлениям против интересов службы⁶⁶.

Вскрытие «подрядной аферы» и многих иных должностных злоупотреблений обусловило необходимость принятия новых законодательных актов, направленных на предупреждение соответствующих преступлений. Не приходится сомневаться, что при подготовке к изданию таких законов Петр I принял во внимание первые итоги расследований, осуществленных канцелярией В.В. Долгорукова.

Как представляется, с деятельностью следственной канцелярии (а также фискальской службы) было связано издание Закона от 24 декабря 1714 г. о борьбе со взяточничеством⁶⁷ (знаменитого «указа о лихоимстве») и Закона от 27 декабря 1714 г. «Об обязанности подрядчиков объявлять Правительствующему Сенату какие они подряды имеют или имели с ка-

⁶⁴ Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 13.

⁶⁵ Бабич М.В. Указ. соч. С. 218.

⁶⁶ Список этих дел см.: Веретенников В.И. Указ. соч. С. 57.

⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 135–136.

зенными местами на поставку провианта и всяких прочих товаров и припасов»⁶⁸. В свою очередь, как уже упоминалось выше, согласно Закону от 25 января 1715 г. в перечень преступлений, о подготовке или совершении которых дозволялось сообщать царю, был добавлен «третий пункт» — «о похищении казны» (первые два «пункта» касались государственных преступлений)⁶⁹.

Наконец, видится неоспоримым, что именно в связи с итогами расследования «подрядного дела» Законом от 15 марта 1715 г. была учреждена Подрядная канцелярия (Канцелярия подрядных дел)⁷⁰, которой предстояло отныне утверждать все заключаемые с казной подряды. Главой канцелярии был определен гвардии капитан Г.И. Кошелев. Учитывая, что Герасим Кошелев занимал прежде должность командира 3-й роты Преображенского полка⁷¹, представляется весьма вероятным, что его кандидатура была рекомендована царю В.В. Долгоруковым.

Следственная деятельность Василия Долгорукова продлилась до начала 1716 г., когда в составе небольшой группы савонников он отправился сопровождать Петра I в длительной зарубежной поездке. В связи с отъездом Василия Владимировича руководство его следственной канцелярией именным указом от 13 марта 1716 г. было возложено на Г.И. Кошелева совместно с дьяком Ф.Д. Вороновым⁷², ближайшим сотрудником князя, работавшим в канцелярии с 1715 г.

Поскольку Федор Воронов играл к тому времени ключевую роль, в том числе и в расследовании «счетного дела» «полудержавного властелина» А.Д. Меншикова, именной указ

⁶⁸ Там же. С. 136.

⁶⁹ Там же. С. 137–138.

⁷⁰ Там же. С. 151–152.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 161.

⁷² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8.

заканчивался не вполне ординарной фразой, адресованной Герасиму Кошелеву: «Також и ево, дьяка Воронова, в обиду никому не давай»⁷³. Со своей стороны В.В. Долгоруков также считал необходимым поддержать своего сотрудника. В сугубо доверительном письме к младшему брату сенатору М.В. Долгорукову от 23 марта 1716 г. князь Василий Владимирович особо подчеркнул: «И Воронову скажи, чтоб он никою не боялся, лишь бы имел совесть чистую»⁷⁴.

По возвращении в Россию Петр I решил осуществить реорганизацию органов следствия. Сочтя опыт деятельности функционировавших на тот момент следственных канцелярий успешным (в наибольшей мере опыт работы канцелярии В.В. Долгорукова), царь принял решение создать целую систему подобных органов. Как уже упоминалось выше, 11 ноября 1717 г. В.В. Долгоруков направил командиру Семеновского полка князю П.М. Голицыну письмо с изложением высочайшего распоряжения о вызове его и семерых офицеров-семеновцев в Санкт-Петербург. Одновременно в столицу были командированы восемь офицеров Преображенского полка⁷⁵. Не прошло и месяца, как все вызванные лица получили назначения на руководящие должности в шести «майорских» следственных канцеляриях, учрежденных 9 декабря 1717 г.

Но вот для Василия Долгорукова места в новой системе органов следствия не нашлось. И хотя формального указа о ликвидации его канцелярии издано не было, такая ликвидация произошла по существу. Г.И. Кошелев и Ф.Д. Воронов возглавили теперь собственную канцелярию. Уголовные дела, находившиеся в производстве канцелярии В.В. Долгорукова, оказались переданы в производство новых канцелярий (например, «счетное дело» А.Д. Меншикова — в канцелярию гвардии подполковника Петра Голицына).

⁷³ Там же.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 29. Л. 68.

⁷⁵ Там же. Кн. 24. Л. 276 об.

С чем именно было связано решение Петра I отстранить Василия Долгорукова от следственной деятельности, остается загадкой. Не исключено, что к тому времени царь получил от фискальской службы какие-то материалы о взяточничестве Василия Владимировича. По крайней мере, в пространном письме к секретарю Петра I А.В. Макарову от 24 января 1718 г. В.В. Долгоруков сначала вспомнил об опасениях, высказанных им царю при назначении к следственным делам, что «будут меня все вредить», а затем взялся оправдываться, что «хотя б меня кто чем и подарил», но это вовсе не повлекло за собой «повреждения интересу государственного»⁷⁶.

Между тем в итоге удар подстерег Василия Владимировича совсем с другой стороны. В.В. Долгоруков заодно со своим некогда ближайшим сотрудником Ф.Д. Вороновым попал в число обвиняемых по делу царевича Алексея Петровича.

Распоряжение об аресте генерал-лейтенанта и гвардии подполковника Василия Долгорукова Петр I отдал, находясь в Москве, 16 февраля 1718 г. Учитывая статус подозреваемого, арест был произведен в Санкт-Петербурге 20 февраля 1718 г. лично генерал-фельдмаршалом А.Д. Меншиковым⁷⁷, недавним подследственным Василия Владимировича.

Ознакомление с сохранившимся в архиве судебным следственным делом В.В. Долгорукова 1718 г.⁷⁸ оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, некоторая вина Василия Долгорукова очевидна: как вполне убедительно установило следствие, он имел неосторожность несколько раз высказать сочувствие опальному царевичу Алексею Петровичу. С другой стороны, в материалах дела фигурирует откровенно сомнительное свидетельское показание о весьма резком

⁷⁶ Там же. Л. 329 об.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 6. № 55. Л. 1.

⁷⁸ Краткое изложение материалов дела в литературе см.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 195–201.

высказывании князя в адрес царя. Это показание В.В. Долгоруков отрицал («таких слов... не говаривал»)⁷⁹.

В конечном счете все зависело от того, каким образом материалы дела будут доложены Петру I. Учитывая, однако, что следствие по делу царевича возглавлял тайный советник П.А. Толстой, действовавший в тесном союзе с А.Д. Меншиковым, участь Василия Долгорукова была предрешена. 14 марта 1718 г. специальное судебное присутствие приговорило В.В. Долгорукова «за дерзновенные ево слова» к лишению чинов, конфискации имущества и ссылке. 23 июня 1718 г. местом ссылки Василия Владимировича Петр I определил город Соликамск⁸⁰. Опаснейший конкурент Александра Меншикова и Петра Толстого в царском окружении был бесповоротно устранин.

Что же касается излишне ревностно расследовавшего «счетное дело» светлейшего князя дьяка Ф.Д. Воронова, то ему были предъявлены откровенно сфабрикованные обвинения. Крайне болезненно воспринимавший все эпизоды дела царевича Алексея Петр I не вспомнил о своем предписании двухлетней давности не давать «в обиду» дьяка-следователя. 28 июля 1718 г. Федор Воронов был приговорен к смертной казни. 8 декабря 1718 г. приговор был приведен в исполнение.

В ссылке В.В. Долгоруков пробыл более пяти лет. 7 мая 1724 г., в день коронации императрицы Екатерины Алексеевны, по челобитной князя М.В. Долгорукова император распорядился освободить Василия Долгорукова из ссылки. 23 декабря 1724 г. он был восстановлен в чине полковника.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 6. № 55. Л. 35.

⁸⁰ Там же. Л. 14 об.–15, 39. Уместно заметить, что сенатским указом от 25 июля 1718 г. ссыльному В.В. Долгорукову было установлено весьма щедрое по тем временам денежное содержание («кормовые деньги») — по рублю на день. См.: Там же. Ф. 248. Кн. 46. Л. 542.

Благоволившая князю новая императрица Екатерина I вернула Василию Владимировичу чин генерал-майора и 14 июня 1725 г. определила к присутствию в Военной коллегии. Вскоре, однако, Василию Долгорукову довелось вновь покинуть столицу. 14 февраля 1726 г. императрица назначила его командующим Низовым корпусом — группировкой российских войск, дислоцированной в отвоеванных у Персии в 1722 г. прикаспийских провинциях.

Обосновавшись на самом краю империи, в г. Решт⁸¹ на южном побережье Каспийского моря, В.В. Долгоруков вполне успешно руководил группировкой. Ветеран Великой Северной войны провел ряд удачных войсковых операций против горных племен, добился улучшения снабжения войск, ротации офицерских кадров, укрепил безопасность сухопутных коммуникаций⁸². Впрочем, пребывание в непривычном климате ухудшило состояние здоровья командующего. Как доносил Василий Владимирович в Верховный Тайный совет в сентябре 1727 г., «от здешнего несносного, злого воздуха пришел в слабость здоровья своего... И зрение тупо: одним глазом, почитай, не вижу, а и другой худ»⁸³.

В итоге именованным указом от 7 февраля 1728 г. В.В. Долгоруков был освобожден от командования Низовым корпусом и 30 марта 1728 г. отплыл из Баку в Астрахань. 24 февраля 1728 г. Василий Владимирович был произведен в генерал-фельдмаршалы, а 20 декабря 1729 г. возглавил новоучрежденную канцелярию «полковых дел» Преображенского

⁸¹ Ныне административный центр провинции Гилян Исламской Республики Иран.

⁸² Подробнее см.: Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 164, 168–172, 174–179 и др.

⁸³ Цит. по: Там же. С. 212.

и Семеновского полков⁸⁴, т.е. фактически стал командующим российской гвардией.

Приход к власти императрицы Анны Иоанновны, приведший к ликвидации Верховного Тайного совета и к опале нескольких родственников князя Василия Владимировича, первоначально никак не отразился на его карьере. Более того, 4 марта 1730 г. В.В. Долгоруков был назначен сенатором в обновленный состав Правительствующего Сената, а именным указом от 27 января 1731 г. определен командующим группировкой российских войск на Украине⁸⁵ (на место скоропостижно скончавшегося генерал-фельдмаршала М.М. Голицына-старшего). Но очень скоро Василию Долгорукову довелось вновь оказаться в статусе подсудимого.

Как отмечалось в высочайшем Манифесте от 23 декабря 1731 г., князь Василий Владимирович, «презря... свою присяжную должность, дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, в чем по следствию дела изобличен». За это В.В. Долгоруков был предан суду специального судебного присутствия, которое приговорило его к смертной казни, лишению чинов и конфискации имущества. При утверждении приговора императрица заменила смертную казнь на ссылку в крепость Шлиссельбург⁸⁶. Именным указом от 9 января 1737 г. Василий Долгоруков был переведен в крепость Нарву⁸⁷.

В ссылке (режим которой больше напоминал тюремное заключение) Василий Владимирович пробыл до произошед-

⁸⁴ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П.И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. С. 135, 207.

⁸⁵ Там же. С. 217, 239.

⁸⁶ Полное собрание законов. Т. 8. С. 604–605.

⁸⁷ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 448.

шего 25 ноября 1741 г. государственного переворота, в результате которого к власти пришла цесаревна Елизавета Петровна (являвшаяся, по некоторым данным, его крестницей)⁸⁸. Уже 1 декабря 1741 г. последовал именной указ об освобождении В.В. Долгорукова и его младшего брата Михаила из ссылки и о возвращении им прежних чинов (со старшинством со дня первоначального производства), а 3 декабря — об увольнении их со службы по возрасту⁸⁹.

Впрочем, последний указ не был претворен в жизнь. 15 декабря 1741 г. князь Василий Владимирович был определен президентом Военной коллегии и сенатором, а 24 мая 1742 г., в день коронации Елизаветы Петровны, В.В. Долгоруков был повторно пожалован в кавалеры ордена св. Андрея Первозванного⁹⁰.

Василий Долгоруков оказался одним из немногих следователей Петра I, о личностных качествах которого сохранились воспоминания современников. Так, английский резидент при российском дворе К. Рондо (*Claudius Rondeau*) дал следующую характеристику князю Василию Владимировичу: «Человек рассудительный, приветливый и ласковый... От природы он щедр, смел, откровенен, в разговорах и в речах своих свободен, даже до дерзости»⁹¹.

Вполне сходным образом о В.В. Долгорукове отзывался первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог

⁸⁸ Рондо К. Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 г. / пер. с англ. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861. Кн. 2. С. 17.

⁸⁹ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П.И. Баранов. СПб., 1878. Т. 3. С. 77, 78.

⁹⁰ Там же. С. 81, 95.

⁹¹ Рондо К. Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 г. С. 10–11.

де Лириа-и-Херика (*Jacobo Francisco Fitz James Stewart, Duque de Liria y Jérica*): «Человек умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавший военное искусство. Он не умел притворяться и часто доводил искренность до излишества; был отважен и очень тщеславен. Друг искренний, враг непримиримый. ...Это такой русский вельможа, который более всех приносил чести своему Отечеству»⁹². Таким остался Василий Долгоруков в памяти современников.

Президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал В.В. Долгоруков скончался 11 февраля 1746 г. и был погребен в Санкт-Петербурге, в усыпальнице Благовещенской церкви Александро-Невской лавры⁹³ (первом каменном храме тогдашней столицы). Хотя в 1932 г. (уже после закрытия монастыря) усыпальница была включена в состав Музея-некрополя надгробной скульптуры, в ходе последующей варварской реконструкции захоронение князя Василия Владимировича было утрачено.

§ 3. Гвардии капитан-поручик И.Н. Плещеев*

«Так как не проходит недели, чтобы на заводчика Никиту Демидова не приносили жалоб... Сенат повелевает дело то передать в Розыскную канцелярию и просить начальника оной, лейб-гвардии капитан-поручика Ивана Никифоровича Плещеева, учинить розыск»⁹⁴. Эти строки из первой части исто-

⁹² Лириа Я. де. Записки во время пребывания при императорском Российском дворе : пер. с фр. СПб., 1845. С. 121.

⁹³ Петербургский некрополь. Т. 2. С. 71.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: И.Н. Плещеев // Российский следователь. 2016. № 19. С. 47–53.

⁹⁴ Федоров Е.А. Каменный пояс. Л., 1951. Ч. 1. С. 73.

рического романа-трилогии русского советского писателя Е.А. Федорова «Каменный пояс» отнюдь не являются художественным вымыслом. Дело в том, что известный предприниматель Петровского времени Н.А. Демидов в самом деле состоял под следствием канцелярии, возглавлял которую именно гвардии капитан-поручик Иван Никифорович Плещеев.

И.Н. Плещеев был выходцем из старинного дворянского рода, основателем которого считался черниговский боярин Федор Бяконт, выехавший в 1330-е гг. на службу к московскому князю Ивану Даниловичу. От одного из его сыновей — Александра, по прозвищу Плещей — пошла фамилия Плещеевых⁹⁵.

На протяжении веков род Плещеевых многократно ветвился. Достаточно сказать, что в 1613 г. в избрании на царство основателя династии Романовых Михаила Федоровича принимали участие четверо Плещеевых⁹⁶. А в состав «царедворцев» (верхушки тогдашнего дворянства) в XVII в. входило 85 (!) представителей рода⁹⁷.

Многолюдность фамилии привела к тому, что карьеры нескольких Плещеевых в первой половине XVIII в. сложились вполне сходно, что в дальнейшем создало путаницу при установлении обстоятельств их биографий. Современниками И.Н. Плещеева являлись, в частности, такие видные государственные и военные деятели, как Алексей Львович и Андрей Григорьевич Плещеевы, состоявшие друг с другом в весьма отдаленном родстве.

⁹⁵ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 171–180 ; Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / сост. А.А. Бобринский. СПб., 1890. Ч. 1. С. 354.

⁹⁶ Там же. С. 355.

⁹⁷ См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 322–325.

Относительно времени появления Ивана Плещеева на свет существуют два взаимопротиворечивых документальных свидетельства. Согласно надгробной надписи, Иван Никифорович родился 1 мая 1676 г.⁹⁸ В свою очередь, сам И.Н. Плещеев, явившись 20 декабря 1721 г. на всероссийский смотр дворян, указал себе от роду сорок семь полных лет⁹⁹ (т.е. в этом случае годом его рождения следует полагать 1674 г.).

Однако в каком бы году в точности ни родился Иван Плещеев, о его детстве и юности почти ничего не известно. Судя по тому, что еще в 1720-е гг. в почерке Ивана Никифоровича сохранялись отчетливые элементы графики XVII в., грамоте он обучился в раннем возрасте. В 1686 г. И.Н. Плещеев был определен в стольники при дворе царицы Прасковьи Федоровны¹⁰⁰ (супруги соправителя Петра I царя Ивана V). Затем, как и многие другие придворные, он попал на фронт Великой Северной войны.

Военную службу Иван Никифорович начал в 1700 г. прапорщиком в гвардии Преображенском полку¹⁰¹. В декабре 1706 г. приказом Петра I он был произведен в подпоручики и переведен из 11-й роты Преображенского полка в 7-ю¹⁰². В составе именно этой роты подпоручик И.Н. Плещеев принял участие в сражении с корпусом шведского генерала

⁹⁸ Надписи, находящиеся в Богоявленском монастыре // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 342.

⁹⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 8104. Л. 2.

¹⁰⁰ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. С. 324.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 8104. Л. 2.

¹⁰² Азанчевский М.П. История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 71.

Адама-Людвига Левенгаупта при деревне Лесной¹⁰³ 28 сентября 1708 г.¹⁰⁴, в которой Преображенский полк понес самые значительные за всю Великую Северную войну боевые потери¹⁰⁵.

Довелось Ивану Никифоровичу пройти дорогами и драматического Прутского похода. В июле 1711 г. в боях с турками в окружении близ урочища Рябая Могила у реки Прут Иван Плещеев получил ранение¹⁰⁶, из-за которого затем длительно лечился¹⁰⁷. 3 августа 1711 г., вскоре после выхода российской группировки из «прутского котла», Иван Никифорович был произведен в следующий чин капитан-поручика и переведен в 5-ю роту Преображенского полка¹⁰⁸.

Однако вскоре военная карьера И.Н. Плещеева завершилась. По всей вероятности, он так и не оправился до конца от последствий полученного на «турецкой акции» ранения и 4 мая 1714 г. был отставлен «от полковой службы»¹⁰⁹. Однако, покинув ряды строевых гвардейцев, Иван Никифорович остался в поле зрения главы государства.

¹⁰³ Ныне *Лясная* — агрогородок в составе Лопатичского сельсовета Могилевской области Республики Беларусь.

¹⁰⁴ История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения ко 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1904. С. 206.

¹⁰⁵ Из 1609 преображенцев, участвовавших в сражении, 87 были убиты, 32 умерли от ран и 420 получили ранения. См.: Азанчевский М.П. Указ. соч. С. 94.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 8104. Л. 2.

¹⁰⁷ Как явствует из опубликованного архивного документа, И.Н. Плещеев ходатайствовал о продолжении лечения еще в июне 1712 г. См.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 23.

¹⁰⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 75.

¹⁰⁹ Там же.

Не позднее февраля 1715 г. гвардии капитан-поручик Иван Плещеев был определен главой следственной канцелярии¹¹⁰. Подобные канцелярии (несколько позднее получившие наименование «майорских») начали учреждаться Петром I в 1713 г. — во главе с лично известными ему гвардейскими офицерами — для осуществления предварительного следствия по уголовным делам, возбужденным преимущественно фискальской службой России¹¹¹. Как уже неоднократно упоминалось, первую таковую канцелярию, учрежденную 25 июля 1713 г., возглавил гвардии майор князь М.И. Волконский.

Следственная канцелярия И.Н. Плещеева стала третьей по счету из числа «майорских» канцелярий (второй была канцелярия под руководством подполковника Преображенского полка князя В.В. Долгорукова). При этом степень доверия Петра I к Ивану Плещееву была такова, что, образуя в мае того же 1715 г. следующую следственную канцелярию во главе с гвардии капитаном И.С. Чебышевым (речь о которой пойдет ниже), глава государства оговорил, что Иван Чебышев в «небытность» царя должен был обращаться за руководящими указаниями к И.Н. Плещееву¹¹².

Для укрепления служебного статуса Ивана Никифоровича Петр I произвел его 9 июня 1715 г. в «полевые» подполковники¹¹³ (с сохранением чина гвардии капитан-поручика). Того же 9 июня 1715 г. состоялся именной указ Правитель-

¹¹⁰ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 220.

¹¹¹ Об этой службе подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: фискальская служба как орган уголовного преследования // Российский следователь. 2015. № 6. С. 50–55.

¹¹² Бабич М.В. Указ. соч. С. 224.

¹¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 384. Л. 866. Петр I нередко практиковал присвоение очередных воинских чинов лицам, хотя и уволенным с военной службы, но назначенным на должности среднего и высшего звена на государственной гражданской службе.

ствующему Сенату с предписанием направлять в распоряжение И.Н. Плещеева «царедворцев», отставных офицеров и канцелярских служащих, согласно его запросам¹¹⁴.

Из числа «царедворцев» в следственную канцелярию были определены К.Е. Сытин и будущий прокурор Камер-коллегии стольник П.Б. Вельяминов¹¹⁵, успешно проработавший с Иваном Никифоровичем до 1718 г. В распоряжении И.Н. Плещеева оказалась и небольшая воинская команда — еще в феврале 1715 г. в его канцелярию «для караула и посылок» были откомандированы шестеро драгун сенатской роты¹¹⁶.

Что касается уголовных дел, находившихся в производстве канцелярии Ивана Плещеева, то о них на сегодня удалось выявить лишь разрозненные сведения. Так, известно, что 5 марта 1715 г. канцелярия Ивана Никифоровича направила запрос в Правительствующий Сенат с просьбой предоставить информацию по делам о шести лицах, содержащихся под стражей при сенатской канцелярии¹¹⁷, а 18 марта 1715 г. — по делу некоего бурмистра¹¹⁸ Цынбальщикова, обвиненного фискальской службой в краже государевой казны¹¹⁹.

¹¹⁴ Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого / сост. П.И. Баранов. СПб., 1872. С. 32.

¹¹⁵ О нем подробнее см.: Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 45, 71, 210–211, 267–268.

¹¹⁶ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 382.

¹¹⁷ Там же. С. 224.

¹¹⁸ Выборное должностное городского самоуправления.

¹¹⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 252. Поскольку никаких сведений по делу Цынбальщикова в профильном повытье (отделе) сенатской канцелярии не оказалось, 24 марта 1715 г. Сенат принял решение запросить сведения об этом деле в Московской губернской канцелярии (Там же).

Значительная подборка уголовных дел была направлена в канцелярию И.Н. Плещеева, согласно сенатскому указу от 19 июля 1715 г. Среди них находились, в частности, следующие дела, возбужденные московским провинциал-фискалом А.Я. Нестеровым: 1) на жителя Тулы Н.А. Демидова в том, что он растратил взятые из Ратуши на обустройство казенного винного завода в Московской губернии 1000 рублей, похитил с этого завода медные кубы, а вместо медных привез с собственного завода чугунные, «да и то малое число», а сам казенный завод сдал купцу Данилу Астафьеву в аренду всего за 200 рублей; 2) на того же Никиту Демидова в выкупе им (при странном попустительстве сибирского губернатора князя М.П. Гагарина) казенного металлургического завода на Урале по пятидесятикратно (!) заниженной цене, а также в уклонении от выплаты таможенных сборов в особо крупном размере; 3) на бургомистра Ивана Дубровского в махинациях при выплавке серебра на Денежном дворе; 4) на бывшего сенатора В.А. Апухтина в халатности при описи казны, хранящейся на Денежном дворе, при которой «затерялись» 500 казенных рублей; 5) на главу Дворцового и Конюшенного приказов стольника А.Т. Савелова в том, что он за взятки записал в кречетники и дворцовые конюхи дворян, уклонявшихся от призыва на военную службу¹²⁰.

Одним из первых и наиболее значимых уголовных дел, которые довелось расследовать канцелярии И.Н. Плещеева, стало возбужденное фискальской службой дело по обвинению бывших комендантов¹²¹ Важского уезда и Устьянских волостей

¹²⁰ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 2. С. 655–656.

¹²¹ Глава администрации города и уезда.

братьев А.А., Д.А. и О.А. Соловьевых¹²² в преступлениях против интересов службы.

Как явствует из архивного документа, в 1715 г. канцелярия Ивана Плещеева избличила братьев Соловьевых в получении взяток и незаконных сборах с поморских жителей на внушительную сумму в 4739 рублей¹²³ (каковая, возможно, не являлась окончательной¹²⁴). 15 декабря 1717 г. Петр I указал передать отмеченное дело из канцелярии И.Н. Плещеева в новоучрежденную следственную канцелярию Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова¹²⁵, в производстве которой были тогда сосредоточены все дела по обвинению криминальных братьев.

Ликвидация следственной канцелярии И.Н. Плещеева произошла после того, как 8 апреля 1719 г. Петр I назначил Ивана Никифоровича судьей недавно основанного Московского надворного суда (гофгерихта)¹²⁶ и членом коллегии при

¹²² На должности коменданта Д.А. Соловьев находился в 1705–1710 гг., О.А. Соловьев — в 1705–1707 гг., а А.А. Соловьев — с 1707 г. по неустановленный год. О расследовании другого уголовного дела, по обвинению Дмитрия и Осипа Соловьевых в организации беспрецедентного по масштабам контрабандного вывоза из России товаров казенного экспорта, см. ниже, в § 9 главы 3 настоящего издания.

¹²³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 25. Л. 373 об. В недатированном письме светлейшему князю А.Д. Меншикову Д.А. Соловьев отрицал предъявленные ему канцелярией И.Н. Плещеева обвинения, утверждая, что в бытность комендантом он трудился «бескорыстно, и ни от кого денежными и никакими подарками не обязан» и что «важениа и устьянцы при нас были в целости и всяком доволстве» (Там же. Л. 374).

¹²⁴ Осведомленный комиссар А.С. Сергеев в доношении Сенату от августа 1716 г. утверждал, что братья незаконно собрали с поморских жителей в свою пользу более 20 000 рублей (РГАДА. Ф. 248. Кн. 272. Л. 930).

¹²⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 73. Об этой канцелярии см. ниже, в § 5 настоящей главы.

¹²⁶ Об этом суде подробнее см.: Серов Д.О. Зарождение системы судов общей юрисдикции в России (из истории судебной реформы Петра I) // *Lex Russica*. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2009. № 1. С. 83–94.

московском вице-губернаторе¹²⁷. 29 мая 1719 г. Иван Плещеев направил в Правительствующий Сенат доношение с вопросом о дальнейшей судьбе вверенной ему канцелярии и уголовных дел, находившихся в ее производстве, предложив передать дела либо в иную следственную канцелярию, либо в Московский гофгерихт, где он мог бы принять участие в их рассмотрении — уже в качестве судьи¹²⁸.

Рассмотрение вопроса о следственной канцелярии Ивана Никифоровича не затянулось. Уже 19 июня 1719 г. Правительствующий Сенат издал указ о ликвидации канцелярии с зачислением ее сотрудников в штат Московского надворного суда и о передаче в производство суда расследовавшихся ею уголовных дел¹²⁹. Таким образом, сенаторы приняли второе из выдвинутых И.Н. Плещеевым предложений.

К моменту закрытия в следственной канцелярии трудились 12 канцелярских служащих во главе с дьяками Федором Сорокиным и Степаном Исаковым¹³⁰. Как явствует из архивного документа, все они, в соответствии с сенатским указом от

¹²⁷ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 690. По другим данным, названный именной указ был издан 24 марта 1719 г. (Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. С. 56). Вместе с И.Н. Плещеевым одним из судей и членов коллегии был определен недавний его подследственный стольник Афанасий Савелов.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 521. Л. 86.

¹²⁹ Там же. Л. 87. Приведенный факт, что следственная канцелярия, учрежденная по указу царя и ему же напрямую подчинявшаяся, оказалась ликвидирована сенатским указом, явился уникальным в истории государства и права России первой четверти XVIII в. По всей вероятности, подобный сценарий закрытия канцелярии был все же предварительно согласован И.Н. Плещеевым с Петром I, который дал общее указание (судя по всему, выраженное в устной форме) решить вопрос в Правительствующем Сенате.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 227 об.–228.

19 июня 1719 г., были действительно переведены в Московский надворный суд¹³¹.

Что же касается дел, расследовавшихся канцелярией И.Н. Плещеева, то их ожидала незавидная участь: Московский гофгерихт не справлялся с рассмотрением и тех дел, которые поступали в него ординарным порядком. Как отмечалось в докладе Сената от марта 1730 г., в 1727 г. при ликвидации Московского надворного суда было выявлено 21 388 (!) незавершенных производством уголовных дел¹³². Нет никаких сомнений, что среди этих «невершенных прежних лет дел» находились и дела упраздненной канцелярии Ивана Плещеева.

Петр I положительно оценил как итоги деятельности Ивана Никифоровича в качестве главы следственной канцелярии, так и начало его работы в Москве. В ноябре 1719 г. И.Н. Плещеев был произведен в полковники¹³³. А на следующий год на него буквально посыпались новые параллельные назначения.

15 мая 1720 г. И.Н. Плещеев был назначен главой ведавшей сборами «соляных денег» Соляной конторы Камер-коллегии, 24 мая 1720 г. включен в состав правительственной комиссии по описи имущества Казенной и Мастерской палат, патриаршей ризницы и Оружейной палаты¹³⁴, являвшихся тогда крупнейшими кладовыми драгоценных камней и металлов. Вероятно, именно во время проведения этой описи в июне 1720 г. Иван Плещеев вскрыл преступную деятельность подьячего Бориса Иванова, который присвоил 2200 рублей казенных денег. Несмотря на то что заподозренный подьячий не сознался в содеянном, даже будучи подвергнут

¹³¹ См.: Там же. Л. 299–299 об.

¹³² Полное собрание законов. Т. 8. С. 259.

¹³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 384. Л. 866 об.

¹³⁴ Там же. Кн. 1886. Л. 114 об., 144 об.

пытке, имевший за плечами немалый опыт следственной работы Иван Никифорович сумел затем «по многому увещеванию» добиться у него чистосердечного признания («повинной»)¹³⁵.

Оказавшись обременен значительным количеством служебных обязанностей (причем весьма разнородных по характеру), Иван Плещеев обратился в июле 1720 г. с личным письмом к кабинет-секретарю царя А.В. Макарову. Констатировав, что возложенных на него дел «в три года окончать не можна», и посетовав, что «сам ты известен, что меня никто не любит (!)», Иван Никифорович обратился к кабинет-секретарю с просьбой перевести его в прямое подчинение царскому Кабинету («в каманде ни у ково не быть, кроме тебя»)¹³⁶.

Столь оригинальная инициатива бывшего следователя не нашла поддержки у главы государства. Вместе с тем, приняв во внимание очевидную перегруженность И.Н. Плещеева постоянными и временными обязанностями, 13 марта 1721 г. Петр I указал его «от соляного дела уволнить»¹³⁷ (т.е. освободил от крайне хлопотного руководства Соляной конторой). Вместе с тем в 1721 г. Иван Никифорович был определен главой новоучрежденной Раскольнической канцелярии (Раскольнических розыскных дел канцелярии), ведавшей противодействием старообрядчеству. Однако наиболее ответственное назначение ожидало И.Н. Плещеева в 1722 г.

12 января 1722 г. был издан Закон о реорганизации Правительствующего Сената¹³⁸. Наряду с изменением принципа комплектования Сената и основанием прокуратуры России, этим законом предусматривалось создание при Сенате

¹³⁵ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 47. Л. 440.

¹³⁶ Там же. Л. 447–447 об.

¹³⁷ Там же. Ф. 248. Кн. 1887. Л. 103.

¹³⁸ Полное собрание законов. Т. 6. С. 479–480.

Герольдмейстерской конторы и должности герольдмейстера. За этим немецкоязычным наименованием скрывался весьма могущественный орган власти.

Согласно Закону «Инструкция герольдмейстеру» от 5 февраля 1722 г., глава Герольдмейстерской конторы отвечал за учет дворян, разрешал вопросы о подтверждении дворянства, осуществлял меры по противодействию уклонению дворян от несения государственной службы, а также был обязан представлять Сенату кандидатуры для назначения на должности в высшее и среднее звенья государственного аппарата¹³⁹. Иными словами, Герольдмейстерская контора стала своего рода Управлением кадров Российской империи.

Первым герольдмейстером России Петр I определил 5 февраля 1722 г. бывшего азовского вице-губернатора С.А. Кольчева¹⁴⁰, успешно организовавшего перед этим все-российский смотр дворян (на который, как уже упоминалось, явился и И.Н. Плещеев). Это назначение оказалось, однако, непродуманным: с 1717 г. Степан Кольчев находился под следствием следственной канцелярии гвардии майора С.А. Салтыкова по обвинению в совершении преступлений против интересов службы¹⁴¹. Между тем в «хлебной» должности «главного кадровика» империи должен был находиться человек с безукоризненной репутацией, заведомо устойчивый к коррупционным соблазнам.

3 мая 1722 г., находясь в подмосковной резиденции селе Преображенском, Петр I подписал указ № 77 о назначении герольдмейстером полковника И.Н. Плещеева¹⁴². В связи с этим 17 мая 1722 г. был издан сенатский указ об освобождении

¹³⁹ Там же. С. 498–499.

¹⁴⁰ Там же. С. 497.

¹⁴¹ О следственной канцелярии С.А. Салтыкова см. ниже, в § 2 гл. 3-й настоящего издания.

¹⁴² РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 368.

Ивана Никифоровича от всех иных должностей¹⁴³. Единственным новым поручением, возложенным на Ивана Плещеева в последние годы правления Петра I, явилось включение его в состав Комиссии по подготовке нового единого кодифицированного акта («Уложения») Российской империи, последовавшее 16 июня 1723 г.¹⁴⁴

Как следует из архивных документов, находясь на посту герольдмейстера, бывший следователь Иван Плещеев старался препятствовать назначению в органы государственной власти лиц, подвергавшихся уголовному преследованию. Учитывая, что в тогдашней России не велись даже списки осужденных, это являлось нелегкой задачей. Как бы то ни было, при обсуждении на заседании Сената 6 марта 1723 г. представленной Святейшим Синодом кандидатуры дьяка А.М. Михайлова Иван Никифорович заявил, «что де тот дьяк подозрителен», поскольку обвинялся Юстиц-коллегией в хищении 10 000 рублей. В итоге кандидатура Андрея Михайлова была отклонена Сенатом¹⁴⁵.

Приход к власти императрицы Екатерины I еще более укрепил положение И.Н. Плещеева в правительственной среде. 14 июля 1726 г., во время посещения заседания Верховного Тайного совета¹⁴⁶, императрица, заслушав челобитную Ивана Никифоровича с просьбой о повышении чином, ука-

¹⁴³ Там же. Ф. 248. Кн. 1889. Л. 197. Позднее отдельным сенатским указом от 16 июня 1723 г. И.Н. Плещеев был освобожден от руководства Раскольнической канцелярии (Там же. Кн. 1891. Л. 74 об.).

¹⁴⁴ Там же. Кн. 1915. Л. 69.

¹⁴⁵ Там же. Кн. 1922. Л. 123 об. Позднее, занимая в 1727–1731 гг. должность воеводы Ядринска (ныне Ядрин Чувашской Республики), А.М. Михайлов попал под суд за вымогательство взяток у чуваш. См.: Областные правители России. 1719–1739 гг. / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 466–467.

¹⁴⁶ Высший орган власти Российской империи с февраля 1726 г. по март 1730 г.

зала произвести его в действительные статские советники¹⁴⁷ (IV класс Табели о рангах, соответствовал генерал-майору в армии).

Именным указом от 17 февраля 1727 г. герольдмейстер Иван Плещеев был параллельно назначен главой Доимочной канцелярии, подчиненной члену Верховного Тайного совета графу П.А. Толстому¹⁴⁸. 13 марта 1727 г. И.Н. Плещеев стал именоваться президентом канцелярии (с сохранением подведомственности П.А. Толстому). Доимочной канцелярии предстояло заняться пополнением доходной части государственного бюджета — путем взыскания недоимок по налогам и сборам как с тяглого населения, так и с государственных органов и учреждений¹⁴⁹. После того как граф Петр Толстой был 6 мая 1727 г. приговорен к лишению чинов и пожизненной ссылке, Иван Плещеев оказался самостоятельным главой нового ведомства.

В недолгое правление императора Петра II И.Н. Плещееву вновь довелось (хотя и ненадолго) вернуться к следственной деятельности. На этот раз Ивану Никифоровичу пришлось вести дело бывшего генералиссимуса светлейшего князя А.Д. Меншикова, сосланного в сентябре 1727 г. в принадлежавший ему город Раненбург¹⁵⁰ Воронежской губернии. Именным указом от 20 ноября 1727 г. герольдмейстеру Ивану Плещееву предписывалось выехать в Раненбург, изъять документы личного архива Александра Меншикова, а также допросить его по нескольким подготовленным в Верховном Тайном совете вопросам («пунктам»)¹⁵¹.

¹⁴⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1886. Т. 55. С. 474.

¹⁴⁸ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век / сост. П.И. Баранов. СПб., 1872. Т. 2. С. 54.

¹⁴⁹ Полное собрание законов. Т. 7. С. 755–756.

¹⁵⁰ Ныне г. Чаплыгин Липецкой области.

¹⁵¹ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 792–793.

Пять этих «пунктов» были выданы Ивану Никифоровичу 13 декабря 1727 г.¹⁵² В первую очередь И.Н. Плещеев должен был прояснить вопрос, касавшийся связей А.Д. Меншикова с должностными лицами Шведского королевства. В частности, необходимо было допросить опального сановника, отправлял ли он письмо на немецком языке сенатору Дибену, в котором гарантировал, «что со стороны российской ничего опасаться не надлежит, ибо-де власть в войсках содержится у него в руках, и наипаче, что тогда здоровье ея величества государыни императрицы [Екатерины I] зело в слабом состоянии»¹⁵³, и получал ли он от шведского посланника барона Германа Цедеркрейца деньги в сумме пять тысяч червонных.

Иными словами, Ивану Плещееву предстояло расследовать возникшие в отношении ссыльного А.Д. Меншикова подозрения в совершении им государственной измены. Подобное поручение являлось более чем деликатным (не говоря уже об уровне его секретности) и свидетельствовало, что Иван Никифорович являлся доверенным лицом членов Верховного Тайного совета («верховников»).

Как извещал И.Н. Плещеев Верховный Тайный совет в доношении от 10 января 1728 г., Александр Меншиков «в важных делах запираетца, а по другим пунктам отвечает»¹⁵⁴. В разгар следствия над Александром Даниловичем 24 февраля 1728 г. по случаю коронации Петра II Иван Никифорович (вместе с А.Л. Плещеевым) был произведен в тайные советники¹⁵⁵ (III класс Табели о рангах; соответствовал гене-

¹⁵² См.: Там же. С. 843–845.

¹⁵³ Там же. С. 843.

¹⁵⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1891. Т. 79. С. 29.

¹⁵⁵ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 135. Этим же именным указом бывшие подследственные Ивана Плещеева Д.А. Соловьев и А.Т. Савелов были произведены в статские советники (Там же).

рал-лейтенанту в армии). И хотя И.Н. Плещееву не удалось изобличить Александра Меншикова в государственной измене, низложенный «полудержавный властелин» был в апреле 1728 г. отправлен с семьей в несравненно более строгую новую ссылку в город Березов¹⁵⁶, где он и скончался в ноябре 1729 г.

Вскоре после прихода к власти в феврале 1730 г. императрицы Анны Иоанновны правительственная карьера Ивана Плещеева завершилась. В декабре 1730 г. подверглась упразднению возглавлявшаяся им Доимочная канцелярия¹⁵⁷, а именным указом от 31 января 1731 г. И.Н. Плещеев был освобожден от должности герольдмейстера¹⁵⁸.

Нового назначения Иван Никифорович так и не дождался. По всей вероятности, новая императрица не доверяла многолетнему главе кадрового ведомства империи из-за его недавних тесных связей с «верховниками», к большинству из которых она относилась весьма негативно. Оставшуюся часть жизни И.Н. Плещеев провел отставником.

Умер Иван Плещеев 7 мая 1750 г. и был погребен в московском Богоявленском монастыре. На надгробной плите была начертана скромная эпитафия о том, что «мая 7 дня на память святаго мученика Акакия преставися раб Божий тайный советник Иоанн Никифорович Плещеев»¹⁵⁹. В начале 1919 г. монастырь был закрыт, а дворянские усыпальницы разорены. В настоящее время Храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря¹⁶⁰ вновь стал действующим,

¹⁵⁶ Ныне поселок городского типа, административный центр одноименного района Ханты-Мансийского автономного округа.

¹⁵⁷ Полное собрание законов. Т. 8. С. 345.

¹⁵⁸ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 239.

¹⁵⁹ Надписи, находящиеся в Богоявленском монастыре. С. 342.

¹⁶⁰ Расположен по адресу: г. Москва, Богоявленский переулок, дом 2, строение 4.

и, спустившись в его подвальное помещение, можно увидеть несколько сохранившихся надгробий и фрагменты расколотых надгробных плит. Надгробной плиты И.Н. Плещеева среди них нет.

§ 4. Гвардии капитан И.С. Чебышев*

Из числа первых российских следователей наиболее малоизвестной фигурой к настоящему времени остался Иван Самойлович Чебышев¹⁶¹. Между тем именно гвардии капитану И.С. Чебышеву довелось руководить четвертой по счету следственной канцелярией в истории государства и права России.

Иван Самойлович являлся выходцем из нетитулованной и весьма разветвленной дворянской фамилии, документально известной со второй половины XV в. На протяжении XVII в. представители рода Чебышевых занимали должности в низшем и среднем звеньях государственного аппарата, имея «московские чины» дворян московских, стряпчих и стольников. Высоких «думных чинов» никто из Чебышевых, однако, не достиг¹⁶².

Отец Ивана Самойловича, С.И. Чебышев, упоминался в 1676 г. с чином стряпчего, а в 1692 г. — стольника. В 1689 г. и 1691 г. Самойла Чебышев являлся алатырским воеводой¹⁶³.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: И.С. Чебышев // Российский следователь. 2016. № 17. С. 48–53.

¹⁶¹ К началу XVIII в. написание фамилии Чебышевых еще не устоялось и ее носители (в том числе Иван Самойлович) именовались в документах то Чебышovy, то Чебышевы.

¹⁶² См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 449–450.

¹⁶³ Список воеводам, наместникам и губернаторам Симбирского края // Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868. С. 129.

Ни дату, ни место рождения Ивана Чебышева установить к настоящему времени не удалось. Известно, что в 1686 г. он числился «не в чину»¹⁶⁴, а в 1696 г. — стольником¹⁶⁵. У Ивана Самойловича было два брата — Алексей и Никита, также являвшиеся стольниками¹⁶⁶.

Выяснить, когда И.С. Чебышев начал военную службу, также не представилось возможным. Из документального описания второго азовского похода 1696 г. явствует, что стольник Иван Чебышев принимал в нем участие в чине есаула (вместе с братом Алексеем)¹⁶⁷.

И.С. Чебышев, вероятно, в 1701 г. поступил на службу в гвардии Преображенский полк¹⁶⁸. 11 октября 1702 г. во время многочасового штурма шведской крепости Нотебург¹⁶⁹ прапорщик Иван Чебышев оказался в числе нескольких офицеров, добровольно присоединившихся к колонне, атаковавшей крепость¹⁷⁰. Судя по всему, в качестве награды за участие в штурме в том же 1702 г. Иван Самойлович получил

¹⁶⁴ Лопатин Н.В., Бессонов В.А., Заурдина С.Я. История рода Чебышевых. Калуга, 2004. С. 94–95.

¹⁶⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. С. 450.

¹⁶⁶ Там же. С. 449.

¹⁶⁷ Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города / сост. В.Г. Рубан. СПб., 1773. С. 28.

¹⁶⁸ И.С. Чебышев не упомянут в списке военнслужащих Преображенского полка, начавших в нем службу до 1701 г. См.: История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1900. С. 157–168.

¹⁶⁹ Ныне г. Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944–1992 гг. именовался Петрокрепость).

¹⁷⁰ Азанчевский М.П. История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 40.

очередной чин поручика, а также был переведен из 1-й роты Преображенского полка в гренадерскую роту¹⁷¹.

Именно с гренадерской ротой оказался связан последующий этап гвардейской карьеры Ивана Чебышева. Гренадерские роты (появившиеся в российской армии на исходе XVII в.) являлись штурмовыми подразделениями войсковых частей и комплектовались наиболее физически крепкими военнослужащими. Исходя из этого, возможно предположить, что И.С. Чебышев отличался значительной физической силой и незаурядной личной храбростью.

В каких именно боях и походах Великой Северной войны принял участие Иван Чебышев после взятия Нотебурга, установить к настоящему времени не удалось, но воевал он, несомненно, достойно. Уже к декабрю 1706 г. Иван Самойлович стал капитаном гренадерской роты Преображенского полка¹⁷², иначе говоря, ее командиром.

Во главе гренадерской роты Иван Чебышев находился до 1711 г.¹⁷³ Далее его имя из списков полка исчезает. Когда и при каких обстоятельствах Иван Чебышев покинул военную службу в Преображенском полку, неясно. По всей очевидности, это произошло из-за серьезного ухудшения здоровья ротного командира гренадер. В документе, составленном в феврале 1718 г., Иван Самойлович упомянут уже

¹⁷¹ История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1904. С. 207. В опубликованном списке офицеров, служивших в Преображенском полку с момента учреждения по 1883 г., ошибочно указано, что И.С. Чебышев был произведен в поручики в 1708 г. См.: История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. / сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. Т. 4. Приложения. С. 237.

¹⁷² Азанчевский М.П. Указ. соч. Приложения. С. 69.

¹⁷³ Там же. С. 96. В 1712 г. ротой командовал уже капитан-поручик С.Б. Федоров (Там же. С. 103).

среди отставных офицеров Преображенского и Семеновского полков¹⁷⁴.

Однако уход со строевой должности в гвардии вовсе не означал ухода И.С. Чебышева с государевой службы. Ивану Чебышеву суждено было оказаться в числе первых гвардейцев, кого Петр I назначил следователями. По именному указу от 9 мая 1715 г. гвардии капитан¹⁷⁵ И.С. Чебышев был направлен в Азовскую губернию¹⁷⁶ для расследования уголовного дела о злоупотреблениях местных администраторов. Так в России возникла четвертая по счету следственная канцелярия.

По организации и поставленной задаче следственная канцелярия Ивана Чебышева весьма напоминала первую следственную канцелярию России — гвардии майора князя М.И. Волконского, учрежденную 25 июля 1713 г. Как и в случае с канцелярией Михаила Волконского, канцелярия И.С. Чебышева руководилась им единолично, а также должна была осуществлять расследование непосредственно в назначенном регионе. Правда, в отличие от М.И. Волконского, подчиненного исключительно царю, Иван Чебышев должен был, как уже упоминалось, «в небытность» Петра I получать указания от гвардии капитана И.Н. Плещеева, главы другой следственной канцелярии, основанной в феврале 1715 г.¹⁷⁷

¹⁷⁴ История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому. С. 47.

¹⁷⁵ В XVIII в. военнотружущий и после отставки сохранял право именоватьсЯ прежним чином (равно как и носить форменную одежду). Позднее это перестало быть общепринятым и стало оформлятьсЯ в качестве особой льготы — увольнения «с мундиром».

¹⁷⁶ Несмотря на то что г. Азов был в январе 1712 г. возвращен Турции (по условиям Прутского мирного договора от 12 июля 1711 г.) и губернский городом стал Тамбов, а в 1715 г. — Воронеж, губерния продолжала именоваться Азовской до 1725 г.

¹⁷⁷ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 220, 224.

Поводом для создания следственной канцелярии Ивана Чебышева явились ставшие известными царю доношения азовских комиссаров Ф. Ремезова и А. Стерлегова, а также жителя г. Лебедяни¹⁷⁸ Гаврилы Боева¹⁷⁹ о злоупотреблениях группы местных администраторов — от дьяка губернской канцелярии Ивана Чашникова до лебедянского коменданта И. Домогацкого. Согласно опубликованному архивному документу¹⁸⁰, Ивану Самойловичу предстояло расследовать выдвинутые доносителями обвинения в «похищении его государевой денежной казны... и в налогах, и во взятках, и в неслужении¹⁸¹, и в укрывательстве от служеб¹⁸², и в держании беглых салдат».

В свою очередь, в сенатском указе от 18 июня 1715 г. отмечалось, что Иван Самойлович был направлен из Санкт-Петербурга «от фискалских дел»¹⁸³. Иными словами, гвардии капитану надлежало также расследовать дела, возбужденные в

¹⁷⁸ Ныне административный центр Лебедянского района Липецкой области.

¹⁷⁹ Характерно, что, прежде чем доношение Г. Боева начало расследоваться, он претерпел изрядные злоключения. Для начала Гаврилу Боева вместе с семьей взял под стражу обличавшийся им комендант И. Домогацкий. Когда же лебедянцу удалось вырваться и добраться до Санкт-Петербурга, то за подачу доношения напрямую царю (минуя Правительствующий Сенат) он был 29 октября 1714 г. приговорен к наказанию кнутом. См.: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып. 2. С. 50–51; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 224.

¹⁸⁰ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 1. С. 285.

¹⁸¹ То есть в уклонении от мобилизации на военную службу.

¹⁸² То есть в уклонении от привлечения на государственную гражданскую службу.

¹⁸³ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. Кн. 1. С. 548.

отношении азовских администраторов фискальской службой России¹⁸⁴. Хотя точное количество подобных дел, попавших в производство следственной канцелярии И.С. Чебышева, осталось неизвестным, можно с уверенностью констатировать, что их количество исчислялось десятками.

К примеру, как явствует из архивного документа, только в Воронежской провинции Азовской губернии местный орган фискальской службы возбудил к апрелю 1716 г. 16 уголовных дел, главным образом по обвинению должностных лиц разных уровней в совершении преступлений против интересов службы¹⁸⁵. Так, воронежские фискалы выявили эпизод преступной халатности коменданта Ф. Ляпунова, в результате чего сгнили хранившиеся в г. Острогожске¹⁸⁶ запасы провианта для армии. А вот комендант г. Романова¹⁸⁷ был обвинен фискалами в неоднократном получении взяток от дезертиров и в хищении казенного продовольствия в особо крупном размере («крал из государевых житниц и возил подвод по 5 и болши»¹⁸⁸).

В середине 1715 г. Правительствующий Сенат дополнительно поручил И.С. Чебышеву осуществить проверку двух заявлений о противоправных действиях различных лиц, совершенных на территории Азовской губернии. Первым таким

¹⁸⁴ О фискальской службе подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: фискальская служба как орган уголовного преследования // Российский следователь. 2015. № 6. С. 50–55. О деятельности фискалов Азовской губернии в петровское время см.: Комолов Н.А. Органы следствия, суда и надзора в российской провинции XVIII века: на материалах Белгородской и Воронежской губерний. Воронеж, 2007. С. 76–87.

¹⁸⁵ См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 63. Л. 745–746 об.

¹⁸⁶ Ныне городское поселение — административный центр Острогожского района Воронежской области.

¹⁸⁷ Ныне с. Ленино Липецкого района Липецкой области.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 63. Л. 745 об.

заявлением стала исковая челобитная группы пахотных солдат Рязжского уезда, поступившая в Сенат в июне 1715 г.¹⁸⁹ Заявители утверждали, что местный помещик князь М.В. Кропоткин осуществил захват части принадлежавших им земель близ г. Рязжска.

Предшествующие попытки солдат добиться восстановления нарушенных прав собственности в судебном порядке оказались безуспешными. Более того, как указывали челобитчики, в ответ на их последнее обращение азовский вице-губернатор С.А. Кольчев, действуя в угоду Михаилу Кропоткину, приказал нескольких заявителей взять под стражу, а нескольких — подвергнуть телесному наказанию.

Будучи осведомлены о прибытии в Азовскую губернию Ивана Чебышева, челобитчики просили поручить разбирательство дела именно ему (именуя при этом Ивана Самойловича «розыщиком»¹⁹⁰). Сенат удовлетворил ходатайство рязжских солдат в полном объеме. Согласно уже упоминавшемуся сенатскому указу от 18 июня 1715 г., И.С. Чебышеву поручалось не только проверить обстоятельства дела, но и вынести по нему судебное (!) решение.

Вторым заявлением явилось пространное доношение, направленное в Сенат дьяконом соборной церкви г. Корочи¹⁹¹ Лазарем Лофицким¹⁹². В доношении содержались обвинения корочанского сотника И.Л. Тевяшева в совершении

¹⁸⁹ Подробный пересказ челобитной см.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. Кн. 1. С. 547–548.

¹⁹⁰ Уникальное народное прозвание главы следственной канцелярии первой четверти XVIII в.

¹⁹¹ Ныне административный центр Корочанского района Белгородской области.

¹⁹² Подробный пересказ доношения см.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. Кн. 2. С. 687–691.

многочисленных преступлений против интересов службы. В частности, заявитель привел сведения о получении Иваном Тевяшевым взяток с 66 (!) лиц, причем сопряженных с вымогательством¹⁹³. Доноситель утверждал также, что сотнику оказывали покровительство полковник Острогожского полка И.И. Тевяшев и сам вице-губернатор Степан Кольчев. 27 июля 1715 г. Сенат указал направить доношение Л. Лофицкого для проверки гвардии капитану И.С. Чебышеву¹⁹⁴.

Следственная канцелярия Ивана Чебышева не имела постоянной дислокации, функционируя попеременно то в Воронеже, то в Тамбове. Кроме того, на период одного-двух месяцев она располагалась также в Козлове¹⁹⁵ и в Ельце. В последний год существования канцелярия размещалась в Москве¹⁹⁶.

Аппарат канцелярии состоял из нескольких канцелярских служащих во главе с дьяком Василием Калининным, откомандированным в распоряжение И.С. Чебышева из Московской губернской канцелярии¹⁹⁷. Кроме того, Иван Чебышев нередко временно мобилизовывал в следственную канцелярию и местных «приказных служителей». Один из них — Семен Ремезов (прежде трудившийся в комиссии по демаркации новой границы с Турцией) — отработал в канцелярии И.С. Чебышева до самого ее закрытия¹⁹⁸.

¹⁹³ См.: «Роспись взяткам, что он, сотник, с кого какие взятки брал насилством своим». Там же. С. 690–691.

¹⁹⁴ Там же. С. 691.

¹⁹⁵ Ныне г. Мичуринск — административный центр одноименного района Тамбовской области.

¹⁹⁶ Бабич М.В. Указ. соч. С. 224.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 647. Л. 795.

¹⁹⁸ Там же. Ф. 286. Кн. 203. Л. 620–620 об. Впоследствии С. Ремезов служил на канцелярских должностях в Санкт-Петербургском надворном суде, Юстиц-коллегии и нескольких следственных комиссиях (Там же. Л. 621–621 об.).

Судя по документам, введенным к настоящему времени в научный оборот, Иван Чебышев повел следствие с размахом и без всякой оглядки на руководство губернии. Воспользовавшись присутствием в регионе присланного из Санкт-Петербурга следователя, местные жители принялись напрямую обращаться к Ивану Самойловичу с заявлениями как о злоупотреблениях азовских администраторов, так и о несправедности вынесенных ими судебных решений.

В итоге следственная канцелярия Ивана Чебышева стала наводить буквально трепет на попавших в поле ее зрения администраторов. Как явствует из позднейшего документа, дошло до того, что оказавшийся в 1715 г. под следствием по обвинению в должностных преступлениях елецкий подьячий Данила Данилов, опасаясь изобличения еще и в совершенном им умышленном убийстве, покончил с собой¹⁹⁹.

Подобная независимая позиция следственной канцелярии не могла не вызвать противодействия со стороны губернских властей. Непосредственно управлявший Азовской губернией вице-губернатор С.А. Колычев обратился с жалобами на действия Ивана Самойловича в Правительствующий Сенат и к номинальному руководителю губернии генерал-губернатору Ф.М. Апраксину²⁰⁰, входившему в ближайшее окружение Петра I.

В посланиях к генерал-губернатору Степан Колычев обвинил И.С. Чебышева, в частности, в том, что он оказался под влиянием местных дворян Ремезовых, которые провоцировали в регионе «всякие непорядки... и мятежи... а простого на-

¹⁹⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1909. Т. 130. С. 173.

²⁰⁰ Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия / сост. Ф.Ф. Веселаго. СПб., 1879. Т. 2. С. 261–262.

рода людей привели к камандирам в непослушание и бесстрашие»²⁰¹.

Реакция Ф.М. Апраксина достоверно неизвестна (хотя какие-то действия он, несомненно, предпринял: генерал-губернатор всячески покровительствовал Степану Кольчеву). Сенат же откликнулся на обращение С.А. Кольчева изданием указа от 12 марта 1716 г., согласно которому И.С. Чебышеву воспрещалось впредь самостоятельно возбуждать и расследовать уголовные дела («в другие росправные дела не вступать»)²⁰².

Учитывая активность Ивана Чебышева в разоблачении криминальных деяний азовских администраторов, представляется возможным предположить, что гвардии капитан взялся собирать компрометирующие материалы и на вице-губернатора С.А. Кольчева, но расследовать дело в отношении вице-губернатора И.С. Чебышеву не довелось. По решению Петра I уголовное дело Степана Кольчева было направлено в производство следственной канцелярии гвардии майора С.А. Салтыкова, учрежденной 9 декабря 1717 г.²⁰³

Между тем, руководя следственной канцелярией, Иван Чебышев сам оказался под следствием, причем по обвинению в совершении особо тяжкого государственного преступления. Началось с того, что 30 марта 1718 г. дезертир, бывший драгун Великолуцкого полка Андрей Полибин, находясь

²⁰¹ Цит. по: Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009. С. 166–167. Судя по всему, одним из этих Ремезовых был уже упоминавшийся Семен Ремезов, привлеченный И.С. Чебышевым в качестве канцелярского служащего.

²⁰² Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 6. Кн. 1. С. 285.

²⁰³ О следственной канцелярии С.А. Салтыкова см. ниже, в § 2 гл. 3-й настоящего издания.

в «колодничьей палате»²⁰⁴ Преображенского приказа²⁰⁵, подал письменный «извет»²⁰⁶ на двух руководителей следственных канцелярий — гвардии поручика князя М.Я. Лобанова-Ростовского и гвардии капитана И.С. Чебышева²⁰⁷.

Содержание извета было неординарным. А. Полибин объявил, что Михаил Лобанов-Ростовский и Иван Чебышев замыслили убийство (!) Петра I, которое они планировали совершить в Москве, во время «потехи» на Царицыном лугу 1 декабря 1717 г. Будучи допрошен 31 марта и 9 апреля 1718 г., бывший драгун подтвердил содержание извета. В качестве источников информации Андрей Полибин сослался на разговор между Иваном Самойловичем и князем Михаилом Яковлевичем, который он подслушал во время пребывания под стражей в следственной канцелярии И.Н. Плещеева в Москве, а также на письмо некоего подследственного, содержавшегося в той же канцелярии (уже, впрочем, умершего).

В принципе уголовное дело по извету А. Полибина могло и не возбуждаться. Во-первых, как явствует из последующих событий, бывший драгун страдал очевидным психическим расстройством. Во-вторых, покушение на Царицыном лугу в указанное изветчиком время заведомо не могло состояться: почти весь 1717 г. Петр I провел за рубежом и в Санкт-Петер-

²⁰⁴ Место содержания под стражей подследственных и подсудимых, прообраз современного СИЗО.

²⁰⁵ Многофункциональный административно-судебный орган, являвшийся в том числе специализированным судом по государственным преступлениям.

²⁰⁶ То есть заявление о совершении или подготовке к совершению государственного преступления.

²⁰⁷ Подробнее см.: Рычаловский Е.Е. Дело драгуна Полибина и феномен ложного извета в петровскую эпоху // Петр Великий — реформатор России / отв. ред. Н.С. Владимирская. М., 2001. С. 63–66.

бурге, прибыв в Москву лишь 21 декабря 1717 г.²⁰⁸ Учитывая, что во время нахождения в Москве царь неизменно проживал в резиденции в селе Преображенском, где дислоцировался и Преображенский приказ, руководители этого приказа не могли не быть осведомлены об отмеченной дате.

Однако, судя по всему, приняв во внимание особую общественную опасность преступления, о подготовке которого сообщил Андрей Полибин, в Преображенском приказе решили все же не оставлять извет без внимания. И.С. Чебышев и Я.И. Лобанов-Ростовский были срочно вызваны в Преображенское. На допросах оба гвардейца отрицали не только знакомство с А. Полибиным, но и само нахождение в Москве в указанное им время²⁰⁹.

Однако бывший драгун не унимался. 21 августа 1718 г. он подал новый извет, заявив на этот раз, что Иван Чебышев и Яков Лобанов-Ростовский не только хотели убить Петра I, но и намеревались выбрать новым царем главу Преображенского приказа князя И.Ф. Ромодановского. В конце концов, после пытки на дыбе и очных ставок с гвардейцами А. Полибин сознался, что оговорил их обоих, причем Ивана Чебышева назвал только потому, что мельком видел его в канцелярии И.Н. Плещеева²¹⁰.

²⁰⁸ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова; под ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 470.

²⁰⁹ Рычаловский Е.Е. Указ. соч. С. 64.

²¹⁰ Там же. С. 65. Несмотря на то что за подобные ложные изветы А. Полибин подлежал смертной казни, в июне 1719 г. он был приговорен лишь к каторжным работам. Однако и каторга не избавила бывшего драгуна от навязчивых фантазий. В ноябре 1719 г. Андрей Полибин подал новый извет, обвинив в намерении убить царя (все на том же Царицыном лугу) теперь уже московского вице-губернатора В.С. Ершова и одного из руководителей Тайной канцелярии гвардии майора А.И. Ушакова. На этот раз дело обернулось для сумасшедшего изветчика смертным приговором, приведенным в исполнение в Санкт-Петербурге 3 июня 1720 г. (Там же. С. 66).

Следственная канцелярия И.С. Чебышева была ликвидирована в конце 1719 г. Одно из последних ее решений касалось доносителя Г. Боева. Придя к выводу (как представляется, ошибочному), что упоминавшееся выше заявление Гаврилы Боева о злоупотреблениях коменданта И. Домогацкого явилось ложным, Иван Чебышев приговорил доносителя к наказанию кнутом²¹¹.

Уголовные дела, находившиеся в производстве канцелярии Ивана Самойловича, были переданы в Московский надворный суд. По всей вероятности, это было предпринято по образцу передачи в тот же суд дел следственной канцелярии И.Н. Плещеева, осуществленной в соответствии с сенатским указом от 19 июня 1719 г.²¹²

В 1721 г. из Московского надворного суда уголовные дела упраздненной канцелярии И.С. Чебышева были перенаправлены в Воронежский надворный суд. Как явствует из архивного документа, в феврале 1723 г. в Воронежском надворном суде числилось дел, «которые имелись в канцелярии от гвардии капитана господина Чебышова»: незавершенных производством 467 (!), завершенных — 159²¹³. Таков был итог работы четвертой следственной канцелярии России.

Сведения о судьбе Ивана Чебышева после закрытия его канцелярии крайне скудны. Известно, что он был произведен в полковники. Согласно опубликованному архивному документу, в 1722–1725 гг. полковник И.С. Чебышев занимал

²¹¹ Бабич М.В. Указ. соч. С. 46. Эпизодическое вынесение приговоров в отношении второстепенных фигурантов уголовных дел имело место в практике и других следственных канцелярий Петра I.

²¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 521. Л. 87. О надворных судах подробнее см.: Серов Д.О. Надворные суды в судебной системе России (1719–1727 гг.) // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 132–138.

²¹³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5951. Л. 2. О Воронежском надворном суде подробнее см.: Комолов Н.А. Органы следствия, суда и надзора... С. 42–50.

должность главы администрации Переславль-Залесской провинции²¹⁴.

Все остальные сведения периода после 1725 г., приводимые в литературе об И.С. Чебышеве, относятся в действительности не к нему, а к его почти полному тезке — полковнику Ивану Васильевичу Чебышеву²¹⁵, являвшемуся дальним родственником Ивана Самойловича.

Ни времени, ни места кончины Ивана Самойловича Чебышева установить к настоящему времени не удалось.

§ 5. Гвардии капитан Г.И. Кошелев*

«А у твоих императорского величества дел он, муж мой, был бескорыстен, толко служил Вашему величеству с одного жалованья... А по смерти, государь, ево денег осталось два рубля семь алтын. И мне, рабе Вашей, тело мужа моего погребсти было нечем»²¹⁶. Так в августе 1722 г. в челобитной

²¹⁴ Областные правители России. 1719–1739 гг. / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 30.

²¹⁵ Начав службу в стольниках царицы Прасковьи Федоровны, И.В. Чебышев принял участие в крымских походах 1688–1689 гг., начальных кампаниях Великой Северной войны, Прутском походе 1711 г. В 1704 г. получил ранение при взятии Дерпта (ныне г. Тарту Эстонской Республики). В 1716–1732 гг. возглавлял Суконный двор в Москве, а в 1732–1739 гг. — Ямскую канцелярию. В феврале 1740 г. уволен в отставку. Умер в том же 1740 г. См.: Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1912. Т. 138. С. 85–86 ; Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 682.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: Г.И. Кошелев // Российский следователь. 2016. № 15. С. 52–56.

²¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 57. Л. 240.

на имя императора Петра I писала Анна Тимофеевна Кошелева (урожденная Кологривова), вдова одного из первых российских следователей — полковника Г.И. Кошелева. В приведенных строках Анна Тимофеевна сумела емко и точно охарактеризовать жизнь и деяния Герасима Ивановича Кошелева, которые стали выдающимся примером честного и бескорыстного служения Отечеству.

Герасим Иванович Кошелев был выходцем из не особенно родовитой дворянской фамилии, родоначальником которой считался некий Аршер Кошелев, выехавший в XVI в. из Польши в Россию на службу к великому князю Василию III Ивановичу и верстаный поместьями в Рязанском, Козельском и Белевском уездах. Отец будущего следователя И.Ф. Кошелев был ветераном русско-турецкой войны 1676–1681 гг., получившим ранение в боях под Чигирином²¹⁷. В 1683 г. Иван Кошелев удостоился «московского» чина стольника, а в 1684–1692 гг. служил командиром стрелцкого полка²¹⁸.

Согласно надгробной надписи, родился Герасим²¹⁹ Иванович 10 июля 1671 г.²²⁰ Сведений о первых тридцати пяти годах его жизни сохранилось немного²²¹. На сегодня известно лишь, что в 1692 г. Герасим Кошелев состоял стольником при дворе

²¹⁷ Ныне административный центр одноименного района Черкасской области Украины.

²¹⁸ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 424, 426.

²¹⁹ В документах первой четверти XVIII в. имя Г.И. Кошелева нередко писалось как «Гарасим».

²²⁰ Московский некрополь / сост. В.И. Саитов. СПб., 1908. Т. 2. С. 98.

²²¹ В частности, ничего не известно об образовательной подготовке, которую получил Г.И. Кошелев. Из сохранившихся автографов Герасима Ивановича очевидно, что он обладал вполне связным почерком с четливыми элементами графики XVII в.

царицы Прасковьи Федоровны²²² (супруги тогдашнего соправителя Петра I царя Ивана V). Затем, как и многие другие молодые придворные, Г.И. Кошелев оказался на службе в гвардии.

Из опубликованных документов явствует, что в декабре 1706 г. Герасим Иванович уже был гвардии капитаном, командиром 15-й роты Преображенского полка²²³. Командиры рот занимали высокое положение в гвардейской иерархии, назначались на должность непосредственно царем²²⁴.

По всей вероятности, Г.И. Кошелеву довелось принять участие во всех основных кампаниях начального периода Великой Северной войны и в Прутском походе. В документах полкового архива сохранилось известие об участии капитана Герасима Кошелева в штурме занятого шведами укрепленного местечка Рашевки²²⁵ близ Полтавы 15 февраля 1709 г.²²⁶ 3 февраля 1713 г. из командиров 15-й роты Преображенского полка Г.И. Кошелев был определен командиром 3-й роты того же полка²²⁷.

²²² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 210.

²²³ Азанчевский М.П. История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 72.

²²⁴ В 1706 г. Преображенский полк состоял из четырех батальонов, в каждом из которых было по четыре роты. Личный состав полка насчитывал тогда 2837 человек, в нем проходили службу 1 полковник, 2 подполковника, 2 майора и 20 капитанов. См.: История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1904. С. 28.

²²⁵ Ныне *Раши́вка* — село в Гадячском районе Полтавской области Украины.

²²⁶ История лейб-гвардии Преображенского полка. С. 28.

²²⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 161.

Как известно, Петр I лично знал всех офицеров гвардейских полков, которые образовывали своего рода высочайший кадровый резерв. С одной стороны, царь часто доверял гвардейцам выполнение различных поручений, непосредственно не связанных с военным делом (от полицейских до дипломатических), а с другой — нередко назначал их на различные государственные должности. Очередной кадровый выбор будущего императора пал на капитана Г.И. Кошелева.

Как уже упоминалось выше, 15 марта 1715 г. Петр I определил Герасима Ивановича главой только что основанной Канцелярии подрядных дел²²⁸. Тогда же он был произведен в полковники²²⁹. Три месяца спустя, в июле 1715 г., царь дополнительно поручил Герасиму Кошелеву завершить организованный в Санкт-Петербурге смотр дворян в возрасте от 10 до 30 лет²³⁰.

При всей содержательной разнородности оба отмеченных назначения имели одно сходство: это были выгодные, «хлебные» места, располагавшие к получению значительных взяток. И тот факт, что в данном случае Петр I остановил свой выбор на Г.И. Кошелеве, свидетельствует о том, что Герасим Иванович имел репутацию безукоризненно честного офицера, никак не склонного поддаваться коррупционным соблазнам.

Канцелярия подрядных дел была создана для управления делами по казенным подрядам и сборам недоимок с гу-

²²⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 151–152.

²²⁹ Существовавшая в первой трети XVIII в. система военного чинопроизводства допускала параллельное наличие гвардейского и «полевого» (либо военно-морского) чинов. Случай с Г.И. Кошелевым явился одним из примеров такого двойного чинопроизводства. Так, оставаясь в чине (в современном понимании — в воинском звании) гвардии капитана, Герасим Иванович одновременно стал «полевым» полковником.

²³⁰ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 3.

берний. Ее учреждению предшествовало вскрытие ряда афер, связанных с завышением цен на поставку в Санкт-Петербург и в армию провианта и фуража ответственными за такие закупки должностными лицами, которые затем осуществляли через подставных лиц эти поставки. Колоссальные переплаты казенных денег шли в карманы осуществляющим закупки. Таким образом, Г.И. Кошелеву поручалось навести порядок в системе производства закупок для государственных нужд, выявлять злоупотребления в этой сфере.

Из введенных в научный оборот архивных документов следует, что во исполнение полученных от Петра I указаний в этот период Герасим Кошелев стал осуществлять некоторые расследования. Так, в 1715 г. секретарь Петра I А.В. Макаров направил в Подрядную канцелярию подъячего, заявившего об эпизодах злоупотреблений по рекрутским наборам, «для надлежащего против доношения исследования»²³¹. Известно также, что в январе 1716 г. Подрядная канцелярия занималась ревизией переписи дворов (включая следствие над «переписчиками», виновными «в утайке душ») по Санкт-Петербургской губернии²³².

Однако в 1716 г. Г.И. Кошелеву пришлось заняться следственными делами в несравненно большем объеме. Началось с того, что 27 января 1716 г., в самом преддверии длительной зарубежной поездки, Петр I указал Герасиму Кошелеву совместно с дьяком Ф.Д. Вороновым принять в следственное производство многоэпизодное «архангельское дело», расследованием которого прежде занималась не раз уже упоминавшаяся канцелярия гвардии майора князя М.И. Волконского — первая следственная канцелярия России. Одновременно

²³¹ Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 40–41.

²³² Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 225.

Герасиму Кошелеву и Федору Воронову поручалось провести следствие и в отношении самого князя Михаила Волконского²³³.

Появление рядом с Г.И. Кошелевым дьяка Ф.Д. Воронова было не случайным. Как было сказано выше, Федор Дмитриевич являлся ключевой фигурой в следственной канцелярии, возглавлявшейся близким к царю гвардии подполковником и генерал-лейтенантом князем В.В. Долгоруковым. Поскольку Ф.Д. Воронов являлся к тому времени вполне опытным следователем, искушенным в практическом законоведении, царь и прикомандировал его к «незабычному» в уголовном судопроизводстве Герасиму Кошелеву.

Однако, поскольку Василий Долгоруков надолго покинул Россию в составе небольшой свиты Петра I, очень скоро стал вопрос и о судьбе уголовных дел, находившихся в производстве его следственной канцелярии. На тот момент в Санкт-Петербурге оставалось немало авторитетных правительственных и военных деятелей, потенциально способных временно заместить князя Василия Владимировича в делах канцелярии. Однако царь вновь остановил свой выбор на Г.И. Кошелеве.

13 марта 1716 г., находясь в Данциге²³⁴, Петр I направил Герасиму Ивановичу указ с предписанием временно возглавить следственную канцелярию В.В. Долгорукова. Поскольку канцелярия Василия Долгорукова занималась расследованием в том числе и финансовых злоупотреблений «полудержавно-

²³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 48. Публикацию документа см.: «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 201.

²³⁴ Ныне Гданьск (*Gdańsk*) — административный центр одноименного воеводства Республики Польша.

го властелина» А.Д. Меншикова (основную роль в котором играл Ф.Д. Воронов), именной указ заканчивался не вполне ординарной фразой: «Також и ево, дьяка Воронова, в обиду никому не давай»²³⁵.

Таким образом, на Г.И. Кошелева оказалась возложена огромная служебная нагрузка. Продолжая руководить Подрядной канцелярией, он возглавил расследование внушительного комплекса уголовных дел, большая часть из которых имела, выражаясь современным языком, резонансный характер. Среди подследственных Герасима Ивановича оказались такие «птенцы гнезда Петрова», как бывший архангелогородский вице-губернатор А.А. Курбатов, бывший обер-комиссар Д.А. Соловьев (с братьями Федором и Осипом), генерал-фельдмаршал А.Д. Меншиков, бывший глава следственной канцелярии М.И. Волконский.

Что касается князя Михаил Волконского, то из имеющихся разрозненных материалов возможно предположить, что канцелярией Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова он был изобличен в свертывании (в нарушение именного указа от 25 июня 1713 г.) расследования против обер-комиссара Д.А. Соловьева, в частичной фальсификации дела против вице-губернатора А.А. Курбатова, а также, по-видимому, во взятках с поморских жителей. В конце 1717 г. дело М.И. Волконского было передано в военный суд («кригсрехт»).

Как известно, по приговору суда 9 декабря 1717 г. М.И. Волконский был расстрелян. В тот же день Петр I образовал сразу шесть «майорских» следственных канцелярий, одна из которых — канцелярия под руководством Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова — была образована на основе уже существовавшей с 1716 г. следственной канцелярии, находившейся в их ведении.

²³⁵ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8–8 об.

В итоге всего в производство канцелярии Герасима Кошелева и Федора Воронова были закреплены дела, расследование которых было начато канцеляриями князей М.И. Волконского и В.В. Долгорукова. Например, возбужденное в 1714 г. московским фискалом М.А. Косым дело по обвинению комиссара П.И. Власова и дьяка П.К. Скурихина во взятках и хищениях казенных средств — на более чем внушительную по тем временам сумму в 140 665 рублей — рассматривалось первоначально в канцелярии В.В. Долгорукова. Будучи временно перенесено (по именному указу от 13 марта 1716 г.) в следственную канцелярию Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова, это дело было окончательно закреплено в ее производстве по реестру от 9 декабря 1717 г.²³⁶

Значительным успехом деятельности следственной канцелярии Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова явилось изобличение ими братьев Дмитрия, Осипа и Федора Соловьевых, которые, пользуясь покровительством А.Д. Меншикова, создали в современном понимании международную преступную группу, занимавшуюся крупномасштабными махинациями с экспортными товарами²³⁷. На случай уголовного преследования О.А. Соловьев даже тайком оформил себе голландское гражданство. Общий штрафной начет на братьев составил в итоге астрономическую сумму в 709 620 рублей²³⁸.

Но все изменилось с началом активной фазы следствия по делу царевича Алексея, в ходе которой в феврале 1718 г. по обвинению в пособничестве царевичу, как уже упоминалось, был арестован и в последующем казнен дьяк Федор Воронов. Герасим Кошелев остался в этом деле вне подозрений.

²³⁶ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 69 об., 125–125 об.

²³⁷ О расследовании дела братьев Соловьевых подробнее см. ниже, в § 6 гл. 3-й настоящего издания.

²³⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 282 об.

Более того, он был включен в состав специального судебного присутствия из 127 судей, учрежденного для рассмотрения дела бывшего наследника престола. 24 июня 1718 г. после единственного заседания этот суд вынес Алексею Петровичу смертный приговор²³⁹. Подпись полковника Герасима Кошелева стоит под приговором 31-й по счету.

В 1718 г., оставшись без компетентного помощника в лице Ф.Д. Воронова и будучи обременен новыми поручениями по Подрядной канцелярии, Герасим Кошелев начал все более отходить от активного участия в расследовании уголовных дел. Так, в ноябре 1718 г. по своим параллельным служебным обязанностям «для нужнейших его величества дел» он отправился в Ярославль и Нижний Новгород. Все дела канцелярии Герасима Ивановича были переданы в следственную канцелярию гвардии майора князя Г.Д. Юсупова²⁴⁰.

В том же 1718 г. Г.И. Кошелев стал советником Камер-коллегии, созданной Петром I в числе первых коллегий именным указом от 11 декабря 1717 г. К компетенции коллегии относились «всякое расположение и ведение доходов денежных всего государства»²⁴¹. Отвечая за доходную часть государственного бюджета, Камер-коллегия осуществляла сбор всех видов налогов, контролировала соляные промыслы и монетное дело.

Формально окончательное освобождение Герасима Кошелева от руководства следственной канцелярией произошло в апреле 1719 г. Согласно именному указу от 10 апреля 1719 г., «канцелярия розыскных дел, которая была под ведением

²³⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536.

²⁴⁰ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 87–87 об. О канцелярии Г.Д. Юсупова подробнее см. ниже, в § 3 гл. 3-й настоящего издания.

²⁴¹ Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 97–98.

полковника и лейб-гвардии капитана господина Кошелева», была передана под руководство гвардии майора М.А. Матюшкина²⁴². К моменту ликвидации следственная канцелярия Г.И. Кошелева располагала вполне внушительным штатом канцелярских служащих: в ней трудились дьяк Иван Васильев, трое старших и 15 «средней статьи» и «молодых»²⁴³ подьячих²⁴⁴.

Герасим Кошелев продолжил службу в Камер-коллегии. Указом Петра I от 18 января 1722 г. Герасим Кошелев назначается президентом Камер-коллегии, и уже 5 февраля 1722 г. следует указ о вызове его в Москву из Санкт-Петербурга. Тем не менее он не сразу приступает к своим обязанностям, чтобы прежний президент князь Д.М. Голицын смог завершить неотложные дела²⁴⁵.

Вскоре после вступления в должность, 5 августа 1722 г., Герасим Кошелев умер в Москве на 52-м году жизни. Похоронили Герасима Ивановича на кладбище церкви Ризоположения у Донского монастыря²⁴⁶.

В начале XVIII в. местность вокруг храма, каменное здание которого построено в 1701–1716 гг., была малонаселенной, приход — сравнительно небольшим. В 1722 г. в нем значилось 130 домов. Среди прихожан преобладали простолюдины — жители московского предместья: ремесленники и мелкие торговцы, огородники²⁴⁷. Каменное здание храма, возведенное в Петровское время, сохранилось до настоящего времени²⁴⁸.

²⁴² РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 225.

²⁴³ То есть младших.

²⁴⁴ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 215–215 об.

²⁴⁵ Описание именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого / сост. П.И. Баранов. СПб., 1872. С. 83, 86, 95.

²⁴⁶ Московский некрополь. Т. 2. С. 98.

²⁴⁷ Храм Положения Ризы Господней на Донской улице в Москве. М., 2011. С. 12, 18.

²⁴⁸ Современный адрес храма Положения Ризы Господней (церкви Ризоположения): ул. Донская, дом 20/6, строение 1.

Сегодня на месте находившегося у церкви погоста разбит сквер. Найденные при проведении земляных работ останки захороненных у храма погребены на территории сквера в общей могиле, место которой обозначено большим валуном с установленным на нем черным каменным крестом. Возможно, что именно там и покоятся останки одного из первых российских следователей — полковника Герасима Кошелева, обладавшего феноменальной среди «птенцов гнезда Петрова» честностью.

Как явствует из архивного документа, возглавлявший Подрядную канцелярию, через которую проходили все заключаемые с казной контракты, а затем ставший президентом Камер-коллегии, Герасим Кошелев (как уже было отмечено) оставил после себя 2 рубля 7 алтын наличных денег при 864 рублях долга. Недвижимого же имущества за ним на момент смерти было всего-навсего 8 крестьянских дворов. Хоронить этого бесребреника пришлось на 100 рублей, пожертвованных из личных средств его бывшим однополчанином, капитаном Преображенского полка генерал-прокурором П.И. Ягужинским, и выданные под проценты 100 рублей из канцелярии ведомства еще одного однополчанина — гвардии майора А.И. Ушакова²⁴⁹.

В ответ на челобитную вдовы, согласно указу Правительствующего Сената от 10 августа 1722 г., «за службы» Герасима Ивановича и его «бескорыстную работу и для ево скудости» А.Т. Кошелевой было выплачено 1000 рублей²⁵⁰. Таков был эпилог жизни Герасима Ивановича Кошелева.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 57. Л. 240.

²⁵⁰ Там же. Л. 242.

Глава 3

Презусы «майорских» следственных канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г.

§ 1. Гвардии подполковник князь П.М. Голицын*

21 января 1722 г. в Спасо-Преображенском соборе московского Кремля состоялась необычно торжественная церковная служба. В тот день в неприметный старинный храм у стен Большого Кремлевского дворца явились высшие церковные иерархи, сенаторы, генералы, недавно прибывший в Москву гетман Малороссии И.И. Скоропадский, а затем и сам император Петр I. Во время пения божественной литургии к государю приблизился офицер, который сообщил ему о только что последовавшей кончине князя Петра Михайловича Голицына¹.

Кто же такой был П.М. Голицын? И почему о его смерти императору было доложено прямо в ходе богослужения?

Петр Михайлович принадлежал к знатному и разветвленному роду князей Голицыных, которые вели происхождение

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь П.М. Голицын // Российский следователь. 2016. № 21. С. 45–50.

¹ Ханенко Н.Д. Диариуш или журнал, то есть повседневная записка. Рок 1722 / публ. О.М. Бодянского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 1. Смесь. С. 14.

от великого князя Гедимины² (*Gedemminus*), правителя Великого княжества Литовского в 1316–1341 гг. Непосредственным родоначальником фамилии Голицыных явился потомок Гедимины князь Михаил Булгаков-Голица, боярин великого князя всея Руси Василия II Ивановича³.

Ко времени прихода к власти Петра I Голицыны прочно вошли в ряды правящей элиты России, стали одним из наиболее влиятельных аристократических кланов. Достаточно сказать, что в XVII в. девять представителей рода были удостоены высшего чина боярина⁴. Причем один из этих бояр — князь Б.А. Голицын (1654–1714) — состоял при будущем императоре воспитателем.

П.М. Голицын был средним сыном боярина князя Михаила Андреевича Голицына (1639–1687) и Прасковьи Никитичны, урожденной Кафтыревой (1655–1715)⁵. Семья была многодетной: Петр Голицын имел четверых сестер и троих братьев⁶ (старший из которых родился в первом браке отца⁷).

Оба старших и младший брат князя Петра Михайловича проявили себя как выдающиеся государственные и военные деятели России XVIII в. Д.М. Голицын (1665–1738) состоял президентом Камер-коллегии, сенатором, членом Верховного Тайного совета, дослужился до чина действительного тайного советника. М.М. Голицын-старший (1675–1730)

² Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / сост. А.А. Бобринский. СПб., 1890. Ч. 1. С. 11.

³ Там же. С. 13.

⁴ См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 92–93.

⁵ Род князей Голицыных. Материалы родословные / сост. Н.Н. Голицын. СПб., 1892. Т. 1. С. 120.

⁶ Там же. С. 125–128.

⁷ Этот факт очевиден из сопоставления дат рождения П.Н. Кафтыревой и Д.М. Голицына.

стал прославленным полководцем Великой Северной войны, генерал-фельдмаршалом, президентом Военной коллегии. М.М. Голицын-младший (1684–1764) достиг должностей президента Адмиралтейств-коллегии и сенатора, чина генерал-адмирала. Все трое братьев были удостоены обоих высших орденов того времени — св. Александра Невского и св. Андрея Первозванного⁸.

Не менее видной фигурой в правительственной среде XVIII в. являлся двоюродный брат и тезка Петра Голицына П.А. Голицын (1660–1722). Князь Петр Алексеевич был первым российским послом в Священной Римской империи, архангелогородским, рижским, а затем киевским губернатором, сенатором «первого призыва». В 1710 г. Петр I возвел его в кавалеры единственного тогда ордена св. Андрея Первозванного⁹.

Поскольку П.М. Голицыну оказалось суждено уйти из жизни в сравнительно раннем возрасте, память о нем была, аллегорически выражаясь, накрыта тенью судеб его знаменитых родственников. Неудивительно поэтому, что введенные к настоящему времени в научный оборот сведения о Петре Голицыне скудны, фрагментарны и отчасти малодостоверны.

Согласно надгробной надписи, родился Петр Михайлович 11 июля 1682 г.¹⁰ Поскольку в 1682 г. боярин Михаил Голицын служил воеводой¹¹ в Пскове¹², не исключено, что его сын

⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 67–68, 80, 100, 174, 177, 195.

⁹ Там же. С. 70.

¹⁰ Надписи, находящиеся в Богоявленском московском монастыре // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 325.

¹¹ То есть главой администрации города и уезда.

¹² Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / сост. А.П. Барсуков. СПб., 1902. С. 186.

Петр появился на свет именно там. Обстоятельства первых 26 лет жизни П.М. Голицына поныне достаточно туманны.

Точно известно, что, в отличие от старших братьев Дмитрия и Михаила-старшего, успевших стать комнатными стольниками царя Петра Алексеевича¹³, Петр Голицын не получал никакого старомосковского чина. По данным последнего историографа гвардии Семеновского полка императорской армии поручика П.П. Дирина, Петр Голицын начал службу в Семеновской потешной роте, при учреждении в 1695 г. Семеновского полка был зачислен в его состав с чином поручика, а в 1698 г. произведен в капитаны¹⁴.

Однако при всем том, что в потешные роты могли зачисляться лица весьма юного возраста (М.М. Голицын-старший вступил в ту же Семеновскую потешную роту в 1687 г., 12 лет от роду, начав фельдмаршальскую карьеру учеником барабанщика¹⁵), сведения, приведенные П.Н. Дириным о службе П.М. Голицына, представляются не вполне достоверными. Тем более что никаких подробностей служебно-боевой деятельности князя Петра Михайловича за вторую половину 1690-х — первую половину 1700-х гг. выявить на сегодня не удалось.

Из этого периода жизни Петра Голицына известно также, что в марте 1703 г. он вступил в брак с княжной Феодосьей Владимировной Долгоруковой¹⁶, сестрой упоминавшегося выше гвардии капитана князя В.В. Долгорукова, будуще-

¹³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции. С. 92, 93.

¹⁴ Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. Приложения. С. 65.

¹⁵ Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / сост. А.В. Павлов, Н.К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 67.

¹⁶ Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / сост. Н.В. Козлова, А.Ю. Прокофьева. М., 2015. С. 431.

го руководителя одной из первых следственных канцелярий Петра I, а впоследствии генерал-фельдмаршала. Лично соприкасавшийся с П.М. Голицыным в последний год его жизни камер-юнкер герцога голштинского Ф.-В. Берхгольц называл князя «одним из воспитаннейших и образованнейших русских»¹⁷. Однако где именно и когда Петр Голицын сумел получить образование, совершенно неясно.

По крайней мере, документально установлено, что, в отличие от старшего брата Дмитрия Михайловича и двоюродного брата Петра Алексеевича, Петр Михайлович не был включен в группу из 66 дворян, направленных в январе 1697 г. в длительную образовательную командировку в Западную Европу¹⁸. Вместе с тем из сохранившихся в архивных документах образцов подписи П.М. Голицына явствует, что он достаточно уверенно владел пером (чего нельзя сказать о Михаиле Голицыне-старшем, который не имел навыка связного письма, расписываясь «черточками»).

Первое бесспорное известие о боевой службе П.М. Голицына относится к 1708 г. Согласно документам полкового архива, майор Семеновского полка Петр Голицын принял участие в сражении 28 сентября 1708 г. с корпусом шведского генерала Адама-Людвига Левенгаупта при деревне Лесная¹⁹. В этом сражении (в котором Семеновский полк понес самые значительные за всю Великую Северную войну потери²⁰) князь Петр Михайлович получил ранение в голову («нос перешиблен

¹⁷ Берхгольц Ф.-В. Дневник. 1721–1725 : пер. с нем. 3-е изд. М., 1902. Ч. 2. С. 32.

¹⁸ См.: История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1900. С. 221–222.

¹⁹ Ныне *Лесная* — агрогородок в составе Лопатичского сельсовета Могилевской области Республики Беларусь.

²⁰ Из 1200 семеновцев, принявших участие в сражении, 144 были убиты и 690 ранены (Из прошлого. С. 37).

пулею»)²¹. На следующий год майору П.М. Голицыну довелось участвовать в Полтавской битве²².

В начале 1710-х гг. в карьере Петра Голицына наступил перелом: он был поставлен во главе Семеновского полка (точная дата этого события неясна)²³. Учитывая, что предшествующее десятилетие Семеновский полк находился под командованием (непосредственным либо общим) М.М. Голицына-старшего²⁴, представляется возможным предположить, что Петр I целенаправленно ставил семеновцев под начало боевых офицеров из клана Голицыных. В 1711 г. или в 1712 г. П.М. Голицын был произведен в подполковники Семеновского полка, а 15 ноября 1716 г. царь присвоил ему параллельный чин генерал-майора²⁵.

Первое соприкосновение Петра Голицына с органами следствия произошло в 1715 г., когда ему довелось выполнить поручение главы следственной канцелярии гвардии подполковника князя В.В. Долгорукова по выяснению неких эпизодов злоупотреблений должностных лиц Санкт-Петербургской губернской канцелярии²⁶. Поручение оказалось разовым, и более к работе в следственной канцелярии шурина П.М. Голицына не привлекался.

Ситуация изменилась осенью 1717 г., когда Петр Голицын переводил Семеновский полк из Ревеля²⁷ на зимние квартиры

²¹ Там же. С. 62.

²² Там же. С. 40.

²³ Публикацию небольшой подборки писем Петра I П.М. Голицыну 1712–1719 гг. по делам полка см.: Там же. С. 79–81.

²⁴ Был произведен в подполковники Семеновского полка 11 сентября 1701 г. (Там же. С. 63).

²⁵ Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 7.

²⁶ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 217.

²⁷ Ныне г. Таллин — столица Эстонской Республики.

в Псков. 11 ноября 1717 г. Владимир Долгоруков направил Петру Михайловичу упоминавшийся царский указ о его немедленном прибытии в Санкт-Петербург. Вместе с полковым командиром в столицу предписывалось командировать еще семерых офицеров-семеновцев²⁸.

Внешне ординарный вызов в Санкт-Петербург явился прологом к изрядным переменам в жизни гвардии подполковника П.М. Голицына. По всей очевидности, собранные в столице гвардейские офицеры (помимо семеновцев, туда были направлены еще восемь преображенцев²⁹) образовали собой военно-судебное присутствие («кригсрехт»), перед которым предстал глава первой следственной канцелярии России гвардии майор князь М.И. Волконский, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы. Поскольку подсудимый числился офицером Семеновского полка, председателем («презусом») суда, вероятнее всего, стал Петр Голицын.

Как известно, суд приговорил бывшего следователя к смертной казни. 9 декабря 1717 г. князь Михаил Иванович был публично расстрелян на Троицкой площади Санкт-Петербурга. В тот же день Петр I учредил сразу шесть новых следственных канцелярий (которые он сам вскоре назвал «майорскими»). Одну из этих канцелярий возглавил князь П.М. Голицын.

Как уже говорилось, основанные 9 декабря 1717 г. канцелярии имели коллегиальное устройство, сходное с организацией кригсрехта: при презусе состояли два или три «ассессора», младших участников следственного производства. Ассессорами в канцелярию Петра Голицына были определены его давние сослуживцы, заслуженные боевые офицеры —

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

²⁹ Там же.

капитаны Преображенского полка князь Г.А. Урусов³⁰ и А.К. Петров-Солово³¹, а также капитан-поручик Семеновского полка И.Ф. Козлов³². Аппарат следственной канцелярии составили 11 подьячих во главе с дьяком А.Ф. Докудовским, откомандированных из Ближней и Военной канцелярий, Поместного приказа и Санкт-Петербургской губернской канцелярии³³.

Как явствует из архивного документа, в производство следственной канцелярии Петра Голицына была передана подборка резонансных уголовных дел по обвинению различных должностных лиц в преступлениях против интересов службы³⁴. Подследственными князя Петра Михайловича

³⁰ Урусов Григорий Алексеевич, род. в 1680 г. С 1704 г. служил в гвардии. В мае 1714 г. произведен в капитаны и назначен командиром 13-й роты Преображенского полка. В мае 1715 г. переведен на ту же должность в 4-ю роту (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 145). Впоследствии генерал-лейтенант, занимал должности обер-коменданта Санкт-Петербурга, воронежского губернатора и сенатора. Умер в 1743 г.

³¹ Петров-Солово Александр Кузьмич, из дворян. С 1700 г. служил в Преображенском полку. Дважды ранен. В августе 1711 г. из капитан-поручиков 1-й роты произведен в капитаны и назначен командиром этой же роты. В сентябре 1719 г. подал челобитную с просьбой об увольнении с военной службы по состоянию здоровья (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 13; История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1904. С. 51). В январе 1720 г. произведен в полковники и назначен сибирским вице-губернатором. В феврале 1728 г. уволен в отставку с награждением чином бригадира. Даты жизни установить к настоящему времени не удалось.

³² Козлов Иван Федорович, из дворян. С 1703 г. служил в Семеновском полку. 1 января 1721 г. из капитан-поручиков 7-й роты переведен в 1-ю роту (РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 20). В феврале 1722 г. назначен прокурором Адмиралтейской коллегии. Впоследствии генерал-майор, президент Генеральной счетной комиссии, директор Счетной экспедиции Военной коллегии.

³³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 46. Л. 398 об.

³⁴ См.: Там же. Кн. 51. Л. 34 об.–36 об.

оказались московский губернатор К.А. Нарышкин (присвоение имущества жителей завоеванного Дерпта³⁵, самовольное установление губернского налога, использование казенных работных людей на строительстве собственного дома), бывший адмиралтейский советник, некогда весьма близкий к царю, А.В. Кикин³⁶ (организация фальшивых подрядов провианта под именем Барсукова), нижегородский вице-губернатор С.И. Путятин (махинации при организации подрядов на поставку алкоголя, сбор денег с населения в свою пользу), бывший Санкт-Петербургский вице-губернатор Я.Н. Римский-Корсаков и его брат, бывший белозерский комендант В.Н. Римский-Корсаков (казнокрадство, получение взяток, участие в фальшивых подрядах).

Еще одним подследственным П.М. Голицына стал Санкт-Петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии и сенатор генерал-фельдмаршал светлейший князь А.Д. Меншиков. Он обвинялся в организации все тех же фальшивых подрядов, казнокрадстве, финансовых махинациях. Необходимо отметить, что в случае с делами Александра Меншикова, Александра Кикина, Якова и Василия Римских-Корсаковых речь шла в действительности о продолжении расследования, осуществлявшегося в отношении этих лиц с 1714 г. следственной канцелярией В.В. Долгорукова³⁷ (как уже отмечалось, фактически ликвидированной царем в том же декабре 1717 г.).

³⁵ Ныне г. Тарту — административный центр одноименного уезда Эстонской Республики.

³⁶ А.В. Кикин руководил созданием и первоначальной деятельностью Петербургского Адмиралтейства, был шафером на свадьбе Петра I и Екатерины Алексеевны. В личной переписке 1700-х гг. царь обращался к нему «дедушка» или по-голландски «Min Her Grotvader» («мой господин дедушка»).

³⁷ Бабич М.В. Указ. соч. С. 217.

Наибольшая сложность, с которой столкнулся в связи с делом А.Д. Меншикова Петр Голицын, заключалась в том, что в декабре 1717 г. Петр I не освободил Александра Даниловича на период расследования ни от одной из занимаемых им высоких должностей. И хотя Петр Михайлович являлся заслуженным гвардейцем и представителем одного из аристократических кланов, его тогдашнее влияние в коридорах власти было все же несопоставимым с могуществом «полудержавного властелина» Александра Меншикова.

Быстрее всего канцелярия П.М. Голицына завершила расследование уголовного дела Александра Кикина. Уже в начале 1718 г. канцелярия подготовила обвинительное заключение, в котором за получение «воровской» прибыли в особо крупных размерах предложила приговорить Александра Васильевича к смертной казни³⁸. Однако вскоре бывший адмиралтейский советник оказался осужден по совсем другим обвинениям.

В ночь на 7 февраля 1718 г. в Санкт-Петербурге генерал-фельдмаршал А.Д. Меншиков, экстренно вызвав к себе во дворец генерал-майора П.М. Голицына и нескольких старших офицеров гвардии, объявил им только что доставленный курьером секретный указ Петр I. Одновременно по тревоге была поднята небольшая команда гвардейских солдат.

Во дворце светлейшего князя офицеров и солдат разделили на две группы. Первая группа, возглавленная А.Д. Меншиковым и Петром Голицыным, арестовала в собственном доме Александра Кикина³⁹. Вторая — взяла под стражу камердинера

³⁸ Там же. С. 233.

³⁹ Несмотря на то что А.В. Кикин должен был вскоре предстать перед судом, в отношении его не было избрано никаких мер пресечения. Более того, бывшего адмиралтейского советника как ни в чем не бывало принимал в своем доме и А.Д. Меншиков. Последний перед описываемыми событиями визит Александра Васильевича к светлейшему князю состоялся 16 января 1718 г. (Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М., 2000. С. 193).

царевича Алексея Петровича Ивана Афанасьева. Водворив закованных «в железа» арестантов в гвардейских казармах, участники операции в пятом часу утра разъехались по домам и местам службы⁴⁰.

Эти ночные аресты явились одними из первых следственных действий по многоэпизодному уголовному делу по обвинению в государственной измене наследника престола царевича Алексея Петровича. Будучи допрошен под пыткой А.Д. Меншиковым и П.М. Голицыным 11 февраля 1718 г. в Петропавловской крепости⁴¹, Александр Кикин сразу же признался в том, что неоднократно советовал Алексею Петровичу бежать за границу⁴². Этапированный затем в Москву А.В. Кикин был в ходе дальнейшего следствия окончательно изобличен в пособничестве опальному царевичу. По приговору особого судебного присутствия Александр Васильевич был колесован в Москве 17 марта 1718 г., а его голова насажена на кол⁴³.

Помимо участия в начальных следственных действиях по делу царевича Алексея Петровича, П.М. Голицыну довелось оказаться в числе судей на его процессе. Как и большинство гвардейских офицеров, князь Петр Михайлович был включен в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 г. Алексея Петровича к смертной казни⁴⁴.

⁴⁰ Там же. С. 197.

⁴¹ Допрос был проведен в соответствии с секретным указом Петра I от 7 февраля 1718 г., доставленным А.Д. Меншикову курьером в середине дня 11 февраля 1718 г. (Там же. С. 198, 592).

⁴² Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 171, 461–462.

⁴³ Там же. С. 178, 224.

⁴⁴ См.: Там же. С. 529–536. Подпись П.М. Голицына стоит на приговоре 18-й по счету. Судьями специального судебного присутствия были также определены Д.М. и П.А. Голицыны, А.К. Петров-Солово, Г.А. Урусов и И.Ф. Козлов.

Как бы то ни было, следственная канцелярия П.М. Голицына продолжала работу. В начале июля 1718 г. Петр Михайлович командировал ассессора А.К. Петрова-Солово в Белозерский уезд для сбора доказательств о преступной деятельности бывшего тамошнего коменданта Василия Римского-Корсакова⁴⁵. Итогом расследования дела стала некая высочайшая резолюция от 18 февраля 1720 г. о взыскании с В.Н. Римского-Корсакова штрафных денег⁴⁶.

Несмотря на то что история с разоблачением «заговора» царевича Алексея Петровича привела к дальнейшему усилению позиций А.Д. Меншикова в окружении Петра I, Петр Голицын не стал сворачивать разбирательство финансовых махинаций светлейшего князя. В 1719 г. растревоженный Александр Данилович обратился к царю с просьбой прекратить возбужденные в отношении его уголовные дела («чтоб я от всех канцелярей, где следуютца по моим делам, был свободен, и дабы никто ничем до меня не касались»). В первую очередь светлейший князь просил аннулировать решение следственной канцелярии П.М. Голицына о взыскании с него астрономического начета в 285 017 рублей⁴⁷.

15 марта 1719 г. Петр I указал принять в производство канцелярии П.М. Голицына уголовные дела следственной канцелярии Г.И. Кошелева. Поскольку, как уже отмечалось, комплекс этих дел был весьма значителен, князь Петр Михайлович стал, по-видимому, добиваться отмены указа. В итоге глава государства переменял решение: он сохранил бывшую канцелярию Герасима Кошелева, назначив в нее 10 апреля 1719 г. нового руководителя — гвардии майора М.А. Матюшкина⁴⁸.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 232.

⁴⁶ Описание именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого / сост. П.И. Баранов. СПб., 1872. С. 64.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 416–417.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 225.

Промежуточные итоги деятельности следственной канцелярии П.М. Голицына оказались подведены через три года после ее создания. В декабре 1720 г. царь ознакомился с докладом Петра Михайловича о результатах расследования дел А.Д. Меншикова, В.Н. и Я.Н. Римских-Корсаковых, К.А. Нарышкина и С.И. Путятина. Вынесенные тогда же Петром I решения по этим уголовным делам⁴⁹ доньше в научный оборот не вводились.

К началу 1720-х гг. князь Петр Михайлович, подобно братьям Дмитрию и Михаилу-старшему, прочно вошел в окружение царя. Учитывая последующие карьеры других старших офицеров гвардии, выслуживших чины на фронтах Великой Северной войны, Петр Голицын имел вполне реальные перспективы стать генерал-аншефом или генерал-фельдмаршалом, сенатором или же генерал-губернатором. Особенно если принять во внимание принадлежность Петра Михайловича к аристократическому клану, отнюдь не утратившему могущество в годы единодержавия Петра I. Однако судьба П.М. Голицына сложилась по-иному.

Обстоятельства кончины Петра Голицына остались доньше туманными. По независимым свидетельствам находившихся тогда в Москве канцеляриста гетманской канцелярии Н.Д. Ханенко и камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца, Петр Михайлович ушел из жизни после нескольких дней тяжелой болезни (камер-юнкер назвал ее «горячкой»)⁵⁰. По всей очевидности, будучи крайне встревожен резким ухудшением состояния здоровья Петра Михайловича, Петр I распорядился регулярно информировать его о самочувствии гвардии подполковника. Именно поэтому о смерти П.М. Голицына, последовавшей 21 января 1722 г., главе государства было доложено, как уже отмечалось, прямо во время церковной службы. После окончания богослу-

⁴⁹ Описание именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. С. 70.

⁵⁰ Ханенко Н.Д. Указ. соч. С. 14; Берхголец Ф.-В. Указ. соч. С. 32.

жения император сразу же направился в дом покойного выразить соболезнования вдове княгине Феодосье Владимировне⁵¹.

Погребение князя Петра Михайловича состоялось 24 января 1722 г. Многолюдная траурная процессия, в которой за саними с гробом пешком шли Петр I и другие лица царствующего дома, медленно пересекла центр города по Тверской улице, свернув затем на Никольскую. Тело усопшего было опущено в землю под троекратный ружейный залп батальонов Семеновского полка, выстроенных на церковном дворе⁵².

С конца XVII в. родовой усыпальницей князей Голицыных стал московский Богоявленский монастырь на Никольской улице. Именно там упокоились родители П.М. Голицына боярин Михаил Андреевич и боярыня Прасковья Никитична⁵³. У стены напротив алтаря монастырской церкви св. Алексия митрополита и был погребен гвардии подполковник Петр Голицын. Позднее в том же монастыре похоронили бывших следователей Петра I ветеранов Великой Северной войны князя Г.Д. Юсупова и И.Н. Плещеева.

В 1919 г. Богоявленский монастырь закрыт, а дворянские захоронения разорены. В настоящее время Храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря⁵⁴ вновь стал действующим, и, спустившись в его подвальное помещение, возможно увидеть несколько сохранившихся надгробий и части разбитых надгробных плит. Надгробной плиты П.М. Голицына среди них нет.

⁵¹ Там же.

⁵² Наиболее подробное описание похорон П.М. Голицына см.: Ханенко Н.Д. Указ. соч. С. 16–18.

⁵³ Надписи, находящиеся в Богоявленском московском монастыре. С. 330, 332. По состоянию на 1891 г. в Богоявленском монастыре были похоронены 43 князя, 16 княгинь и 16 княжен Голицыных (Род князей Голицыных. С. 379).

⁵⁴ Современный адрес: г. Москва, Богоявленский переулок, дом 2, строение 4.

Князь Петр Михайлович был бездетен. Принадлежавшая ему небольшая усадьба в деревне Яковлевка (ныне территория городского округа Балашиха Московской области) на берегу реки Пехорки (приток Москвы-реки) перешла по наследству его брату Михаилу Михайловичу-младшему. В настоящее время усадьбу князей Голицыных «Пехра-Яковлевское» (Леоновское шоссе, д. 1) занимает Российский государственный аграрный заочный университет.

§ 2. Гвардии майор С.А. Салтыков*

Семена Андреевича Салтыкова затруднительно отнести к числу общеизвестных ныне государственных деятелей императорской России. На сегодняшний день оказалась подзабытой как правительственная, так и следственная деятельность Семена Андреевича. В литературе чаще всего отмечался лишь его вклад в дело сохранения российского самодержавия в дни политического кризиса 1730 г.

С.А. Салтыков принадлежал к старинной и знатной (хотя и нетитулованной) дворянской фамилии, родоначальником которой считался Михайло Прушанин, выехавший из Пруссии в Великий Новгород в XIII в. В XVI–XVII вв. многие представители рода занимали высокие должности при дворе и на государственной службе. В 1684 г. Салтыковым довелось и вовсе породниться с царствующим домом: дочь боярина Ф.П. Салтыкова Прасковья Федоровна была выдана замуж за царя Ивана V⁵⁵, соправителя Петра I.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: С.А. Салтыков и его следственная канцелярия // Российский следователь. 2016. № 8. С. 50–56.

⁵⁵ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. С. 68–74.

Согласно надгробной надписи, Семен Салтыков родился 10 апреля 1672 г.⁵⁶ Поскольку в XVII в. жили двое братьев Андреев Салтыковых (Андрей Большой и Андрей Меньшой), установить, к какой именно ветви рода относился Семен Андреевич, сегодня крайне затруднительно.

Из обстоятельств первых 25 лет жизни С.А. Салтыкова известно лишь то, что он рано удостоился высокого придворного чина комнатного стольника. В январе 1697 г. в числе группы из 22 стольников Семен Салтыков был отправлен для обучения морскому делу и кораблестроению в Англию и Голландию. Для охраны и услужения с Семеном Андреевичем был командирован гвардии сержант Тимофей Коробов⁵⁷.

В каких местах, сколько времени и чему конкретно учился С.А. Салтыков в Западной Европе, поныне неизвестно. В отличие от выехавшего одновременно с ним в Италию будущего главы Тайной канцелярии стольника П.А. Толстого, никаких путевых записок Семен Андреевич не оставил.

Вскоре после возвращения в Россию, в 1700 г., С.А. Салтыков был зачислен в гвардии Преображенский полк. С полком Семен Андреевич прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны, драматического Прутского похода. Сведений об участии Семена Салтыкова в конкретных боевых операциях выявить на сегодня, однако, не удалось.

Известно, впрочем, что в первые полтора десятилетия XVIII в. военная карьера С.А. Салтыкова проходила на строевых должностях. И карьера эта складывалась вполне успешно. К 1706 г. Семен Андреевич стал уже капитаном, командиром

⁵⁶ Надгробные надписи, находящиеся в Никитском девичьем монастыре // Древняя Российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 19. С. 370.

⁵⁷ История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1900. С. 222–223.

10-й роты Преображенского полка⁵⁸, а 8 мая 1715 г. был произведен в гвардии майоры⁵⁹.

Подобная динамика карьеры свидетельствовала о немалых боевых и командирских заслугах Семена Андреевича. Чинопроизводством в гвардейских полках занимался лично Петр I — скупой на поощрения и учитывавший исключительно результаты служебно-боевой деятельности «штаб- и обер-офицеров» (о которой он был неизменно детально осведомлен).

Первое назначение, не связанное со строевой службой, С.А. Салтыков получил в 1717 г. — возглавив следственную канцелярию. Как явствует из архивного документа, при выработке в начале декабря 1717 г. проекта указа об учреждении новых «майорских» следственных канцелярий Петр I определил майора Преображенского полка Семена Салтыкова руководителем («презусом») одной из них⁶⁰.

Учредительный указ о создании следственной канцелярии С.А. Салтыкова был издан 9 декабря 1717 г. Канцелярии Семена Салтыкова поручалось производство уголовных дел по обвинению бывшего казанского губернатора П.М. Апраксина и азовского вице-губернатора С.А. Кольчева.

Весьма информированный французский консул в Санкт-Петербурге А. де Лави извещал руководство в декабре 1718 г., что, учредив новые «майорские» канцелярии, Петр I собрал их презусов и ассессоров и обратился к ним со следующим напутствием: «Братцы! Не имея никого, кому бы я мог довериться более чем вам, назначаю вас судьями лиц, обма-

⁵⁸ Азанчевский М.П. История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 68.

⁵⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 115.

⁶⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167. В литературе о следственной канцелярии С.А. Салтыкова см.: Веретеников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 29–30, 50–51.

нувших меня и злоупотребивших своей властью... Пусть ваши суждения руководствуются внушениями совести»⁶¹.

Вместе с Семеном Салтыковым в руководство следственной канцелярии в качестве ассессоров вошли гвардии капитан А.И. Панин и гвардии капитан-поручик Д.Г. Голенищев-Кутузов. Несколько позднее к ним присоединился гвардии капитан И.И. Горохов.

Со временем ассессорский состав канцелярии С.А. Салтыкова редел. В 1720 г. скончался Иван Горохов⁶². Алексей Панин 10 февраля 1720 г. получил должность смоленского вице-губернатора⁶³. Сведений о том, что на место выбывших ассессоров назначались новые лица, выявить к настоящему времени не удалось. Только Дормидонт Голенищев-Кутузов проработал в следственной канцелярии С.А. Салтыкова весь период ее существования⁶⁴.

⁶¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 278.

⁶² Каких-либо биографических сведений об И.И. Горохове выявить к настоящему времени не удалось.

⁶³ Панин Алексей Иванович родился 13 марта 1675 г. (по другим данным — в 1677 г.). С 1690 г. комнатный стольник царя Ивана Алексеевича. Служил в Семеновской потешной роте, а с 1695 г. в Семеновском полку. Участник основных кампаний Великой Северной войны и Прутского похода. С 1700 г. — гвардии прапорщик, с 1704 г. — гвардии поручик, с 1708 г. — гвардии капитан-поручик, с 1714 г. — гвардии капитан. 10 февраля 1720 г. произведен в полковники и назначен смоленским вице-губернатором. С 7 августа 1722 г. по 1727 г. одновременно являлся президентом Смоленского надворного суда. С 1726 г. генерал-майор. 27 сентября 1730 г. уволен от должности вице-губернатора. 9 июля 1733 г. назначен товарищем главы Московской конторы Сената, 27 августа 1734 г. — президентом Ревизион-коллегии. С 12 марта 1740 г. в отставке. Умер 2 марта 1762 г. (Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 62–63). В должности товарища главы Московской конторы Сената Алексею Панину довелось вновь работать под непосредственным началом С.А. Салтыкова.

⁶⁴ Голенищев-Кутузов Дормидонт (Дремонт) Григорьевич, из дворян, предположительно 1682 г.р. В 1704 г. начал службу рядовым

Вскоре после назначения главой «майорской» следственной канцелярии Семен Салтыков был привлечен к участию в деле царевича Алексея Петровича, обвиненного в совершении государственных преступлений. Правда, в отличие от своих сослуживцев по Преображенскому полку майоров Г.Г. Скорнякова-Писарева и А.И. Ушакова, непосредственно участвовавших в расследовании дела, Семен Андреевич обеспечивал лишь «силовую поддержку» следственных действий. Так, 8–11 февраля 1718 г. он руководил арестом в Санкт-Петербурге группы подозреваемых⁶⁵. Семен Салтыков вошел также в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 г. Алексея Петровича к смертной казни⁶⁶.

Подобно иным «майорским» канцеляриям, канцелярия С.А. Салтыкова получила в производство исключительно дела по должностным преступлениям. Из архивного документа 1720 г. явствует, что тогда в производстве канцелярии находилось более 10 таких дел⁶⁷. Наиболее значительные усилия канцелярия Семена Салтыкова сосредоточила на расследовании дела азовского вице-губернатора С.А. Колычева.

Почти одногодок Семена Андреевича, Степан Колычев (родившийся в 1673 г. или в 1674 г.) начал карьеру также в

в Преображенском полку. В августе 1711 г. из гвардии сержантов произведен в гвардии прапорщики. 1 января 1719 г. (в период работы в следственной канцелярии) произведен в капитаны и назначен командиром 10-й роты Преображенского полка (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 29. Л. 14 ; Там же. № 41. Л. 41). Впоследствии занимал должности коменданта Киева, а затем Нарвы. В августе 1738 г. уволен с военной службы с производством в чин генерал-майора.

⁶⁵ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 600–601.

⁶⁶ См.: Там же. С. 529–536. Подпись С.А. Салтыкова стоит на приговоре 27-й по счету.

⁶⁷ Веретенников В.И. Указ. соч. С. 50.

комнатных стольниках⁶⁸, служил в Бутырском, а с 1695 г. — в гвардии Семеновском полку, в 1697 г. был отправлен (в одной группе с С.А. Салтыковым) для обучения за границу⁶⁹. В 1707 г. Степан Андреевич стал воронежским обер-комендантом, а 28 ноября 1713 г. — азовским вице-губернатором⁷⁰. В 1714 г. он в качестве пограничного комиссара занимался также разграничением земель с Турцией⁷¹.

Первые обвинения против вице-губернатора С.А. Колычева были выдвинуты фискальской службой России⁷² в 1715 г.⁷³ В докладе, представленном тогда Петру I, вице-губернатору инкриминировались три эпизода: 1) неисполнение указа о конфискации татарских деревень, 2) упущения по взысканию налогов и 3) незаконное изъятие у крестьян на личные нужды «сена многова числа». Наложённая на доклад высочайшая резолюция гласила: «И протчаго что от тамашних жителей

⁶⁸ О С.А. Колычеве подробнее см.: Комолов Н.А. Вице-губернатор Колычев Степан Андреевич. 1713–1721 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917. Историко-биографические очерки / ред.-сост. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2000. С. 33–38.

⁶⁹ История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому. С. 222.

⁷⁰ Несмотря на то что г. Азов был в январе 1712 г. возвращен Турции (по условиям Прутского мирного договора от 12 июля 1711 г.) и губернский городом стал Тамбов, а в 1715 г. — Воронеж, губерния продолжала именоваться Азовской до 1725 г.

⁷¹ Публикацию закрепленной с российской стороны С.А. Колычевым пограничной Межевой записи от 13 июля 1714 г. см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 119–121.

⁷² О фискальской службе подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: фискальская служба как орган уголовного преследования // Российский следователь. 2015. № 6. С. 50–55.

⁷³ В литературе об уголовном преследовании С.А. Колычева см.: Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009. С. 165–172. Деятельность следственной канцелярии С.А. Салтыкова Н.А. Комолов охарактеризовал, однако, совсем кратко.

явитца, как от великоросийского народа, так и от слободских полкоф⁷⁴, о чем, приехаф, надлежит им сказать, ежели имеют что всяких жалоб кроме мес(т)ных вершенных дел между ими»⁷⁵.

Судя по всему, Петр I замышлял основать для проведения следствия о злоупотреблениях С.А. Колычева особую «майорскую» канцелярию, направив ее руководителя в Воронеж. Царское намерение осталось, однако, неосуществленным. Никакого выездного расследования фискальских обвинений против Степана Андреевича в середине 1710-х гг. так и не состоялось. Поступившее в итоге для разбирательства в Правительствующий Сенат дело С.А. Колычева (как и множество других, возбужденных фискалами) легло без движения.

События декабря 1717 г. показали, что Петр I не забыл об обвинениях, выдвинутых против Степана Колычева. Более того, канцелярии Семена Салтыкова предстояло расследовать уже пять эпизодов преступной деятельности азовского вице-губернатора. К трем эпизодам, фигурировавшим в отмеченном докладе 1715 г., добавились обвинения в организации незаконных денежных и излишних провиантских сборах⁷⁶.

Однако поначалу вице-губернатор устоял. Время шло, следственная канцелярия работала, а Степан Колычев как ни в чем не бывало продолжал исполнять свои обязанности. Последовавшее 19 февраля 1721 г. отстранение С.А. Колычева от вице-губернаторства, дополненное предписанием «быть в Санкт-Питербурх... немедленно»⁷⁷, вовсе не означало опалы. Напротив, в июле 1721 г. Степана Андреевича ожидало сколь хлопотное, столь и ответственное высочайшее поручение — организовать грандиозный всероссийский смотр дворян⁷⁸.

⁷⁴ То есть казачьих поселений.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 625.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 30–31.

⁷⁷ Там же. Кн. 1887. Л. 70.

⁷⁸ Полное собрание законов. Т. 6. С. 411.

Как уже упоминалось выше, занятия по проведению смотра имели последствием состоявшееся 18 января 1722 г. назначение С.А. Колычева на только что учрежденную должность герольдмейстера при Сенате. Но это оказался еще не финал карьеры бывшего вице-губернатора. 17 апреля 1722 г. Петр I определил Степана Колычева «по окончании нынешняго генерального смотру дворян» — президентом Юстиц-коллегии⁷⁹. В истории отечественной государственности сложилась едва ли не уникальная ситуация: основной фигурант резонансного уголовного дела возглавил центральный орган правосудия и судебного управления империи.

Подобный карьерный взлет Степана Андреевича был, впрочем, вполне объясним: ему покровительствовал могущественный президент Адмиралтейской коллегии, генерал-адмирал и сенатор Ф.М. Апраксин⁸⁰. Однако ни завершить «генеральный смотр», ни вступить в управление Юстиц-коллегией С.А. Колычеву не довелось. Дело в том, что С.А. Салтыкову удалось (судя по всему, после длительных усилий) добиться высочайшей санкции об аресте Степана Колычева. В двадцатых числах апреля 1722 г. Степана Андреевича взяли под стражу. Наряду с этим Семен Салтыков представил императору состоявший из семи пунктов доклад о результатах следствия над бывшим вице-губернатором⁸¹.

Согласно докладу следственной канцелярии, Степану Колычеву вменялось в вину пять эпизодов: 1) хищение — путем подлога в приходной адмиралтейской книге 1709–1711 гг. —

⁷⁹ Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский ; под ред. Б.И. Сыромятникова. М. — Л., Т. 1. С. 248, 253.

⁸⁰ Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.). С. 105–106, 109, 164.

⁸¹ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 394–395 об. Президентом Юстиц-коллегии на место Степана Колычева 29 апреля 1722 г. был назначен П.М. Апраксин, герольдмейстером 2 мая — И.Н. Плещеев (Там же. Л. 362, 368).

10 тысяч рублей, 2) использование на личные нужды различных припасов (красок, гвоздей, медной посуды, железа), а также держание при себе на протяжении шести лет двух мастеров «на государеве жалованье», 3) расход — также на личные нужды в бытность в Петербурге 200 казенных рублей, 4) незаконное присвоение части выморочного имущества казачьих полковников Ивана и Данилы Перекрестовых — с оформлением фальшивых записей о выдаче их вещей двум покойным воронежским администраторам и 5) самоуправное увеличение в 1720 г. денежных сборов с населения губернии.

Наиболее серьезным, несомненно, явился эпизод о хищении 10 тысяч рублей. Между тем именно по данному эпизоду следствию так и не удалось сформировать прочную доказательственную базу. Сложилось так, что главный свидетель обвинения дьяк Василий Ключарев, будучи подвергнут пытке, изменил в этом пункте свои показания. Сведения о казнокрадстве С.А. Колычева не подтвердили и привлеченные по инициативе В. Ключарева в качестве свидетелей (и также подвергнутые пытке) воронежские целовальники Тимофей Сахаров, Прокофий Аникиев, Никифор Русинов и Петр Горденин.

Справедливость ряда обвинений Степан Колычев признал, выразив готовность возместить ущерб, причиненный казне. 18 мая 1722 г., явившись в Сенат, С.А. Салтыков предъявил подлинник своего доклада, на последнем листе которого Петр I собственноручно начертал: «Выслушать в Сенате и, приговор учиня, прислать для конфирмации ко мне»⁸². Иными словами, Степан Андреевич был отдан под суд Правительствующего Сената — с последующим утверждением приговора императором.

Подобное решение Петра I не сулило бывшему азовскому вице-губернатору ничего хорошего. Ведь немногим более

⁸² Там же. Л. 395 об.

года назад под суд Сената уже попадал другой региональный администратор — бывший сибирский губернатор князь М.П. Гагарин, дело которого было расследовано следственной канцелярией И.И. Дмитриева-Мамонова.

Тогда разбирательство дела не затянулось. Получив 13 марта 1721 г. соответствующий именной указ, Правительствующий Сенат провел всего лишь два судебных заседания. Ни подсудимый, ни свидетели не заслушивались. Сенаторы ограничились ознакомлением с подготовленной в следственной канцелярии Выпиской об эпизодах преступной деятельности, инкриминированных бывшему губернатору.

Уже 14 марта 1721 г. Сенат приговорил князя Матвея Гагарина к смертной казни⁸³. 16 марта 1721 г. М.П. Гагарин был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

Однако рассмотрение обстоятельств уголовного дела Степана Колычева сложилось отнюдь не так форсированно. Впервые Сенат обратился к делу Степана Андреевича 13 июня 1722 г. В этот день было решено истребовать из канцелярии С.А. Салтыкова вещественные доказательства по делу и допросить Степана Колычева по эпизоду о присвоении им 200 казенных рублей.

22 августа 1722 г. сенаторы постановили ознакомить подсудимого с подготовленной в следственной канцелярии Выпиской и другими материалами по его делу, а также вызвать из Воронежа дополнительных свидетелей⁸⁴. На этом судебное исследование дела С.А. Колычева в 1722 г. закончилось.

⁸³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 3, 7–85, 95–96 об. Примечательно, что в указе от 11 марта 1721 г., по которому М.П. Гагарин был отдан под суд Сената, Петр I отнюдь не настаивал на ускоренном проведении процесса. В указе говорилось лишь о том, чтобы «дела плута Гагарина... слушать, которые важные» (Там же. Л. 2).

⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 348–348 об.

Подобная медлительность судебного следствия вызвала негативную реакцию С.А. Салтыкова, тем более что, хотя и перейдя в статус подсудимого, Степан Колычев продолжал содержаться под стражей в следственной канцелярии. Ситуацию окончательно обострило решение Сената от 8 марта 1723 г. о переводе С.А. Колычева и иных фигурантов дела под сенатский караул и об этапировании их в Санкт-Петербург⁸⁵.

В ответ Семен Салтыков направил Петру I особый доклад («пункты памятные»), в котором прямо обвинил сенаторов в потворстве к С.А. Колычеву. Особое негодование гвардии майора вызвало упоминавшееся решение Сената об ознакомлении Степана Колычева с материалами следственного дела. Заодно С.А. Салтыков уведомил императора об отказе исполнять распоряжение Сената о передаче фигурантов дела под сенатский караул, заявив, что сделает это только по именному указу⁸⁶.

События марта 1723 г. вдвойне примечательны. С одной стороны, не вызывает сомнений, что, вступив в открытое противостояние с сенаторами (в первую очередь с могущественным генерал-адмиралом Федором Апраксиным), Семен Андреевич проявил незаурядное личное мужество. С другой стороны, как представляется, в приведенном эпизоде С.А. Салтыков взялся отстаивать, в современном понимании, процессуальную независимость следователя.

Впрочем, руководить следственной канцелярией гвардии майору Семену Салтыкову оставалось уже недолго. В декабре 1723 г. канцелярия С.А. Салтыкова в числе прочих «майорских» канцелярий подверглась упразднению.

Что же до Степана Колычева, то сенатский суд над ним тянулся до января 1725 г., до самой кончины Петра I. А уже 9 февраля 1725 г. взошедшая на престол императрица

⁸⁵ Там же. Кн. 1891. Л. 302 об.–303 об.

⁸⁶ Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 390–390 об.

Екатерина I назначила вчерашнего арестанта Степана Колычева генерал-рекетмейстером при Сенате⁸⁷. Благодаря высокому покровительству, пребывание под судом и следствием завершилось для Степана Андреевича куда более благоприятно, нежели для его бывшего соратника по губернаторскому корпусу князя Матвея Гагарина.

Остается добавить, что руководство следственной канцелярией явилось отнюдь не единственным служебным занятием С.А. Салтыкова в первой половине 1720-х гг. 25 января 1722 г. Петр I назначил Семена Салтыкова главой канцелярии ревизии переписи душ в Нижегородской губернии⁸⁸.

Задачей переписных канцелярий (всего их было учреждено девять) являлась проверка на вверенных территориях сведений о числе лиц мужского пола («душ м.п.», как они именовались в документах). Канцелярия С.А. Салтыкова проработала до февраля 1727 г., документально зафиксировав наличие 431 тыс. душ.

Между тем переписные канцелярии не только устанавливали реальное количество душ, но также осуществляли судебную-следственную деятельность. Канцелярии были наделены полномочиями возбуждать уголовные дела и выносить по ним приговоры при возникновении подозрений, что проверявшиеся лица являлись беглыми крестьянами или холопами, либо в случаях «утайки душ» их владельцами. Например, в 1723 г. С.А. Салтыков, выявив укрытие от проверки 26 «душ м.п.» помещицей А.Я. Волковой, приговорил конфисковать ее поместье «на государя»⁸⁹.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1939. Л. 47.

⁸⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1873. Т. 11. С. 451.

⁸⁹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1981. С. 93–94. Иные подробности деятельности С.А. Салтыкова как главы переписной канцелярии см.: Там же. С. 83–84, 124–126, 129–130.

Руководство следственной и переписной канцеляриями не означало, что Семен Андреевич покинул военную службу. При всем том, что сведений о конкретных командирских обязанностях С.А. Салтыкова в Преображенском полку выявить за этот период не удалось, в чинах он повышался с завидной регулярностью. 6 января 1719 г. Семен Салтыков был произведен в бригадиры, а 28 января 1722 г. — в генерал-майоры (его гвардейский чин при этом сохранялся как параллельный).

Кончина Петра I никак не повлияла на динамику карьеры С.А. Салтыкова. 21 мая 1725 г. в числе первых в России он был пожалован в кавалеры ордена св. Александра Невского, в феврале 1726 г. Семен Андреевич стал сенатором, а в феврале 1727 г. — генерал-лейтенантом.

В том же 1727 г. С.А. Салтыкову довелось принять активное участие в отстранении от власти «полудержавного властелина» генералиссимуса А.Д. Меншикова, ставшего к этому времени фактическим правителем Российской империи. Именно Семен Андреевич, явившись 8 сентября 1727 г. во дворец Александра Меншикова, объявил ему об аресте. Несмотря на то что формально С.А. Салтыков действовал по поручению 12-летнего императора Петра II⁹⁰, ситуация могла обернуться самым непредсказуемым образом.

Располагавший огромной властью, имевший в личном подчинении воинские части, А.Д. Меншиков имел реальную возможность предпринять встречные действия, в одночасье осуществить дворцовый переворот. При подобном развитии событий С.А. Салтыков рисковал не только карьерой, но и свободой (если вовсе не жизнью). Несомненно, что возложение на Семена Салтыкова подобного поручения свидетельствовало о том, что он имел репутацию человека незаурядного мужества.

⁹⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 270.

В период правления Петра II С.А. Салтыков эпизодически привлекался к расследованию дел по государственным преступлениям. Так, в октябре 1727 г. Верховный Тайный совет⁹¹ предписал Семену Салтыкову «и прочим определенным с ним» расследовать некое дело «по доношению Никиты Перцева» — с последующим представлением доклада об итогах следствия Верховному Тайному совету⁹².

Вновь в «большую политику» Семен Андреевич активно вмешался в январе 1730 г., в дни острого политического кризиса, связанного с попыткой ограничить самодержавие в России — в момент восшествия на престол царевны Анны Иоанновны, дочери соправителя Петра I царя Ивана V⁹³. Именно С.А. Салтыков предпринял в ночь на 29 января 1730 г. наиболее решительные силовые действия в поддержку Анны Иоанновны, что сохранило в итоге незыблемыми самодержавные устои империи.

Новая императрица, приходившаяся ему дальней родственницей, не забыла роли Семена Салтыкова в событиях ее прихода к власти: 4 марта 1730 г. он был повторно определен к присутствию в Сенате, 6 марта того же года произведен в генерал-аншефы и назначен обер-гофмейстером двора, 30 марта — пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного. В ноябре 1730 г. Семен Андреевич стал генерал-адъютантом, а 28 января 1733 г. был возведен в графское достоинство.

В 1732 г., когда императорский двор после долгого пребывания в Москве переместился вновь в Санкт-Петербург, Анна Иоанновна назначила С.А. Салтыкова «главнокомандующим

⁹¹ Высший орган государственной власти Российской империи в феврале 1726 г. — марте 1730 г.

⁹² Веретенников В.И. Указ. соч. С. 244.

⁹³ Подробнее см.: Анисимов Е.В. Россия без Петра. 1725–1740. СПб., 1994. С. 171–198.

в Москве», т.е. старшим должностным лицом по управлению бывшей столицей и ее губернией. На этой должности Семен Андреевич пробыл, вероятно, до конца жизни.

Властные полномочия Семена Салтыкова в Москве были увеличены в августе 1732 г., когда императрица дополнительно назначила его главой Московской конторы Тайной канцелярии — специализированного суда по государственным преступлениям. Согласно именному указу от 12 августа 1732 г., Семену Андреевичу предписывалось, в частности, чтобы дела в Конторе «отправлялись в надлежащей тайности и порядке»⁹⁴. Так С.А. Салтыкову довелось вновь тесно соприкоснуться с расследованием дел по государственным преступлениям.

Кроме того, в 1734–1736 гг. граф Семен Салтыков возглавлял также особую следственную комиссию по расследованию деятельности московских питейных и таможенных компаний-щиков⁹⁵. Судя по всему, это было последний раз, когда Семен Андреевич выступил непосредственно в роли следователя.

Скончался С.А. Салтыков 1 октября 1742 г. и был погребен в самом центре Москвы, на кладбище Никитского женского монастыря. Могила Семена Андреевича благополучно сохранялась до начала XX в.⁹⁶ В 1930–1933 гг. монастырские постройки были снесены, а кладбище уничтожено. В 1934–1935 гг. на месте монастыря и кладбища было возведено здание Никольской электроподстанции Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича⁹⁷.

⁹⁴ Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742 гг. / публ. А. Кудрявцева. М., 1878. С. 44–45.

⁹⁵ Областные правители России. 1719–1739 гг. / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 572.

⁹⁶ Михайлов К.Н. Никитский женский монастырь (Исторические разыскания по московским древностям и по дому бояр Романовых). СПб., 1901. С. 238.

⁹⁷ В настоящее время Центральная тяговая подстанция Т-3 Московского метрополитена; современный адрес: ул. Большая Никитская, 7/10.

Остается вспомнить еще об одной заслуге С.А. Салтыкова — воспитании достойных преемников. Потомки Семёна Андреевича — его старший сын Салтыков Петр Семенович (1698 г.р.) и внук Салтыков Иван Петрович (1730 г.р.) — не только продолжили достойное служение Отечеству, но и стали на этом поприще генерал-фельдмаршалами⁹⁸.

§ 3. Гвардии майор князь Г.Д. Юсупов*

Князь Григорий Дмитриевич Юсупов известен сегодня прежде всего как военный деятель и сподвижник Петра I, а также как активный участник событий, связанных с восцарением племянницы первого российского императора — Анны Иоанновны. В то же время следственная деятельность Г.Д. Юсупова оказалась к настоящему времени исследована лишь фрагментарно.

Григорий Дмитриевич являлся выходцем из фамилии князей Юсуповых, родоначальником которой считался видный золотоордынский военачальник, а затем основатель правящей династии Ногайской орды эмир Едигей-Мангит (ум. в 1419 г.), известный, в частности, предпринятым в 1408 г. опустошительным набегом на Московское княжество⁹⁹.

⁹⁸ Рубцов Ю.В. Генерал-фельдмаршалы в истории России. Жезлы на эполетах. М., 2015. С. 201–208.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь Г.Д. Юсупов // Российский следователь. 2016. № 11. С. 51–56.

⁹⁹ Этот поход Едигея-Мангита оставил след и в древнерусской исторической письменности. Вскоре после 1408 г. неизвестным книжником было создано летописное «Сказание о нашествии Едигея». Научную публикацию этого литературного памятника см.: Сказание о нашествии Едигея / сост. Н.Ф. Дробленкова // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века / под ред. Л.А. Дмитриева. М., 1981. С. 244–255.

Прямой потомок Едигея-Мангита Иль-мурза, сын князя Юсуфа, прибыл в 1563 г. в Россию на службу к царю Ивану IV Васильевичу.

Потомки Иль-мурзы стали именоваться на русский манер Юсуповыми или Юсуповыми-Княжево¹⁰⁰. Г.Д. Юсупов был младшим сыном правнука князя Юсуфа Абдулы-мурзы, принявшего православие под именем Дмитрия Сеюшеевича, и Екатерины Яковлевны, урожденной Хомутовой¹⁰¹.

Согласно надгробной надписи, князь Григорий Дмитриевич родился 17 ноября 1676 г.¹⁰² Получив еще в раннем детстве высокий придворный чин стольника, Григорий Юсупов предпочел затем, однако, кремлевским коридорам поля сражений. За участие в азовских походах 1695–1696 гг. он был произведен в есаулы, а затем дослужился до капитана в драгунском полку.

С 1700 г. военная карьера Григория Дмитриевича оказалась связана с российской гвардией — князь был зачислен с чином поручика в Преображенский полк. С полком Григорий Юсупов прошел все кампании начального периода Великой Северной войны, тяжелейший Прутский поход.

Воевал потомок Едигея-Мангита весьма достойно. Уже в 1701 г. Григорий Дмитриевич был произведен в капитан-поручики, а в 1706 г. — в капитаны. В битве с корпусом шведского генерала Адама-Людвига Левенгаупта при деревне Лесной¹⁰³ 28 сентября 1708 г. гвардии капитан Г.Д. Юсупов был дваж-

¹⁰⁰ Семейное прозвание Юсупов-Княжево факультативно использовалось представителями рода до конца XVIII в.

¹⁰¹ Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. 1. С. 51–52, 72–73.

¹⁰² Надписи, находящиеся в Боявленском московском монастыре // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 312.

¹⁰³ Ныне *Лясная* — агрогородок в составе Лопатичского сельсовета Могилевской области Республики Беларусь.

ды ранен¹⁰⁴. 3 августа 1711 г., сразу после выхода российской группировки из «прутского котла», командир 1-й роты Преображенского полка Григорий Юсупов был удостоен чина гвардии майора¹⁰⁵.

С начала 1710-х гг. Петр I стал все чаще поручать лично известным ему гвардейским офицерам исполнение поручений следственного характера. Следственное поприще ожидало и Г.Д. Юсупова.

Как явствует из архивного документа, 11 ноября 1717 г. Петр I указал командировать в Санкт-Петербург 16 офицеров гвардейских полков, в том числе батальонного командира Преображенского полка майора Григория Юсупова¹⁰⁶. Как уже отмечалось выше, для начала вызванные офицеры, по всей очевидности, вошли в состав военного суда, учрежденного для рассмотрения дела главы первой следственной канцелярии России гвардии майора М.И. Волконского, обвиненного в совершении преступлений против интересов службы.

Процесс над Михаилом Волконским еще не завершился, когда Петр I определил князя Григория Дмитриевича в качестве презуса в состав одной из проектируемых новых «майорских» канцелярий¹⁰⁷. Ассессорами в канцелярию Григория Юсупова Петр I определил командира 14-й роты Преображенского полка капитана Б.Г. Скорнякова-Писарева, командира 2-й роты того же полка капитана С.Б. Федорова и поручика 9-й роты И.И. Бибикова.

¹⁰⁴ Надписи, находящиеся в Богоявленском московском монастыре. С. 312.

¹⁰⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 13.

¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

¹⁰⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

Формальное основание следственной канцелярии Г.Д. Юсупова (и еще шести «майорских» канцелярий) состоялось, как уже упоминалось, 9 декабря 1717 г.¹⁰⁸

В тот же день руководителям новоучрежденных следственных канцелярий были вручены подписанные царем типовые указы и реестры подлежащих расследованию дел. Канцелярия ведения Григория Юсупова получила в производство подборку из трех уголовных дел¹⁰⁹, прежде обозначенных Петром I как «бахмуцкое дело».

Ассessorский состав канцелярии Г.Д. Юсупова не оставался неизменным. Уже в 1718 г. скончался гвардии капитан Семен Федоров¹¹⁰. Капитан Богдан Скорняков-Писарев получил в январе 1719 г. указание царя отправиться в Астрахань, где единолично произвести следствие о должностных злоупотреблениях группы офицеров местного гарнизона во главе с обер-комендантом гвардии поручиком М.И. Чириковым.

Вместо выбывших офицеров следователем в канцелярию Г.Д. Юсупова был назначен поручик Преображенского полка С.М. Украинцев. Что касается канцелярских служащих, то известно, что в январе 1718 г. в следственной канцелярии князя Григория Дмитриевича трудилось 15 подъячих во главе с дьяком Матвеем Алексеевым¹¹¹.

Систематически исследовать деятельность канцелярии Григория Юсупова не представилось возможным — из-за гибели основной части ее документации в опустошительном

¹⁰⁸ В литературе о следственной канцелярии Г.Д. Юсупова см.: Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 44–46.

¹⁰⁹ Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. 2. С. 176.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 660. Л. 634.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 46. Л. 406–406 об.

пожаре в московском Кремле 29 мая 1737 г.¹¹² Однако ряд подробностей работы этой следственной канцелярии установить все же удалось.

Основным фигурантом «бахмуцкого дела» стал комендант г. Бахмута¹¹³ князь Д.А. Кольцов-Масальский, обвиненный в казнокрадстве и злоупотреблениях должностными полномочиями. По результатам проведенного расследования Дмитрий Кольцов-Масальский был в 1718 г. признан виновным в хищении 80 тысяч рублей и приговорен к повешению.

Приговор, однако, не был приведен в исполнение. Накануне казни Дмитрий Кольцов-Масальский умер и был похоронен. По свидетельству осведомленного прусского дипломата, узнав об этом, Петр I распорядился извлечь тело князя из могилы, а затем повесить¹¹⁴ (подобные посмертные санкции практиковались царем и впоследствии¹¹⁵). Более того, тело Д.А. Кольцова-Масальского было для устрашения казнокрадов оставлено на виселице целых два месяца¹¹⁶.

¹¹² Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / публ. П.И. Иванова // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 3. Смесь. С. 19.

¹¹³ Ныне административный центр одноименного района Донецкой области Украины (в 1924–2015 гг. город именовался Артемовск).

¹¹⁴ Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом : пер. с нем. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1874. Кн. 2. Отд. 4. С. 33.

¹¹⁵ Так, 15 апреля 1724 г., получив сведения, подтвердившие эпизоды казнокрадства умершего в ходе предварительного следствия дьяка П.К. Скурихина, Петр I распорядился извлечь останки Петра Климонтовича из могилы и повесить их «на железной чепе за Москвою рекою на Болоте... за то, что он, покрывая и отбывая своего воровства, во всем запырался и... повинной не принес» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 703. Л. 134).

¹¹⁶ Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и о его преобразованиях : пер. с нем. // Русский архив. 1882. Вып. 6. Стб. 1143. Три года

Согласно архивному документу, наряду с «бахмуцким делом», канцелярия Г.Д. Юсупова осуществляла предварительное следствие по уголовным делам по обвинению казачьих полковников из Харькова и Изюма¹¹⁷ в хищении денежной казны, собранной для покупки фуража, а также в присвоении проезжих пошлин, взимавшихся с лиц, направлявшихся с товарами в Бахмут и из Бахмута. Отдельно расследовалось уголовное дело по обвинению полкового судьи Изюмского полка Данилы Данилевского в грабеже подданных Речи Посполитой. Наконец, канцелярия Г.Д. Юсупова «унаследовала» дела следственной канцелярии полковника А.Н. Головкина (по Киевской губернии) и упоминавшейся выше следственной канцелярии гвардии подполковника В.В. Долгорукова¹¹⁸.

Кроме того, канцелярия Г.Д. Юсупова несколько раз временно принимала к производству дела из других канцелярий, руководители которых направлялись Петром I для выполнения поручений по параллельным служебным обязанностям. Первый такой случай имел место осенью 1718 г., когда руководитель другой следственной канцелярии полковник Г.И. Кошелев был командирован царем в Рыбинскую слободу. Именным указом от 17 ноября 1718 г. на период отсутствия Герасима Кошелева дела, расследовавшиеся канцелярией его ведения, были переданы в канцелярию Григория Дмитриевича¹¹⁹.

спустя аналогичным образом на виселице было на длительное время оставлено тело бывшего сибирского губернатора князя М.П. Гагарина, казненного 16 марта 1721 г. на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

¹¹⁷ Ныне Изюм — административный центр одноименного района Харьковской области Украины.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 515–515 об.

¹¹⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 97. Примечательно, что еще в феврале 1718 г.

5 декабря 1719 г. Петр I указал временно передать в следственную канцелярию Г.Д. Юсупова уголовные дела следственной канцелярии гвардии майора М.А. Матюшкина¹²⁰. Учитывая, что по именному указу от 10 апреля 1719 г. Михаил Матюшкин возглавил канцелярию, которой прежде руководил Г.И. Кошелев¹²¹, князь Григорий Дмитриевич вновь ненадолго получил в производство своей канцелярии комплекс уже известных ему уголовных дел.

Вскоре после назначения главой следственной канцелярии Г.Д. Юсупов был привлечен к участию в деле царевича Алексея Петровича, обвиненного в совершении государственных преступлений. Правда, в отличие от своего сослуживца по Преображенскому полку майора Г.Г. Скорнякова-Писарева, принявшего активное участие в расследовании дела, Григорий Дмитриевич обеспечивал лишь «силовую поддержку» следственных действий.

В период с 8 по 21 февраля 1718 г. он руководил сначала арестом в Санкт-Петербурге группы подозреваемых, а затем этапированием их в Москву¹²². Как и другие гвардейские офицеры, Г.Д. Юсупов был определен в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 г. Алексея Петровича к смертной казни¹²³.

Г.И. Кошелев предлагал объединить свою канцелярию с канцелярией Григория Юсупова, мотивируя это тем, что в этой канцелярии «афицеров довольно число» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 36. Л. 515).

¹²⁰ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 346.

¹²¹ Там же. Л. 225.

¹²² Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 600–602.

¹²³ См.: Там же. С. 529–536. Подпись Г.Д. Юсупова стоит на приговоре 25-й по счету.

Как явствует из обстоятельств чинопроизводства князя Г.Д. Юсупова, Петр I высоко оценивал результаты его следственной деятельности. В 1719 г. Григорий Юсупов, оставаясь гвардии майором, был параллельно произведен в бригадиры¹²⁴, а 28 января 1722 г. — в генерал-майоры.

Во главе следственной канцелярии Г.Д. Юсупов находился ровно 6 лет. 9 декабря 1723 г. император издал указ об упразднении «майорских» канцелярий¹²⁵.

10 ноября 1724 г. Григорий Юсупов направил в Правительствующий Сенат пространный доклад о ликвидации возглавлявшейся им канцелярии¹²⁶. Почти ровно месяц спустя, 8 декабря 1724 г., князь Григорий Дмитриевич был определен в Сенат, став последним сенатором, назначенным Петром I¹²⁷.

Воцарение императрицы Екатерины I никак не ухудшило карьеры Г.Д. Юсупова. 21 мая 1725 г. он был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена св. Александра Невского¹²⁸. В том же году князь Григорий Дмитриевич был произведен в генерал-лейтенанты.

Сохранил Г.Д. Юсупов и расположение юного императора Петра II. В ноябре 1727 г. Григорий Дмитриевич стал подпол-

¹²⁴ История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1904. С. 109. Упраздненный в конце XVIII в. чин бригадира находился между чинами полковника и генерал-майора.

¹²⁵ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 49.

¹²⁶ См.: РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 514–517 об.

¹²⁷ Там же. Ф. 248. Кн. 1935. Л. 228. В авторитетном справочнике Н.А. Мурзанова ошибочно указано, что Г.Д. Юсупов получил назначение в Сенат 8 февраля 1726 г. (Словарь русских сенаторов. 1711–1917 г.: материалы для биографий / сост. Н.А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 506).

¹²⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 172.

ковником Преображенского полка¹²⁹ и в том же году был назначен первенствующим членом Военной коллегии.

После скоропостижной кончины Петра II, согласно решению Верховного Тайного совета, Г.Д. Юсупов в соответствии с данным ему императрицей Анной Иоанновной указом¹³⁰ проводил следствие о казенных вещах, утаенных фаворитом императора Петра II обер-камергером князем И.А. Долгоруковым. Последний был обвинен князем А.М. Черкасским в краже ценных вещей из кабинета покойного императора Петра II: кинжала и ларца. Григорий Юсупов произвел обыск имения Ивана Долгорукова, обнаружил вещи и вернул их во дворец.

В дни политического кризиса января — февраля 1730 г., разразившегося при восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны, Г.Д. Юсупов занял отчетливо непоследовательную позицию. Сначала Григорий Дмитриевич подписал знаменитый «проект 364-х» (в котором предусматривалось некоторое ограничение самодержавия), но затем резко переменял позицию. Григорий Юсупов не только подписал прошение о восстановлении самодержавия (и упразднении Верховного Тайного совета), но и встал во главе группы дворян, подавших 25 февраля 1730 г. этот документ лично императрице¹³¹.

В итоге после восприятия Анной Иоанновной самодержавной власти Г.Д. Юсупов был 4 марта 1730 г. повторно назначен сенатором, а 28 апреля 1730 г. произведен в чин генерал-аншефа¹³².

¹²⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 726–727.

¹³⁰ Юсупов Н.Б. Указ. соч. Ч. 2. С. 216–217.

¹³¹ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 71, 83, 100.

¹³² То есть «полного генерала», стоявшего одним рангом ниже генерал-фельдмаршала.

За годы службы князь Григорий Дмитриевич стал весьма состоятельным землевладельцем. В 1730 г. он имел 5784 души крепостных, обширные поместья и недвижимость, часть из которых была получена из конфискованного имущества осужденных. Так, в 1719 г. принадлежавшее бывшему подследственному канцелярии Г.Д. Юсупова князю Д.А. Кольцову-Масальскому имение Большое Голубино¹³³ за начеты и похищения бахмутской казны было «отписано на государя», а затем пожаловано Петром I Григорию Юсупову¹³⁴.

15 ноября 1727 г. князь Григорий Юсупов был пожалован каменным двором в Земляном городе Москвы¹³⁵, отписанным у советника Военной коллегии А.Я. Волкова — ближайшего помощника опального светлейшего князя А.Д. Меншикова¹³⁶. Эти палаты ранее принадлежали знаменитому дипломату барону П.П. Шафирову (осужден в 1723 г.), а затем — возглавлявшему Тайную канцелярию графу П.А. Толстому (осужден в 1727 г.).

Здание палат, которыми представители Юсуповых владели почти двести лет (до 1917 г.), сохранилось до настоящего времени¹³⁷. Таким образом, следственная работа была не только чрезвычайно ответственна, но и достаточно при-

¹³³ Имение располагалось в московском районе Ясенево. Последние постройки усадьбы были снесены в XX веке при современной застройке района.

¹³⁴ Коробко М.Ю. Усадьба Большое Голубино // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы / ред.-сост. М.В. Нащекина. М., 2008. Вып. 13–14. С. 548–559.

¹³⁵ Земляным городом в XVIII в. называлась часть Москвы между Бульварным и Садовым кольцами.

¹³⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 760–761.

¹³⁷ Это Юсуповский дворец (палаты Волковых-Юсуповых) в Большом Харитоньевском переулке (дом 21, строение 4) — одна из самых старых построек столицы; ныне музей.

быльна для многих руководителей следственных канцелярий.

2 сентября 1730 г. Г.Д. Юсупов неожиданно скончался в Москве. Если бы не его смерть, то, возможно, жизнь вновь свела бы Григория Дмитриевича со следствием, но уже в другом качестве. 16 сентября 1730 г., через две недели после смерти Григория Дмитриевича, его дочь княжна Прасковья (1697 г.р.) была по воле императрицы Анны Иоанновны отправлена под конвоем из Москвы в Тихвин в Введенский девичий монастырь.

Как видно из уголовного дела Тайной канцелярии, возбужденного по извету старшего брата — Бориса Григорьевича, княжна попала в монастырскую ссылку за то, что собиралась «императрицу склонить к себе в милость через волшебство». На допросе прислуга показала, что Прасковья Григорьевна считала началом всех своих бед события, в которых участвовал ее отец.

«Батюшка де мой з другими, а с кем не выговорила — передавала речи княжны ее служанка — не хотел было видеть, чтоб государыня на престоле была самодержавная. А генерал де Ушаков¹³⁸ — переметчик, сводня; он с другими захотел на престол ей, государыне, быть самодержавною. А батюшка де мой как о том услышал, то де занемог и в землю от того сошел». Прасковья Юсупова объяснила: ее отец желал урезать власть Анны, поскольку «наперед слышал, что

¹³⁸ Имелся в виду генерал-лейтенант А.И. Ушаков (род. в 1670 г.), многолетний сослуживец Г.Д. Юсупова по Преображенскому полку, ветеран Великой Северной войны, сенатор, один из руководителей Тайной канцелярии Петра I, впоследствии глава Тайной канцелярии Анны Иоанновны, граф и генерал-аншеф. В январе — феврале 1730 г., подобно Григорию Дмитриевичу, Андрей Ушаков подписал сначала «либеральный» «проект 364-х», а затем прошение о восстановлении самодержавия.

она будет нам неблагодетельница»¹³⁹. Дальнейшая судьба княжны Прасковьи Григорьевны сложилась весьма драматично¹⁴⁰.

Г.Д. Юсупов был похоронен в Москве, на территории древнего Богоявленского монастыря в нижней церкви Богоявленского храма, посвященной Казанской иконе Божьей Матери. На надгробной плите была высечена обширная надпись о заслугах Григория Дмитриевича перед Отечеством¹⁴¹.

В 1919 г. монастырь был закрыт, а дворянские усыпальницы в нижнем храме разорены. В настоящее время Храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря¹⁴² стал вновь действующим, и в его подвальном помещении можно увидеть несколько сохранившихся надгробий и фрагменты разбитых надгробных плит. Надгробия Г.Д. Юсупова среди них нет.

¹³⁹ Цит. по: Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 66–67.

¹⁴⁰ В 1735 г. из монастыря в Тихвине Прасковью Юсупову этапировали в Тайную канцелярию. Новое уголовное дело было возбуждено по извещению служанки и стряпчего, которые сообщили, что княжна жаловалась на императрицу Анну Иоанновну, говорила, что было бы лучше, если бы царствовала Елизавета Петровна, рассказывала, что при Петре I Анну и ее сестер называли не царевнами, а просто «Ивановнами». За это П.Г. Юсупову высекли розгами, насильно постригли в монахи под именем Проклы и отправили в Введенский девичий монастырь Тобольской епархии. Там за неповиновение в 1738 г. ее выпороли шелепами (толстой веревочной плетью. — *Д.С., А.Ф.*). Донесение об этом вызвало строгий приказ из Санкт-Петербурга: держать ссыльную княжну в монастыре в ножных кандалах и под караулом. См.: Курдюмов М.Г. Юсупова Прасковья Григорьевна // Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. «Щапов – Юшневский». С. 347.

¹⁴¹ См.: Надписи, находящиеся в Богоявленском монастыре. С. 311–312.

¹⁴² Современный адрес: г. Москва, Богоявленский пер., дом 2, строение 4.

§ 4. Гвардии майор М.Я. Волков*

6 мая 1724 г. в канцелярию Правительствующего Сената поступил очередной именной указ. На узком полулисте второй сверху строкой прерывистым почерком императора Петра I было начертано: «Маеора Волкова в потполковъники в Семеновской полк»¹⁴³. Скупая строка высочайшего повеления означала, что «маеор Волков» стал не просто подполковником, но еще и командиром Семеновского полка — одного из двух полков российской гвардии.

Впрочем, приведенный именной указ явился признанием не только военных заслуг гвардии майора Михаила Яковлевича Волкова. К исходу первой четверти XVIII в. новоназначенный командир Семеновского полка сумел успешно проявить себя также и как администратор, и как следователь.

Каких-либо сведений о ранней биографии М.Я. Волкова выявить к настоящему времени не удалось. Неизвестным остался даже год его рождения. Неясно и то, к какому именно роду Волковых принадлежал Михаил Яковлевич: по состоянию на 1699 г. одних только совершеннолетних дворян с фамилией Волков в России насчитывалось 40 (!) человек¹⁴⁴.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: М.Я. Волков // Российский следователь. 2016. № 16. С. 51–56.

¹⁴³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 5. Кн. 26. Л. 407.

¹⁴⁴ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 350. Видной фигурой в военном ведомстве России первой трети XVIII в. являлся Алексей Яковлевич Волков. Его карьера прошла, правда, исключительно на канцелярских должностях. Длительное время пробыв личным секретарем А.Д. Меншикова, Алексей Волков дослужился впоследствии до поста советника Военной коллегии и до чина генерал-лейтенанта. Ни в каких родственных связях друг с другом А.Я. и М.Я. Волковы не состояли.

Достоверно известно лишь, что М.Я. Волков не был поверстан в ряды наиболее привилегированной части дворянства — так называемых «царедворцев», не получив даже начального чина «жильца»¹⁴⁵. Более того, в число «царедворцев» не попал вообще никто из ближайших родственников будущего гвардии подполковника¹⁴⁶. Исходя из этого, возможно с уверенностью предположить, что Михаил Волков явился выходцем из самых низов провинциального дворянства.

По свидетельству самого М.Я. Волкова, в службу он вступил в 1687 г. в Семеновский полк¹⁴⁷. Учитывая, однако, что учреждение полка состоялось только в 1695 г., не вызывает сомнений, что Михаил Яковлевич был первоначально зачислен в Семеновскую потешную роту. Судя по всему, он попал в расширенный набор в «потешные» воинские формирования, осуществленный Петром I как раз в 1687 г.¹⁴⁸

Строевая карьера Михаила Волкова складывалась поначалу не особенно динамично. Долгие 12 лет он прослужил на должностях рядового и сержантского состава («в солдатстве и в унтер-афицерах»¹⁴⁹). Лишь затем Михаил Яковлевич получил первый офицерский чин прапорщика.

¹⁴⁵ См. публикацию последнего списка «царедворцев» (по состоянию на 1712 г.): Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112.

¹⁴⁶ См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 73–74.

¹⁴⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 782.

¹⁴⁸ Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900. Т. 1. С. 150–151.

¹⁴⁹ Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 15.

На протяжении второй половины 1690-х — первой половины 1710-х гг. М.Я. Волкову довелось принимать почти ежегодное участие в боевых действиях. На фронтах войн с Турцией и Швецией он провел в общей сложности 20 лет. В строю Семеновского полка Михаил Волков прошел тысячи верст — от лесов Карелии до степей Молдавии и от Азова до северогерманских земель.

О том, что М.Я. Волков неизменно находился в боевых порядках полка, свидетельствовали полученные им ранения. Первый раз прапорщик Михаил Волков был ранен в бою 19 ноября 1700 г.¹⁵⁰, во время разгрома шведами русской осадной группировки под Нарвой. Затем было пулевое ранение в голову во время сражения при деревне Лесной¹⁵¹ 28 сентября 1708 г. с корпусом шведского генерала Адама-Людвига Левенгаупта. 9 июля 1711 г. в бою с турками в окружении близ урочища Рябая Могила у реки Прут Михаил Яковлевич был ранен ядром в правую ногу¹⁵².

Досконально знавший боевую службу гвардейцев, Петр I по достоинству оценил заслуги М.Я. Волкова. К 1707 г. он был произведен в гвардии капитаны, к 1709 г. — в майоры, став батальонным командиром¹⁵³. 3 августа 1711 г., сразу после выхода российских войск из «прутского котла» царь произвел Михаила Яковлевича в «полевые» бригадиры¹⁵⁴ (с сохранением прежней должности и чина гвардии майора).

¹⁵⁰ Там же. С. 51.

¹⁵¹ Ныне *Лясная* — агрогородок в составе Лопатичского сельсовета Могилевской области Республики Беларусь.

¹⁵² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 782. В сражении при Пруте М.Я. Волков оказался единственным старшим офицером гвардии, получившим ранение.

¹⁵³ В 1710-е гг. в батальон М.Я. Волкова входили роты: гренадерская, 1–4-я, 9-я и 10-я (Дирин П.Н. Указ. соч. С. 130).

¹⁵⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 74.

Последним крупным сражением, в котором довелось принять участие Михаилу Волкову, явилась морская «баталия» в Рилакс-фиорде у полуострова Гангут¹⁵⁵ 27 июля 1714 г. В этом сражении бригадир М.Я. Волков командовал сводным отрядом из военнотружущих пяти полков, общей численностью 1273 чел. (включая 244 гвардейца), которые были размещены на шести галерах¹⁵⁶ и дислоцированы на левом крыле российской группировки. В ходе длительного абсордажного боя российские моряки и пехотинцы разгромили шведскую эскадру контр-адмирала Нильса Эреншельда (получившего семь ран, но оставшегося в живых и попавшего в плен)¹⁵⁷.

В этом бою Михаил Волков получил последнее фронтное ранение — картечью в левую руку¹⁵⁸. Государевой наградой за Гангут стала памятная золотая медаль (с золотой цепью для ношения на шее), врученная Михаилу Яковлевичу 30 ноября 1714 г.¹⁵⁹

В рамках боевой деятельности в годы Великой Северной войны М.Я. Волкову довелось также руководить розыском и захватом группы преступников. Это произошло на территории Речи Посполитой, неподалеку от Пинска¹⁶⁰, где в первые

¹⁵⁵ Ныне Ханко (фин. *Hankoniemi*) на юго-западном побережье современной Финляндии.

¹⁵⁶ Действиями собственно галер в сражении руководил капитан галерного флота Л.М. Демьянов.

¹⁵⁷ Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 110, 134–135 и др. Согласно ст. 1 Федерального закона от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», дата Гангутского сражения (9 августа по новому стилю) внесена в число дней воинской славы России (СЗ РФ. 1995. № 11. Ст. 943).

¹⁵⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 782.

¹⁵⁹ Кротов П.А. Указ. соч. С. 149.

¹⁶⁰ Ныне *Пинск* — административный центр одноименного района Брестской области Республики Беларусь.

дни февраля 1706 г. некий дворянин Вяжицкий (Вежицкий) совершил предательское убийство 13 военнослужащих Семеновского полка во главе с капитаном Дмитрием Бабиным, которых он заманил в гости в свое имение.

По распоряжению командующего российской группировкой фельдмаршала Б.П. Шереметева, 11 февраля 1706 г. на поиск и задержание Вяжицкого и его сообщников были командированы три роты солдат под командованием капитанов Михаила Волкова и И.И. Дмитриева-Мамонова¹⁶¹. Проведя осмотр места преступления, опрос окрестных жителей и прочесывание местности, Михаил Яковлевич сумел уже 17 февраля 1706 г. захватить в лесном массиве Вяжицкого и 10 его слуг и крестьян. Об успехе операции Б.П. Шереметев незамедлительно доложил царю¹⁶².

Однако в полной мере привлечение М.Я. Волкова к «розыскным делам» состоялось более десяти лет спустя. При выработке в начале декабря 1717 г. проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I назначил гвардии майора и бригадира Михаила Волкова руководителем (презусом) одной из них. Эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении обер-штерккригс-комиссара¹⁶³ флота генерал-майора Г.П. Чернышева и азовского вице-губернатора С.А. Колычева¹⁶⁴.

¹⁶¹ О нем подробнее см. в следующем параграфе настоящей главы.

¹⁶² Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / сост. А.В. Павлов, Н.К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 30–34. 14 октября 1706 г. Петр I распорядился публично казнить Вяжицкого и его сообщников в Минске (Там же).

¹⁶³ То есть начальника снабжения.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167. В литературе о следственной канцелярии М.Я. Волкова наиболее подробно см.: Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 234–235.

9 декабря 1717 г. в Санкт-Петербурге Михаил Яковлевич получил на руки подписанный царем список типового Наказа «майорским» канцеляриям с реестром подлежащих расследованию уголовных дел. В качестве ассессоров в канцелярию Михаила Волкова были определены его подчиненный, командир 1-й роты Семеновского полка капитан А.П. Баскаков¹⁶⁵ и капитан-поручик Преображенского полка Т.С. Тишин¹⁶⁶. Несколько позднее ассессором канцелярии стал поручик Семеновского полка С.Л. Игнатьев¹⁶⁷.

Уже 10 декабря 1717 г. М.Я. Волков направил в Правительствующий Сенат «Пункты к доношению», в которых затребовал откомандировать в его распоряжение группу канцелярских служащих, выделить запас канцелярских принадлежностей, а заодно предоставить следователям служебное жилье поблизости от канцелярии¹⁶⁸. Два дня спустя, 12 декабря 1717 г., Михаил Яковлевич запросил у Сената все материалы по уголовным делам по обвинениям Г.П. Чер-

¹⁶⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2584. Оп. 1. № 51. Л. 20. Поступив на военную службу в 1704 г., А.П. Баскаков стал ротным командиром в 1714 г. (Там же). Впоследствии Алексей Баскаков занимал должности судьи Вышнего суда, обер-прокурора Святейшего Синода, вице-президента Камер-коллегии, президента Ревизион-коллегии, смоленского губернатора. Даты жизни установить к настоящему времени не удалось.

¹⁶⁶ Т.С. Тишин служил в гвардии с 1701 г. 1 января 1719 г. произведен в капитаны и назначен командиром 12-й роты Преображенского полка (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 12).

¹⁶⁷ С.Л. Игнатьев поступил в Семеновский полк рядовым в 1704 г. В январе 1721 г. произведен в капитаны и определен командиром 5-й роты полка (РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 51. Л. 84). Впоследствии советник Военной коллегии и обер-комендант Санкт-Петербурга. 2 марта 1740 г. произведен в генерал-лейтенанты, 25 июня 1744 г. назначен сенатором. Умер 6 августа 1747 г. (Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: материалы для биографий / сост. Н.А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 184).

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 2.

нышева, а также бывшего смоленского губернатора князя В.И. Гагарина¹⁶⁹. Из последнего документа очевидно, что вмести изначально предполагавшегося уголовного дела С.А. Кольчева¹⁷⁰ в производство канцелярии М.Я. Волкова поступило дело Василия Гагарина.

Как явствует из архивных документов, попавший под следствие канцелярии Михаила Волкова генерал-майор Г.П. Чернышев обвинялся в шести эпизодах получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями. Генерал-майору были, в частности, инкриминированы эпизоды хищения 40 тыс. рублей, получения в качестве взятки ярославского имения фискала И.Д. Тарбеева (за освобождение его от военной службы), незаконного привлечения солдат и каторжан к строительству Санкт-Петербургского дома. Князю В.И. Гагарину было предъявлено обвинение в преступной халатности при организации принудительного переезда из Смоленска в Санкт-Петербург «купецких людей».

Что касается расследования уголовного дела Г.П. Чернышева, то оно было завершено канцелярией М.Я. Волкова менее чем за год. В ходе следствия эпизод с принятием Григорием Петровичем взятки в виде помещичьего имения не нашел подтверждения, в результате чего следственная канцелярия предъявила фискалу Ивану Тарбееву обвинение в заведомо ложном доносе о совершении особо тяжкого преступления.

А вот эпизод строительства генеральского дома силами солдат и каторжан (а заодно с использованием казенного леса) следственная канцелярия доказала. В связи с этим

¹⁶⁹ Там же. Л. 13–13 об.

¹⁷⁰ Как уже упоминалось, расследование уголовного дела по обвинению С.А. Кольчева было тогда полностью сосредоточено в следственной канцелярии гвардии майора С.А. Салтыкова, аналогично учрежденной 9 декабря 1717 г.

канцелярия дополнительно предъявила обвинение в незаконной продаже казенного леса комиссару Алексею Дирину. В октябре — ноябре 1718 г. расследованные канцелярией дела Г.П. Чернышева, И.Д. Тарбеева и А. Дирина поступили для рассмотрения в особое военно-судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров «майорских» канцелярий.

6 октября 1718 г. военно-судебное присутствие приговорило Григория Чернышева к лишению чинов и конфискации имущества. Алексей Дирин был осужден к штрафу в 600 рублей¹⁷¹. При утверждении приговора Петр I смягчил санкцию Г.П. Чернышеву и ужесточил — А. Дирину.

По всей очевидности, приняв во внимание боевые заслуги Григория Чернышева (получившего пять ранений на фронтах Великой Северной войны), царь заменил ему лишение чинов арестом на пять суток, а конфискацию имущества — штрафом в 372 рубля (сумму тройного денежного содержания солдат и половинного содержания каторжников за то время, пока они работали на строительстве генеральского дома). Алексею Дирину глава государства дополнительно назначил наказание кнутом и ссылкой на каторгу сроком на один год¹⁷².

25 ноября 1718 г. военно-судебное присутствие вынесло решение по делу И.Д. Тарбеева. За ложный донос он был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества. При утверждении приговора Петр I заменил бывшему фискалу смертную казнь на вырезание ноздрей и пожизненную ссылку гребцом на галеры¹⁷³.

Сведений об итогах расследования дела В.И. Гагарина выявить к настоящему времени не удалось. Следственная канцелярия М.Я. Волкова то ли не сумела изобличить бывшего

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5947. Л. 8 об.—9.

¹⁷² Там же. Л. 9.

¹⁷³ Там же. Л. 8.

вице-губернатора в инкриминированном эпизоде, то ли уголовное преследование было прекращено по решению царя. По крайней мере, 8 марта 1720 г. князь Василий Гагарин был назначен судьей Санкт-Петербургского надворного суда, а 20 июня 1722 г. — прокурором Московского надворного суда (где проявил себя, стоит признать, весьма достойно)¹⁷⁴.

Следственной канцелярией Михаилу Волкову довелось руководить значительно меньше времени, нежели остальным гвардии майорам, назначенным презусами 9 декабря 1717 г. И дело здесь было отнюдь не в недовольстве, возникшем у главы государства по поводу «розысков» Михаила Яковлевича. Наоборот, 1 января 1721 г. Петр I присвоил бригадиру М.Я. Волкову очередной воинский чин генерал-майора¹⁷⁵.

От руководства следственной канцелярией Михаила Волкова отвлекло очередное высочайшее поручение. 27 января 1721 г. царь направил Михаила Яковлевича в Новгородский уезд, чтобы разместить там пехотный и кавалерийский полки. Это внешне ординарное задание являло собой в действительности сложнейший военно-административный эксперимент, в ходе которого предстояло отработать принципиально новую схему как постоянной дислокации полевых частей и соединений российской армии, так и организации их денежного содержания за счет местного населения. В связи с этим генерал-майору М.Я. Волкову предстояло также установить точное число плательщиков подушной подати — тяглых «душ» мужского пола.

Проведя в Новгороде почти год, интенсивно переписываясь с Военной коллегией, Сенатом и Петром I, Михаил Яковлевич успешно справился с возложенным на него поручением.

¹⁷⁴ Подробнее см.: Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.) : историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 77–78, 132–133, 229–230.

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 2.

Он сумел не только в сжатые сроки организовать размещение полков по деревням, но и, проведя масштабные разыскные мероприятия, установить массовую утайку тяглых «душ». Уже в июле 1721 г. генерал-майор доложил Сенату о выявлении им 33,5 тысячи неучтенных душ, что составило 1/5 (!) мужской части крестьянского населения уезда¹⁷⁶.

После успеха «новгородского эксперимента» император принял решение ввести военно-податную систему по всей территории России. В феврале 1722 г. было одновременно учреждено девять канцелярий «свидетельства мужеского пола душ». Во главе каждой из них был поставлен либо старший офицер гвардии, либо высший офицер армии. Генерал-майору и гвардии майору Михаилу Волкову предстояло провести реформу на территории Санкт-Петербургской губернии, охватывавшей тогда весь Северо-Запад России.

Обосновавшись вновь в Новгороде, проявив себя как весьма энергичный, жесткий, но при том неподкупный управленец, М.Я. Волков справился с этой задачей¹⁷⁷. Очередной наградой явилась высочайше начертанная строка: «Маеора Волкова в потполковъники в Семеновской полк».

Последовавшие в январе 1725 г. кончина Петра I и воцарение Екатерины I не поколебало положения М.Я. Волкова в правительственной среде. 21 мая 1725 г. он был — в числе первых в России — пожалован в кавалеры ордена св. Александра Невского¹⁷⁸ (одновременно со своими многолетними полковыми сослуживцами и недавними соратниками по руководству

¹⁷⁶ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1981. С. 88, 234–235.

¹⁷⁷ Бабич М.В. Генерал М.Я. Волков: материалы к биографии // «Мы были!». Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. С.В. Ефимов. СПб., 2004. Ч. 1. С. 13.

¹⁷⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 171.

«майорскими» канцеляриями И.И. Дмитриевым-Мамоновым и И.М. Лихаревым, а также заодно с бывшим подследственным Г.П. Чернышевым).

В середине 1725 г. кандидатура Михаила Волкова была предложена Военной коллегией для назначения на давно вакантную должность вице-президента. Однако императрица не решилась менять особый порядок комплектования руководящего коллегиального присутствия Военной коллегии (введенный Петром I в 1723 г.) и ограничилась тем, что назначила 7 июня 1725 г. М.Я. Волкова сменным членом коллежского присутствия¹⁷⁹.

7 мая 1726 г. Михаил Яковлевич был произведен в генерал-лейтенанты¹⁸⁰. Однако вскоре ему пришлось навсегда оставить военную службу.

Сегодня затруднительно понять, что именно побудило М.Я. Волкова подать в октябре 1727 г. императору Петру II челобитную об отставке по состоянию здоровья. Возможно, Михаил Волков был слишком тесно связан с А.Д. Меншиковым, бесповоротно попавшим в сентябре 1727 г. в государственную опалу. Не исключено, что начали сказываться последствия фронтальных ранений, и М.Я. Волков в самом деле испытал тогда ухудшение здоровья. Может, не преувеличивал Михаил Яковлевич, когда писал в челобитной, что от «головной болезни» ему «приходит ныне повседневно обморок и лом¹⁸¹»? Как бы то ни было, 20 ноября 1727 г. последовал именной указ об увольнении Михаила Волкова из армии «за тяжкими его ранами и за многими службами»¹⁸².

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1944. Л. 87 об., 90.

¹⁸⁰ Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 636.

¹⁸¹ То есть приступы головной боли.

¹⁸² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 781.

Однако прошло лишь два года, и Михаила Яковлевича вновь призвали для выполнения следственного поручения. 14 ноября 1729 г. секретным именованным указом генерал-лейтенанту М.Я. Волкову было предписано отправиться в Симбирский уезд для расследования нескольких вооруженных нападений, устроенных крестьянами села Воскресенского на соседние деревни, принадлежавшие канцлеру графу Г.И. Головкину и действительному тайному советнику князю И.Ф. Ромодановскому. Деликатность ситуации заключалась в том, что владелицей села Воскресенского являлась не просто знатная дворянка, а сама цесаревна Елизавета Петровна, младшая дочь покойного Петра I.

Отправляясь в Симбирск, Михаил Яковлевич добился прикомандирования к себе гвардии подпоручика Василия Коренева, гвардии прапорщика Гавриила Дубасова, секретаря Федора Тимофеева и четырех солдат личной охраны¹⁸³. По существу, на исходе 1729 г. вокруг М.Я. Волкова образовалась, хотя и в миниатюре, новая следственная канцелярия.

Поскольку материалы симбирского следствия М.Я. Волкова не вводились в научный оборот, его подробности и его итоги остались поныне неизвестными. Однако если учесть, что 9 января 1730 г. тяжело занемогший Петр II указал Михаилу Волкову расследовать теперь уже нападения крестьян И.Ф. Ромодановского на село Воскресенское¹⁸⁴, то возможно с уверенностью предположить, что бывшему командиру Семеновского полка довелось осуществлять никак не менее сложное следствие, нежели во времена руководства «майорской» канцелярией. Вместе с тем вынужденное пребывание

¹⁸³ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1898. Т. 101. С. 282–283.

¹⁸⁴ Там же. С. 421–422.

вдали от Санкт-Петербурга явилось прологом нового витка карьеры М.Я. Волкова.

Благополучно переждав в симбирской глуши бурные события вступления на престол императрицы Анны Иоанновны, Михаил Волков достиг в 1730-е гг. вершины своей правительственной карьеры. Никогда не входивший в ближайшее окружение императрицы, Михаил Яковлевич получил при ней должности главы Канцелярии сбора оставшихся за указными расходами денег¹⁸⁵ (являвшейся, по существу, резервным казначейством России), главы Мастерской и Оружейной палат, главы Коллегии экономии и Раскольнической конторы синодального ведомства¹⁸⁶.

22 сентября 1735 г. Михаил Волков стал также членом Московской конторы Сената (Московской Сенатской конторы), что, по существу, приравнивало его по статусу к сенатору¹⁸⁷. Главой конторы с 1733 г. состоял граф С.А. Салтыков, многолетний сослуживец Михаила Яковлевича по гвардии и соратник по руководству «майорскими» канцеляриями. В итоге, по причудливому изгибу кадровой политики императрицы Анны Иоанновны, на протяжении второй половины 1730-х гг. фактическими «хозяевами» Москвы явились бывшие следователи Петра I Семен Салтыков и Михаил Волков.

27 мая 1741 г. М.Я. Волков был произведен в генерал-аншефы¹⁸⁸, в предпоследний чин перед генерал-фельмаршалом.

¹⁸⁵ В официальном делопроизводстве эта канцелярия именовалась также «Канцелярия ведения генерала-поручика Волкова по сбору остаточных штатных сумм».

¹⁸⁶ Подробнее см.: Бабич М.В. Генерал М.Я. Волков: материалы к биографии. С. 14–15.

¹⁸⁷ Неслучайно авторитетнейший Н.А. Мурзанов включил М.Я. Волкова в подготовленный им «Словарь русских сенаторов» (Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг. С. 89).

¹⁸⁸ Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия. С. 636.

Это было, однако, последнее повышение в жизни Михаила Яковлевича.

Несмотря на то что пришедшая к власти в ноябре 1741 г. императрица Елизавета Петровна подчеркнуто благоволила к сподвижникам Петра I, к Михаилу Волкову она отнеслась по неясной причине с очевидным недоверием. Возможно, у новой императрицы сохранились негативные воспоминания о том, как Михаил Яковлевич провел в 1729–1730 гг. расследование дела о междоусобных столкновениях ее крестьян из села Воскресенского с соседями. Что бы там ни было, к концу 1742 г. М.Я. Волков лишился всех своих должностей.

И хотя в июле 1744 г. Михаил Волков был возвращен к руководству воссозданной Канцелярией сбора оставшихся за указными сборами денег, сколько-нибудь заметной роли в правительственной среде он более не играл. Как было верно отмечено в литературе, «честность, попечительность и опыт» бывшего командира Семеновского полка «стали не нужны, а воинские заслуги забыты». 19 июля 1751 г. Михаил Яковлевич скончался¹⁸⁹.

Место захоронения генерал-аншефа М.Я. Волкова неизвестно.

§ 5. Гвардии майор И.И. Дмитриев-Мамонов*

18 июля 1721 г. камер-юнкер Фридрих-Вильгельм Берхгольц, прибывший в Санкт-Петербург в свите герцога голштинского Карла-Фридриха, внес в дневник очередную запись. В этой записи камер-юнкер, имевший обыкновение фотографически точно фиксировать обстоятельства поездки,

¹⁸⁹ Бабич М.В. Генерал М.Я. Волков: материалы к биографии. С. 15.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: И.И. Дмитриев-Мамонов // Российский следователь. 2016. № 12. С. 50–56.

подробно описал впечатления от обозрения одной зловещей достопримечательности новой российской столицы. Заезжему голштинцу показали раскачивавшиеся на ветру останки бывшего сибирского губернатора князя Матвея Гагарина, повешенного несколькими месяцами ранее, тело которого не было погребено, а оставлено на огромной виселице¹⁹⁰.

Пространная дневниковая запись Ф.-В. Берхгольца о событиях того дня отразила эпилог многолетнего уголовного преследования М.П. Гагарина, ставшего ключевым фигурантом резонансного и многоэпизодного «сибирского дела». Предварительное следствие по этому делу провела следственная канцелярия под руководством Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова.

И.И. Дмитриев-Мамонов принадлежал к разветвленному и знатному (хотя и нетитулованному) дворянскому роду, восходившему к смоленскому удельному князю Ростиславу Мстиславичу. Сама фамилия Дмитриев-Мамонов получила официальное утверждение в 1690 г., когда ее было высочайше дозволено носить братьям А.М., В.М. и И.М. Дмитриевым.

Иван Дмитриев-Мамонов являлся сыном Ильи Михайловича Дмитриева (одного из братьев, получивших право на фамилию Дмитриев-Мамонов) и Акилины Ивановны, урожденной Вердеревской. Двух родных братьев Ивана Ильича также звали Иванами¹⁹¹, что значительно осложнило изучение обстоятельств его ранней биографии.

Согласно надгробной надписи, будущий глава следственной канцелярии И.И. Дмитриев-Мамонов¹⁹² родился 10 декабря

¹⁹⁰ Берхголец Ф.-В. Дневник. 1721–1725: пер. с нем. 2-е изд. М., 1902. Ч. 1. С. 71–72.

¹⁹¹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. С. 178–179.

¹⁹² В документах первой четверти XVIII в. фамилия «Дмитриев-Мамонов» устойчиво писалась как «Дмитреев-Мамонов». Как явствует из многочисленных сохранившихся автографов Ивана Ильича, расписывался он также как «Дмитреев-Мамонов».

1680 г. и уже «в малолетствии своем» был удостоен высокого придворного чина стольника¹⁹³. Придворная служба будущего главы следственной канцелярии, впрочем, не затянулась.

Согласно архивному документу, в 1700 г. Иван Дмитриев-Мамонов был зачислен в гвардейский Семеновский полк и в том же году произведен в поручики¹⁹⁴. Определение Ивана Ильича именно в этот полк было неслучайным: судя по всему, там уже служил его брат Иван (по всей очевидности, старший), начавший военную карьеру еще в Семеновской потешной роте¹⁹⁵. 11 октября 1702 г. гвардии поручик И.И. Дмитриев-Мамонов-старший погиб при штурме шведской крепости Нотебург¹⁹⁶ близ устья Невы¹⁹⁷.

¹⁹³ Надгробная летопись Москвы / сост. А.А. Мартынов // Русский архив. 1895. Т. 2. № 7. С. 384.

¹⁹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 1.

¹⁹⁵ В опубликованном архивном документе, содержащем список военнослужащих Семеновской потешной роты, которые при ее переформировании в 1695 г. в полк сохранили офицерские чины, упомянут «Иван Мамонов» (Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. Приложения. С. 4). В свете приведенных выше данных о том, что И.И. Дмитриев-Мамонов поступил в Семеновский полк в 1700 г., представляется возможным с уверенностью предположить, что в упомянутом документе речь идет о его брате Иване (который тем самым должен быть признан старшим по возрасту). Третий из Иванов Ильичей был точно младшим: он родился в 1694 г. (Надгробная летопись Москвы. С. 385).

¹⁹⁶ Ныне г. Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944–1992 гг. именовался Петрокрепость).

¹⁹⁷ Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 58. Погребен Иван Дмитриев-Мамонов был в братской могиле на территории крепости (Русский провинциальный некрополь / сост. В.В. Шереметевский. М., 1914. Т. 1. С. 255). Уместно добавить, что младший из братьев Иванов Ильичей также служил впоследствии в Семеновском полку. А вот двоюродный брат И.И. Дмитриева-Мамонова Василий Афанасьевич избрал военно-морскую карьеру. Пройдя обучение в датском флоте, В.А. Дмитриев-Мамонов успел принять участие в ряде морских

Подробностей о военной службе Ивана Дмитриева-Мамонова выявить на сегодня почти не удалось. Достоверно известно лишь, что Иван Ильич участвовал во всех кампаниях Великой Северной войны и в Прутском походе 1711 г. На фронтах Великой Северной войны будущий следователь получил три ранения¹⁹⁸: первое — в ноябре 1700 г. при разгроме шведами российской осадной группировки под Нарвой и два других — при штурме той же Нарвы в августе 1704 г.

Впервые к «розыскным делам» Иван Дмитриев-Мамонов оказался привлечен в ноябре 1713 г., когда Петр I поручил ему осуществить досудебное разбирательство дела о взяточничестве при рекрутских наборах в Архангелогородской губернии¹⁹⁹. Насколько возможно понять, Ивану Ильичу предстояло довести до конца одно из дел, следствие по которым самостоятельно начал его сослуживец по Семеновскому полку, глава первой следственной канцелярии России майор М.И. Волконский, работавший в Архангелогородской губернии с августа 1713 г.

Из подробностей о тогдашнем следствии Ивана Дмитриева-Мамонова известно лишь, что следственные действия производились в Вологде и что фигурантами дела стали пятеро

кампаний Великой Северной войны, а впоследствии занимал должности советника Адмиралтейской коллегии и главы Московской Адмиралтейской конторы. В 1730 г. был произведен в контр-адмиралы. Скончался 18 января 1739 г. на театре военных действий русско-турецкой войны 1736–1739 гг., командуя Днепровской военной флотилией (Берх В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. СПб., 1832. Ч. 2. С. 109–113).

¹⁹⁸ Надгробная летопись Москвы. С. 384.

¹⁹⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого / отв. ред. А.А. Преображенский. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 195–196. В.И. Веретенников ошибочно указал, что И.И. Дмитриев-Мамонов был направлен в Архангелогородскую губернию для расследования дела о незаконной продаже за границу пеньки (Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 30).

наборщиков рекрут и 11 приказчиков и старост (все они были взяты под стражу в декабре 1713 г.)²⁰⁰. Вместе с тем не вызывает сомнений, что особой следственной канцелярии под руководством Ивана Ильича тогда не учреждалось. Учитывая же, что в письме царя от 3 декабря 1713 г. расследование предписывалось завершить не позднее февраля 1714 г.²⁰¹, возможно с уверенностью предположить, что выполнение И.И. Дмитриевым-Мамоновым высочайшего следственного поручения не затянулось.

Повторно на следственное поприще Иван Дмитриев-Мамонов был направлен четыре года спустя. При выработке в начале декабря 1717 г. упоминавшегося выше проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I назначил гвардии майора И.И. Дмитриева-Мамонова руководителем (презусом) одной из них. Эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении сенатора князя Я.Ф. Долгорукова, сенатора П.М. Апраксина, главы Мундирной канцелярии М.А. Головина и сибирского губернатора князя М.П. Гагарина²⁰².

9 декабря 1717 г. в Санкт-Петербурге Иван Ильич получил на руки подписанный царем список типового Наказа «майорским» канцеляриям (являвшийся одновременно учредительным актом об основании канцелярии) с реестром подлежащих расследованию уголовных дел. В качестве ассессоров в канцелярию Ивана Дмитриева-Мамонова были определе-

²⁰⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 2. С. 196.

²⁰¹ Там же. С. 215.

²⁰² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167. В литературе о следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова наиболее подробно см.: Веретенников В.И. Указ. соч. С. 31–41.

ны гвардии капитан И.М. Лихарев, гвардии капитан-поручик Е.И. Пашков и гвардии поручик И.И. Бахметев, 1683 г.р., заслуженный боевой офицер, дважды раненный в битве при Лесной 28 сентября 1708 г.²⁰³

В 1718 г. ассессором канцелярии был также назначен гвардии капитан-поручик А.Г. Шамордин. В январе 1719 г. к работе в канцелярии был привлечен (без формального включения в ассессорский состав) стольник П.Б. Вельяминов, имевший значительный опыт следственной деятельности и ставший впоследствии прокурором Камер-коллегии²⁰⁴.

В полной мере представить деятельность следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова не представилось возможным, поскольку весь ее архив сгорел в пожаре в московском Кремле 29 мая 1737 г.²⁰⁵ Вместе с тем известно, что крупнейшим из уголовных дел, находившихся в ее производстве, было уже упомянутое «сибирское». Неслучайно, уже в 1719 г. в правительственном делопроизводстве канцелярия Ивана Ильича начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией»²⁰⁶.

Как возможно уяснить из разрозненно уцелевших документов, действуя в тесном взаимодействии с фискальской

²⁰³ РГАДА. Ф. 286. Кн. 439. Л. 77.

²⁰⁴ О нем подробнее см.: Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 210–211, 267–268.

²⁰⁵ См.: Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / публ. П.И. Иванова // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 3. Смесь. С. 18. В документе упомянуто о гибели 191 «книги» «Канцелярии Мамоновой», хранившейся в Сенатском архиве.

²⁰⁶ См., напр.: РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 21, 23 об., 29 об. В остальных случаях канцелярия официально именовалась «канцелярией ведения от гвардии маэора господина Дмитриева-Мамонова», а затем «канцелярией ведения генерала-маэора и гвардии маэора господина Дмитриева-Мамонова да брегадира и лейб-гвардии маэора господина Лихарева с прочими афицеры».

службой, канцелярия И.И. Дмитриева-Мамонова проделала огромный объем следственной работы (в рамках которой в 1719 г. была даже организована поездка в Сибирь ассессоров И.М. Лихарева и А.Г. Шамордина). Примером деятельности канцелярии явились сохранившиеся документы о проверке эпизода о получении губернатором М.П. Гагариным в 1710 г. внушительной взятки в 900 рублей от жителей Хлынова²⁰⁷.

Получив сведения о приведенном эпизоде (где, правда, фигурировала сумма в 1000 рублей) из доношения фискала А. Фильшина от 18 февраля 1718 г., следственная канцелярия для начала допросила в качестве свидетелей упомянутых в доношении бывшего целовальника²⁰⁸ Даниила Хохрякова и купца Романа Воронова. Допрошенные лица подтвердили добытую фискальской службой информацию как о сборе с горожан денег для поднесения губернатору, так и о передаче ему этих денег. При этом Р. Воронов уточнил, что деньги не были вручены Матвею Гагарину лично, а отосланы к нему в Москву. Наряду с этим купец показал, что при встрече с ним в 1711 г. губернатор сказал, что полученную от хлыновцев тысячу рублей он внес в казну Сибирского приказа и велел зачесть в качестве податей²⁰⁹.

Далее как свидетеля допросили самого М.П. Гагарина (находившегося тогда в Санкт-Петербурге). Князь Матвей Петрович вначале сослался на забывчивость, затем стал отрицать получение денег и, наконец, заявил, что все деньги, «которые и бывали к нему в присылке из городов», он вносил в казну Сибирского приказа²¹⁰.

Следующими действиями канцелярии были: указание П.Б. Вельяминову проверить показания М.П. Гагарина по

²⁰⁷ Ныне г. Киров, административный центр одноименной области.

²⁰⁸ Выборный заместитель главы органа местного самоуправления.

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. № 200. Л. 5–7.

²¹⁰ Там же. Л. 7–7 об.

приходо-расходным книгам Сибирского приказа (хранившимся в Москве) и отправление в Хлынов гвардии унтер-офицера Воейкова с поручением провести допрос бывшего земского старосты²¹¹ Якова Куклина, непосредственно передававшего деньги губернатору. Ознакомившись с финансовой документацией приказа, Петр Вельяминов не обнаружил там ни единого упоминания ни о сумме, полученной из Хлынова, ни о ее зачете в качестве налога.

Что касается Я. Куклина, то, будучи допрошен 29 августа 1719 г., он показал, что, во-первых, денег было собрано не 1000, а 900 рублей, во-вторых, что деньги предназначались губернатору «за честь ево, ни от каких дел» (в современном понимании — за общее покровительство), а в-третьих, что деньги были вручены тогдашнему коменданту²¹² Хлынова С.Д. Траханиотову, причем без расписки, поскольку «оной Траханиотов губернатору... свойственной человек»²¹³.

11 ноября 1719 г. канцелярия предписала П.Б. Вельяминову отыскать и допросить Степана Траханиотова в Москве. Допрос этот состоялся 30 ноября 1719 г. Будучи явственно напуган вызовом в следственную канцелярию, Степан Данилович, подтвердив эпизод принятия от хлыновцев денег, настойчиво подчеркнул, что деньги были получены им «без всякого ево... принуждения и не для упущения какова царского величества интересу».

Затем бывший хлыновский комендант поведал, что деньги губернатору в Москву он не отослал, предполагая вручить

²¹¹ Глава органа местного самоуправления.

²¹² Глава администрации города и уезда.

²¹³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. № 200. Л. 9–10. Траханиоты являлись родственниками жены М.П. Гагарина Евдокии Степановны, урожденной Траханиотовой. В бытность М.П. Гагарина губернатором он назначил на комендантские должности также Р.А. Траханиотова (в Томск) и И.И. Траханиотова (в Верхотурье).

лично во время собственной поездки в бывшую столицу. Однако передачи денег не состоялось и в Москве, поскольку в московском доме Степана Даниловича «волею божиею» случился пожар, в пламени которого «те подносные денги... згорели»²¹⁴. При всей сомнительности приведенной версии пропажи денег перепроверять ее следственная канцелярия не стала.

Далее канцелярия квалифицировала установленные факты, исходя из норм тогдашнего законодательства. Было сочтено, что, с одной стороны, действия С.Д. Траханиотова подпадали под действие ст. 8 гл. X Уложения 1649 г. (принятие подношения сторонним лицом «без судейского ведома»²¹⁵), с другой — согласно именному указу от 24 февраля 1720 г. не подлежали взысканию в казну те частные вознаграждения должностным лицам, которые были получены до издания Закона от 23 декабря 1714 г. (благодаря которому сформировалось современное понимание взятки) и получение которых не было сопряжено с вымогательством.

На основании приведенных норм следственная канцелярия И.И. Дмитриева-Мамонова не стала предъявлять обвинение по получению денег с хлыновцев ни Степану Траханиотову, ни М.П. Гагарину. Впрочем, снятие данного эпизода никак не облегчило участи князя Матвея Петровича.

11 января 1719 г. Матвей Гагарин был освобожден от должности губернатора и вскоре арестован. 11 марта 1721 г., ознакомившись с докладом Ивана Дмитриева-Мамонова об итогах расследования, Петр I распорядился предать М.П. Гагарина суду Правительствующего Сената²¹⁶. Два дня

²¹⁴ Там же. Л. 11–11 об.

²¹⁵ То есть в современном понимании мнимое посредничество в получении взятки.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 52.

спустя, 13 марта, И.И. Дмитриев-Мамонов лично прибыл в Сенат и предъявил именной указ от 11 марта 1721 г. Одновременно следственная канцелярия передала в канцелярию Сената девять пространных Выписок²¹⁷ по эпизодам казнокрадства, получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями, в которых Матвей Петрович был изобличен в ходе предварительного следствия.

Судебный процесс над бывшим сибирским губернатором не затянулся. Несмотря на то что в именном указе от 11 марта 1721 г. ничего не говорилось о сроках рассмотрения дела, сенаторы, наскоро заслушав представленные следственной канцелярией документы и не проведя ни единого допроса подсудимого, уже 14 марта 1721 г. приговорили Матвея Гагарина к смертной казни. Царь не пощадил давнего соратника, лаконично приписав ниже подписей сенаторов: «Быть по сенатскому приговору»²¹⁸.

16 марта 1721 г. М.П. Гагарин был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга²¹⁹. Для острастки лихоимцам и казнокрадам Петр I запретил хоронить тело казненного, и оно осталось на виселице (где четыре месяца спустя его и наблюдал Ф.-В. Берхгольц). 25 ноября 1721 г. император предписал следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова организовать перевешивание останков князя Матвея Петровича на специально изготовленную цепь²²⁰.

Посмертную кару довелось понести и бывшему коменданту Томска отставному капитану Р.А. Траханиотову. Благодаря

²¹⁷ Отдаленный прообраз современного обвинительного заключения, составляемого следователем при передаче дела в суд.

²¹⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 1–3, 7–85 (выписки по эпизодам обвинений), 95–96 об. (подлинник приговора).

²¹⁹ Походный журнал 1721 года. СПб., 1855. С. 27.

²²⁰ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 97.

уликам, собранным фискальской службой и следственной канцелярией Ивана Дмитриева-Мамонова, Роман Траханиотов признал 40 (!) эпизодов получения взяток, а также эпизод с присвоением части жалования военнослужащих томского гарнизона. Еще 23 эпизода получения взяток и злоупотреблений должностными полномочиями бывший комендант признал частично, взявшись оспаривать суммы незаконно полученных и присвоенных денег. Наконец, 21 эпизод получения взяток Роман Александрович отказался признать вовсе²²¹.

Несогласие Р.А. Траханиотова с частью предъявленных эпизодов (по которым имелись доказательства) поставило на повестку дня вопрос о применении к нему пытки. Между тем, согласно одной из норм упомянутого выше Наказа «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г., строевой офицер (даже отставной) мог быть подвергнут пытке только с санкции военного суда. Поскольку Роман Траханиотов являлся не просто отставным капитаном, но и ветераном крымских походов и осады Нарвы (где он получил ранение), И.И. Дмитриев-Мамонов направил 14 декабря 1722 г. в Военную коллегия просьбу рассмотреть вопрос о его пытке в военном суде, подробно изложив при этом все собранные следствием доказательства вины бывшего коменданта²²².

8 января 1723 г. Военная коллегия распорядилась разрешить поставленный следственной канцелярией вопрос в Нижнем воинском суде в Москве²²³. Не разобравшись в поставленной задаче (Наказ «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г. официально не обнародовался), Нижний воинский суд взялся рассматривать дело Р.А. Траханиотова по

²²¹ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 65. Л. 81–90 об.

²²² См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 82. Л. 1–14.

²²³ Там же. Л. 27–27 об.

существо. 24 сентября 1723 г. суд приговорил Романа Александровича к смертной казни с конфискацией имущества и направил приговор на утверждение в Военную коллегия²²⁴.

Узнав о приговоре, бывший томский комендант «умре скоропостижною смертию»²²⁵. Но это был не финал истории. Ознакомившись с материалами дела Р.А. Траханиотова, Петр I повелел выкопать его тело из могилы и «в Москве в пристойном месте повесить»²²⁶.

Менее тяжкое наказание понесли бывший комендант Удинска²²⁷ казачий полковник Федор Рупышев и его сын Афанасий. Изобличенные следственной канцелярией И.И. Дмитриева-Мамонова в многочисленных эпизодах получения взяток, неуплаты таможенных пошлин и контрабандной торговли пушниной с Китаем, Ф. и А.Ф. Рупышевы были преданы военному суду. 20 августа 1720 г. суд приговорил Рупышевых к наказанию кнутом, конфискации имущества и ссылке гребцами на галеры — Федора на три года, а Афанасия на год²²⁸.

Руководство следственной канцелярией отнюдь не исчерпывало служебных занятий И.И. Дмитриева-Мамонова в последнее семилетие правления Петра I. Так, во время Персидского похода 1722 г. Иван Дмитриев-Мамонов командовал батальонами Семеновского полка, которые были направлены на театр военных действий. Там Иван Ильич едва не погиб, попав со своим отрядом в сильный шторм на Каспийском море в ночь на 22 июля 1722 г. При торжественном въезде Петра I в Москву 13 декабря 1723 г. после победоносного

²²⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 65. Л. 90–91 об.

²²⁵ Там же. Л. 77.

²²⁶ Цит. по: Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 313.

²²⁷ Ныне г. Улан-Удэ.

²²⁸ РГАДА. Ф. 285. Кн. 5959. № 42. Л. 4.

завершения похода Иван Дмитриев-Мамонов следовал верхом сразу вслед за императором²²⁹.

В январе 1723 г. Иван Дмитриев-Мамонов был высочайше определен судьей Вышнего суда — органа правосудия высшего звена (отдаленного прообраза современного Верховного Суда РФ). Судьей Вышнего суда Иван Ильич оставался до его ликвидации в марте 1726 г.

Что касается руководства следственной канцелярией, то оно формально завершилось для И.И. Дмитриева-Мамонова в декабре 1723 г., в связи с изданием именного указа о закрытии «майорских» канцелярий. Основная часть документов канцелярии — 182 дела — была в марте 1726 г. передана в сенатский архив (в составе которого они и погибли в упомянутом пожаре 1737 г.), а 17 дел в апреле 1726 г. приняла для дальнейшего рассмотрения Юстиц-коллегия²³⁰.

Последнее следственное поручение Петра I Иван Дмитриев-Мамонов получил в мае 1723 г., когда он был назначен главой Канцелярии кронштадтского следствия²³¹. В этот раз Ивану Ильичу предстояло завершить расследование уголовного дела о злоупотреблениях, допущенных при строительстве Кронштадта в 1717–1722 гг. Наряду с осуществлением следственных действий, И.И. Дмитриеву-Мамонову довелось фактически вступить в руководство продолжением строительства крепости и порта. Во главе названной канцелярии он находился до сентября 1724 г., до ее передачи в подведомственность Адмиралтейской коллегии.

Неординарно сложилась частная жизнь И.И. Дмитриева-Мамонова. Согласно известиям иностранных диплома-

²²⁹ Дирин П.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 147, 150.

²³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1952. Л. 211; Ф. 285. Кн. 5959. № 42. Л. 12–13.

²³¹ Подробнее см.: Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 62, 332–333.

тов, овдовев, Иван Дмитриев-Мамонов вступил в тайную связь с племянницей Петра I царевной Прасковьей Ивановной, младшей дочерью царя Ивана V. Когда в 1724 г. царевна забеременела, ситуация получила огласку. Император, хотя воспринял эту историю весьма негативно, позволил Ивану Ильичу и Прасковье Ивановне сочетаться морганатическим браком²³².

Воцарение императрицы Екатерины I привело к дальнейшему карьерному возвышению И.И. Дмитриева-Мамонова. 21 мая 1725 г. он был в числе первых в России награжден орденом св. Александра Невского²³³. 4 июля 1725 г. императрица пожаловала Ивану Ильичу конфискованный у дьяка П.К. Скурихина (состоявшего под следствием трех «майорских» канцелярий) каменный дом в Москве, на Мясницкой улице²³⁴. 8 февраля 1726 г. императрица произвела Ивана Дмитриева-Мамонова в генерал-лейтенанты и назначила сенатором²³⁵.

Ничуть не поколебалось положение Ивана Ильича и при новом императоре Петре II. 7 мая 1727 г., в день восшествия на престол, новый император произвел И.И. Дмитриева-Мамонова в чин гвардии подполковника — с переводом в Преображенский полк²³⁶. Именным указом от 31 мая 1728 г. супруга Ивана Ильича царевна Прасковья Ивановна была пожалована конфискованным московским двором А.Д. Меншикова

²³² Игнатъев А. Иван Ильич Дмитриев-Мамонов // Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762 / под ред. С.А. Панчулидзева. СПб., 1901. С. 24.

²³³ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 172.

²³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1944. Л. 92.

²³⁵ Словарь русских сенаторов. 1711–1917 г.: материалы для биографий / сост. Н.А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 150.

²³⁶ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 7. Л. 1.

на Мясницкой улице²³⁷. Своеобразие ситуации заключалось в том, что этот двор был в 1699 г. приобретен Александром Меншиковым не у кого-нибудь, а у братьев Дмитриевых-Мамоновых²³⁸. Так Иван Дмитриев-Мамонов получил возможность вновь оказаться в родных стенах (хотя и основательно перестроенных Александром Даниловичем)²³⁹.

Совсем блестящие карьерные перспективы открылись перед И.И. Дмитриевым-Мамоновым в связи с приходом к власти в январе 1730 г. императрицы Анны Иоанновны, старшей сестры царевны Прасковьи. 4 марта 1730 г. Иван Ильич был переназначен сенатором, а 28 апреля 1730 г., в день коронации императрицы, произведен в генерал-аншефы²⁴⁰. Однако дожидаться новых высочайших милостей бывшему следователю не довелось.

24 мая 1730 г. генерал-аншеф И.И. Дмитриев-Мамонов скоропостижно скончался в седле, сопровождая императрицу в подмосковную резиденцию в с. Измайлове²⁴¹. 29 мая 1730 г. Иван Ильич был погребен в Москве, в церкви священномучеников Флора и Лавра близ Мясницких ворот, по соседству с могилами родителей. В последний путь И.И. Дмитриева-Ма-

²³⁷ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П.И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. С. 146.

²³⁸ Мартынов А.А. Из археологических заметок. Дом Московского почтамта (Палаты князя А.Д. Меншикова) // Русский архив. 1895. Т. 3. № 10. С. 219. Двор был куплен А.Д. Меншиковым за весьма внушительную по тем временам сумму в 2000 рублей.

²³⁹ В настоящее время на месте бывшего московского дворца А.Д. Меншикова находится выстроенное в 1910–1912 гг. здание Московского почтамта (современный адрес: ул. Мясницкая, 26).

²⁴⁰ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 220. Чин генерал-аншефа относился ко II классу Табели о рангах, находясь ступенью ниже генерал-фельдмаршала.

²⁴¹ Игнатъев А. Иван Ильич Дмитриев-Мамонов / Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762 ; под ред. С.А. Панчулидзева. СПб., 1901. С. 26.

монова провожали высшие духовные чины, сенаторы, генералы, офицеры гвардии. Церемония сопровождалась пушечной пальбой и тремя ружейными залпами гвардейских батальонов²⁴².

Спустя 30 лет рядом с И.И. Дмитриевым-Мамоновым упокоился и один из ассессоров его следственной канцелярии. 5 октября 1760 г. в той же церкви Флора и Лавра с воинскими почестями был похоронен сенатор, действительный тайный советник И.И. Бахметев, скончавшийся 2 октября 1760 г. в возрасте 77 лет и трех месяцев²⁴³. Иван Бахметев был, по всей вероятности, последним ушедшим из жизни следователем «майорских» канцелярий Петра I.

В 1934 г. при прокладке Сокольнической линии Московского метрополитена церковь Флора и Лавра была снесена, а находившиеся в ней захоронения уничтожены. В настоящее время на месте церкви находится заасфальтированная площадка, примыкающая к станции метро «Чистые пруды».

§ 6. Гвардии майор М.А. Матюшкин*

День 12 ноября 1721 г. выдался знаменательным в жизни генерал-майора и гвардии майора Михаила Афанасьевича Матюшкина. В этот день «во всей Европии и Азии прославленный воин»²⁴⁴ «приобщился брачному чертогу».

²⁴² Надгробная летопись Москвы. С. 384. Поблизости от могил родителей и старшего брата был похоронен и гвардии капитан И.И. Дмитриев-Мамонов-«меньшой», умерший 12 декабря 1732 г. (Там же. С. 385).

²⁴³ Там же.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: М.А. Матюшкин // Российский следователь. 2016. № 18. С. 51–56.

²⁴⁴ Фрагмент надписи на могильной плите М.А. Матюшкина (Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 405).

Свадьбу, устроенную в Почтовом доме Санкт-Петербурга, праздновали широко. Посаженым отцом жениха был сам Петр I, посаженной матерью невесты — молодой вдовы С.Д. Яковлевой — царица Екатерина Алексеевна, шаферами — 12 гвардейских офицеров²⁴⁵. Среди гостей были сенаторы, военачальники, иностранные дипломаты.

Между тем в этой свадьбе была одна необычная деталь, оставшаяся неведомой почти всем участникам многолюдной церемонии. Дело в том, что к тому времени Михаил Матюшкин уже два года как возглавлял следственную канцелярию. И генеральская невеста Софья Дмитриевна приходилась одному из основных подследственных этой канцелярии дочерью.

М.А. Матюшкин принадлежал к старшей ветви не особенно знатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался татарский мурза Албауш (Арбауш), выехавший в середине XIII в. из Золотой Орды на службу к великому князю Александру Ярославичу и принявший православие под именем Евсевия²⁴⁶. Возвышение рода произошло только в XVII в. и было связано с тем, что дед Михаила Матюшкина — Иван Павлович женился на Феодосье Лукьяновне Стрешневой, родной сестре царицы Евдокии Лукьяновны, супруги царя Михаила Федоровича²⁴⁷.

Отец М.А. Матюшкина Афанасий Иванович на протяжении многих лет был близок к царю Алексею Михайловичу (которому приходился по материнской линии двоюродным братом). Царь даже состоял с А.И. Матюшкиным в личной

²⁴⁵ Подробности о свадьбе см.: Берхгольц Ф.-В. Дневник, веденный в России. 1721–1725 : пер. с нем. 2-е изд. М., 1902. Ч. 1. С. 162–164.

²⁴⁶ [Бороздин К.М.] Опыт исторического родословия дворян и графов Матюшкиных. СПб., 1841. С. 2.

²⁴⁷ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 1. С. 368.

переписке: сохранились 25 адресованных ему высочайших посланий 1646–1662 гг. (выдержанных во вполне теплом родственном духе)²⁴⁸. Закономерно дослужившийся до высокого чина думного дворянина Афанасий Матюшкин скончался 4 мая 1676 г., пребывая в должности архангельского воеводы²⁴⁹.

Согласно надгробной надписи, М.А. Матюшкин родился в 1676 г.²⁵⁰ (не исключено, что уже после смерти отца). Приходясь троюродным братом царевичам Ивану и Петру Алексеевичам, Михаил Матюшкин был после их воцарения в мае 1682 г. удостоен «московского» чина комнатного стольника и включен (имея семь лет от роду) в состав «двора» Петра I. Однако столь успешно начавшаяся придворная карьера Михаила Афанасьевича не затянулась.

При всем том, что в разных документах в качестве времени начала военной службы М.А. Матюшкина указывается то 1691 г.²⁵¹, то 1692 г.²⁵², очевидно, что он вступил в нее еще подростком. Первым местом службы Михаила Матюшкина

²⁴⁸ См.: Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути / сост. П.И. Бартнев. М., 1856. С. 11–86.

²⁴⁹ [Бороздин К.М.] Указ. соч. С. 7.

²⁵⁰ Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре. С. 405.

²⁵¹ Эта дата отмечена в сводной ведомости о службе офицеров гвардии Преображенского полка от 10 мая 1727 г., в «абшите» (удостоверении) об отставке М.А. Матюшкина с государственной службы и в упомянутой надгробной надписи (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 1 ; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 154. Оп. 2. № 409. Л. 1 ; Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре. С. 405).

²⁵² Эта дата отмечена в справке о прохождении службы старшими офицерами Преображенского полка от 19 октября 1721 г. (История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1904. С. 109).

стала Семеновская потешная рота. Впрочем, родство с царем, судя по всему, сказалось и здесь: вчерашний комнатный стольник сразу же получил младший офицерский чин прапорщика²⁵³.

Известно, что уже в чине поручика Михаил Афанасьевич принял участие в Кожуховском походе 1694 г.²⁵⁴ — первых в истории российской армии полевых учениях (максимально приближенных к боевым). Чин поручика М.А. Матюшкин сохранил и при реформировании в 1695 г. Семеновской потешной роты в гвардии Семеновский полк²⁵⁵.

Далее началась фронтовая страда Михаила Матюшкина. Как явствует из скупых строк архивного документа, Михаил Афанасьевич был «во многих сухопутных и морских походах, акциях и баталиях»²⁵⁶. В общей сложности М.А. Матюшкину суждено было провоевать 24 года.

Своего рода «мирная передышка» была предоставлена Михаилу Матюшкину лишь на исходе XVII в. В январе 1697 г. в числе группы из 39 стольников он был отправлен для обучения морскому делу и кораблестроению в Италию. Для охраны и обслуживания с Михаилом Афанасьевичем командировался гвардии сержант Иван Рудаков²⁵⁷.

В каких именно местах, сколько времени и чему конкретно учился М.А. Матюшкин «в европейских христианских государствах», поныне неизвестно. В отличие от выехавшего в той же группе его сослуживца по Семеновскому полку еще од-

²⁵³ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 25. Л. 4.

²⁵⁴ Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / сост. А.В. Павлов, Н.К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 17.

²⁵⁵ Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. Приложения. С. 5.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 409. Л. 1.

²⁵⁷ История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1900. С. 222.

ного будущего следователя Петра I стольника П.А. Толстого, никаких путевых записок Михаил Афанасьевич не оставил.

Какие-либо подробности участия М.А. Матюшкина в боевых действиях установить к настоящему времени не удалось. Достоверно известно лишь о том, что он участвовал в штурмах Азова, Нотебурга²⁵⁸, в сражениях при Лесной²⁵⁹, под Добрым (при Молятичах²⁶⁰), под Полтавой, при Пруте. Нельзя не отметить также, что фронтовая судьба хранила Михаила Матюшкина: за все бои он не получил ни единого ранения.

Судя по продвижению в чинах, воевал Михаил Афанасьевич достойно. К оценке служебно-боевых заслуг Петр I подходил неизменно строго, без всяких изъятий для родственников. В 1708 г. Михаил Афанасьевич (перешедший к тому времени в Преображенский полк) был произведен в гвардии майоры, 8 ноября 1715 г. — параллельно в «полевые» бригадиры²⁶¹, а уже в 1716 г. — в генерал-майоры²⁶².

К «розыскным делам» М.А. Матюшкин был впервые привлечен в январе 1715 г., когда царь поручил ему расследовать имевшие место в 1714 г. эпизоды укрывательства от смотров мирских служителей кремлевского Чудова монастыря²⁶³. Поскольку никакие материалы этого следствия поныне не

²⁵⁸ Ныне г. Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944–1992 гг. именовался Петрокрепость).

²⁵⁹ Ныне *Лясная* — агрогородок в составе Лопатичского сельсовета Славгородского района Могилевской области Республики Беларусь.

²⁶⁰ Ныне *Маляцічы* — агрогородок в составе Молятичского сельсовета Кричевского района Могилевской области Республики Беларусь.

²⁶¹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 25. Л. 4.

²⁶² История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому. С. 109.

²⁶³ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 218.

вводились в научный оборот, его итоги неясны. Возможно лишь предположить, что продлилось оно недолго²⁶⁴.

Документально известно иное: при формировании в ноябре — начале декабря 1717 г. личного состава предполагавшихся к открытию новых «майорских» следственных канцелярий кандидатуру М.А. Матюшкина Петр I не рассматривал. Имя Михаила Афанасьевича отсутствует как в уже упоминавшемся списке из 16 гвардейских офицеров, вызванных царем 11 ноября 1717 г. в Санкт-Петербург²⁶⁵ (все из них получили затем назначения в следственные канцелярии), так и в высочайше продиктованной в первые дни декабря предварительной росписи руководящего состава семи новых канцелярий²⁶⁶.

По неясной на сегодня причине М.А. Матюшкин не был (в отличие от почти всех старших офицеров гвардии) включен и в состав специального судебного присутствия, учрежденного в июне 1718 г. в Санкт-Петербурге для рассмотрения дела отрешенного от прав на престол царевича Алексея Петровича. Не исключено, что причиной этому явился тот факт, что двоюродный брат Михаила Афанасьевича стольник К.П. Матюшкин оказался причастен к делу царевича. Более вероятным представляется, однако, что Михаил Матюшкин попросту находился в тот момент в командировке вне столицы. Как бы то ни было, но на смертном приговоре Алексею Петровичу, вынесенном специальным судебным присутствием 24 июня 1718 г., подпись генерал-майора и гвардии майора М.А. Матюшкина отсутствует²⁶⁷.

²⁶⁴ М.В. Бабич указала, что в 1715 г. при М.А. Матюшкине образовалась следственная канцелярия, просуществовавшая до 1724 г. (Там же. С. 219). Эти сведения не имеют, однако, документального подтверждения.

²⁶⁵ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 24. Л. 276 об.

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167–167 об.

²⁶⁷ См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 533–536.

Но уже спустя менее года — 10 апреля 1719 г. — Петр I указал генерал-майору Михаилу Матюшкину возглавить следственную канцелярию, которой прежде руководил полковник и гвардии капитан Г.И. Кошелев²⁶⁸. Ассессорами канцелярии являлись гвардии подпоручик В.Г. Языков и гвардии поручик В.И. Иванов, проработавшие в ней чуть более года²⁶⁹.

Имевшему минимальный опыт следственной деятельности М.А. Матюшкину досталось от Герасима Кошелева весьма непростое «наследие». В производстве канцелярии находились, в частности, уже упоминавшиеся многоэпизодные уголовные дела по обвинению братьев Соловьевых, бывшего архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова, дьяка П.К. Скурихина, комиссара П.И. Власова. Особенно сложными являлись дела Соловьевых и Алексея Курбатова, расследовать которые в 1713 г. начала еще первая следственная канцелярия России, возглавлявшаяся гвардии майором князем М.И. Волконским.

Оказавшиеся в числе основных подследственных М.А. Матюшкина братья Дмитрий и Осип Соловьевы являлись вполне характерными фигурами «эпохи перемен». Бывшие кабальные холопы родного дяди Петра I боярина Л.К. Нарышкина (покинувшие дом умершего в 1705 г. хозяина, прихватив часть его имущества и даже домашнего архива²⁷⁰), братья отличались не только устойчивыми криминальными наклонностями, но и неординарными предпринимательскими способностями.

²⁶⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 225. Полное цитирование этого указа см.: Ветереников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 60.

²⁶⁹ В.Г. Языков и В.И. Иванов были определены в следственную канцелярию Герасима Кошелева в марте 1718 г. (РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 5 об.).

²⁷⁰ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 686. Л. 373–374.

Воспользовавшись тем, что Осип Соловьев занял в 1707 г. должность комиссара (торгового агента) России в Голландии, а Дмитрий — в 1710 г. обер-комиссара в Архангельске (являвшегося тогда для России морским «окном в Европу»), братья создали в современном понимании международную преступную группу. Располагая широкими должностными полномочиями, имея в своем распоряжении значительные суммы казенных капиталов, Дмитрий и Осип Алексеевичи развернули невиданную по масштабам контрабандную торговлю запрещенными к частному вывозу товарами, в первую очередь зерном.

Как явствует из фрагментарно сохранившихся архивных документов, действуя через подставных лиц, Д.А. Соловьев закупал в Архангельске по искусственно заниженным ценам зерно, которое затем, минуя таможенную, отгружалось в Амстердам. Далее в дело вступал комиссар Осип Алексеевич, распродававший контрабандный товар по его действительной стоимости. Полученную от незаконной коммерции прибыль братья вкладывали в покупку амстердамской недвижимости, алмазов и акций лондонской Компании Южных морей, помещали в голландские и английские банки²⁷¹.

К 1717 г. общая стоимость имущества О.А. Соловьева в Голландии достигла (по неполным данным) колоссальной суммы в 336 022 гульдена. Сумма его акционерного и банковского капитала, размещенного в Англии, составила к тому времени 16 504 фунта стерлингов²⁷². На случай же непредвиденных осложнений на Родине Осип Алексеевич оформил себе голландское гражданство.

На след преступной группировки первым вышел архангелогородский вице-губернатор А.А. Курбатов, направивший

²⁷¹ О криминальной деятельности Соловьевых см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 187–189.

²⁷² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 32. Л. 703.

в феврале 1713 г. соответствующую информацию непосредственно царю²⁷³. Ответом Петра I явилось создание в июле 1713 г. упомянутой следственной канцелярии М.И. Волконского.

Однако у криминальных братьев нашлись могущественные покровители, в первую очередь «полудержавный властелин» генерал-фельдмаршал светлейший князь А.Д. Меншиков, дворецким²⁷⁴ у которого служил младший из братьев Федор Соловьев. По всей очевидности, Д.А. и О.А. Соловьевы попутно осуществляли внешнеторговые операции светлейшего, а также отвечали за вывоз из России его капиталов.

Поддавшись, вероятно, давлению именно Александра Меншикова, гвардии майор М.И. Волконский, как уже отмечалось, по существу, переориентировал следствие с Д.А. Соловьева на его разоблачителя Алексея Курбатова. Для начала излишне ретивый вице-губернатор был обвинен в получении взяток и злоупотреблении должностными полномочиями. Под влиянием донесений следователя Михаила Волконского царь в январе 1714 г. отстранил Алексея Александровича от должности.

Последовавшая в январе 1716 г. передача «дела Курбатова с Соловьевым» в новоучрежденную следственную канцелярию Г.И. Кошелева принципиально изменила ход расследования. Этому, несомненно, способствовало также существенное ослабление влияния А.Д. Меншикова, скомпрометированного в глазах царя активным участием в неоднократно упоминавшейся выше грандиозной «подрядной афере», успешно расследованной в 1714–1715 гг. следственной канцелярией гвардии подполковника князя В.В. Долгорукова.

²⁷³ О многолетних усилиях А.А. Курбатова по разоблачению братьев Соловьевых см.: Серов Д.О. Указ. соч. С. 189–194.

²⁷⁴ То есть управляющим частным хозяйством.

27 августа 1717 г. возвращавшийся из зарубежной поездки Петр I лично арестовал в Амстердаме комиссара Осипа Соловьева. Вскоре гвардейский конвой во главе с генерал-адъютантом С.Г. Нарышкиным доставил Осипа Алексеевича в Россию. Как извещал брата в шифрованном личном письме от 20 сентября 1717 г. сопровождавший царя князь Василий Долгоруков, «а розыскивать им²⁷⁵ [О.А. Соловьевым] будут о банке, по неже, как слышно, что болши полумилиона в банке, не одного ево, многих знатных персон, что будет конечно явно: за кожей панцыря нет»²⁷⁶.

В декабре 1718 г. канцелярия Г.И. Кошелева подвела предварительные итоги следствия по «делу Соловьевых». Предъявленный канцелярией общий штрафной начет на Д.А., О.А. и Ф.А. Соловьевых составил астрономическую сумму в 709 620 рублей²⁷⁷. 11 января 1719 г. Петр I указал конфисковать имущество братьев²⁷⁸. Общая стоимость «имения» встретивших XVIII в. холопами Дмитрия, Осипа и Федора Соловьевых была исчислена (по всей видимости, заниженно) в 407 447 рублей²⁷⁹.

Завершить же «дело Соловьевых» предстояло гвардии майору М.А. Матюшкину. Возглавив канцелярию, Михаил Матюшкин не стал, однако, предпринимать никаких новых следственных действий в отношении братьев, а, напротив, активно возобновил расследование в отношении их разоблачителя бывшего вице-губернатора А.А. Курбатова. К 1721 г. канцелярия М.А. Матюшкина расследовала в полном объеме 12 эпизодов преступной деятельности Алексея Курбато-

²⁷⁵ То есть подвергать пытке.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 24. Л. 221 об.

²⁷⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 133.

²⁷⁸ Там же. Л. 173.

²⁷⁹ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Кн. 13. Л. 73.

ва — главным образом выявленные еще Михаилом Волконским эпизоды превышения вице-губернатором должностных полномочий и получения взятки²⁸⁰. Общий штрафной начет на бывшего вице-губернатора составил 16 274 рубля²⁸¹.

Свертывание Михаилом Матюшкиным следствия в отношении Соловьевых (а также в отношении комиссара П.И. Власова и дьяка П.К. Скурихина) вызвало протест со стороны ассессоров канцелярии Василия Языкова и Василия Иванова. В 1720 г. офицеры обратились с соответствующим доношением непосредственно к царю²⁸². Беспрецедентное в истории следственных канцелярий выступление ассессоров против главы канцелярии не увенчалось, однако, успехом.

Приняв сторону М.А. Матюшкина, Петр I указал 27 сентября 1720 г. вывести В.Г. Языкова и В.И. Иванова из состава следственной канцелярии, назначив на их место гвардии капитана А.П. Бредихина, гвардии капитан-поручика А.И. Шаховского и гвардии подпоручика Алексея Захарьина²⁸³. Вскоре излишне принципиальные следователи сами оказались под следствием по фальсифицированным обвинениям в должностных преступлениях.

Что же касается Д.А. и О.А. Соловьевых, то по особому ходатайству влиятельнейшего президента Коммерц-коллегии и главы Тайной канцелярии сенатора П.А. Толстого от 14 августа 1721 г.²⁸⁴ царь распорядился 22 октября 1721 г. освободить их на поруки²⁸⁵. В подобном контексте совсем не приходится

²⁸⁰ См.: Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 75. Л. 240–249.

²⁸¹ Там же. Кн. 56. Л. 231–231 об.

²⁸² См.: Там же. Отд. 1. Кн. 65. Л. 211–212.

²⁸³ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 406.

²⁸⁴ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Кн. 13. Л. 76–76 об.

²⁸⁵ Там же. Л. 74. Ф.А. Соловьев скончался, находясь под стражей, в 1720 г. при не очень ясных обстоятельствах (не исключено, что он покончил с собой).

удивляться, что 12 ноября того же 1721 г. состоялась описанная выше пышная свадьба генерал-майора М.А. Матюшкина и дочери Дмитрия Соловьева Софьи²⁸⁶.

Руководство следственной канцелярией фактически завершилось для Михаила Матюшкина в мае 1722 г., когда он вместе с Петром I отправился на новый театр военных действий — в Персидский поход. В боях на южной окраине империи М.А. Матюшкину суждено было сыграть выдающуюся роль²⁸⁷. Возглавив после возвращения императора в Москву группировку российских войск в западном и южном Прикаспии (так называемый «Низовой корпус»), Михаил Афанасьевич провел множество успешных боевых операций.

В частности, под непосредственным командованием М.А. Матюшкина была проведена успешная осада персидского города Баку, капитулировавшего 28 июля 1723 г. Генерал-майору Михаилу Матюшкину были торжественно вручены ключи от городских ворот²⁸⁸. Наградой за взятие Баку явилось производство Михаила Афанасьевича в генерал-лейтенанты, последовавшее 18 августа 1723 г.

²⁸⁶ Факт родственных отношений Д.А. Соловьева и С.Д. Матюшкиной подтверждается записью о продаже Софьей Дмитриевной 18 июня 1753 г. доставшегося ей в наследство от отца дома в Москве, на Мясницкой улице (Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1898. Т. 8. С. 152). В связи с этим уместным видится упомянуть о социальном происхождении супруги троюродного брата царя. Появившаяся на свет в сентябре 1700 г., в бытность ее отца в кабальном холопстве у Л.К. Нарышкина, Софья Дмитриевна, исходя из содержания норм, закрепленных в ст. 30 и 83 гл. 20-й Уложения 1649 г., по рождению являлась холопкой (Российское законодательство X–XX веков / под ред. А.Г. Манькова. М., 1985. С. 213, 223).

²⁸⁷ Подробнее см.: Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 60, 78–79, 92–96, 107–108 и др.

²⁸⁸ Там же. С. 95.

В далеком Прикаспии Михаил Матюшкин пробыл до весны 1726 г., когда, как уже упоминалось, был сменен в должности командующего Низовым корпусом другим бывшим следователем Петра I генерал-аншефом В.В. Долгоруковым²⁸⁹. Еще находясь в своей резиденции в г. Решт²⁹⁰, Михаил Афанасьевич был 30 июня 1725 г. пожалован новой императрицей Екатериной I в кавалеры ордена св. Александра Невского²⁹¹. 6 мая 1727 г., в день кончины, императрица произвела Михаила Матюшкина в генерал-аншефы²⁹².

Последующие три года Михаил Афанасьевич не состоял в определенной должности, числясь «при армии». Пришедшая к власти в феврале 1730 г. императрица Анна Иоанновна, приходившаяся М.А. Матюшкину троюродной сестрой, решила назначить его региональным администратором. В августе того же года Михаил Афанасьевич был определен киевским генерал-губернатором²⁹³.

Однако уже вскоре М.А. Матюшкин подал челобитную с просьбой об отставке с государственной службы по состоянию здоровья. По всей вероятности, это отнюдь не являлось отговоркой. Как было констатировано после медицинского освидетельствования генерал-аншефа, «надежда к конечному его исцелению весьма мала»²⁹⁴.

²⁸⁹ Там же. С. 168.

²⁹⁰ Ныне административный центр провинции Гилян Исламской Республики Иран.

²⁹¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 173.

²⁹² Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный из архива Государственной Военной коллегии. СПб., 1809. С. 11.

²⁹³ Областные правители России. 1719–1739 гг. / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 452.

²⁹⁴ Цит. по: Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 239.

Анна Иоанновна удовлетворила челобитную. 18 марта 1731 г. императрица подписала упоминавшийся уже «абшит» об увольнении Михаила Афанасьевича «от наших воинских и статских служб»²⁹⁵. 55-летний ветеран четырех войн ушел на покой.

Михаил Матюшкин оказался одним из немногих следователей Петра I, о личностных качествах которого сохранились фрагментарные свидетельства современников. Так, первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика (*Jacobo Francisco Fitz James Stewart, Duque de Liria y Jérica*) отметил, что Михаил Афанасьевич «порядочно знал свое дело. Человек добродетельный и совершенно честный»²⁹⁶. В свою очередь, в пространной надгробной надписи о М.А. Матюшкине говорилось как о человеке с «веселым и доброхотным сердцем»²⁹⁷.

Генерал-аншеф и кавалер Михаил Матюшкин скончался 17 апреля 1737 г. и был погребен в самом центре Москвы, в старинном Златоустовском монастыре²⁹⁸, поблизости от могилы знаменитого «птенца гнезда Петрова» генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина. В 1918 г. Златоустовский монастырь был закрыт, а в 1933 г. его церковные постройки были сне-

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 409. Л. 1 об.

²⁹⁶ Лириа Я. де. Записки во время пребывания при императорском Российском дворе: пер. с фр. СПб., 1845. С. 125–126.

²⁹⁷ Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре. С. 406.

²⁹⁸ Рядом с М.А. Матюшкиным упокоилась и Софья Дмитриевна. Пережив мужа на тридцать лет, она скончалась 19 сентября 1767 г. (Там же. С. 407). Рожденная холопкой, С.Д. Матюшкина успела застать еще возвышение старшего сына Дмитрия, пожалованного 18 ноября 1762 г. титулом графа Священной Римской империи (Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий. М., 2004. С. 169).

сены. Уничтожению подверглись и находившиеся на территории монастыря захоронения.

Так оказалась стерта мемориальная память о Михаиле Афанасьевиче Матюшкине, выдающемся воине России, хотя и не лучшим образом проявившем себя в качестве следователя.

Глава 4

Ассессоры «майорских» следственных канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г.

§ 1. Гвардии капитан И.М. Лихарев*

Имя Ивана Михайловича Лихарева памятно ныне разве что краеведам, знатокам истории Архангельской и Воронежской областей России, а также Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Наиболее известным на сегодня деянием Ивана Михайловича является основание им в 1720 г. города Усть-Каменогорска, нынешнего административного центра Восточно-Казахстанской области. Между тем за свою не очень долгую жизнь Иван Лихарев успел проявить себя не только как администратор и первопроходец, но и как следователь.

И.М. Лихарев принадлежал к незнатной и небогатой (хотя и весьма разветвленной) дворянской фамилии, родоначальником которой считался выходец из Золотой Орды Бахты-Хози, который в конце XIV в. вместе с двумя братьями выехал на службу к великому князю московскому Василию I Дмитриевичу, принял православие и стал прозываться Иван

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: И.М. Лихарев // Российский следователь. 2016. № 14. С. 51–56.

Лихарь. В XVI–XVII вв. представители рода Лихаревых занимали должности преимущественно в региональном звене государственного аппарата.

Иван Лихарев родился 8 февраля 1676 г. в семье стольника М.О. Лихарева¹, впоследствии воеводы г. Романова². Первые двадцать четыре года жизни будущего основателя Усть-Каме-ногорска оказались никак не освещены в исторических источниках, введенных в научный оборот. Достоверно известно лишь, что Иван Михайлович не сумел попасть в ряды наиболее привилегированной части дворянства — так называемых царедворцев, не получив даже низшего чина «жильца»³. Стоит также отметить, что Иван Лихарев неплохо овладел грамотой: как явствует из его более поздних автографов, он обладал твердо поставленным почерком, отражавшим устойчивый навык «быстрописания», с отчетливыми элементами графики XVII в.

Согласно архивному документу, служба Ивана Лихарева началась в 1700 г., когда он поступил рядовым в гвардии Семеновский полк⁴. Не исключено, что на выбор полка Иваном Михайловичем повлияло то обстоятельство, что в нем тогда служил еще один представитель рода Лихаревых — Федор⁵

¹ Комолов Н.А. Губернатор Лихарев Иван Михайлович. 1726–1727 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917. Историко-биографические очерки / ред.-сост. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2000. С. 54.

² Ныне г. Тутаев — административный центр одноименного района Ярославской области.

³ См. публикацию списка «царедворцев» по состоянию на 1712 г.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 2. Кн. 75. Л. 212.

⁵ Степень родства И.М. Лихарева с Федором Лихаревым установить к настоящему времени не удалось, но они определенно не являлись родными братьями.

(погибший 11 октября 1702 г. при штурме шведской крепости Нотебург⁶ близ устья Невы)⁷. В 1704 г. в солдаты в Семеновский полк был также зачислен младший брат И.М. Лихарева Василий, 1681 (или 1683) г.р.⁸

Как засвидетельствовал сам Иван Лихарев в челобитной от марта 1721 г., с Семеновским полком он прошел все кампании Великой Северной войны, а также Прутский поход: «И во все время службы моей во всех походах и баталиях при полку был безотлучно...»⁹. В составе полка И.М. Лихареву довелось также, по всей очевидности, присутствовать на закладке 16 мая 1703 г. на бывшем шведском острове Люст-эйланд¹⁰ крепости св. Петра, т.е. при основании Санкт-Петербурга¹¹.

Судя по динамике чинопроизводства, воевал Иван Михайлович достойно: быстро получил чин поручика, а уже в 1707 г. был произведен в капитаны и стал командиром одной из рот Семеновского полка¹². Вместе со старшим братом фронтовыми дорогами с Семеновским полком прошел и Василий Лихарев, удостоенный в 1707 г. первого офицерского

⁶ Ныне г. Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944–1992 гг. именовался Петрокрепость).

⁷ Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. С. 55. Погребен Федор Лихарев был в братской могиле на территории крепости (Русский провинциальный некрополь / сост. В.В. Шереметевский. М., 1914. Т. 1. С. 487).

⁸ Областные правители России. 1719–1739 гг. / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 426.

⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 58. Л. 435.

¹⁰ Исходное финское название Яниссаари (*Jänissaari*), ныне — Заячий остров.

¹¹ Карцов П.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 58.

¹² Черных С.Е. Посланцы Петра Великого (исторический очерк) // Черных С.Е. Начало положила крепость : сб. статей, очерков. Усть-Каменогорск, 2004. С. 28.

чина прапорщика, в 1710 г. ставший гвардии подпоручиком, а в 1712 г. — гвардии поручиком¹³.

Определение Ивана Лихарева к «розыскным делам» произошло в 1717 г. Началось с того, что 11 ноября 1717 г. капитан И.М. Лихарев был (в числе семи офицеров-семеновцев) вызван Петром I из Пскова, где полк предполагалось дислоцировать на «зимние квартиры», в Санкт-Петербурге¹⁴.

Для начала Иван Михайлович был, по всей вероятности, включен в состав военного суда, учрежденного царем для рассмотрения уголовного дела по обвинению руководителя первой следственной канцелярии России майора Семеновского полка князя М.И. Волконского в преступлениях против интересов службы. Как уже отмечалось выше, суд приговорил Михаила Волконского к смертной казни, публично приведенной в исполнение 9 декабря 1717 г. на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

Процесс над М.И. Волконским еще не завершился, когда Петр I назначил Ивана Лихарева ассессором в состав одной из проектируемых новых «майорских» следственных канцелярий. Возглавил эту канцелярию батальонный командир Семеновского полка уже упоминавшийся гвардии майор И.И. Дмитриев-Мамонов, а ассессорами, помимо Ивана Михайловича, стали еще один «семеновец» — поручик И.И. Бибиков и капитан Преображенского полка Е.И. Пашков.

¹³ Областные правители России. 1719–1739 гг. С. 426. Впоследствии В.М. Лихарев был переведен из гвардии в «полевую» армию, где дослужился до подполковника. В 1729 г. вышел в отставку «за болезнями». В 1730–1733 г. занимал должность воеводы Орловской провинции, а с 1738 г. — Симбирской. В марте 1741 г. был уволен с государственной службы с награждением чином бригадира (Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 657).

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 24. Л. 276 об.

Как известно, формальное основание следственной канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова состоялось 9 декабря 1717 г., в самый день расстрела бывшего гвардии майора М.И. Волконского. В производство канцелярии царь направил подборку резонансных уголовных дел по обвинению нескольких высших должностных лиц в совершении преступлений против интересов службы. Среди подследственных И.М. Лихарева оказались сенатор князь Я.Ф. Долгоруков, сенатор граф П.М. Апраксин, глава Мундирной канцелярии М.А. Головин, сибирский губернатор князь М.П. Гагарин¹⁵.

1718 год принес Ивану Михайловичу долгожданное повышение в чине: он был произведен в гвардии майоры¹⁶. В том же году Иван Лихарев был включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрекшегося от прав на престол царевича Алексея Петровича, обвиненного в заговоре против Петра I. Как известно, в ходе единственного формального заседания, состоявшегося 24 июля 1718 г., суд приговорил царевича к смертной казни¹⁷.

Благодаря новому чину и должности ассессора следственной канцелярии, И.М. Лихарев стал вполне заметной фигурой в чиновном мире Санкт-Петербурга. Именно с 1718 г. участие Ивана Михайловича в мероприятиях, где присутствовал генерал-фельдмаршал светлейший князь А.Д. Меншиков, начало отмечаться в «Повседневных записках», которые велись в секретариате Александра Даниловича¹⁸.

¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

¹⁶ Черных С.Е. Посланцы Петра Великого. С. 28.

¹⁷ См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536. Подпись И.М. Лихарева стоит на приговоре 51-й по счету.

¹⁸ Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М., 2000. С. 248–249, 252.

Что касается работы канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова, то, как уже говорилось, крупнейшим из расследованных ей уголовных дел оказалось «сибирское», фигурантами которого стала группа сибирских администраторов во главе с губернатором Матвеем Гагариным. Неслучайно уже в 1719 г. в правительственном делопроизводстве канцелярия начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией».

Приняв во внимание удаленность территории, на которой было необходимо осуществить значительный объем следственных действий по «сибирскому делу», Петр I пришел к выводу о необходимости направить в регион представителя следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова. 3 июня 1718 г. для проведения допросов «разных чинов людей» в Сибирскую губернию был командирован новый ассессор канцелярии гвардии капитан-поручик А.Г. Шамордин¹⁹.

Вскоре глава государства решил, по всей видимости, что масштаб расследования требует присутствия в губернии более опытного и энергичного офицера. На этот раз Петр I остановил свой выбор на И.М. Лихареве. Соответствующий указ был подписан царем 18 января 1719 г.²⁰ Согласно указу, Ивану Лихареву надлежало «розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина о всем... подлинно».

¹⁹ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 10. А.Г. Шамордин поступил на военную службу в 1700 г., в 1714 г. переведен в Семеновский полк. После возвращения из Сибири произведен в 1721 г. в капитаны и назначен командиром 6-й роты полка (РГВИА. Ф. 2584, Оп. 1. № 51. Л. 100). В гвардии состоял до 1729 г. Впоследствии занимал должности смоленского коменданта, а затем губернатора Смоленской губернии (в 1737–1739 гг.).

²⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 44–45; публикацию указа см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 5. С. 616.

Наряду с этим, Ивану Михайловичу поручалось совершить экспедицию в верховья Иртыша и на озеро Зайсан, проверить сведения о наличии там месторождений золота, основать близ озера крепость, а заодно выяснить причины неудачи прежней экспедиции, возглавлявшейся подполковником И.Д. Бухгольцем. Со своей стороны И.М. Лихарев обратился к царю с рядом просьб и вопросов по организации как следствия, так и экспедиции²¹. Во исполнение этих просьб Ивана Михайловича 31 января 1719 г. был издан особый сенатский указ²².

Поскольку Иван Лихарев был направлен в Сибирь указом главы государства, он оказался по существу в подчинении не только И.И. Дмитриева-Мамонова, но и непосредственно у Петра I. В итоге, отчитываясь о ходе расследования, Иван Михайлович направлял доношения одновременно и Ивану Дмитриеву-Мамонову (прикладывая к ним развернутые «выписки» по конкретным эпизодам и фигурантам уголовных дел), и царю (прикладывая к ним реестры «выписок», отосланных в следственную канцелярию).

Выехав из Санкт-Петербурга в феврале 1719 г., гвардии майор И.М. Лихарев вернулся в столицу только в декабре 1720 г.²³ В части проведения экспедиции Иван Лихарев сумел выполнить царское поручение в полном объеме. Золота, правда, отыскать не удалось²⁴, но была осуществлена разведка и военно-топографическая съемка огромной территории, установлены причины провала экспедиции И.Д. Бухгольца, осно-

²¹ См.: Пункты майора Лихарева // Там же. С. 616–617.

²² Там же. С. 622–623.

²³ Черных С.Е. Посланцы Петра Великого. С. 16, 20.

²⁴ О тщательности сбора Иваном Михайловичем сведений о месторождениях золота свидетельствует тот факт, что уже к сентябрю 1719 г. он опросил по этому поводу 86 «разных чинов людей» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 366).

вана крепость Усть-Каменогорск²⁵, усилены гарнизоны Омска и Семипалатинска. Не менее успешно Иван Михайлович справился и с задачей по расследованию криминальных деяний сибирских администраторов.

Как явствует из сохранившегося в архиве пространного «Реэстра дел на губернатора», направленного Иваном Михайловичем в сентябре 1719 г. Петру I, к тому времени он сумел собрать доказательства, изобличавшие М.П. Гагарина в 35 эпизодах получения взяток, казнокрадства и злоупотребления должностными полномочиями.

К примеру, было установлено, что комендант (глава администрации) г. Тары передал губернатору пять пудов (!) серебра, «чтоб был к нему милостив» (выражаясь по-современному, за общее покровительство), а тобольский предприниматель Леонтий Зверев — весьма внушительную по тем временам сумму в 4000 рублей за получение винного откупа «бес торгу» (выражаясь по-современному, без проведения тендера). Вскрылось также, что комендант г. Верхотурья потратил 500 рублей на оплату разъездов жены Матвея Гагарина, оформив затем эту сумму как расходы на транспортировку денежной казны²⁶.

Наряду с этим Иван Лихарев выявил 15 эпизодов получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями обер-комендантом Тобольска С.П. Карповым (являвшимся в 1714–1719 гг. фактическим заместителем губернатора).

²⁵ Об основании Усть-Каменогорска наиболее подробно см.: Бородаев В.Б. Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.В. Захарова. Горно-Алтайск, 2011. С. 25–35. В 1990 г. в Усть-Каменогорске был установлен памятник И.М. Лихареву.

²⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 338–341, 368.

Так, Ивану Михайловичу удалось установить, что Семен Карпов занимался незаконной скупкой золота, получил от некоего «татарина Аблаяра» за закрытие возбужденного против него уголовного дела взятку в 150 рублей, покрывал взяточничество подьячего Филиппова²⁷.

В декабре 1719 г. И.М. Лихарев доложил царю о еще 12 выявленных им эпизодах криминальной деятельности бывшего сибирского губернатора и его подчиненных. В частности, к этому времени Ивану Михайловичу удалось вскрыть эпизод вымогательства М.П. Гагариным у проживавшего в Соликамске солепромышленника Ивана Ростовщикова взятку сначала в размере 1000 рублей, а затем — 10 коробок золота и 500 рублей. В довершение всего солепромышленник оказался вынужден «подарить» 600 рублей также и двум слугам (!) губернатора²⁸.

Не имея возможности каждый раз лично осуществлять следственные действия, И.М. Лихарев регулярно давал поручения по производству отдельных таких действий командированным с ним гвардейским солдатам и сержантам (образовавшим при Иване Михайловиче своего рода следственную бригаду). К примеру, гвардии рядовой П.С. Чернов был направлен Иваном Лихаревым для сбора сведений о злоупотреблениях должностных лиц Исетского острога²⁹.

Во исполнение распоряжения гвардии майора П.С. Чернов совершил объезд четырех крестьянских слобод, подведомственных острогу. Прибыв на место, гвардеец созывал «мирской сход»³⁰, на котором объявлял «великого государя указ о бывшем губернаторе князе Гагарине и о худых его поступках», после чего начинал сбор жалоб от населения.

²⁷ Там же. Л. 342–342 об.

²⁸ Там же. Л. 360–362 об.

²⁹ Ныне с. Исетск — административный центр одноименного района Тюменской области.

³⁰ То есть общее собрание жителей.

Ничего не сообщив о противоправных деяниях губернатора, крестьяне немало рассказали солдату о «взятках и обидах» от местных управителей. П.С. Чернов собрал сведения о вымогательстве исетскими комендантами с крестьян взяток в размере 517 рублей и 15 быков и коров (только за период 1712–1718 гг.). В свою очередь, подьячие, направлявшиеся комендантами с различными поручениями в слободы, «вымучили» с крестьян за это же время еще 82 рубля и 35 баранов.

Не отставали от исетских администраторов и приказчики, непосредственно управлявшие слободами. Так, по данным, полученным гвардии рядовым, только в Киргинской слободе³¹ приказчики путем вымогательства получили с крестьян в 1713–1718 гг. 445 рублей и 800 четвертей хлеба³². Поборы подобных масштабов имели закономерным последствием «всеконечное разорение» крестьянских хозяйств и подрыв их налоговой платежеспособности.

Петр I высоко оценил результаты сибирской поездки И.М. Лихарева. 21 октября 1721 г., в дни празднования в Санкт-Петербурге победы России в Великой Северной войне, царь (принявший на следующий день императорский титул) собственноручно начертил: «Сказать чины: ...маэору Лихареву — в бригаиры»³³. Что касается М.П. Гагарина, для изобличения которого Иван Михайлович приложил столько усилий, то, как известно, он был отдан под суд Правительствующего Сената, приговорен к смертной казни и повешен в Санкт-Петербурге 21 марта 1721 г.

³¹ Ныне с. Кирга Ирбитского района Свердловской области.

³² Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 155–156.

³³ Цит. по: Черных С.Е. Посланцы Петра Великого. С. 21–22. Упраздненный в конце XVIII в. чин бригадира находился между чинами полковника и генерал-майора.

Повышение в чине привело к изменению положения И.М. Лихарева в следственной канцелярии: из ассессоров он становится ее руководителем — совместно с И.И. Дмитриевым-Мамоновым. С этого времени в официальном делопроизводстве канцелярия начала именоваться «Канцелярией ведения генерала-маэора и лейб-гвардии маэора господина Дмитриева-Мамонова да брегадира и лейб-гвардии маэора господина Лихарева с прочими афицеры»³⁴. В 1722 г. в связи с убытием Ивана Дмитриева-Мамонова с частью батальонов Семеновского полка в Персидский поход Иван Лихарев стал фактически единоличным главой канцелярии.

Поскольку в Петровское время общепринятой практикой являлось вознаграждение следователей частью конфискованного имущества лиц, дела которых они расследовали, И.М. Лихарев взялся в 1723 г. хлопотать о таком поощрении. Предметом просьбы Ивана Михайловича стали «отписные» деревни и дворы упоминавшегося выше бывшего коменданта Томска Р.А. Траханиотова.

Как явствует из сохранившейся в архиве челобитной И.М. Лихарева от июня 1723 г., будучи заслуженным фронтовиком и потомственным дворянином, он имел в собственности всего лишь 33 крестьянских двора и не имел недвижимости ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге³⁵. В свою очередь, избалованный «Сибирской канцелярией» в 63 (!) эпизодах получения взяток и злоупотреблений должностными полномочиями Роман Траханиотов владел 263 крестьянскими дворами, четырьмя усадебными домами и огромным домом в Москве. Еще 57 крестьянских дворов числились как приобретенные женой бывшего коменданта³⁶.

³⁴ См., напр.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 82. Л. 1, 15.

³⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 65. Л. 76.

³⁶ Там же. Л. 76 об.

Император не оставил без внимания просьбу Ивана Михайловича. Именным указом от 2 февраля 1724 г. И.М. Лихареву были пожалованы часть деревень Романа Траханиотова и его московский дом³⁷.

К этому времени Иван Лихарев уже не руководил следственной канцелярией. Его следственная деятельность формально завершилась в декабре 1723 г. в связи с изданием именного указа о закрытии «майорских» канцелярий.

Последовавшее в январе 1725 г. воцарение императрицы Екатерины I никак не поколебало положения И.М. Лихарева в правительственной среде. 21 мая 1725 г. он был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена св. Александра Невского³⁸ (одновременно со своим многолетним полковым сослуживцем и недавним соратником по руководству «майорской» канцелярией И.И. Дмитриевым-Мамоновым)³⁹. 1 января 1726 г. Иван Михайлович был произведен в генерал-майоры. Однако вскоре ему пришлось навсегда оставить военную службу.

20 декабря 1726 г. Верховный Тайный совет⁴⁰ принял решение предложить кандидатуру И.М. Лихарева Екатерине I для определения на вакантную должность губернатора

³⁷ Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого / сост. П.И. Баранов. СПб., 1872. С. 126.

³⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 172.

³⁹ Примечательно, что из 15 российских государственных и военных деятелей, ставших 21 мая 1725 г. первыми кавалерами ордена св. Александра Невского, пятеро являлись недавними руководителями «майорских» следственных канцелярий. Еще один бывший руководитель «майорской» канцелярии, М.А. Матюшкин, был пожалован в кавалеры ордена 30 июня 1725 г.

⁴⁰ Высший орган власти Российской империи с февраля 1726 г. по март 1730 г.

Воронежской губернии⁴¹. А вот далее вокруг нового назначения Ивана Михайловича разгорелась неординарная бюрократическая интрига.

Согласно опубликованному архивному документу, уже на заседании Верховного Тайного совета 11 января 1727 г. кабинет-секретарь императрицы тайный советник А.В. Макаров (прежде одоббивший предложение об определении Ивана Лихарева в Воронеж) неожиданно выступил с новой инициативой — назначить Ивана Михайловича главой Архангельской губернии. Аргументация Алексея Макарова была более чем странной: по его мнению, И.М. Лихарев не подходил для работы в Воронеже, поскольку «губерния Воронежская... пограничная, а Лихарев человек увечной⁴² и тяжелой верховой езды понести не может»⁴³.

Несмотря на очевидную малоубедительность довода кабинет-секретаря (для перемещения по вверенной территории губернатор мог в любой момент воспользоваться каретой или иным экипажем), Верховный Тайный совет принял его во внимание и 23 февраля 1727 г. предложил императрице определить И.М. Лихарева губернатором Архангельской губернии. В ответ Екатерина I высказала соображение, что Ивана Михайловича можно было бы направить в Белгород или в Новгород⁴⁴.

Итогом этих бюрократических зигзагов (причины которых так и остались непроясненными⁴⁵) явилось издание именного

⁴¹ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1887. Т. 56. С. 544.

⁴² Какой физический недостаток Ивана Лихарева имел в виду А.В. Макаров, неясно.

⁴³ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 63. С. 23.

⁴⁴ Там же. С. 149.

⁴⁵ Согласно версии Н.А. Комолова, инициатором обрисованной интриги выступил президент Коммерц-коллегии барон П.П. Шафиров, якобы стремившийся отомстить Ивану Михайловичу за его

указа от 28 февраля 1727 г. о назначении Ивана Лихарева губернатором Воронежской губернии⁴⁶. Полторы недели спустя, 11 марта 1727 г., Иван Михайлович был произведен в генерал-лейтенанты⁴⁷.

Судя по всему, отнюдь не горевший желанием приступить к губернаторским обязанностям, И.М. Лихарев прибыл в Воронеж только в конце июня 1727 г. Из деятельности Ивана Михайловича в Воронежской губернии известно, в частности, что он выступил с инициативой осуществить полномасштабную проверку показаний арестованного дезертира Василия Серого, поведавшего о намерении части донских казаков уйти за рубеж, об изготовлении ими фальшивых денег, а также о продаже туркам в Азов «донскими ж есаулами и казаками российских мужского и женского пола людей и пороха, и свинца»⁴⁸. Впрочем, пребывание Ивана Лихарева в Воронеже не затянулось.

Уже 11 сентября 1727 г. состоялся указ нового императора Петра II о переводе Ивана Лихарева губернатором в Архангельск, а архангельского губернатора И.П. Измайлова —

руководство расследованием «сибирского дела» (в результате чего пострадали имущественные интересы дочери Петра Шафирова Анны) (Комолов Н.А. Губернатор Лихарев Иван Михайлович. С. 54). Версия эта представляется, однако, малоубедительной: с одной стороны, бюрократическое влияние П.П. Шафирова было в начале 1727 г. совсем невелико, а с другой — с тем же основанием Петр Павлович мог бы досажать и остальным следователям, которые вели «сибирское дело». Между тем карьеры и И.И. Дмитриева-Мамонова, и Е.И. Пашкова, и А.Г. Шамордина никак не пострадали в 1727 г.

⁴⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 63. С. 183–184.

⁴⁷ Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 16.

⁴⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 401–402.

в Воронеж⁴⁹. При этом «перемениться» губернаторам предписывалось отчего-то только в декабре. Какое именно могущественное лицо довело-таки до конца интригу с отправлением Ивана Михайловича поближе к Полярному кругу, остается только гадать.

Как бы то ни было, но в конце декабря 1727 г. И.М. Лихарев покинул Воронеж, прибыв в Архангельск 18 июня 1728 г.⁵⁰ Там Иван Михайлович «заскорбел» и 20 декабря 1728 г. скончался на 52-м году жизни. На следующий день вдова И.М. Лихарева Евдокия Степановна направила с нарочным личное письмо к члену Верховного Тайного совета барону А.И. Остерману с просьбой разрешить перевезти тело мужа для захоронения в Москву⁵¹. Такое разрешение было получено 31 декабря 1728 г. лично от императора⁵².

8 февраля 1729 г. тело генерал-лейтенанта И.М. Лихарева было погребено в самом центре Москвы, в паперти Сергиевской церкви Знаменского монастыря в Зарядье⁵³. В 1923 г. монастырь был закрыт, а его помещения переданы под жилье. В начале 1960-х гг. часть монастырских зданий (включая Сергиевскую церковь) была снесена при подготовке к строительству гостиницы «Россия».

⁴⁹ Там же. С. 279.

⁵⁰ Комолов Н.А. Губернатор Лихарев Иван Михайлович. С. 56.

⁵¹ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1893. Т. 84. С. 718.

⁵² Там же.

⁵³ Сергей, архим. Историческое описание московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе. М., 1866. Приложения. С. 24. Рядом с Иваном Михайловичем упокоилась и его верная спутница жизни Е.С. Лихарева, 1690 г.р., пережившая мужа ровно на 34 года. Поблизости от них был похоронен и бригадир В.М. Лихарев, скончавшийся 24 июля 1748 г. (Там же).

§ 2. Гвардии капитан-поручик Е.И. Пашков*

Утром 24 января 1724 г. на Троицкой площади столичного города Санкт-Петербурга на особо возведенном эшафоте, позади которого возвышались четыре заостренных шеста с колесами для втыкания голов и размещения тел казненных, началась публичная «экзекуция». Уже давно, со времен казней после «розыска» о царевиче Алексее Петровиче, петербургский люд не видывал столь многого числа приговоренных, приведенных гвардейскими солдатами к эшафоту.

Первым из группы осужденных вывели немолодого, заметно поседевшего человека. Секретарь стал зачитывать приговор: «Понеже ты явился в преступлении его императорского величества указов... в краже казны и во упущении интереса изо взятков, а имянно... похитил себе денег...».

Оборотившись в сторону церкви в Петропавловской цитадели, приговоренный несколько раз перекрестился. Затем снял верхнюю одежду и, опустившись на колени, положил голову на плаху. Палач поднял топор...

Столь суровую кару понес бывший провинциал-фискал Савва Федорович Попцов, которого Вышний суд Российской империи изобличил в совершении многообразных преступлений против интересов службы⁵⁴. Всего в тот день топор, кнут и клещи для вырывания ноздрей ожидали 12 осужденных.

Так завершилось «дело фискалов» — один из наиболее резонансных уголовных процессов времен единодержавия царя

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: Е.И. Пашков // Российский следователь. 2016. № 7. С. 49–55.

⁵⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 274. Л. 1031–1032, 1444–1444 об. ; Берхгольц Ф.-В. Дневник. 1721–1725 : пер. с нем. 2-е изд. М., 1903. Ч. 4. С. 10–11.

и императора Петра I. Основную часть следствия по означенному делу провел гвардии капитан Егор Иванович Пашков.

Егор Пашков принадлежал к провинциальной дворянской фамилии, родоначальником которой считался шляхтич Григорий Пашкевич, выехавший из Речи Посполитой в Россию в XVI в. Генеалогия Е.И. Пашкова затуманило то обстоятельство, что его дед Еремей Афанасьевич имел шестерых сыновей, двое из которых звались Иванами⁵⁵. Так что установить, к какой именно ветви рода принадлежал Егор Пашков, в настоящее время крайне затруднительно.

Родившийся в 1684 г. Е.И. Пашков начал карьеру в гвардии. Согласно архивным документам, в 1704 г. он был зачислен рядовым в Преображенский полк⁵⁶. Как принято считать, солдатские годы Егор Пашков провел в денщиках Петра I. Возможно, именно по этой причине сведений о военной службе Егора Ивановича сохранилось немного.

Достоверно известно, что в 1708 г. дослужившийся к тому времени до капрала Е.И. Пашков был произведен в младшие офицеры⁵⁷, став адъютантом. Сохранились также документальные свидетельства, что «отъютант» Егор Пашков выполнял при царе функции офицера связи.

Так, в июле 1711 г., сразу после выхода российской армии из окружения на реке Прут Е.И. Пашков совершил весьма рискованную поездку по вражеской территории, оперативно вручив шифрованное письмо Петра I находившемуся в расположении турецких войск чрезвычайному

⁵⁵ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 77–78.

⁵⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 84. Л. 34.

⁵⁷ Список генералам, штаб- и обер-офицерам, служившим и числящимся лейб-гвардии в Преображенском полку. 1683–1883 / сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. С. 167.

послу барону П.П. Шафирову. В свою очередь, от посла Егор Иванович получил секретную дипломатическую корреспонденцию, которую сумел столь же оперативно доставить царю⁵⁸.

Обстоятельства службы Е.И. Пашкова в следующее пятилетие прояснить к настоящему времени не удалось. Неизвестно даже, когда он получил чины поручика и капитан-поручика. По крайней мере, очевидно, что строевых должностей Егор Иванович не занимал, числясь «сверх комплекта» в 7-й роте Преображенского полка⁵⁹. Однако далее в карьере Егора Пашкова произошел крутой поворот.

При выработке в начале декабря 1717 г. неоднократно упоминавшегося выше проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I включил гвардии капитан-поручика Е.И. Пашкова в руководящий состав канцелярии во главе с гвардии майором И.И. Дмитриевым-Мамоновым. Изначально эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел по обвинениям ряда высших должностных лиц, в частности сенатора князя Я.Ф. Долгорукова и губернатора князя М.П. Гагарина⁶⁰.

Организация канцелярий не затянулась. Уже 10 декабря 1717 г. Иван Дмитриев-Мамонов затребовал у Правительствующего Сената откомандировать в его распоряжение группу канцелярских служащих, выделить запас канцелярских принадлежностей, а заодно предоставить служебное жилье («квартиры») поблизости от канцелярии⁶¹.

⁵⁸ Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 83. Оп. 1. № 4866. Л. 1 об. ; Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 22, 373.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 8 об.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 1.

Объем и конкретные направления следственной деятельности Егора Пашкова в канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова установить затруднительно, поскольку, как уже отмечалось, почти весь архив «майорских» канцелярий сгорел в пожаре в московском Кремле 29 мая 1737 г. Из фрагментарно сохранившихся документов явствует, что в канцелярии Егор Иванович не выполнял единоличных следственных действий, а работал в составе следственной коллегии.

Петр I положительно оценил работу Егора Пашкова в качестве следователя. Так, 1 января 1719 г. Егор Иванович был произведен в капитаны⁶², а три с небольшим года спустя император доверил ему высокий государственный пост. 7 февраля 1722 г. гвардии капитан Е.И. Пашков был назначен первым прокурором Военной коллегии⁶³ — ведомства, управлявшего сухопутными войсками империи.

Учрежденная в январе 1722 г. прокуратура России представляла собой тогда исключительно орган надзора, не наделенный никакими уголовно-процессуальными полномочиями⁶⁴. Тем самым основной задачей Егора Пашкова являлось установление соответствия актов, издававшихся Военной коллегией, нормам действовавшего законодательства. Сложность этой задачи заключалась не только в том, что Егор Иванович отнюдь не был знатоком практического законоведения, но и в том, что под надзором гвардии капитана оказался не кто иной, как президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал «полудержавный властелин» А.Д. Меншиков.

Поэтому не приходится удивляться, что на протяжении 1722–1725 гг. Е.И. Пашков, в отличие от прокуроров почти всех остальных коллегий, не внес в Правительствующий

⁶² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 8 об.

⁶³ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 278.

⁶⁴ Подробнее см.: Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 58–69.

Сенат ни единого протеста на какие-либо нормативные или распорядительные акты Военной коллегии. Однако, оказавшись весьма пассивным представителем прокурорского надзора, Егор Пашков проявил себя в эти годы как бесспорно выдающийся следователь. Вернуться к следственной деятельности Егору Ивановичу довелось в связи с упоминавшимся выше «делом фискалов».

Стоит напомнить, что возбуждение дела произошло после того, как в руки Петра I попало обращение жителя Ярославля И.И. Сутягина, содержащее многочисленные обвинения против ярославского провинциал-фискала С.Ф. Попцова. 20 марта 1722 г. секретарь императора А.В. Макаров направил генерал-прокурору Сената П.И. Ягужинскому письмо, в котором передал высочайшее указание, чтобы обвинения, выдвинутые против провинциал-фискала, «изследовали в Сенате или особливо в вашей канторе»⁶⁵.

Не имея никакого опыта ни судебной, ни следственной деятельности, Павел Ягужинский принял вполне резонное решение поручить расследование кому-то из нижестоящих прокуроров, более сведущих в уголовном судопроизводстве. 22 июня 1722 г. генерал-прокурор распорядился передать следствие по делу С.Ф. Попцова прокурору Военной коллегии Егору Пашкову⁶⁶.

При этом не исключено, что ключевая фраза распоряжения от 22 июня 1722 г. — «извольте те дела взять к себе и по них следовать» — означала попытку Павла Ивановича вообще передать дело Саввы Попцова из генерал-прокуратуры в прокуратуру Военной коллегии. Впрочем, такая попытка (если она действительно имела место) не встретила понимания у императора.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 2–2 об.

⁶⁶ Там же. Л. 21.

В итоге организация следствия над С.Ф. Попцовым оказалась перестроена, но не совсем так, как, вероятно, замыслил П.И. Ягужинский. С июля 1722 г. в правительственном делопроизводстве замелькало наименование: «Канцелярия генерал-лейтенанта и генерала-прокурора Павла Ивановича Ягушинского да лейб-гвардии капитана Егора Ивановича Пашкова». Другими словами, в генерал-прокуратуре Сената образовалось новое структурное подразделение — охарактеризованная выше следственная канцелярия под руководством генерал-прокурора.

С появлением Е.И. Пашкова расследование активизировалось. К началу августа 1722 г. выявилось 28 эпизодов обвинений против С.Ф. Попцова — от укрывательства им беглых солдат до умышленного убийства. 21 августа 1722 г., рассмотрев обобщающую Выписку по материалам дела, следственная канцелярия вынесла постановление подвергнуть Савву Попцова пытке⁶⁷.

25 августа 1722 г. Павел Ягужинский и Егор Пашков допросили провинциал-фискала в застенке. Однако подследственный, выдержав подъем на дыбу и 17 ударов кнутом, продолжил отрицать вину по всем пунктам обвинения⁶⁸. Следующая пытка была назначена на 30 августа 1722 г. И вот тогда Егору Пашкову удалось добиться перелома в психологическом настрое С.Ф. Попцова.

Согласно протокольной записи, сохранившейся в материалах уголовного дела, «августа 30-го дня Сава Попцов вожен в застенок вторично, при чем лейб-гвардии капитану Егору Ивановичю Пашкову он, Попцов, сказал, что де по делам ево, что на него показано, и сверх того, что он какое преступление указом... чинил, и кем что знает, приносит он пред его

⁶⁷ Там же. Л. 666–669, 1614–1615.

⁶⁸ Там же. Л. 674–677.

императорским величеством повинную»⁶⁹. Другими словами, Савва Федорович выразил готовность дать признательные показания.

Окончательный перелом в настроениях С.Ф. Попцова произошел 31 августа 1722 г. В тот день Савва Федорович разразился огромной, в 70 пунктов, повинной. Убежденный Егором Пашковым в необходимости деятельного раскаяния, Савва Попцов в самом деле взялся рассказывать все, что знал. А знал он очень и очень многое.

Со страниц повинной С.Ф. Попцова перед руководителями следственной канцелярии открылась уникальная в своей полноте картина криминальных деяний местных администраторов. Впрочем, вступивший на путь сотрудничества со следствием провинциал-фискал осветил злоупотребления не только региональных чиновников. В повинной от 31 августа (существенно пополненной затем 18 сентября, 12 и 18 октября 1722 г.) речь пошла и о более значительных «персонах».

Особенно подробно С.Ф. Попцов остановился на разоблачении высокопоставленного должностного лица, в расчете на действенное покровительство которого он так стойко выдержал кнут и подъем на дыбу. Психологически капитулировавший перед следствием Савва Попцов дал показания о взяточничестве главы фискальской службы России обер-фискала Алексея Яковлевича Нестерова⁷⁰.

Уже в самый день подачи С.Ф. Попцовым повинной, 31 августа 1722 г., генерал-прокурор проинформировал о приведенных в ней эпизодах, касавшихся А.Я. Нестерова, Правительствующий Сенат, запросив тут же санкцию на арест обер-фискала. Такая санкция была получена.

⁶⁹ Там же. Л. 678.

⁷⁰ Там же. Л. 700 об.–701, 702–707, 711, 716–718.

В первых числах сентября обер-фискал взяли под стражу. Алексей Нестеров с ходу потребовал отвода Е.И. Пашкова, заявив на него ничем не мотивированное «подозрение»⁷¹. Это требование Алексея Яковлевича было отклонено как генерал-прокурором, так и Сенатом.

«Дело фискалов» набирало обороты, а производство следствия чем дальше, тем больше переходило в руки Е.И. Пашкова. Осенью 1722 г. основное внимание следственная канцелярия сосредоточила на разбирательстве преступных деяний нескольких фигурантов — С.Ф. Попцова, ярославского фискала А.И. Никитина и А.Я. Нестерова.

5 октября 1722 г. П.И. Ягужинский направил письмо с докладом о ходе следствия к находившемуся в Астрахани Петру I. При этом генерал-прокурор пожаловался на давление, которое кто-то из влиятельных лиц оказывал на Е.И. Пашкова в защиту Алексея Нестерова («к тому же не без приятеля у обер-фискала»). В связи с этим Павел Иванович попросил императора направить «особливый указ» к Егору Пашкову, который без этого «в такие важные дела вступать не смеет»⁷².

Самодержец откликнулся незамедлительно. Уже 15 октября 1722 г. в Москву ушло высочайшее послание с указанием Е.И. Пашкову замещать при необходимости генерал-прокурора в делах следственной канцелярии. Одновременно Петр I санкционировал применение к А.Я. Нестерову пыток⁷³.

Со своей стороны Алексей Нестеров не только не признавал какие-либо обвинения, но и продолжал пытаться выве-

⁷¹ Там же. Кн. 273. Л. 26.

⁷² Там же. Л. 165–166 об.

⁷³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 3. Послание имело двух адресатов. На лицевой стороне конверта, в который оно было запечатано, сохранилась запись: «Господину генералу-лейтенанту и генералу-прокурору Ягушинскому в Москве. А в небытность ево распечатать и чинить по сему прокурору Колегии воинской Егору Пашкову» (Там же. Л. 3а).

сти из следствия Е.И. Пашкова. Так, 1 ноября 1722 г. Алексей Яковлевич сорвал очную ставку с С.Ф. Попцовым, заявив об отказе давать показания Егору Пашкову («перед ним, господином капитаном, ни о чем ответствовать он не станет»)⁷⁴. Однако вскоре ситуация переменялась.

8 ноября 1722 г., обобщив добытые следственной канцелярией материалы, уличавшие обер-фискала, Е.И. Пашков вынес постановление о пытке Алексея Нестерова⁷⁵. И тут подследственный дрогнул. 9 ноября 1722 г., не дожидаясь привода в застенок, А.Я. Нестеров заявил Егору Ивановичу о готовности дать признательные показания⁷⁶. Расследование «дела фискалов» вышло на следующий виток.

Еще не разобравшейся в полном объеме с показаниями С.Ф. Попцова следственной канцелярии предстояло теперь проверять не менее содержательные откровения Алексея Нестерова. Подобно Савве Попцову, Алексей Яковлевич не ограничился признанием собственных вин, но и многое рассказал о преступной деятельности иных должностных лиц (в частности, судьи Московского надворного суда М.В. Желябужского).

Как уже говорилось выше, по мере разбухания «дела фискалов», появления в нем новых эпизодов и фигурантов перед Петром I обозначилась перспектива дополнительно закрепить за прокуратурой полномочия органа предварительного следствия, совместив тем самым в ее компетенции функции надзора и уголовного преследования. Если бы законодатель решился в 1723 г. придать генерал-прокуратуре следственные полномочия, то уже тогда в России могла сложиться функциональная модель прокуратуры, существовавшая в 1928–2007 гг.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 282.

⁷⁵ Там же. Л. 226–230.

⁷⁶ Там же. Л. 232.

Однако в решающий момент Петр I не пожелал отказываться от изначально возникшей надзорной модели отечественной прокуратуры. Это выразилось в том, что в январе 1723 г. император принял решение освободить генерал-прокуратуру от расследования «дела фискалов».

В конце января 1723 г. расследовавшиеся следственной канцелярией генерал-прокуратуры уголовные дела были переданы в только что основанный Вышний суд, занявший в реформированной судебной системе России место суда высшего звена. Сама же следственная канцелярия была преобразована в Розыскную контору — особое следственное подразделение суда (отдаленный прообраз следственной части Верховного суда РСФСР 1920-х гг.). От следственной канцелярии генерал-прокуратуры Розыскная контора унаследовала не только находившиеся в производстве дела, но и руководителя — Е.И. Пашкова.

В качестве главы Розыскной конторы Вышнего суда Егору Пашкову довелось расследовать не только дела, которыми он занимался прежде. В 1723 г. в производство Розыскной конторы поступил еще ряд уголовных дел, в частности многоэпизодное дело по обвинению руководителей канцелярии Преображенского приказа Я.В. Былинского и В.Н. Нестерова в преступлениях против интересов службы и против правосудия.

В октябре 1723 г. Е.И. Пашков направил в Вышний суд подборку итоговых процессуальных документов по ключевым фигурантам «дела фискалов» М.В. Желябужскому, А.И. Никитину и С.Ф. Попцову⁷⁷. Составление документов по А.Я. Нестерову было отложено, вероятнее всего, до времени новых допросов бывшего обер-фискала лично Петром I (которые состоялись только в январе 1724 г.).

⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 715–717 об. ; Там же. Кн. 274. Л. 1026–1028, 1441–1442.

Помимо традиционных «выписок» (и их сокращенных версий — «экстрактов»), содержавших выстроенные по пунктам эпизоды обвинения по соответствующему фигуранту, в Розыскной конторе оказались впервые подготовлены принципиально новые процессуальные документы. В этих документах, подписанных Е.И. Пашковым, оказались соединены: краткое изложение эпизодов обвинения, квалификация этих эпизодов по действовавшему законодательству, а также предложения о назначении меры наказания. Такой документ, являвшийся с точки зрения обобщения материалов следствия шагом вперед по сравнению с «выпиской» и «экстрактом», явился отдаленным прообразом современного обвинительного заключения, оформляемого следователем при передаче дела в суд.

Согласно выпискам и обвинительным заключениям, Е.И. Пашков вменил Алексею Нестерову 39 эпизодов преступной деятельности (главным образом получение взяток). В резюмирующей части заключения, в частности, говорилось о том, что «он, Нестеров, не токмо за другими [не] смотрел и [не] доносил, но сам его императорского величества указы презирал и казенные денги... крал и, ведая за другими кражу казны и указом его императорского величества противные дела, для дружбы не доносил и имал с них великие взятки...»⁷⁸.

Алексею Никитину — пять эпизодов (исключительно получения взяток), Михаилу Желябужскому — два эпизода (подлог завещания и лжесвидетельство по этому поводу). Савва Попцов был обвинен в 11 эпизодах злоупотребления должностными полномочиями, казнокрадства и получения взяток (общая величина которых образовала внушительную сумму в 6420 рублей).

⁷⁸ Там же. Кн. 273. Л. 688 об.—689.

В отношении мер наказания в обвинительных заключениях Егор Пашков предлагал санкции в основном в соответствии с действовавшим законодательством.

Исключением явилась лишь ситуация с А.Я. Нестеровым. Егор Иванович предложил приговорить бывшего обер-фискала к квалифицированной смертной казни через колесование⁷⁹. Между тем подобная санкция не была предусмотрена ни в одном из законодательных актов, по которым были квалифицированы предъявленные Алексею Яковлевичу обвинения. По всей вероятности, в данном случае при подготовке обвинительного заключения Е.И. Пашков принял во внимание некую устно выраженную «рекомендацию» Петра I, весьма болезненно воспринявшего разоблачение криминальных деяний Алексея Нестерова.

Вместе с тем, как уже отмечалось, Егор Иванович принял попытку не допустить вынесения смертного приговора деятельно раскаявшемуся С.Ф. Попцову. По всей очевидности, обещавший Савве Федоровичу сохранение жизни в обмен на сотрудничество со следствием глава Розыскной конторы предложил в обвинительном заключении назначить бывшему провинциал-фискалу наказание в виде двух лет каторжных работ с последующей пожизненной ссылкой.

Столь либеральное (с учетом характера предъявленных обвинений) предложение Егор Пашков обосновал тем, что иные подследственные «взирая на милостивое исполнение (т.е. сохранение жизни С.Ф. Попцову)... могли к показанию вин признатца существом»⁸⁰. В данном случае Е.И. Пашков, несомненно, предвосхитил институт «сделки с правосудием», появившийся в отечественном уголовном судопроизводстве лишь с изданием Федерального закона от 29 июня 2009 г.

⁷⁹ Там же. Л. 689.

⁸⁰ Там же. Кн. 274. Л. 1028.

№ 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁸¹.

Завершив расследование, Е.И. Пашков направил материалы «дела фискалов» в Вышний суд. Сообразно господствовавшей тогда розыскной модели уголовного процесса, суд проходил без участия сторон и без заслушивания обвиняемых и свидетелей. В итоге судебное следствие свелось исключительно к ознакомлению судей с подготовленными Розыскной конторой выписками и обвинительными заключениями по делу.

Приговоры обвиняемым были вынесены 22–23 января 1724 г. Суд не принял во внимание заступничество Егора Ивановича за обвиняемого Савву Попцова. Бывшего провинциал-фискала осудили к смертной казни. А.Я. Нестеров был — вполне ожидаемо — приговорен к колесованию. Приговоры Савве Федоровичу и Алексею Яковлевичу император утвердил без изменений. 24 января 1724 г. состоялась описанная выше публичная «эксекция».

Петр I счел «дело фискалов» столь общественно значимым, что того же 24 января 1724 г. распорядился подготовить особый информационный листок с изложением «преступлений бывшего обер-фискала Нестерова и протчих» и опубликовать его «для всенародного известия»⁸². Отпечатанное на листе большого формата «Объявление о бывшей эксекции в Санкт-Питербурхе генваря в 24 день 1724 году» вышло в свет уже 4 марта 1724 г.⁸³ 16 марта 1724 г. Правительствующий Сенат указал разослать экземпляры «Объявления» по центральным

⁸¹ СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

⁸² РГАДА. Ф. 248. Кн. 374. Л. 836.

⁸³ Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.: сводный каталог / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич; под ред. П.Н. Беркова. М.—Л., 1955. С. 437.

и местным органам власти (для ознакомления прежде всего государственных служащих)⁸⁴.

Последовавшая в январе 1725 г. кончина Петра I привела к свертыванию деятельности Вышнего суда и его Розыскной конторы. Уже 2 февраля 1725 г. под подписку о невыезде были освобождены 13 из 15 содержащихся на тот момент под стражей подсудимых Розыскной конторы⁸⁵. Формальное упразднение Вышнего суда произошло по указу императрицы Екатерины I от 14 марта 1726 г.

После 1725 г. недолго продлилась и прокурорская деятельность Е.И. Пашкова. Дело в том, что на протяжении 1726–1727 гг. органы молодой российской прокуратуры подверглись постепенному упразднению⁸⁶. Черед прокуратуры Военной коллегии наступил весной 1727 г.

Именным указом от 13 марта 1727 г. прокурор Е.И. Пашков был определен на должность советника Военной коллегии⁸⁷. Преемника ему назначено не было. Назначение Егора Ивановича на равноставную должность в Военной коллегии свидетельствовало о том благоволении, которое ему оказывал президент коллегии А.Д. Меншиков, ставший к тому времени фактически вторым лицом в государстве.

15 мая 1727 г. только что взошедший на престол император Петр II произвел Е.И. Пашкова в «полугенеральский» чин бригадира⁸⁸. Позиции Егора Пашкова в среде высшей коллеж-

⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 374. Л. 842–842 об. В Главном магистрате «Объявление» не только зачитали вслух на общем собрании служащих, но и заставили их затем расписаться «в слышании» (Там же. Л. 856).

⁸⁵ Там же. Кн. 1939. Л. 5–8.

⁸⁶ Подробнее см.: Серов Д.О. Прокуратура Петра I. С. 134–136.

⁸⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 63. С. 246.

⁸⁸ Там же. С. 525. Упраздненный в конце XVIII в. чин бригадира находился между чинами полковника и генерал-майора.

ской бюрократии казались незыблемыми. Однако уже в следующем году в карьере Егора Ивановича произошла резкая перемена.

Бывшего следователя и прокурора едва не погубили излишние откровения о придворной жизни в переписке с давней приятельницей княгиней А.П. Волконской. Будучи выслана из Санкт-Петербурга в апреле 1727 г. по предписанию А.Д. Меншикова, княгиня не была, однако, возвращена в столицу после ссылки самого Александра Даниловича (последовавшей в сентябре 1727 г.). Проживая во вполне комфортных условиях в подмосковном имении, Аграфена Волконская продолжала отслеживать придворные «конъюнктуры», и чем дальше, тем больше раздражаясь, что о ней позабыли.

Дело закончилось доносом двоих слуг, обыском в имении и выемкой обширной корреспонденции княгини. Пустяковое по существу дело стало, однако, предметом разбирательства в мае 1728 г. в Верховном Тайном совете⁸⁹. Поскольку в домашнем архиве А.П. Волконской была между иного обнаружена подборка писем Егора Пашкова, он оказался среди фигурантов дела.

28 мая 1728 г. Егор Иванович был отстранен от должности. Трудно сказать, кто именно на этот раз вступился за бригадира, однако он наименее пострадал из числа собеседников и корреспондентов княгини Аграфены Петровны. Именным указом от 5 июня 1728 г. Е.И. Пашков был определен вице-губернатором Воронежской губернии⁹⁰.

Несмотря на то что Егор Иванович направлялся в Воронеж единоличным главой администрации, назначение

⁸⁹ Подробнее см.: Шубинский С.Н. Княгиня А.П. Волконская и ее друзья (Эпизод из придворной жизни XVIII столетия) // Исторический вестник. 1904. № 12. С. 927–965.

⁹⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1891. Т. 79. С. 416.

в провинцию явилось для него тяжелым ударом. Опальный бригадир попытался даже отсрочить выезд к новому месту службы. Когда 14 июня 1728 г. к бывшему прокурору явился сенатский курьер с подорожной и ямскими подводами, то Егор Иванович выгнал его со двора, отправил подводы обратно в Сенат и заявил, что поедет на собственных лошадях.

На следующий день Е.И. Пашков получил предписание покинуть Москву немедленно. В ответ Егор Иванович заявил, что если его отправляют в ссылку, то пусть везут в Воронеж в кандалах и под конвоем. Впрочем, 16 июня 1728 г. Егор Пашков все же выехал во вверенную ему губернию⁹¹.

В должности воронежского вице-губернатора Е.И. Пашкову пришлось отработать почти шесть лет⁹². Губернией Егор Иванович управлял не особенно удачно. Неоднократно подвергался дисциплинарным взысканиям от Правительствующего Сената. Попал под следствие по обвинению в вырубке заповедных корабельных лесов и в провале трудовой мобилизации работных людей на верфи в Таврове⁹³.

Впрочем, будучи 3 декабря 1734 г. смещен с должности, Е.И. Пашков уже 16 октября 1735 г. получил назначение губернатором в Астрахань. Однако на берега Каспия Егор Иванович так не прибыл. Задержавшись по пути в своем имении, Е.И. Пашков скончался 6 апреля 1736 г.

Погребен Егор Иванович Пашков был в Успенской церкви Веневского монастыря Тульского уезда⁹⁴. Его могила сохранилась до настоящего времени.

⁹¹ Шубинский С.Н. Указ. соч. С. 964.

⁹² Подробнее см.: Комолов Н.А. Вице-губернатор Пашков Егор Иванович. 1728–1734 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917. Историко-биографические очерки / ред.-сост. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2000. С. 60–63.

⁹³ Ныне микрорайон «Таврово» Левобережного района г. Воронежа.

⁹⁴ Дворянское сословие Тульской губернии / сост. В.И. Чернопятков. М., 1912. Т. 7. С. 121.

§ 3. Гвардии поручик В.И. Иванов и гвардии подпоручик В.Г. Языков*

9 декабря 1723 г. император Петр I посетил заседание Вышнего суда. В череде иных вопросов главе государства была доложена просьба бывшего следователя гвардии подпоручика В.Г. Языкова, содержавшегося под стражей при Военной коллегии. Василий Языков настаивал на личной встрече с императором, обещая предоставить секретные сведения, изобличавшие бывшего главу фискальской службы России А.Я. Нестерова, дело по обвинению которого расследовала Розыскная контора Вышнего суда.

Адресованный В.Г. Языкову ответ Петра I, зафиксированный секретарем суда, был, однако, сколь лаконичным, столь и обескураживающим: «Отвечать в своих делах»⁹⁵. Кто же такой был гвардии подпоручик Василий Языков? Отчего государь отказался от встречи с ним? И что это были за преступления, за которые ему предстояло «отвечать»?

На сегодняшний день о жизни В.Г. Языкова известно совсем немного. Неслучайно единственная опубликованная биографическая справка о нем составляет неполных семь строк⁹⁶. Из раннего периода биографии Василия Григорьевича удалось единственно установить, что происходил он из

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: В.И. Иванов и В.Г. Языков // Российский следователь. 2016. № 20. С. 45–52.

⁹⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 173. Л. 602.

⁹⁶ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 467.

дворян⁹⁷ (или, как писали в документах первой половины XVIII в., «из шляхетства»).

Фамилия Языковых являлась весьма разветвленной: достаточно сказать, что в XVII в. только в рядах «царедворцев» — верхушки тогдашнего дворянства — насчитывалось 48 ее представителей⁹⁸. При этом трое из Языковых, ставших «царедворцами» в последней трети XVII в., носили имя Григорий⁹⁹. Являлся ли кто-то из них отцом В.Г. Языкова, осталось неясным, но сам он в «царедворцы» так и не попал.

Согласно архивному документу, в 1699 г. Василий Языков был зачислен солдатом в гвардии Преображенский полк, причем сразу в бомбардирскую роту¹⁰⁰, командиром которой в то время числился сам Петр Алексеевич (в полковых документах он фигурировал как «капитан Петр Михайлов»). Каких-либо подробностей о боевой службе В.Г. Языкова выявить к настоящему времени не удалось. Представляется возможным лишь с уверенностью предположить, что он являлся участником основных кампаний Великой Северной войны и, вероятно, Прутского похода 1711 г.

Военная карьера Василия Григорьевича сложилась не лучшим образом. В «солдатстве» он провел полтора десятилетия. Только в октябре 1714 г. Василий Языков был произведен из бомбардиров в гвардии подпоручики¹⁰¹ (судя по всему, миновав первый офицерский чин прапорщика).

⁹⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 84. Л. 1.

⁹⁸ См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 491–493.

⁹⁹ Там же. С. 491.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 84. Л. 1.

¹⁰¹ История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1900. С. 157.

В марте 1718 г. В.Г. Языков был определен ассессором в следственную канцелярию полковника Г.И. Кошелева, из руководящего состава которой незадолго до этого выбыл дьяк Ф.Д. Воронов (который, как уже отмечалось выше, был арестован, а затем казнен по фальсифицированному обвинению в государственном преступлении). Одновременно с Василием Языковым на должность ассессора канцелярии был назначен подпоручик гвардии Семеновского полка В.И. Иванов¹⁰².

О Василии Ивановиче Иванове известно на сегодня еще меньше, чем о В.Г. Языкове. Судя по тому факту, что в их последующих взаимных отношениях в канцелярии Василий Языков выступал в роли старшего¹⁰³, Василий Иванович был моложе его по возрасту и имел более скромный стаж боевой службы. Неформальное старшинство Василия Григорьевича не поколебалось даже после того, как Василий Иванов был в 1719 г. произведен в гвардии поручики.

Будучи ассессорами следственной канцелярии, В.И. Иванов и В.Г. Языков оказались включены в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрешенного от прав на престол царевича Алексея Петровича, обвиненного в заговоре против Петра I. Как известно, в ходе единственного формального заседания, состоявшегося 24 июля 1718 г., суд приговорил царевича к смертной казни¹⁰⁴.

¹⁰² РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 5 об. Формально к исполнению следственных обязанностей В.И. Иванов и В.Г. Языков приступили согласно распоряжению Г.И. Кошелева от 6 марта 1718 г. (Там же).

¹⁰³ Во всех документах, подписанных совместно В.И. Ивановым и В.Г. Языковым, подпись Василия Григорьевича неизменно стоит первой.

¹⁰⁴ См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536. Подпись В.Г. Языкова помещена на приговоре 93-й по счету, В.И. Иванова — 110-й (он же расписался за неграмотного гвардии подпоручика Василия Коростелева).

Как уже упоминалось, в 1718 г. в производстве следственной канцелярии Герасима Кошелева находилась подборка резонансных уголовных дел по должностным и по экономическим преступлениям, возбужденных главным образом фискальской службой России. Особое место в производстве канцелярии занимали дела по обвинению бывшего архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова, братьев Соловьевых, дьяка П.К. Скурихина и комиссара П.И. Власова. По состоянию на март 1719 г. под следствием канцелярии находился 51 человек, 12 из которых содержались под стражей, а остальные — под подпиской о невыезде¹⁰⁵.

На протяжении 1718–1719 гг. В.И. Иванову и В.Г. Языкову приходилось нередко работать без руководителя: обремененный многими параллельными служебными обязанностями Г.И. Кошелев часто и подолгу отсутствовал в канцелярии. Не особенно часто бывал в канцелярии и ее новый глава — упоминавшийся гвардии майор М.А. Матюшкин, назначенный Петром I на место Герасима Кошелева 10 апреля 1719 г.¹⁰⁶ Ассессоры Василий Иванов и Василий Языков порой даже докладывали о делах следственной канцелярии главе государства, самостоятельно оформляя затем устные распоряжения царя по вопросам ее деятельности¹⁰⁷.

В подобных условиях, привыкнув к независимости (и, судя по всему, «сработавшись» друг с другом), Василий Иванович и Василий Григорьевич стали чем дальше, чем больше испытывать недовольство ходом расследования ряда уголовных дел, в первую очередь братьев Соловьевых и П.К. Скурихина и П.И. Власова. Не найдя поддержки у непосредственного руководителя М.А. Матюшкина, Василий Иванов и Василий Язы-

¹⁰⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 201 об.–202 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 225.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 99, 133, 173, 175, 218 и др.

ков решились на уже отмеченный выше неординарный шаг — доложить о непорядках в следственной канцелярии Петру I. В истории следственных канцелярий первой четверти XVIII в. это был единственный случай, когда ассессоры предприняли подобный демарш в обход презуса.

Но В.И. Иванов и В.Г. Языков не просто взялись пожаловаться государю, что «по канцелярии нашей в делах оставка и винным закрывательство». На трех листах доношения, подготовленного в августе или в начале сентября 1720 г.¹⁰⁸, они рискнули поднять вопрос о механизме торможения резонансных уголовных дел, в связи с чем высказали подозрения в отношении нескольких весьма влиятельных должностных лиц.

Василий Иванович и Василий Григорьевич привели эпизоды очевидного покровительства ряду подследственных со стороны руководителей следственных канцелярий М.А. Матюшкина и генерал-майора и гвардии майора князя Г.Д. Юсупова, а также многолетнего помощника Петра I кабинет-секретаря А.В. Макарова. Высказывание недвусмысленных подозрений в адрес Михаила Матюшкина и Григория Юсупова означало конфликт В.И. Иванова и В.И. Языкова как с командованием гвардейских полков (в штате которых они продолжали состоять), так и с руководством Военной коллегии.

Что касается Алексея Макарова, то именно через него главе государства поступал основной объем документации. В первой половине 1720-х гг. кабинет-секретарь, имевший наиболее свободный доступ к Петру I, превратился в одну из ключевых фигур в руководстве страны¹⁰⁹. В подобном контексте

¹⁰⁸ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 65. Л. 211–212.

¹⁰⁹ Подробнее см.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 282–287.

не приходится удивляться, что доношение Василия Иванова и Василия Языкова завершалось примечательным свидетельством о том, как Г.Д. Юсупов, «устрачивая нас, говорил... что де на вас весь Питербурх встанет»¹¹⁰. Дальнейшие события в полной мере подтвердили правоту князя Григория Дмитриевича.

Первая проблема у В.И. Иванова и В.Г. Языкова возникла с подачей доношения. Несмотря на то что оба гвардейца были лично известны главе государства (7 июня 1720 г. Петр I даже крестил у Василия Языкова сына¹¹¹), добиться встречи с царем было нелегко. Кто-то из ассессоров долго носил доношение при себе¹¹², пока его не удалось вручить в руки государю 25 сентября 1720 г. в Санкт-Петербурге в частном доме¹¹³. С этого момента для Василия Иванова и Василия Языкова наступила полоса злоключений.

Уже 27 сентября 1720 г. Петр I указал отстранить В.И. Иванова и В.Г. Языкова от должностей ассессоров следственной канцелярии и отдать их под следствие¹¹⁴. Основанием для издания указа послужило доношение с обвинениями ассессоров в должностных преступлениях, которое представил глава фискальской службы России обер-фискал А.Я. Нестеров, а также некое доношение, которое подал дьяк следственной канцелярии И.В. Ангелов (Иван Васильев)¹¹⁵, вступивший к

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 65. Л. 212.

¹¹¹ Походный журнал 1720 года. СПб., 1855. С. 22.

¹¹² Осмотр подлинника документа показал, что изначально он был сложен вчетверо. Заметная потертость листов по вертикальным сгибам свидетельствует о том, что документ длительное время хранился в плотно сложенном виде — вероятно, в наружном кармане мундира или же в полевой сумке.

¹¹³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 46.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 406. Указ был объявлен В.И. Иванову и В.Г. Языкову М.А. Матюшкиным в тот же день (Там же).

¹¹⁵ Ни подлинника, ни копий данного документа выявить к настоящему времени не удалось.

тому времени в конфликт с Василием Ивановичем и Василием Григорьевичем.

Странность в данном случае заключалась в том, что, как явствует из архивного документа, Алексей Нестеров направил доношение главе государства (с сопроводительным письмом на имя А.В. Макарова) еще 13 сентября 1720 г.¹¹⁶ Учитывая, что правительственные документы передавались внутри Санкт-Петербурга в течение дня и что Петр I имел обыкновенные незамедлительно реагировать на поступающую к нему информацию фискальской службы, возможно с уверенностью предположить, что если бы доношение обер-фискала было доложено Алексеем Макаровым сразу же, то царь никак не стал бы выжидать две недели, чтобы отстранить ассессоров от должности (хотя бы на время проведения служебной проверки).

Следовательно, кабинет-секретарь предпочел «придержаться» доношение А.Я. Нестерова у себя. По всей очевидности, не предполагая, что документ пригодится так скоро.

Доношение Алексея Нестерова содержало 18 пунктов обвинений против В.И. Иванова и В.Г. Языкова¹¹⁷. Глава фискальской службы инкриминировал ассессорам превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями, халатность, служебный подлог и получение взяток. Десять пунктов доношения касались эпизодов преступных связей Василия Ивановича и Василия Григорьевича с московским фискалом Михаилом Косым, добивавшимся отстранения А.Я. Нестерова от должности.

Далее интрига с В.И. Ивановым и В.Г. Языковым застыла, хотя в неустановленный момент они были арестованы. Лишь 13 декабря 1720 г. гвардии подполковник И.И. Бутурлин объявил указ Петра I немедленно расследовать дело

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 47. Л. 345.

¹¹⁷ См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 4–44.

по обвинению Василия Иванова и Василия Языкова в Военной коллегии¹¹⁸. 24 декабря 1720 г. коллегия вынесла решение учредить для этого следственную канцелярию во главе с комендантом Петропавловской крепости полковником Я.Х. Бахмеотовым¹¹⁹.

Первый допрос В.И. Иванова и В.Г. Языкова состоялся 17 января 1721 г. Для начала подследственным был задан вопрос, не желают ли они ходатайствовать об отводе кого-либо из состава следственной канцелярии. В ответ Василий Иванович и Василий Григорьевич письменно заявили об отказе отвечать на вопросы, поскольку они подали доношение самому царю и ожидают его решения по делу. Василий Языков, впрочем, все же высказал мотивированный отвод Якову Бахмеотову и двум ассессорам канцелярии¹²⁰. Отказ давать показания Василий Иванович и Василий Григорьевич подтвердили, будучи вызваны 31 января 1721 г. к президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу А.Д. Меншикову (за что были переведены на более строгий режим содержания под стражей)¹²¹.

В конце концов, был выработан компромисс. В феврале 1721 г. Военная коллегия сформировала следственную канцелярию нового состава, презусом которой стал полковой сослуживец Василия Языкова М.И. Бобрищев-Пушкин. Как удалось установить, Михаил Бобрищев-Пушкин начал службу в 1704 г. солдатом в 1-й роте Преображенского полка¹²². В мае 1714 г. был произведен в капитан-поручики, а в ноябре 1718 г. — в капитаны и назначен командиром 5-й роты полка¹²³.

¹¹⁸ Там же. Л. 2.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Л. 2 об.

¹²¹ Там же. Л. 3.

¹²² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 29. Л. 10.

¹²³ Там же. № 47. Л. 7.

14 марта 1721 г. на заседании новой следственной канцелярии В.И. Иванов и В.Г. Языков заявили, что «как де с презусом, так и с ассессорами недружбы и подозрения на них не имеют» и готовы давать показания¹²⁴.

Так начала работу канцелярия М.И. Бобрищева-Пушкина¹²⁵. В ее ассессорский состав входило три офицера. Дольше всего ассессорами состояли капитан-поручик Семеновского полка С.А. Худошин и подпоручик того же полка А.Р. Сабуров. Кроме того, по просьбе Михаила Бобрищева-Пушкина к канцелярии прикомандировывались аудиторы¹²⁶: сначала Федор Дурасов, а затем М.В. Ершов¹²⁷.

Ознакомление с сохранившимися материалами уголовного дела оставляет впечатление, что М.И. Бобрищев-Пушкин старался вполне добросовестно выполнить возложенное на него следственное поручение. Михаил Иванович тщательно отыскивал улики, подтверждавшие выдвинутые против Василия Иванова и Василия Языкова обвинения, упорно добивался вызова необходимых свидетелей, проводил очные ставки. Если же учесть, что должность презуса

¹²⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 3 об. Впрочем, в дальнейшем В.И. Иванов и В.Г. Языков несколько раз вступали в конфликт уже с М.И. Бобрищевым-Пушкиным. К примеру, 5 мая 1721 г. Военная коллегия повторно предписала ужесточить режим содержания Василия Иванова и Василия Языкова под стражей, «пока они от неосновательного своего прекословия и непослушания [следственной канцелярии] воздержатца» (Там же. № 91. Л. 7 об.).

¹²⁵ В документах канцелярия пространно именовалась «инквизицией, производящейся лейб-гвардии над афицеры лейтенантом Васильем Ивановым и ундер-лейтенантом Васильем Языковым».

¹²⁶ В отечественном военно-уголовном процессе XVIII в. на аудитора возлагались разнородные полномочия: он выступал в роли юрисконсульта, секретаря судебного заседания, участвовал в сборе доказательств на досудебной стадии, заверял обобщающие процессуальные документы, а также докладывал суду материалы дела.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 91. Л. 18–18 об.

Михаил Бобрищев-Пушкин совмещал с прежними обязанностями ротного командира¹²⁸, а в 1721–1724 гг. являлся еще и ассессором следственной канцелярии И.И. Бутурлина¹²⁹, то необходимо признать, что по делу В.И. Иванова и В.Г. Языкова он выполнил максимум возможных следственных действий.

Перелом в деле Василия Иванова и Василия Языкова мог бы наступить в конце 1722 — начале 1723 г., когда развернулось охарактеризованное выше масштабное следствие в отношении А.Я. Нестерова, обвиненного в совершении многочисленных преступлений против интересов службы. Воспользовавшись ситуацией, 14 января 1723 г. М.И. Бобрищев-Пушкин допросил бывшего обер-фискала, потребовав от него предъявить доказательства в подтверждение его обвинений, выдвинутых против В.И. Иванова и В.Г. Языкова в 1720 г. В ответ Алексей Яковлевич сослался на свое прежнее доношение, добавив, что «инога доказаня он... на них, Иванова и Языкова, не имеет»¹³⁰.

Впрочем, прекращение уголовного преследования Василия Ивановича и Василия Григорьевича никак не входило в планы их могущественных недоброжелателей. Именно поэтому не удалась попытка Василия Языкова добиться личной встречи с Петром I, о которой он начал просить в феврале 1723 г. после обнародования указа с призывом к «всяких чинов людям» объявлять об «обидах» со стороны А.Я. Нестерова¹³¹. Как уже упоминалось, в декабре 1723 г. император в резкой форме отказался от встречи с бывшим следователем.

В ночь на 29 января 1725 г. в Санкт-Петербурге скончался Петр I. В связи с болезнью и уходом из жизни первого россий-

¹²⁸ Там же. Л. 105, 108.

¹²⁹ Бабич М.В. Указ. соч. С. 286.

¹³⁰ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 47.

¹³¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 577–577 об.

ского императора было обнародовано три амнистийных указа. Первый из них издал 27 января 1725 г. Правительствующий Сенат, «дабы Господь Бог даровал его величеству от скорби исцеление»¹³², второй — 30 января 1725 г. вступившая на престол императрица Екатерина I «для поминовения блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества», третий — 14 февраля 1725 г. издал вновь Сенат¹³³.

В этих указах предусматривалось освобождение от наказания всех осужденных военными и гражданскими судами, за исключением тех, кто был изобличен в государственных преступлениях, умышленных убийствах и неоднократных разбоях. Поскольку В.И. Иванов и В.Г. Языков обвинялись в должностных преступлениях, их уголовное дело, исходя из смысла амнистийных указов, могло быть прекращено. Этого, однако, не произошло.

Вместо этого в следственной канцелярии М.И. Бобрищева-Пушкина стали готовить по делу Василия Иванова и Василия Языкова «выписку» — обобщающий процессуальный документ, необходимый для передачи дела в суд. В «выписке» излагались основания для возбуждения уголовного дела, описывались предпринятые следственные действия и добытые доказательства. Подготовка «выписки» (объем которой составил 63 листа¹³⁴) была завершена к марту 1725 г. Из «выписки» явствует, что, несмотря на все предпринятые усилия, за четыре с лишним года следствию так и не удалось собрать никаких весомых доказательств вины В.И. Иванова и В.Г. Языкова. Обвиняемые изобличались по нескольким эпизодам

¹³² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 409–410.

¹³³ Там же. С. 411–412, 419–420.

¹³⁴ См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 2–65. Часть «выписки» составлена в виде таблицы из трех граф: «В доношении Нестерова», «В ответах Языкова и Иванова» и «По справкам показано» (Там же. Л. 4–35 об.).

лишь показаниями трех свидетелей (в первую очередь дьяка Ивана Ангелова), правдивость которых вызывала сомнения.

К примеру, исключительно на показаниях И.В. Ангелова строилось обвинение В.И. Иванова и В.Г. Языкова в том, что они уничтожили («изодрали») подлинник ими же закрепленного именного указа от 11 января 1719 г. о прекращении следствия по делу братьев Соловьевых. Наличие такого указа оба офицера отрицали¹³⁵. Между тем, как явствует из сохранившейся подборки наиболее важных документов канцелярии Г.И. Кошелева — М.А. Матюшкина, 11 января 1719 г. в действительности состоялся указ Петра I (закрепленный единолично Василием Ивановым) о конфискации имущества Д.А., О.А. и Ф.А. Соловьевых¹³⁶.

Из той же подборки документов известно, что братья и после января 1719 г. продолжали находиться под стражей. 19 мая 1719 г. последовал именной указ (закрепленный уже М.А. Матюшкиным) о переводе Соловьевых в Петропавловскую крепость¹³⁷. Более того, в письме к коменданту Я.Х. Бахметову от 25 мая 1719 г. Михаил Матюшкин указал, чтобы Дмитрий, Осип и Федор Соловьевы содержались в строгой изоляции, исключающей их общение между собой¹³⁸. Как-то не вяжется это с утверждением свидетеля И.В. Ангелова о царском повелении прекратить следствие по делу братьев... Остается добавить, что упомянутая книга документации, несмотря на неоднократные запросы М.И. Бобрищева-Пушкина, так и не была ему предоставлена¹³⁹.

¹³⁵ Там же. Л. 50–50 об.

¹³⁶ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 173.

¹³⁷ Там же. Л. 308.

¹³⁸ Там же. Л. 311.

¹³⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 91. Л. 89 об.

3 марта 1725 г. Василий Иванов и Василий Языков были вызваны в следственную канцелярию, где им предложили ознакомиться с «выпиской». Вновь проявив строптивость, Василий Иванович и Василий Григорьевич заявили, что «выписки» «им смотреть не для чего» и, сославшись на недавние амнистийные указы, потребовали освободить их из-под стражи¹⁴⁰. Однако неделю спустя настрой одного из подсудимых кардинально изменился.

11 марта 1725 г. Василий Языков подал в следственную канцелярию собственноручно написанное заявление о признании всех выдвинутых против него обвинений. В этом документе (никак не озаглавленном, но далее в материалах дела обозначенном как «извинение») бывший следователь указал, что инкриминированные ему деяния («мое погрешение») были совершены «моим незнанием и безо всякой моей корысти». В заключительных строках «извинения» Василий Григорьевич «с прегорестными слезами» (!) обратился к императрице с просьбой о «милосерд[н]ом прощении»¹⁴¹.

Появление «извинения» было, несомненно, связано с психологическим давлением, которое на обвиняемых оказал, вероятно, Михаил Бобрищев-Пушкин (хотя нельзя исключить, что с В.И. Ивановым и В.Г. Языковым «побеседовал» и Г.Д. Юсупов). Зачем потребовалось «извинение», не вполне ясно. Конечно, следствию так и не удалось собрать по делу Василия Иванова и Василия Языкова полноценную доказательственную базу. Но ведь никакого независимого судебного разбирательства в данном случае заведомо не предполагалось, и заинтересованные лица могли не опасаться, что дело «рассыплется» в суде.

¹⁴⁰ Там же. № 158. Л. 66.

¹⁴¹ Там же. Л. 67.

По всей очевидности, принуждение принести «извинение» имело целью морально сломить опальных гвардейцев, заставить их навсегда замолчать о своих подозрениях в отношении «господ вышних командиров». Однако кто бы ни занимался тогда «обработкой» подследственных и каковы бы ни были ее цели, гвардии поручик В.И. Иванов повел себя более стойко и никакой своей вины так и не признал.

Итоговым документом работы канцелярии М.И. Бобрищева-Пушкина (подготовленном на основе «выписки») явился документ, по содержанию напоминающий современное обвинительное заключение¹⁴². Этот документ был 15 июня 1725 г. подписан Михаилом Бобрищевым-Пушкиным, тремя ассессорами и обер-аудитором М.В. Ершовым.

Василию Иванову и Василию Языкову были, в конечном счете, инкриминированы четыре эпизода превышения должностных полномочий и служебных подлогов (самовольное осуществление расследования по нескольким уголовным делам, внесение задним числом поправки в одно из постановлений следственной канцелярии, самовольное наложение штрафов на подследственных, уничтожение мифического именного указа от 11 января 1719 г.). В качестве пятого эпизода обвинения в документе фигурировал отказ гвардейцев давать показания на части допросов в следственной канцелярии.

Вмененные Василию Ивановичу и Василию Григорьевичу преступные деяния следственная канцелярия квалифицировала (стоит признать, формально вполне корректно) по статьям 27, 28, 35, 201 и 203 Артикула воинского¹⁴³ и по Нака-

¹⁴² См.: Там же. Л. 68–69 об.

¹⁴³ Предусматривали ответственность за неисполнение приказа командира, служебный подлог и за умышленное уничтожение списков и экземпляров административных и законодательных актов.

зу «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г.¹⁴⁴ Констатировав, что «подлежали было они, Языков и Иванов, смертной казни», канцелярия тут же выдвинула ходатайство об их помиловании — по силе упоминавшихся амнистических указов¹⁴⁵. 16 июня 1725 г. М.И. Бобрищев-Пушкин направил «выписку» и обвинительное заключение в Военную коллегию, предложив передать ей также все остальные материалы дела, а его следственную канцелярию расформировать («о[б] увольнении нас к полкам указ учинить»)¹⁴⁶.

Далее уголовное дело В.И. Иванова и В.Г. Языкова подлежало направлению в военный суд. Поскольку тогдашнее отечественное военное судоустройство зиждилось на принципе, что военнослужащего должны судить его сослуживцы, судебное присутствие для рассмотрения дела Василия Ивановича и Василия Григорьевича должно было быть сформировано из строевых офицеров гвардейских полков. Поскольку выбор судей зависел всецело от командования, ничто не мешало сформировать состав суда из числа «управляемых» офицеров, которые вынесли бы Василию Ивановичу и Василию Григорьевичу любой приговор. Однако даже такой сценарий могущественные противники опальных гвардейцев сочли недостаточно надежным.

Ни в какой военный суд уголовное дело по обвинению Василия Иванова и Василия Языкова так и не поступило. Получив выписку и обвинительное заключение по их делу, Военная коллегия не стала издавать распоряжения об учреждении суда для его разбирательства. Вместе с тем Военная коллегия не решилась сама судить В.И. Иванова и

¹⁴⁴ Предусматривал назначение презусу и ассессорам следственной канцелярии смертной казни за получение взятки и попустительство в отношении подследственных.

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 68–68 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 1.

В.Г. Языкова: будучи наделена в то время лишь ревизионно-решающими полномочиями, коллегия не рассматривала уголовные дела по первой инстанции.

Вместо этого 30 июня 1725 г. Военная коллегия распорядилась утвердить обвинительное заключение следственной канцелярии М.И. Бобрищева-Пушкина (что никак не предусматривалось действовавшим военно-процессуальным законодательством). Соответственно, к обвиняемым были применены предложенные в обвинительном заключении нормы амнистических указов. Дополнительно, уже как центральный орган военного управления коллегия указала направить Василия Иванова и Василия Языкова для дальнейшего прохождения службы «в полки в Баку». Вынесенное решение Военная коллегия отправила на утверждение в Правительствующий Сенат¹⁴⁷ (что также не предусматривалось никакими актами военно-процессуального законодательства).

Все отмеченные процессуальные несообразности объяснялись просто: в судьбу уголовного дела В.И. Иванова и В.Г. Языкова в очередной раз вмешались могущественные лица. Ими были входивший в руководство Военной коллегии и ставший к тому времени сенатором Г.Д. Юсупов и А.В. Макаров, сохранивший должность кабинет-секретаря и еще более усиливший свое влияние при Екатерине I. Как явствует из уцелевшего в архиве личного письма Михаила Бобрищева-Пушкина Алексею Макарову от 11 июля 1725 г., Михаил Иванович выполнял в тот момент указание кабинет-секретаря о подготовке нового списка обвинительного заключения, предназначенного как раз для представления в Сенат¹⁴⁸.

В подобном контексте не приходится удивляться, что 30 июля 1725 г. Правительствующий Сенат без возражений

¹⁴⁷ Там же. Л. 72.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 71. Л. 266.

утвердил решение Военной коллегии по делу В.И. Иванова и В.Г. Языкова¹⁴⁹. Получив соответствующий сенатский указ, Военная коллегия распорядилась 10 августа 1725 г. освободить, наконец, Василия Ивановича и Василия Григорьевича из-под стражи и, «отдав им шпаги», отправить в г. Баку¹⁵⁰. Там Василию Иванову и Василию Языкову предстояло вновь оказаться под началом М.А. Матюшкина, ставшего к тому времени, как уже упоминалось, генерал-лейтенантом и командующим «Низовым корпусом» — группировкой российских войск в западном и южном Прикаспии.

Однако в эпоху бывших следователей вскоре наступил очередной поворот. Никак не вдохновившись перспективой службы на южной окраине империи, В.Г. Языков подал императрице Екатерине I челобитную с просьбой о смягчении участи. Эта челобитная поступила главе государства, естественно, через А.В. Макарова.

Поскольку Василий Григорьевич на следствии дрогнул и принес упомянутое выше «извинение», Алексей Макаров доложил вопрос в благоприятном для челобитчика ключе. В итоге императрица указала «отправить ево, Языкова, в киевской гварнизон или в павловской... ко артиллерии и дать ему там учеников, чтоб он артиллерской [артиллерийской] науке обучал». Выраженное в устной форме это высочайшее повеление было оглашено в Правительствующем Сенате все тем же А.В. Макаровым и 3 сентября 1725 г. закреплено особым сенатским указом¹⁵¹.

Исполняя волю императрицы, 29 октября 1725 г. Военная коллегия распорядилась определить В.Г. Языкова в гарнизон

¹⁴⁹ Там же. Ф. 248. Кн. 1944. Л. 139–140. Первым из числа сенаторов указ подписал А.Д. Меншиков, последним — Г.Д. Юсупов.

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 85 об.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1946. Л. 49.

г. Павловска¹⁵², где «дать ему для обучения из малолетних салдацких детей». Одновременно коллегия вынесла решение о чине Василия Григорьевича: из гвардии подпоручиков он был произведен в «полевые» поручики¹⁵³ (что являлось очевидным компромиссом: при переводе из гвардии армейский чин присваивался на две ступени выше). А вот о Василии Иванове, проявившем на следствии неуместную стойкость, вопрос решился по-иному.

23 декабря 1725 г. Военная коллегия подтвердила прежнее решение о направлении В.И. Иванова в г. Баку. Спohхватившись (вероятнее всего, с подачи Г.Д. Юсупова), что Василий Иванович продолжал числиться в Семеновском полку, коллегия разжаловала его в армейские поручики¹⁵⁴. 30 декабря 1725 г. В.И. Иванов, явившись в Военную коллегию, дал подписку о том, что он не будет впредь именовать себя гвардии поручиком и что обязуется незамедлительно выехать к новому месту службы¹⁵⁵.

Дальнейшие обстоятельства биографий следователей Василия Иванова и Василия Языкова остались поныне непроясненными. Не исключено, что Василий Григорьевич не худшим образом устроился в Павловске — небольшой крепости с огромным артиллерийским парком (вывезенным из возвращенного туркам в 1712 г. Азова). В 1726 г. в Павловске числилось 194 пушки, 260 осадных и 1455 корабельных орудий, при которых состояли 153 «артилерских служителя»¹⁵⁶.

¹⁵² Ныне административный центр одноименного района Воронежской области.

¹⁵³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 158. Л. 89 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 91.

¹⁵⁵ Там же. Л. 94 об.

¹⁵⁶ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 185–186.

Что касается Василия Ивановича, то ему с 1726 г. суждено было служить в поистине гиблом месте. Болезни буквально косили солдат и офицеров Низового корпуса. Достаточно сказать, что с декабря 1724 г. по ноябрь 1725 г. небоевые потери корпуса составили 5097 человек умершими (численность более чем трех полков), а с 1 июля по 1 октября 1726 г. — 648 человек¹⁵⁷.

Благополучнее сложилась последующая жизнь следователя М.И. Бобрищева-Пушкина. Прослужив командиром 5-й роты Преображенского полка до 1727 г.¹⁵⁸, Михаил Иванович был произведен в полковники и назначен командиром Тверского драгунского полка. Выйдя в 1736 г. в отставку, успешно трудился на государственной гражданской службе: занимал должности главы администрации Тульской провинции, затем — Ярославской. В сентябре 1741 г. удостоился чина действительного статского советника¹⁵⁹ (соответствовал генерал-майору в армии).

Время кончины и места погребений В.И. Иванова и В.Г. Языкова неизвестны.

§ 4. Гвардии капитан-поручик И.И. Бахметьев*

25 ноября 1721 г. император Петр I среди прочих государственных дел озаботился не вполне ординарным вопросом: что предпринять с останками бывшего сибирского губернатора князя М.П. Гагарина. Дело в том, что тело князя,

¹⁵⁷ Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 197.

¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 7.

¹⁵⁹ Сенатский архив. СПб., 1891. Т. 4. С. 632–633.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: И.И. Бахметьев // Российский следователь. 2017. № 6. С. 50–56.

осужденного за совершение преступлений против интересов службы и публично повешенного в Санкт-Петербурге 21 марта 1721 г., государь предписал не снимать с виселицы — для наглядной острастки взяточникам и казнокрадам¹⁶⁰.

В итоге Петр I решил, чтобы раскачивавшееся на невском ветру тело казненного продолжало устрашать лихоимцев. В тот же день в следственной канцелярии гвардии майора И.И. Дмитриева-Мамонова (осуществившей предварительное следствие по делу М.П. Гагарина)¹⁶¹ был зафиксирован переданный в устной форме именной указ о том, чтобы «князь Матвея Гагарина, с виселицы ис петли сняв и зделав железную чепь, подцепить на той же виселице, где он ныне был»¹⁶². Исполнить указ Иван Дмитриев-Мамонов незамедлительно поручил гвардии капитан-поручику И.И. Бахметеву.

28 ноября 1721 г. Иван Бахметев доложил руководителю следственной канцелярии о выполнении государева поручения. Причем И.И. Бахметев не ограничился перевешиванием останков князя Матвея Петровича на цепь, но и самостоятельно предпринял дополнительные меры по наилучшему их

¹⁶⁰ О склонности Петра I запрещать в качестве дополнительной санкции погребать тела казненных подробнее см.: Серов Д.О. Петр I как судебный деятель // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1. С. 32–33. Впрочем, первый российский император отнюдь не явился новатором в применении отмеченной санкции. О сложившейся в XVII в. (и протянувшейся через весь XVIII в.) отечественной традиции факультативного незахоронения тел (или частей тел) осужденных см.: Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 584–588.

¹⁶¹ Об этой канцелярии и ее руководителе подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: И.И. Дмитриев-Мамонов // Российский следователь. 2016. № 12. С. 50–56.

¹⁶² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1451. Кн. 16. Л. 97.

сохранению. Согласно доношению капитан-поручика, «оного Гагарина тело с виселицы снято и повешено на железной чепи на поставленной на том же месте другой виселице. А она [прежняя] по осмотру была зело гнила и худа, того ради я ее приказал срубить»¹⁶³.

Кто же такой был гвардии капитан-поручик И.И. Бахметев? И почему выполнение столь деликатного государева указа оказалось поручено именно ему?

Иван Иванович Бахметев¹⁶⁴ принадлежал к незнатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался татарский мурза Аслан-Бахмет (Аслам Бахмет), выехавший во второй трети XV в. на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу и принявший православие под именем Иеремии¹⁶⁵. На протяжении веков род Бахметевых изрядно разветвился. Достаточно сказать, что только в состав «царедворцев» (верхушки тогдашнего дворянства) в XVII в. входил 21 представитель рода¹⁶⁶.

Исходя из поколенной росписи рода Бахметевых¹⁶⁷, Ивана Ивановича следует полагать сыном Ивана Ефремовича Бахметева, проведенного на службе более 50 (!) лет. Успевший принять участие еще в подавлении восстания С.Т. Разина в 1670–1671 гг., И.Е. Бахметев командовал впоследствии иррегулярными формированиями калмыков и башкир в крымских и азовских походах, в начальных кампаниях Великой

¹⁶³ Там же. Л. 99.

¹⁶⁴ В документах первой половины XVIII в. фамилия «Бахметев» писалась также как «Бахметьев» и «Бахмеотов». Иван Иванович упоминался неизменно как «Бахметев», и именно так он расписывался.

¹⁶⁵ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 270.

¹⁶⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 21.

¹⁶⁷ Долгоруков П.В. Указ. соч. С. 271.

Северной войны и в Кубанском походе 1711 г. Затем Иван Ефремович трудился на руководящих административных должностях в Поволжье и Башкирии: был саратовским комендантом (в 1713–1714 гг.), уфимским обер-комендантом (в 1714–1719 гг.) и, наконец, воеводой Уфимской провинции (в 1719–1722 гг.)¹⁶⁸.

Относительно времени рождения И.И. Бахметева существуют два взаимопротиворечивых документальных свидетельства. Согласно надгробной надписи, Иван Иванович родился в июне 1683 г.¹⁶⁹ В свою очередь, сам Иван Иванович указал в декабре 1754 г., что «от роду мне ныне семдесятой год»¹⁷⁰ (т.е. в этом случае годом его рождения следует полагать 1684 г.).

Однако, в каком бы году в точности ни родился Иван Бахметев, о его детстве и юности почти ничего не известно. Удалось лишь установить, что, в отличие от своих старших родственников, Иван Иванович не сумел попасть в ряды «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»¹⁷¹.

Благодаря сохранившемуся до наших дней архивному документу, содержащему запись устных показаний И.И. Бахметева от 23 декабря 1754 г. о прохождении им государственной службы (в правовой терминологии XVII–XVIII вв. такие за-

¹⁶⁸ Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 72–74. Сходным образом развивалась карьера и брата И.Е. Бахметева — Дмитрия Ефремовича. В частности, именно Д.Е. Бахметев сменил брата в должности коменданта Саратова, на которой он пробыл до 1721 г. (Там же). Примечательно, что одна из улиц исторической части Саратова до сих пор именуется Бахметьевской.

¹⁶⁹ Надгробная летопись Москвы / сост. А.А. Мартынов // Русский архив. 1895. Т. 2. № 7. С. 385.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 286. Кн. 439. Л. 101 об.

¹⁷¹ См. публикацию последнего списка «царедворцев» (по состоянию на 1712 г.): Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112.

писи назывались «сказками»), известно, что он был призван в армию в декабре 1703 г., явившись на смотр молодых дворян в село Преображенское — подмосковную резиденцию Петра I. Насколько возможно понять из «сказки» Ивана Ивановича, именно будущий император определил его рядовым в гвардии Семеновский полк¹⁷². И очень скоро солдат Иван Бахметев оказался в самом пекле Великой Северной войны.

Как полвека спустя повествовал Иван Иванович, «в 704-м году при оном полку [Семеновском] был при отаке и взятъе и на штурме города Нарвы. В 705-м году в Литве, в Курляндии и при отаке, взятъе города Нитава [Митава]¹⁷³. В 706-м году в Гродне в осаде, в 707-м году на Вальне [Волыни]. В 708-м году в Литве, где пожалован сержантом, и был в разных партиях¹⁷⁴. В том же 708-м году в августе был на акцы[и] под Добрым¹⁷⁵. В том же 708-м году в сентябре на Левенгопской батали[и]¹⁷⁶, где дважды и ранен¹⁷⁷. И в том же году, по имянному... указу, пожалован в тот же полк прапорщиком»¹⁷⁸.

¹⁷² РГАДА. Ф. 286. Кн. 439. Л. 97.

¹⁷³ Ныне Елгава (*Jelgava*) — город республиканского подчинения Латвийской Республики.

¹⁷⁴ То есть в разведывательных поисках.

¹⁷⁵ Имеется в виду сражение 30 августа 1708 г. с авангардом главных сил шведской армии у села Доброе близ местечка Молятичи (ныне *Маляцічы* — агрогородок в составе Молятичского сельсовета Кричевского района Могилевской области Республики Беларусь).

¹⁷⁶ Имеется в виду сражение 28 сентября 1708 г. со шведским корпусом генерала А.-Л. Левенгаупта при деревне Лесной (ныне *Лясная* — агрогородок в составе Лопатицкого сельсовета Могилевской области Республики Беларусь).

¹⁷⁷ В битве при Лесной Семеновский полк понес самые значительные боевые потери за все кампании XVIII–XIX вв.: из 1200 семеновцев, принявших участие в сражении, 144 были убиты и 690 ранены (Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / сост. А.В. Павлов, Н.К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 37).

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 286. Кн. 439. Л. 97.

Далее гвардии прапорщик Иван Бахметев принял участие в Полтавской битве, в осаде и взятии Выборга, в драматическом Прутском походе 1711 г. После выхода российской группировки из «прутского котла» И.И. Бахметев был произведен в подпоручики, а в 1712 г. — в поручики.

В последующее пятилетие И.И. Бахметеву довелось вновь в рядах Семеновского полка ежегодно участвовать в боевых действиях. С 1714 г. основная часть полка (в составе которой был и Иван Бахметев) стала регулярно направляться для несения боевой службы на галерах Балтийского флота (т.е., по существу семеновцы оказались временно превращены в морскую пехоту). В частности, находясь на галере, Иван Иванович принял участие в морском сражении в Рилакс-фиорде у полуострова Гангут¹⁷⁹ 27 июля 1714 г.¹⁸⁰

В сентябре 1717 г. после двухлетней зарубежной кампании галерная флотилия возвратилась в Ревель¹⁸¹, высадив гвардейцев на берег. 27 октября 1717 г. частично переформированные подразделения Семеновского полка двинулись на зимние квартиры в Псков¹⁸². Однако добраться до Пскова Ивану Бахметеву оказалось не суждено.

11 ноября 1717 г. состоявший при Петре I генерал-лейтенант князь В.В. Долгоруков направил командиру Семеновского полка князю П.М. Голицыну царский указ о его немедленном прибытии в Санкт-Петербург. Вместе с полковым

¹⁷⁹ Ныне Ханко (фин. *Hankoniemi*) на юго-западном побережье современной Финляндии.

¹⁸⁰ Согласно ст. 1 Федерального закона от 13 марта 1995 г. № 32–ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», дата Гангутского сражения (9 августа по новому стилю) внесена в число дней воинской славы России (СЗ РФ. 1995. № 11. Ст. 943).

¹⁸¹ Ныне Таллин (*Tallinn*) — столица Эстонской Республики.

¹⁸² Дишин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 134.

командиром в новую столицу предписывалось командировать еще семерых офицеров-семеновцев, среди которых значился и «порутчик Иван Бахметев»¹⁸³.

Внешне ординарный вызов в Санкт-Петербург явился прологом к изрядным переменам в жизни упомянутых в письме гвардейцев. Для начала собранные гвардейцы (помимо семеновцев, туда были направлены еще восемь офицеров Преображенского полка¹⁸⁴), по всей очевидности, образовали собой военно-судебное присутствие, перед которым предстал глава первой следственной канцелярии России майор Семеновского полка князь М.И. Волконский¹⁸⁵, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы. Однако, вызывая в столицу группу лично известных ему «от гвардии штап- и обор-афицеров», Петр I не собирался ограничиваться проведением судебного процесса над Михаилом Волконским.

Дело в том, что в это время будущий император приступил к выработке проекта о реорганизации специализированных органов следствия. Вместо учреждавшихся до этого для расследования особо важных уголовных дел взаимоизолированных следственных канцелярий, организация и функционирование которых никак не регулировалась нормативно (первой из них была канцелярия под руководством М.И. Волконского, основанная в июле 1713 г.), Петр I решил создать целостную систему идентично устроенных канцелярий, нормативной основой для деятельности которых должен был стать особый типовой «Наказ».

¹⁸³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь М.И. Волконский // Российский следователь. 2016. № 4. С. 50–55.

По всей вероятности, в конце ноября — начале декабря 1717 г. царь параллельно подготовил два ключевых документа: предварительную роспись следственного состава задуманных новых следственных канцелярий (с реестром подлежащих расследованию резонансных уголовных дел)¹⁸⁶ и черновой проект типового «Наказа» их руководителям¹⁸⁷. Объявление об учреждении новых семи канцелярий (вскоре названных царем «майорскими») и обнародование «Наказа» состоялись в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 г. — в день публичной казни Михаила Волконского, приговоренного военным судом к расстрелу.

Что касается гвардии поручика И.И. Бахметева, то он изначально оказался определен «ассессором» (членом коллегияльного следственного присутствия) в канцелярию, руководителем («презусом») которой стал майор Семеновского полка И.И. Дмитриев-Мамонов. Эта канцелярия получила в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении сенатора князя Я.Ф. Долгорукова, сенатора П.М. Апраксина, главы Мундирной канцелярии М.А. Головина и сибирского губернатора князя М.П. Гагарина.

Помимо Ивана Бахметева, ассессорами в канцелярию Ивана Дмитриева-Мамонова были определены капитан Семеновского полка И.М. Лихарев¹⁸⁸ и капитан-поручик Преображенского полка Е.И. Пашков¹⁸⁹. В 1718 г. ассессором канцелярии

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167–167 об.

¹⁸⁷ Там же. Кн. 58. Л. 626–628.

¹⁸⁸ О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: И.М. Лихарев // Российский следователь. 2016. № 14. С. 51–56.

¹⁸⁹ О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: Е.И. Пашков // Российский следователь. 2016. № 7. С. 49–55.

был дополнительно определен капитан-поручик Семеновского полка А.Г. Шамордин. Таким образом, попав в следственную канцелярию, Иван Иванович оказался в привычной ему среде давних сослуживцев-семеновцев.

В полной мере представить следственную деятельность И.И. Бахметева к настоящему времени не представилось возможным. С одной стороны, как известно, архив канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова сгорел в пожаре в московском Кремле 29 мая 1737 г. С другой стороны, сам Иван Иванович, повествуя об этих событиях в декабре 1754 г., ограничился лаконичной фразой, что «по имянному... указу, определен к следственным делам в канцелярию с мазором Дмитриевым-Мамоновым»¹⁹⁰.

Вместе с тем известно, что крупнейшим из уголовных дел, находившихся в производстве канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова, было так называемое сибирское, фигурантом которого, помимо М.П. Гагарина, стала большая группа сибирских администраторов. Неслучайно уже в 1719 г. в правительственном делопроизводстве канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией».

В числе иных гвардейских офицеров И.И. Бахметев был включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрекшегося от прав на престол царевича Алексея Петровича, обвиненного в заговоре против Петра I. Как известно, в ходе единственного формального заседания, состоявшегося 24 июля 1718 г., суд приговорил царевича к смертной казни¹⁹¹.

Следует отметить, что работа в следственной канцелярии отнюдь не освободила И.И. Бахметева (как и других

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 286. Кн. 439. Л. 97 об.—98.

¹⁹¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536. Подпись И.И. Бахметева стоит на приговоре 85-й по счету.

ассессоров и презусов) ни от прежних строевых обязанностей, ни от участия в боевых действиях. В 1718 г. и 1721 г. Ивану Ивановичу довелось принять участие в последних за Великую Северную войну «походах на галерах» — в десантных операциях непосредственно на побережье Швеции. За эти годы он успешно продвинулся в чинах: в 1719 г. стал капитан-поручиком, а 1 января 1721 г. — капитаном, командиром 4-й роты Семеновского полка¹⁹².

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что И.И. Бахметев внес свой посильный вклад в расследование «сибирского дела», своеобразным эпилогом чего стало описанное выше исполнение им в ноябре 1721 г. именного указа о перевешивании на цепь останков казненного Матвея Гагарина¹⁹³. Работа в следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова завершилась для Ивана Бахметева почти за год до ее ликвидации. Судя по всему, последним документом, подписанным И.И. Бахметевым в качестве ассессора, явилось распоряжение следственной канцелярии от 1 января 1723 г. о повышении чином младшего канцелярского служащего В. Правдина¹⁹⁴. Однако место ассессора следственной канцелярии Иван Бахметев сменил первоначально на иную следственную должность.

В начале января 1723 г., вернувшись в Москву из Персидского похода, Петр I занялся подготовкой судебно-

¹⁹² РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 20.

¹⁹³ Примечательно, что всего двумя месяцами ранее, в сентябре 1721 г., были взяты под стражу и отправлены в Санкт-Петербург родной дядя И.И. Бахметева, упоминавшийся саратовский комендант Дмитрий Ефремович, и его сын майор И.Д. Бахметев, обвиненные губернатором А.П. Вольнским в «многих воровствах» (Максимов Е.К., Мезин С.А. Указ. соч. С. 75–77). Несмотря на то что Д.Е. и И.Д. Бахметевы были приговорены к выплате значительного штрафа, эта история никак не повлияла на карьеру И.И. Бахметева.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 119.

го разбирательства обвинений, выдвинутых друг против друга обер-прокурором Сената генерал-майором Г.Г. Скорняковым-Писаревым¹⁹⁵ и вице-президентом Коллегии иностранных дел сенатором бароном П.П. Шафировым. В рамках этой подготовки император запросил список гвардейских офицеров, находившихся в тот момент в бывшей столице, предполагая выбрать из них судей для будущего специального судебного присутствия. На представленном 8 января 1723 г. списке Петр I собственноручно отметил семь фамилий, включая И.И. Бахметева¹⁹⁶.

И хотя в составе судебного присутствия, сформированного 9 января 1723 г., Ивана Ивановича не оказалось (как и отмеченного в том же списке И.Е. Пашкова)¹⁹⁷, очень скоро он оказался привлечен к его деятельности. 17 января 1723 г. император распорядился назначить гвардии капитанов И.И. Бахметева и А.Г. Шамордина «особливыми асесорами» для расследования выделенного в отдельное производство дела «о росходе парижемском»¹⁹⁸, по которому П.П. Шафиров обвинялся в хищении казенной валюты в период сопровождения царя в зарубежном путешествии 1716–1717 гг. Иными словами, Иван Бахметев был назначен следователем судебного присутствия (очень скоро преобразованного в постоянно функционирующий Вышний суд).

Оказавшийся в январе 1723 г. в статусе подсудимого барон Петр Шафиров (1673–1739) явился неоспоримо одним из наиболее выдающихся сподвижников царя и императора Петра I. Сын холопа, Петр Павлович, начав трудовой путь

¹⁹⁵ О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: Г.Г. Скорняков-Писарев // Российский следователь. 2016. № 6. С. 51–56.

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 349.

¹⁹⁷ Там же. Л. 351–351 об.

¹⁹⁸ Там же. Ф. 248. Кн. 300. Л. 58.

со скромной должности переводчика, сумел стать одним из руководителей дипломатического ведомства России. Именно П.П. Шафиров сыграл ключевую роль в заключении 12 июля 1711 г. Прутского мирного договора с Турцией, благодаря которому российская армия сумела благополучно эвакуироваться из уже упоминавшегося опаснейшего «прутского котла», в котором рисковал сложить голову в том числе гвардии прапорщик И.И. Бахметев.

Однако все заслуги Петра Шафирова никак не отменяли серьезных подозрений в совершении им череды криминальных деяний. Сложность предстоящего Ивану Бахметеву и Аврааму Шамордину расследования заключалась в том, что по делу отсутствовали какие-либо улики, в частности соответствующие приходо-расходные документы. Поэтому неудивительно, что когда обвинение П.П. Шафирова в казнокрадстве, которое выдвинул секретарь Федор Протопопов, разбиралось Юстиц-коллегией, то дело закончилось тем, что секретарь был в декабре 1720 г. осужден к пожизненной ссылке на галеры — за «неправый донос» на барона Петра Павловича¹⁹⁹. В довершение всего 15 января 1723 г. П.П. Шафиров подал императору повинную челобитную, в которой, признав два эпизода выдвинутых против него обвинений, ни словом не упомянул о хищении казенной валюты²⁰⁰.

Как бы то ни было, 13 февраля 1723 г. Вышний суд, сочтя доказанными два эпизода превышения П.П. Шафирова должностных полномочий и эпизод служебного подлога, приговорил его к лишению чинов, орденов, конфискации имуще-

¹⁹⁹ Там же. Кн. 1277. Л. 113 об. Поскольку Ф. Протопопов стал незамедлительно добиваться пересмотра дела в Правительствующем Сенате, к январю 1723 г. приговор еще не был приведен в исполнение.

²⁰⁰ Там же. Кн. 300. Л. 116.

ства и смертной казни²⁰¹. Приведение приговора в исполнение было назначено на 15 февраля 1723 г., местом публичной «экзекуции» была определена площадь у здания Московской канторы Сената в Кремле²⁰². Завершение судебного процесса привело, однако, к неожиданному повороту в деле о «парижском расходе». Вечером 14 февраля 1723 г. осужденный Петр Шафиров, попросив доставить его на допрос к И.И. Бахметеву и А.Г. Шамордину, признался в присвоении «по слабости своей» казенных валютных средств в сумме 2475 ливров и 63 золотых²⁰³.

При всей конечной неясности мотивов, побудивших Петра Павловича к запоздалому чистосердечному признанию²⁰⁴, картина с эпизодом хищения казны вполне прояснилась. Прояснилась также и причина отсутствия соответствующих финансовых документов: П.П. Шафиров поведал Ивану Бахметеву и Аврааму Шамордину, что отследил передвижение по почте пакета со своими расписками в приеме казенных денег. Приказав затем почтмейстеру доставить пакет к себе на дом, вице-президент Коллегии иностранных дел Петр Шафиров собственноручно распорол его, извлек и сжег расписки, а затем, зашив, отправил обратно к почтмейстеру²⁰⁵.

²⁰¹ Там же. Л. 263–266.

²⁰² Там же. Л. 267.

²⁰³ Там же. Л. 278–278 об.

²⁰⁴ Знакомившийся с материалами судного дела П.П. Шафирова и Г.Г. Скорнякова-Писарева в конце 1850-х гг. (и опубликовавший их в виде детального пересказа) управляющий Московским архивом Министерства юстиции действительный статский советник П.И. Иванов предположил, что Петр Шафиров признался в эпизоде, не вошедшем в приговор, «готовясь предстать пред суд более страшного Судьи», т.е. по религиозным мотивам (Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым / публ. П.И. Иванова // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 61).

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 280 об.

Следователем, а затем и судьей Вышнего суда гвардии капитан И.И. Бахметев проработал до 1725 г., почти до времени его закрытия. Остается добавить, что дело о «неправой записке парижского росходу» так и не дошло до приговора. Числившееся в производстве Вышнего суда это дело было при ликвидации суда в марте 1726 г. отослано в Сенат²⁰⁶, где о нем окончательно забыли. Что касается П.П. Шафирова, то, будучи помилован Петром I в целях прояснения иных его криминальных деяний, он был освобожден из-под стражи сразу после смерти первого российского императора указом Екатерины I от 30 января 1725 г.²⁰⁷

А Ивана Бахметева впереди ожидала еще долгая и успешная военная и правительственная карьера. В 1726 г. он расстался с Семеновским полком, став «полевым» полковником, командиром Астраханского пехотного полка. В январе 1733 г. был произведен в генерал-майоры²⁰⁸. В 1734–1735 гг. участвовал в боевых действиях в Польше в поддержку российского ставленника Августа III, затем в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. При штурме крепости Очаков²⁰⁹ в июле 1737 г. генерал-майор И.И. Бахметев получил два ранения, а затем был назначен обер-комендантом захваченной крепости.

2 марта 1740 г. Иван Иванович был назначен сенатором²¹⁰, в ноябре 1740 г. произведен в генерал-лейтенанты, а 14 августа 1741 г. пожалован в кавалеры ордена св. Александра

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 686. Л. 215.

²⁰⁷ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 412.

²⁰⁸ Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 42.

²⁰⁹ Ныне *Очаків* — административный центр одноименного района Николаевской области Украины.

²¹⁰ Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: материалы для биографий / сост. Н.А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 40.

Невского²¹¹. Успел поучаствовать в боевых действиях в Финляндии в русско-шведскую войну 1741–1743 гг.

Окончательный переход Ивана Ивановича на государственную гражданскую службу состоялся 3 сентября 1753 г., когда императрица Елизавета Петровна произвела его в действительные тайные советники (II класс Табели о рангах соответствовал генерал-аншефу в армии). Двух сыновей-погодков — Николая (1730 г.р.) и Григория (1731 г.р.) Иван Бахметев отдал в 1752 г. в службу в «родной» Семеновский полк²¹².

Ветеран четырех войн, сенатор и кавалер И.И. Бахметев скончался в Москве 2 октября 1760 г., пробыв на государственной службе 57 лет. Однако с погребением Ивана Ивановича возникла несколько загадочная ситуация. Дело в том, что родовым местом захоронения Бахметевых являлось кладбище Донского монастыря²¹³. Однако 5 октября 1760 г. Иван Бахметев был торжественно, с воинскими почестями, погребен не на монастырском кладбище, а в церкви Флора и Лавра близ Мясницких ворот²¹⁴.

В подобной ситуации представляется возможным лишь предположить, что отмеченное место упокоения было избрано самим Иваном Ивановичем в связи с тем, что именно в церкви Флора и Лавра были похоронены И.И. Дмитриев-Мамонов

²¹¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 190.

²¹² РГАДА. Ф. 289. Кн. 439. Л. 101 об. ; Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. Приложения. С. 38.

²¹³ Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря, М., 1865. С. 82. В начале XX в. на монастырском кладбище сохранялись могилы 14 представителей фамилии Бахметевых, погребенных в XVIII–XIX вв. (Московский некрополь / сост. В.И. Сaitов. СПб., 1907. Т. 1. С. 87–88).

²¹⁴ Надгробная летопись Москвы. С. 385. Из числа Бахметевых в церкви Флора и Лавра впоследствии была захоронена лишь дочь Ивана Ивановича Наталья, скончавшаяся в мае 1768 г. в возрасте 33 лет (Там же).

и его младший брат гвардии капитан Иван Ильич²¹⁵ — многолетние сослуживцы Ивана Бахметева по Семеновскому полку и, возможно, дружески близкие ему люди. Достигший возраста 77 (или 76) лет Иван Бахметев был, по всей вероятности, последним ушедшим из жизни следователем «майорских» канцелярий Петра I.

В 1934 г. при прокладке Сокольнической линии Московского метрополитена церковь Флора и Лавра была снесена, а находившиеся в ней захоронения уничтожены. В настоящее время на месте церкви находится заасфальтированная площадка, примыкающая к станции метро «Чистые пруды».

§ 5. Гвардии капитан Г.А. Урусов*

В пасмурный дождливый день 8 сентября 1727 г. в Санкт-Петербурге 12-летний император Петр II предписал уволить от всех должностей и взять под арест генералиссимуса светлейшего князя А.Д. Меншикова²¹⁶, фактически управлявшего на тот момент Российской империей. Ситуация с отстранением от власти «полудержавного властелина» могла обернуться самым непредсказуемым образом: Александр Меншиков, располагавший огромной властью и имевший в личном подчинении воинские части, имел вполне реальную возможность предпринять встречные действия и в одночасье осуществить дворцовый переворот.

²¹⁵ Там же. С. 384–385.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь Г.А. Урусов // Российский следователь. 2017. № 9. С. 50–56.

²¹⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 270.

В этой шаткой обстановке одной из весьма логичных мер явилась незамедлительная смена командования столичного гарнизона. 9 сентября 1727 г. параллельно с изданием именного указа о лишении А.Д. Меншикова чинов, орденов и ссылке его в Раненбург император распорядился отстранить от должности Санкт-Петербургского обер-коменданта генерал-майора Ю.И. Фаминцына. Вместо него на должность коменданта временно определялся князь Григорий Урусов²¹⁷.

Учитывая, что на тот момент Г.А. Урусов имел чин гвардии капитана, подобный высочайший кадровый выбор мог показаться неожиданным. Однако таковым это назначение было только на первый взгляд. Дело в том, что, в отличие от большинства гвардейских офицеров, князь Григорий Алексеевич имел в прошлом опыт взаимоотношений с Александром Меншиковым не как с могущественным покровителем («патроном», как тогда говорили), а как с подследственным.

Будущий Санкт-Петербургский комендант являлся выходцем из знатной фамилии, имевшей татарское происхождение и восходящей к эмиру Едигею-Мангиту (ум. в 1419 г.), первому правителю Ногайской орды. Фамилия «Урусовы» пошла от одного из предков 6-го колена рода, который прозывался Урус-мурза²¹⁸. К XVII в. род прочно утвердился в российской правящей элите: достаточно сказать, что трое его представителей (князья Н.С., П.С. и Ф.С. Урусовы) сумели дослужиться до высшего чина боярина²¹⁹. Известно, что в придворной борьбе, разыгравшейся в России в 1680-х гг., после смерти бездетного царя Федора Алексеевича, князья Урусовы

²¹⁷ Там же. С. 271–272.

²¹⁸ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. С. 26–28.

²¹⁹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 427.

явились сторонниками царевича Петра Алексеевича и его матери царицы Натальи Кирилловны.

Григорий Урусов был одним из трех сыновей князя Алексея Никитича Урусова. По свидетельству И.А. Желябужского, в 1694 г. Алексей Урусов являлся капитаном гвардии Преображенского полка и принимал участие в знаменитом Кожуховском походе²²⁰ — первых в истории российской армии масштабных военных учениях, максимально приближенных к боевым. Однако каких-либо иных сведений о службе Алексея Никитича в гвардии выявить к настоящему времени не удалось.

Обстоятельства первых десятилетий жизни Григория Урусова поныне сокрыты мраком. В частности, не удалось установить точную дату его рождения²²¹. Возможно лишь констатировать, что Григорий Алексеевич не сумел попасть в число «царедворцев» (верхушки тогдашнего дворянства), не получив даже низшего чина «жильца»²²². Кроме того, не вызывает сомнений, что, в отличие от братьев Василия и Ивана, Г.А. Урусов не проходил обучения за рубежом²²³.

²²⁰ Желябужский И.А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / сост. А.П. Богданов. М., 1990. С. 219.

²²¹ Ряд авторов указали в качестве даты рождения Г.А. Урусова 1680 г. Однако эта дата не имеет какого-либо документального подтверждения.

²²² См. публикацию последнего списка «царедворцев» (по состоянию на 1712 г.): Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112.

²²³ Оба брата Григория Алексеевича (младшие его по возрасту и, возможно, являвшиеся близнецами) связали жизнь с военно-морским флотом. Василий и Иван Урусовы были в 1708 г. направлены для обучения морскому делу в Голландию, проходили стажировку на английском и датском флотах. В Россию оба вернулись в 1716 г. Князь Василий Алексеевич длительное время служил на Каспийском море, картографировал его восточный берег. В качестве командира группировки вспомогательных судов участвовал в Персидском походе 1722–1723 гг., а в 1724–1729 гг. возглавлял Астраханскую контору

Первое из обнаруженных достоверных упоминаний о князе Григории Алексеевиче относится к марту 1701 г., когда он выступил одним из свидетелей заключения «сговорной» (архаичной формы брачного договора) между П.П. Бутурлиным и «девицей» Е.И. Савостьяновой²²⁴. Что касается военной службы, то ее Григорий Урусов начал в 1704 г. солдатом в Преображенском полку²²⁵. Отмеченная дата была отнюдь не случайной.

Как вспоминал на склоне лет гвардии подполковник и действительный тайный советник князь Б.И. Куракин, именно в 1704 г. «разбирал его величество недорослей знатных самых персон, которых выбрали пятьсот или шестьсот человек, и написаны в солдаты в Преображенской полк и Семеновской... князя Голицыны, кн[язя] Черкасские, кн[язя] Хованские... также иные фамилий знатных, как Урусовых, из которых одного под Нарвою убили»²²⁶.

Адмиралтейской коллегии. В ноябре 1727 г. произведен в капитаны 2-го ранга. Впоследствии занимал должности главы Московской конторы Адмиралтейской коллегии, советника Адмиралтейской коллегии. В июне 1739 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен главой Оренбургской экспедиции. Умер в июле 1741 г. Князь Иван Алексеевич служил преимущественно на Балтийском флоте, на котором командовал фрегатом. Параллельно с братом участвовал в морской кампании на Каспии в период Персидского похода 1722–1723 гг. В августе 1727 г. уволен с флота по состоянию здоровья с чином капитана 3-го ранга. В 1732–1735 гг. состоял в должности воеводы Свияжской провинции. См.: Общий морской список / сост. Ф.Ф. Веселаго. СПб., 1885. Ч. 1. С. 382–383 ; Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 94. С. 105–106.

²²⁴ Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / сост. Н.В. Козлова, А.Ю. Прокофьева. М., 2015. С. 386.

²²⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1891. Т. 79. С. 16.

²²⁶ Архив кн. Ф.А. Куракина / под ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1. С. 269.

Кто именно из князей Урусовых погиб при штурме Нарвы в том же 1704 г., выяснить на сегодняшний день не удалось. Известно, однако, что в Преображенском полку много лет прослужил князь Семен Никитич Урусов (по всей вероятности, дядя Григория Алексеевича), начавший военную карьеру еще в Преображенской потешной роте в 1689 г.²²⁷ Как явствует из материалов полкового архива, в феврале 1713 г. гвардии капитан Семен Урусов из командиров 11-й роты Преображенского полка был переведен на ту же должность в 4-ю роту²²⁸.

Служба у Григория Алексеевича ладилась. В 1707 г. гвардии рядовой князь Григорий Урусов был произведен в прапорщики с переводом из 16-й роты Преображенского полка в 13-ю²²⁹. В качестве прапорщика 13-й роты князь Г.А. Урусов оказался упомянут и в списке офицеров полка за 1709 г.²³⁰ В мае 1714 г. ставший к тому времени капитан-поручиком Григорий Урусов был произведен в капитаны и назначен командиром «родной» 13-й роты Преображенского полка. Через год, в мае 1715 г., князь Григорий Алексеевич был переведен на должность командира 4-й роты все того же Преображенского полка²³¹.

Вместе с тем каких-либо подробностей служебно-боевой деятельности Григория Алексеевича выяснить на сегодняшний день не удалось. С уверенностью возможно лишь предположить, что за долгие годы военной службы он не получил ни единого ранения.

²²⁷ История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 гг. / сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. Т. 4: Приложения. С. 224.

²²⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 51. Л. 127.

²²⁹ История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1904. С. 196.

²³⁰ Там же. С. 36.

²³¹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 145.

Жизнь Г.А. Урусова как строевого офицера изменилась на исходе 1717 г., когда он оказался привлечен к работе в одной из новоучрежденных следственных канцелярий. Обстоятельства перехода князя Григория Алексеевича на следственное поприще были, однако, не вполне ординарны.

Дело в том, что имя Григория Урусова отсутствовало в списке восьми офицеров Преображенского полка, которых было приказано откомандировать в Санкт-Петербург распоряжением Петра I от 11 ноября 1717 г.²³² Как возможно сделать вывод из последующих событий, именно эти офицеры (вместе с одновременно направленными в столицу семью офицерами гвардии Семеновского полка) образовали собой военно-судебное присутствие («кригсрехт»), перед которым предстал глава первой следственной канцелярии России гвардии майор князь М.И. Волконский²³³, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы. Этот суд приговорил бывшего следователя к смертной казни.

Как известно, 9 декабря 1717 г. князь Михаил Волконский был публично расстрелян на Троицкой площади Санкт-Петербурга. В тот же день Петр I учредил сразу шесть следственных канцелярий (которые вскоре получили наименование «майорских»)²³⁴, назначив «презусов» (руководителей) и «ассессоров» (младших участников следственного производства) из числа откомандированных в столицу и осудивших М.И. Волконского гвардейских офицеров. Между тем, хотя Г.А. Урусов не был в ноябре 1717 г. вызван в Санкт-Петербург (и, соответственно, не участвовал в суде над Михаилом

²³² Там же. № 24. Л. 276 об.

²³³ О нем см. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь М.И. Волконский // Российский следователь. 2016. № 4. С. 50–55.

²³⁴ Об этих канцеляриях см. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. М., 2015. С. 34–52.

Волконским), царь вписал его имя в предварительный список следователей проектируемых канцелярий, составленный в начале декабря²³⁵.

Что бы там ни было, в столь насыщенный событиями день 9 декабря 1717 г. генерал-лейтенант князь В.В. Долгоруков направил находившемуся в Москве Григорию Урусову «ордир» (приказ) следующего содержания: «Ц[арское] в[еличество] указал тебе здесь в Санкт-П[итер]б[урхе] быть для розыскных дел. Того ради по получении сего, оставя все свои нужды, приезжайте, как наискоряе, сюда...»²³⁶.

Гвардии капитан Г.А. Урусов стал ассессором следственной канцелярии, которую возглавил командир Семеновского полка гвардии подполковник князь П.М. Голицын²³⁷. Самым значимым уголовным делом, попавшим в производство этой канцелярии, стало дело в отношении Санкт-петербургского генерал-губернатора, президента Военной коллегии и сенатора, генерал-фельдмаршала светлейшего князя А.Д. Меншикова. Он обвинялся в организации фальшивых подрядов, казнокрадстве, финансовых махинациях. Уголовное дело Александра Меншикова канцелярия Петра Голицына получила «в наследство» от следственной канцелярии князя В.В. Долгорукова, которая расследовала махинации светлейшего князя с 1714 г. и прекратила существование в декабре 1717 г.²³⁸

²³⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

²³⁶ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 24. Л. 299.

²³⁷ О П.М. Голицыне и его канцелярии см. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь П.М. Голицын // Российский следователь. 2016. № 21. С. 45–50.

²³⁸ О В.В. Долгорукове и его канцелярии см. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь В.В. Долгоруков // Российский следователь. 2016. № 13. С. 49–55.

Известно, что ущерб, нанесенный А.Д. Меншиковым казне, составил, по версии канцелярии Василия Долгорукова, астрономическую сумму в 1018 237 рублей²³⁹ (примерно 1/8 тогдашнего государственного бюджета России). Светлейший князь отмеченную сумму оспаривал, доказывая, что он не только не расхищал казенные средства, а, наоборот, сам израсходовал на казенные нужды 147 155 рублей личных средств²⁴⁰. Весь клубок многолетних непрозрачных финансовых отношений А.Д. Меншикова с казной (образовавших так называемое счетное дело светлейшего) предстояло распутывать следственной канцелярии князя Петра Голицына.

Можно полагать, что определение Григория Урусова именно в канцелярию П.М. Голицына было обусловлено желанием Петра I сохранить «жесткий» подход к расследованию злоупотреблений Александра Меншикова, который был свойственен канцелярии В.В. Долгорукова, соперничавшего с «полудержавным властелином» за близость к главе государства. Григорий Урусов не только долгое время служил в Преображенском полку под командованием В.В. Долгорукова, но и состоял в родстве с разветвленным родом Долгоруковых по матери, Василисе Петровне Долгоруковой. Кроме того, родной брат князь Василий был женат на княжне Прасковье Петровне Долгоруковой.

В соперничестве между Александром Меншиковым и Василием Долгоруковым Г.А. Урусов был явно на стороне последнего. Известно, что в 1715 г. Григорий Алексеевич предупредил В.В. Долгорукова, что А.Д. Меншиков специально направил офицера разузнать про «обиды и взятки» со стороны Василия Долгорукова, якобы допущенные им в Польше,

²³⁹ Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984. С. 99.

²⁴⁰ Там же. С. 100.

когда он командовал расквартированными там русскими войсками²⁴¹.

О том, что князя Григория Алексеевича связывали с князем Василием Владимировичем достаточно тесные личные отношения, свидетельствует и постскрипtum, внесенный В.В. Долгоруковым в упоминавшийся выше приказ от 9 декабря 1717 г., адресованный Григорию Урусову. В этом постскриптуме генерал-лейтенант Василий Долгоруков сугубо неформально (хотя и весьма туманно) предупреждал капитана Г.А. Урусова: «Не наведи на нас слова, и сам[ом]у б тебе не пострадать...»²⁴².

Одновременно с началом работы в следственной канцелярии Петра Голицына Г.А. Урусову довелось оказаться в числе судей на процессе царевича Алексея Петровича. Как и большинство гвардейских офицеров, князь Григорий Алексеевич был включен в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 г. Алексея Петровича к смертной казни²⁴³.

При всем том, что конкретных сведений о деятельности Г.А. Урусова в качестве следователя выявить к настоящему времени не удалось, представляется очевидным, что эта деятельность вызвала одобрение со стороны Петра I. Дело в том, что после скоропостижной кончины П.М. Голицына (последовавшей в январе 1722 г.) презусом канцелярии император назначил именно князя Григория Алексеевича. Следственной канцелярией Г.А. Урусов руководил до декабря 1723 г., когда

²⁴¹ Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725): пер. с англ. СПб., 2008. С. 338.

²⁴² РГВИА, Ф. 2583. Оп. 1. № 24. Л. 299 об.

²⁴³ См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536. Подпись гвардии капитана Григория Урусова стоит на приговоре 58-й по счету.

последовало закрытие всех «майорских» канцелярий. Основным делом, которым занималась канцелярия Григория Урусова, явилось отмеченное выше «счетное дело» А.Д. Меншикова²⁴⁴.

Поскольку материалы «счетного дела» не введены к настоящему времени в научный оборот (по всей вероятности, они не сохранились), оценить итоги работы следственной канцелярии Г.А. Урусова не представляется возможным. Как бы то ни было, сам светлейший князь А.Д. Меншиков воспринимал «счетное дело», судя по всему, как весомую угрозу для своей персоны. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Александра Меншикова от 4 апреля 1724 г. к Екатерине — супруге Петра I, которая не раз выступала в качестве заступницы Александра Даниловича перед мужем²⁴⁵, в котором он писал: «Всемиловнейше просил я у его императорского величества во всех моих винах... прощения, с которого прилагаю для известия вашему величеству копию и притом всенижайшее прошу вашего матернего всемиловнейшего предстательства и заступления, понеже, кроме бога и ваших величеств превысокой ко мне отеческой милости, иного никакого надеяния не имею»²⁴⁶.

Уже после прихода к власти Екатерины I, когда Александр Данилович стал фактически вторым лицом в государстве, он добился издания особого именного указа от 8 декабря 1725 г. В этом указе императрица милостиво предписала

²⁴⁴ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 233, 319.

²⁴⁵ В имеющихся исследованиях отмечается, что Екатерина была, бесспорно, самым надежным и полезным ходатаем за А.Д. Меншикова перед царем. Расположением Екатерины Александр Данилович пользовался каждый раз, когда ему приходилось особенно туго. См. подр.: Павленко Н.И. Указ. соч. С. 103–104, 109.

²⁴⁶ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. С. 469.

«объявленных на него [А.Д. Меншикова] счетов не спрашивать и по тем делам ныне и впредь не следовать и уничтожить»²⁴⁷.

Однако издания указа от 8 декабря 1725 г. «полудержавному властелину» показалось недостаточно. 9 января 1726 г. Александр Меншиков приказал обнародовать указ типографски и обеспечить рассылку его экземпляров по всей империи («разослать... во все города»)²⁴⁸.

Несмотря на изложенные выше обстоятельства, князь Григорий Алексеевич ни имущественно, ни карьерно не пострадал в годы нового возвышения Александра Меншикова. Более того, в 1726 г. Г.А. Урусов был произведен в «полевые» полковники и ему было «велено... управлять в гвардии за майора»²⁴⁹.

Однако вскоре Г.А. Урусову пришлось навсегда расстаться с привычной ему гвардейской средой. Как уже было отмечено, 9 сентября 1727 г. при отстранении от власти А.Д. Меншикова Григорий Алексеевич был временно определен санкт-петербургским комендантом. 11 октября 1727 г. его произвели в бригадиры и утвердили в отмеченной должности.

На этом, однако, высочайшие милости не завершились. 19 декабря 1727 г. император Петр II повысил должностной статус Г.А. Урусова до обер-коменданта²⁵⁰. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, князь Григорий Алексеевич подал

²⁴⁷ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 134.

²⁴⁸ Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М., 2000. С. 388.

²⁴⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1887. Т. 56. С. 393.

²⁵⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 881.

в том же декабре 1727 г. челобитную с просьбой о дальнейшем повышении еще и в чине.

Свою просьбу новоиспеченный обер-комендант мотивировал тем, что ряд офицеров, начавших службу либо в один год с ним, либо позже, уже произведены в генералы. Из этого Григорий Алексеевич делал горестный вывод, что он «перед оными моею братьею в награждении рангом безвинно остался»²⁵¹. Император воспринял челобитную вполне благосклонно: уже 1 января 1728 г. князь Григорий Урусов стал генерал-майором²⁵².

Остается добавить, что в качестве столичного обер-коменданта Г.А. Урусов вновь соприкоснулся (хотя и косвенно) с низвергнутым с высот власти Александром Меншиковым. В ноябре 1727 г. именно на Григория Алексеевича была возложена обязанность обеспечить войсковой охраной все конфискованное движимое и недвижимое имущество А.Д. Меншикова, находившееся в Санкт-Петербурге²⁵³.

На должности санкт-петербургского обер-коменданта Г.А. Урусов пробыл до самого конца правления Петра II. Однако смена власти отнюдь не повредила карьере князя Григория Алексеевича. 4 марта 1730 г. только что взошедшая на престол императрица Анна Иоанновна определила его сенатором²⁵⁴. Тогда же в Сенат был назначен и бывший полковой командир и старший товарищ Григория Урусова князь В.В. Долгоруков²⁵⁵ (ставший к тому времени генерал-фельдмаршалом).

²⁵¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 79. С. 16–17.

²⁵² Там же. С. 16.

²⁵³ Андреева Е.А. Следственное дело и ссылка А.Д. Меншикова 1727–1729 гг.: исследование и документы. СПб., 2013. С. 52–53.

²⁵⁴ Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: материалы для биографий / сост. Н.А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 447.

²⁵⁵ Там же. С. 154.

Однако совместная работа князей Григория Алексеевича и Василия Владимировича в Сенате продлилась недолго.

22 декабря 1731 г. Григорий Алексеевич был определен в состав особого судебного присутствия, учрежденного императрицей для рассмотрения дела В.В. Долгорукова²⁵⁶, обвиненного в совершении государственного преступления. Учитывая, что Анна Иоанновна имела обыкновение тщательно отслеживать личные и родственные связи высших должностных лиц, не вызывает сомнений, что включение Г.А. Урусова в состав этого судебного присутствия являлось проверкой его лояльности по отношению к новой императрице.

Судебное следствие по делу генерал-фельдмаршала Василия Долгорукова не затянулось. Того же 22 декабря 1731 г., ограничившись заслушиванием краткого сообщения «о винах» подсудимого и статей военно-уголовного законодательства, по которым эти «вины» квалифицировались, судьи приговорили Василия Долгорукова к смертной казни, лишению чинов и конфискации имущества. При утверждении приговора императрица заменила смертную казнь на ссылку в крепость Шлиссельбург²⁵⁷.

3 января 1732 г. состоялся именной указ об учреждении под руководством («дирекциею») сенатора князя Григория Урусова комиссии для счета денег и рассмотрения дел Сибирского приказа. Членами Комиссии определялись действительный статский советник Иван Шереметев, полковник Василий Титов, стольник князь Василий Мещерский и статский советник Иван Позняков²⁵⁸. Уже 11 февраля 1732 г. Г.А. Урусов доложил из Москвы рапортом Анне Иоанновне о том, что, собрав комиссию и забрав из Сибирского приказа дела и счета

²⁵⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 89.

²⁵⁷ Там же. С. 90.

²⁵⁸ Там же. С. 116–117.

«в объявленное следствие вступил» и что «следствие производится без умедления и доимки взыскиваются неослабно»²⁵⁹.

Дальнейшая служебная деятельность Г.А. Урусова оказалась вновь надолго связана с армией. Он инспектировал полки, участвовал в боевых действиях в Польше, формировал на Украине ландмилиционный корпус. 6 декабря 1734 г. Григорий Урусов был произведен в генерал-лейтенанты²⁶⁰. Под непосредственным руководством Г.А. Урусова к 1740 г. была создана система оборонительных сооружений на Украинской линии между реками Днепр и Северский Донец.

2 марта 1740 г. Григорий Урусов был назначен воронежским губернатором с денежным содержанием по 809 руб. 50 коп. в год с выплатой ежеквартально из доходов губернии. В этой должности Григорий Алексеевич находился совсем недолго, и каких-либо значимых подробностей его деятельности в Воронеже выяснить на сегодня не удалось²⁶¹.

17 сентября 1741 г. Г.А. Урусов повторно определяется к присутствию в Сенате²⁶². По причудливому изгибу судьбы вскоре он встретился в сенатских стенах с вернувшимся из ссылки князем Василием Долгоруковым, восстановленным в чине генерал-фельдмаршала и вновь назначенным в Сенат в декабре 1741 г. О том, как встретились и как общались князья друг с другом, остается только гадать.

Последняя выявленная запись о присутствии Григория Алексеевича на заседании Сената датирована 11 апреля

²⁵⁹ Там же. С. 162–163.

²⁶⁰ Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 37.

²⁶¹ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: историко-биографические очерки / ред.-сост. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2015. С. 70.

²⁶² Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: материалы для биографий. С. 447.

1743 г.²⁶³ 25 апреля 1743 г. генерал-лейтенант Г.А. Урусов был возведен в кавалеры ордена св. Александра Невского²⁶⁴.

По сведениям осведомленного Д.Н. Бантыш-Каменского, Григорий Урусов скончался в том же 1743 г.²⁶⁵ Документального подтверждения этой даты выявить, однако, к настоящему времени не удалось. Поныне неизвестным осталось и место погребения князя Григория Алексеевича.

§ 6. Гвардии поручик С.Л. Игнатьев*

1747 года августа в 21 день, в пятницу газета «Санкт-Петербургские ведомости» между иного оповестила читателей о том, что «сего августа 7 числа генерал-лейтенант, обер-комендант здешней крепости и кавалер ордена святого Александра Невского Степан Лукич Игнатьев на 68 году от рождения скончался». Далее приводились краткие сведения о служебных заслугах усопшего²⁶⁶. Это был своего рода некролог, хотя и не окаймленный траурной рамкой.

Выходившие в свет дважды в неделю «Санкт-Петербургские ведомости» являлись в ту пору единственной газетой на всем пространстве Российской империи от Выборга до Камчатки. И некрологи печатались отнюдь не в каждом номере

²⁶³ Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 542.

²⁶⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 195.

²⁶⁵ Там же.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Служил отечеству своему 46 лет без всякого пороку // Человек и закон. 2018. № 11. С. 38–56; Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра Великого: С.Л. Игнатьев // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4. (18). С. 26–37.

²⁶⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1747. № 67. 21 августа.

этой газеты. Даже известия о смерти сановников в ранге генералов и тайных советников редко выходили тогда за пределы узкого круга родственников и сослуживцев покойного. Отчего же кончине генерал-лейтенанта и кавалера Степана Игнатъева издание посвятило целых 12 строк, более четверти газетной полосы?

Обстоятельства ранней биографии С.Л. Игнатъева остаются до настоящего времени малопроясненными. С уверенностью возможно лишь полагать, что Степан Лукич являлся представителем незнатного, но разветвленного дворянского рода Игнатъевых. Документально известно, что 32 представителя рода сумели в XVII в. оказаться в составе «царедворцев» («московских чинов») — верхушки тогдашнего дворянства²⁶⁷. Однако никто из Игнатъевых не поднялся выше чина стольника, не удостоился никакого из наиболее высоких «думных чинов».

В свою очередь, ни Степан Игнатъев, ни его отец Лука Федорович не выслужили даже низшего «московского чина» жильца. Из старших однородцев Степана Лукича из числа «царедворцев» в документах первой четверти XVIII в. мелькнул Ф.И. Игнатъев. Согласно сенатскому указу от 20 августа 1712 г., 50-летний стольник Филипп Игнатъев был командирован в распоряжение Московской губернской канцелярии для организации «сгонки лошадей по киевскому тракту» в действующую армию²⁶⁸.

²⁶⁷ См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 160–161.

²⁶⁸ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1883. Т. 2, кн. 2. С. 164.

С большой долей вероятности представляется возможным утверждать, что ветвь рода Игнатьевых, к которой принадлежал Степан Лукич, происходила из Ржевского уезда. На это в первую очередь указывают материалы переписи 1710 г.²⁶⁹, согласно которым за Степаном Лукиным сыном Игнатьевым в Ржевском уезде значились как за вотчинником (т.е. наследственным владельцем) полусельцо Горки в волости «Старотуцкая и что на Сковоротыни» и «сельцо что была пустошь Василев Починок двор скотной деревня Дуброва... деревня Юсова Юрлово то ж» в волости Жилогостицкая.

Также числилась «за Стефаном Лукиным сыном Игнатьевым да за Иваном Васильевым сыном Дуровым деревня Березуй, двор скотной деревни что была пустошь Мостоглодово двор крестьянской» в волости Бортноселиловская²⁷⁰. Кроме того, С.Л. Игнатьев являлся владельцем села Старого Ржевского уезда, о чем свидетельствует его челобитная 1727 г.²⁷¹ Наконец, известно адресованное Святейшему Синоду прошение от мая 1726 г., подписанное Степаном Лукичом от имени помещиков и вотчинников Ржева²⁷².

Из сохранившейся до наших дней надписи на чугунной плите над могилой С.Л. Игнатьева явствует, что он «родился

²⁶⁹ См.: Перепись 1710 года: Санкт-Петербургская губерния: Город Ржева Володимирова с уездом. URL: www.census1710narod.ru/perepis/1209_1_12365.htm (дата обращения: 11.09.2018).

²⁷⁰ Кроме того, по переписи 1710 г. в Ржевском уезде за Кузьмью Лукиным сыном Игнатьевым (возможно, дядей Степана Лукича) значилось «сельцо Старое двор помещиков двор крестьянской, сельцо Заполень двор скоцкой двор вдовей, деревня Скомороховой двор крестьянской двор бобыльской, деревня Ферково двор крестьянской» волости Сонская.

²⁷¹ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1885. Т. 7. Стб. 76–77.

²⁷² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего синода. СПб., 1883. Т. 6. Стб. 408.

7188 года от сотворения мира»²⁷³. Иными словами, временем рождения Степана Лукича явился период с сентября 1679 г. по сентябрь 1680 г. Данные надгробной надписи подтверждаются и цитированными выше сведениями из некролога С.Л. Игнатьева в «Санкт-Петербургских ведомостях» о том, что он ушел из жизни «на 68 году». Установить дату рождения Степана Игнатьева с точностью до месяца и дня к настоящему времени не представилось возможным.

Равным образом на сегодня не удалось выявить каких-либо подробностей о первых двадцати годах жизни будущего генерал-лейтенанта и обер-коменданта. Вероятнее всего, детство и юность Степана Игнатьева прошли, как и у тысяч его современников из числа незнатных дворян, в отцовском имении в сельской глуши.

Как бы то ни было, но за порогом 20-летия Степана Игнатьева ожидала солдатская лямка. Точное время начала военной службы Степана Лукича не вполне ясно. Исходя из того что в упоминавшейся надгробной надписи отмечено, что С.Л. Игнатьев состоял на службе 46 лет, возможно заключить, что он поступил на нее в 1701 г. Несколько иная дата фигурирует в аналогично уже упоминавшемся некрологе Степана Игнатьева в «Санкт-Петербургских ведомостях»: там сказано, что он «служил в лейб-гвардии и в армии» «с 1702 по 1726 год».

Наконец, в сохранившемся документе полкового архива гвардии Семеновского полка указано, что С.Л. Игнатьев поступил в полк в 1704 г.²⁷⁴ Последняя дата начала службы

²⁷³ См. надгробную плиту над могилой С.Л. Игнатьева в комендантском некрополе Петропавловской крепости в г. Санкт-Петербурге. В авторитетных справочниках В.И. Саитова и Н.А. Мурзанова ошибочно указано, что временем рождения С.Л. Игнатьева явился 1688 г. (Петербургский некрополь / сост. В.И. Саитов. СПб., 1912. Т. 2. С. 256; Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / сост. Н.А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 184).

²⁷⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2584. Оп. 1. № 51. Л. 84.

будущего генерал-лейтенанта представляется наиболее достоверной (хотя нельзя исключить, что первые год-два Степан Лукич прослужил в каком-то из полевых полков). По всей очевидности, Степан Лукич попал в массовый солдатский набор для гвардейских полков 1704 г., о котором на склоне лет бывший командир Семеновского полка князь Б.И. Куракин вспоминал: «Того года ... разбирали его величество недорослей знатных самых персон, которых выбрали с пяться или шестьсот человек, и написали в солдаты в Преображенский полк и в Семеновский — служить»²⁷⁵.

Каких-либо подробностей служебно-боевой деятельности Степана Игнатьева выявить на сегодня не удалось. Можно лишь предположить, что в рядах гвардии Семеновского полка он принял участие в основных кампаниях Великой Северной войны (начиная с 1704 г.) и в Прутском походе. Судя по тому факту, что до 1721 г., по крайней мере, часть службы Степана Лукича прошла в Гренадерской роте полка²⁷⁶, он обладал повышенной физической выносливостью, хорошо владел холодным и огнестрельным оружием и, не исключено, имел высокий рост или рослую фигуру.

Через одиннадцать лет солдатской службы – в 1715 г. Степан Лукич произведен в поручики²⁷⁷. Производство в офицерское звание в тот период имело место, как правило, в случаях отличия во время боевых действий. Соответственно, есть основания полагать, что он отличился в какой-то из кампаний 1713–1715 гг., в которых участвовал Семеновский полк.

В 1718 г. к строевым обязанностям гвардии поручика С.Л. Игнатьева добавилось участие в следственных меропри-

²⁷⁵ Архив кн. Ф.А. Куракина / под ред. М.И. Семева. СПб., 1890. Кн. 1. С. 269.

²⁷⁶ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 4.

²⁷⁷ Дирин П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. Приложение. С. 86.

ятях. Степан Лукич стал ассессором следственной канцелярии ведения гвардии майора М.Я. Волкова²⁷⁸.

Обстоятельства назначения С.Л. Игнатьева в следственную канцелярию Михаила Волкова в точности неизвестны. По крайней мере, имя Степана Игнатьева отсутствовало в списке офицеров Преображенского и Семеновского полков, которые были вызваны в Санкт-Петербург царским указом, изложенным в письме генерал-лейтенанта князя В.В. Долгорукова от 11 ноября 1717 г.²⁷⁹ Именно эти офицеры образовали собой руководящий состав «майорских» следственных канцелярий, учрежденных именованным указом от 9 декабря 1717 г.²⁸⁰

Не упоминался Степан Лукич в и предварительной росписи следственного состава канцелярии М.Я. Волкова, продиктованной Петром I, вероятнее всего, в начале декабря²⁸¹. Однако уже доношение М.Я. Волкова Сенату от 21 января 1718 г. по поводу укомплектования следственной канцелярии канцелярскими служащими подписано в качестве ассессора поручиком С.Л. Игнатьевым²⁸².

При этом не вызывает сомнений, что, с одной стороны, назначение С.Л. Игнатьева было осуществлено главой государства (к комплектованию следственного состава «майорских»

²⁷⁸ Об этой канцелярии см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: М.Я. Волков // Российский следователь. 2016. № 16. С. 51–56.

²⁷⁹ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

²⁸⁰ Об этих канцеляриях подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. «Майорские» следственные канцелярии Петра I: к 300-летию основания // Юридический мир. 2017. № 12. С. 57–64.

²⁸¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167. В росписи в качестве ассессоров упоминались гвардии капитан А.П. Баскаков и гвардии капитан-поручик Тимофей Тишин.

²⁸² Там же. Ф. 248. Кн. 46. Л. 403.

канцелярий не имел касательства даже Правительствующий Сенат). С другой стороны, кандидатура нового асессора была предложена царю, по всей вероятности, М.Я. Волковым, многолетним старшим сослуживцем Степана Лукича по Семёновскому полку.

Канцелярия Михаила Волкова осуществляла следствие по уголовным делам преимущественно, выражаясь современным языком, коррупционной направленности. В ее производстве находились, в частности, дела в отношении обер-штер-кригскомиссара флота генерал-майора Г.П. Чернышева, обвинявшегося в шести эпизодах получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями («запущении подрядов»); о незаконной продаже казенного леса комиссаром Алексеем Дириным; о вскрытых обер-фискалом А.Я. Нестеровым недоимках по Выборгскому, Нейшлотскому и Холмогорскому уездам. С 1718 г. и до конца своего существования канцелярия М.Я. Волкова продолжала начатое канцелярией В.В. Долгорукова расследование так называемого счетного дела светлейшего князя А.Д. Меншикова (которое одновременно расследовалось канцеляриями П.М. Голицына и Г.Д. Юсупова); вела следствие в отношении ряда высокопоставленных лиц по доносу комиссара А.С. Сергеева относительно связанных с низовыми винокуренными заводами злоупотреблений при винной продаже. В рамках последнего дела канцелярия в 1719 г. взыскивала «доимочные деньги» за подряды 1712–1713 гг. с генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина²⁸³.

В период работы в следственной канцелярии заметно изменился должностной и чиновный статус С.Л. Игнатьева. В 1719 г. Степан Лукич был произведен в капитан-поручики

²⁸³ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 234.

(капитан-лейтенанты), а уже в январе 1721 г. – в капитаны, став командиром 5-й роты Семеновского полка²⁸⁴.

Необходимо отметить, что в те же годы Степану Игнатьеву довелось не только осуществлять следствие, но и, в соответствии с именным указом от 8 декабря 1718 г.²⁸⁵, выступать в качестве судьи особого военно-судебного присутствия, состоявшего из презусов и ассессоров «майорских» следственных канцелярий. Так, он вошел в состав суда по делу бывшего коменданта Удинска²⁸⁶ казачьего полковника Федора Рупышева и его сына Андрея, изобличенных следственной канцелярией И.И. Дмитриева-Мамонова в многочисленных эпизодах получения взяток, неуплаты таможенных пошлин и контрабандной торговли пушниной с Китаем. 30 августа 1720 г. военный суд приговорил их к наказанию кнутом, конфискации имущества и ссылке гребцами на галеры: Федора – на три года, Афанасия – на год²⁸⁷.

Весьма показательна очередность подписей под приговором отцу и сыну Рупышевым, отражающая положение лиц в военной и следственной иерархии. Вначале идут подписи по старшинству: «маэор Матюшкин, маэор Волков, маэор Ушаков, капитан Скорняков-Писарев, капитан Голенищев-Кутузов, капитан-лейтенант Бибииков, капитан-лейтенант Игнатьев, капитан-лейтенант Козлов, капитан-лейтенант Мельгунов, лейтенант Иванов, от бомбардир ундер-лейтенант Языков». Затем идут подписи членов канцелярии, расследовавшей дело, но уже в обратном порядке от низшего звания к более

²⁸⁴ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 4.

²⁸⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 97.

²⁸⁶ Ныне – г. Улан-Удэ.

²⁸⁷ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. № 2619. Л. 26–29. Согласно недатированной записи о приведении приговора в исполнение, Ф. Рупышев получил 25 ударов кнутом, А. Рупышев – 15 ударов (Там же. Л. 30).

высокому: «[Капитан-лейтенант] Бахметев, капитан Пашков, маеор Дмитриев-Мамонов»²⁸⁸.

В дальнейшем работа С.Л. Игнатьева в следственной канцелярии была осложнена тем, что 27 января 1721 г. царь направил М.Я. Волкова в Новгородский уезд, чтобы разместить там пехотный и кавалерийский полки. Это внешне ординарное задание являло собой в действительности сложнейший военно-административный эксперимент, в ходе которого предстояло отработать принципиально новую схему как постоянной дислокации полевых частей и соединений российской армии, так и организации их денежного содержания за счет местного населения. В связи с этим генерал-майору М.Я. Волкову предстояло также установить точное число плательщиков подушной подати — тяглых «душ» мужского пола.

Проведя в Новгороде почти год, интенсивно переписываясь с Военной коллегией, Сенатом и Петром I, Михаил Яковлевич успешно справился с возложенным на него поручением. Он сумел не только в сжатые сроки организовать размещение полков по деревням, но и, проведя масштабные розыскные мероприятия, установить массовую утайку тяглых «душ». Уже в июле 1721 г. генерал-майор доложил Сенату о выявлении им 33,5 тысячи неучтенных душ, что составило 1/5 (!) мужской части крестьянского населения уезда²⁸⁹.

После успеха «новгородского эксперимента» император принял решение ввести военно-податную систему по всей территории России. В феврале 1722 г. было одновременно учреждено девять канцелярий «свидетельства мужеского пола душ». Во главе каждой из них был поставлен либо старший офицер гвардии, либо высший офицер армии. Генерал-майору и гвардии майору Михаилу Волкову предстояло прове-

²⁸⁸ Там же. Л. 29.

²⁸⁹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1981. С. 88, 234–235.

сти реформу на территории Санкт-Петербургской губернии, охватывавшей тогда весь Северо-Запад России. К «свидетельству» был подключен значительный контингент офицеров и гражданских чиновников, в числе которых оказался и С.Л. Игнатьев.

Участие в работе вышеуказанных канцелярий, совмещаемое с продолжением службы в Семеновском полку, позволило Степану Лукичу приобрести, помимо военного, административный и следственно-судебный опыт, который будет востребован на протяжении всей его последующей жизни.

После смерти Петра I и при воцарении Екатерины I закончилась служба С.Л. Игнатьева в Семеновском полку. 12 мая 1726 г. не без очевидной поддержки своего многолетнего командира — М.Я. Волкова (к тому времени уже генерал-лейтенанта) Степан Лукич определен из гвардии ассессором в Военную коллегию, «и дан ему чин полковничий»²⁹⁰. Существовавшая в первой трети XVIII в. система военного чиновпроизводства допускала параллельное наличие гвардейского и «полевого» (либо военно-морского) чинов. Случай с С.Л. Игнатьевым является одним из примеров такого двойного чиновпроизводства. Так, оставаясь в чине (в современном понимании в воинском звании) гвардии капитана, Степан Лукич одновременно стал «полевым» полковником.

С 1726 г и до конца своих дней — более 20 лет — Степан Лукич в разных ипостасях участвует в деятельности Военной коллегии²⁹¹, в составе которой работает при Екатерине I

²⁹⁰ Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны. Т. 2 / под ред. А.Н. Филиппова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1899. Т. 106. С. 65.

²⁹¹ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П.И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. С. 401–402, 636.

и Петре II вместе с сослуживцами в прошлом по следственным канцеляриям — князем Г.Д. Юсуповым и бригадиром Е.И. Пашковым.

19 сентября 1726 г. С.Л. Игнатъев был определен советником Военной коллегии²⁹², а в мае 1727 г., находясь в этой должности, пожалован императором Петром II чином бригадира²⁹³. Чин этот находился между полковником и генерал-майором. На государственной гражданской службе ему соответствовал чин статского советника. По состоянию на январь 1728 г. в российской армии насчитывалось всего 7 бригадиров, 5 — при армии и 2 — советниками в Военной коллегии (Егор Пашков и Степан Игнатъев)²⁹⁴.

В апреле 1730 г., уже указом императрицы Анны Иоанновны, в качестве советника Военной коллегии С.Л. Игнатъев получает следующий чин — действительного статского советника²⁹⁵. Внимание Анны Иоанновны к заслугам Степана Игнатъева несомненно было связано с тем, что после скоропостижной кончины Петра II в дни политического кризиса января — февраля 1730 г. он вместе с Г.Д. Юсуповым выступил на стороне противников стремившегося ограничить власть императрицы Верховного Тайного совета, сначала подписав знаменитый «проект 364-х», в котором предусматривалось лишь некоторое ограничение самодержавной

²⁹² Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны. Т. 2. С. 65.

²⁹³ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета 1726–1730 гг. Т. 3 / под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 63. С. 583.

²⁹⁴ См.: Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета 1726–1730 гг. Т. 5 / под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 79. С. 367–372.

²⁹⁵ Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны. Т. 2. С. 65.

власти²⁹⁶, а затем и вовсе выступив за полное восстановление самодержавного правления Анны Иоанновны²⁹⁷.

Далее карьера Степана Лукича развивается успешно, хотя и не особенно динамично. В 1731 г. вновь подтверждено его участие в Военной коллегии с дислокацией в Санкт-Петербурге, в 1732 г. он назначается императрицей к присутствию в Сенате при чтении доклада о вотчинах²⁹⁸, 8 февраля 1734 г. С.Л. Игнатъев производится обратно в генерал-майоры «с причислением его к армейской команде и повелением присутствовать в Военной коллегии по прежнему»²⁹⁹, а 5 сентября 1734 г. именным указом одновременно назначается обер-комендантом в Санкт-Петербург «с оставлением присутствующим в Венной коллегии»³⁰⁰. Должность столичного обер-коменданта С.Л. Игнатъев будет занимать до самой своей кончины.

С именем Степана Лукича связано перестраивание Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости из деревоземляной в каменную, а также перестройка Комендантского дома, завершившаяся в 1746 г. Степан Игнатъев стал первым поселившимся в нем комендантом³⁰¹. Как впоследствии

²⁹⁶ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. С. 209.

²⁹⁷ Там же. С. 69, 239.

²⁹⁸ Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век Т. 2. С. 277.

²⁹⁹ Там же. С. 333.

³⁰⁰ Там же. С. 350.

³⁰¹ Комендантский дом сохранился до наших дней. О вкладе С.Л. Игнатъева в обустройство Санкт-Петербургской крепости подробнее см.: Славнитский Н.Р. Степан Лукич Игнатъев на посту коменданта Санкт-Петербургской крепости (1734–1747) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Ефимова. СПб., 2017. Ч. 4. С. 193–202.

будет отмечено в упоминавшейся уже надгробной надписи, «в команде его состоял Санкт-Петербургский, Кронштадтский и Нарвский гарнизоны, а наперед сего имел он в команде и армейские полки».

3 марта 1740 г. именным указом Степан Лукич был оставлен при Военной коллегии «с награждением рангом»³⁰² (чином генерал-лейтенанта), а после смерти Анны Иоанновны 5 января 1741 г. «генерал-лейтенант и обер-комендант Игнатъев» назначен на вновь введенную должность вице-президента Военной коллегии³⁰³.

Обращает внимание, что смена императоров не влияла на служебное положение С.Л. Игнатъева. Он оставался востребованным как специалист в области организации и обеспечения деятельности воинских формирований, которому в целом удавалось держаться в стороне от политических интриг, являясь при этом надежным исполнителем воли правящих лиц.

Даже дружба с попавшим в опалу Артемием Волынским, кабинет-министром императрицы Анны Иоанновны, с которым он ранее работал в составе сибирской следственной комиссии, не повлияли на служебное положение С.Л. Игнатъева³⁰⁴, хотя на некоторое время он сам оказался под следствием. Было установлено, что он оказывал министру дружеские услуги: давал солдат и столяров для работы в доме Волынского, отпустил 1000 пудов сена и 50 четвертей муки, подарил «цук вороных», за что Волынский отдарился жеребцом³⁰⁵.

³⁰² Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 636.

³⁰³ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П.И. Баранов. СПб., 1878. Т. 3. С. 18.

³⁰⁴ Курукин И.В. Артемий Волынский и его клиенты // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 227–229.

³⁰⁵ Там же. С. 229.

Установление перечисленных фактов последствий для Степана Лукича не имело. Более того, он был включен в состав специально созданного Генерального собрания для суда над А.П. Волынским и его сообщниками, приговорившего Артемия Петровича к смертной казни. Указом императрицы от 23 июня 1740 г. определялось: «Волынскому, вырвав язык, отсечь правую руку и голову, а детей его сослать в Сибирь в дальние места, дочерей постричь в разных монастырях». 27 июня 1740 г. в соответствии с этим приговором состоялась казнь Волынского на Сытном рынке в Петербурге.

Что тогда испытывал Степан Лукич, можно только предполагать, но не прошло и года, как началась реабилитация пострадавших в годы правления Анны Иоанновны, и С.Л. Игнатъев смог оказать помощь детям казненного кабинет-министра. В феврале 1741 г. они были освобождены из ссылки³⁰⁶, а с воцарением Елизаветы Петровны состоялся указ от 8 января 1742 г. «О возвращении детям Артемия Волынского всех отписанных у него деревень в потомственное их владения»³⁰⁷. Кроме того, 19 февраля 1742 г. в Сенат поступил еще один указ императрицы о выдаче детям А.П. Волынского 3000 рублей за взятие двора их на Фонтанке для помещения придворной охоты³⁰⁸. В этом именном указе особо оговаривалось: «Поверенным в делах детей назначить Степана Лукича Игнатъева»³⁰⁹.

Новая императрица Елизавета Петровна благоволила Степану Лукичу, который в 1741–1742 гг. в сложной политической ситуации борьбы за власть безоговорочно выступил

³⁰⁶ Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011. С. 375.

³⁰⁷ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 3. С. 84.

³⁰⁸ Там же. С. 90.

³⁰⁹ Агеева З. Русская императрица Елизавета. «Царица всей земли». М., 2017. С. 24.

на ее стороне. В частности, находившимся тогда в Петербурге французским посланником де-ла-Шетарди были получены сведения о том, что комендант Петропавловской крепости С.Л. Игнатьев входил в «партию» принцессы Елизаветы и для обеспечения ее прихода к власти «предложил даже навести крепостные орудия на город»³¹⁰.

В феврале 1743 г. Степан Лукич награждается орденом св. Александра Невского³¹¹, став 199-м кавалером этого ордена в российской истории. Наконец, 25 июня 1744 г. С.Л. Игнатьев был высочайше определен к присутствию в Санкт-Петербургской сенатской конторе, т.е. получил статус сенатора, с поручением ему «главной команды в Санкт-Петербурге вследствие отъезда генерал-лейтенанта князя Репнина»³¹².

Наряду с решением вопросов военного характера Степану Лукичу периодически давались поручения и иного рода. В частности, 6 мая 1737 г. он был именованным указом назначен в особую счетную комиссию, учрежденную в 1732 г., для освидетельствования приходорасходных книг Санкт-Петербургской городской канцелярии от строений, за время бытности в ней вице-адмирала Н.А. Сияявина, для скорейшего окончания проверки счетов с 1719 по 1732 г.³¹³ При этом определялось, что счетной комиссии «быть под дирекцией» С.Л. Игнатьева³¹⁴. Как следует из имеющихся документов,

³¹⁰ Письмо де-ла-Шетарди от 2/13 декабря 1740 г. министру иностранных дел Франции Амело // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1894. Т. 92. С. 132.

³¹¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 195.

³¹² Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 3. С. 128–129.

³¹³ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 470.

³¹⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 10. С. 201–202.

Степану Лукичу поручалась сложнейшая работа по разбирательству более 100 сундуков дел, многие из которых были «погноены», а некоторые умышленно «салом замазаны и оттого мышами многие листы потравлены», описи и проверке счетов, проведению «по тем счетам следствия»³¹⁵. Работа комиссии осложнялась тем, что долгое время в ее состав входил скандальный майор Философов, одержимый «гипохондрической болезнью», от которой «впадает в меланхолию»³¹⁶.

В числе многочисленных поручений была и работа в особой комиссии для устройства государственных лошадиных (конных) заводов, в которую он был включен 9 ноября 1739 г.³¹⁷. Кроме того, в 1741–1742 г. С.Л. Игнатьев непродолжительное время параллельно занимал должность обер-коменданта пограничной Выборгской провинции³¹⁸.

Постоянно привлекался Степан Лукич и непосредственно к судебнo-следственной деятельности. Полученный во время работы в следственной канцелярии М.Я. Волкова опыт, несомненно, способствовал успешному решению им задач и в этой сфере.

Так, именным указом от 12 мая 1732 г. он был включен в особую комиссию о рассмотрении и решении дел по доносу лейб-гвардии офицеров Гордея и Феоктиста Чанчиковых

³¹⁵ Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны. Т. 6 / под ред. А.Н. Филиппова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1904. Т. 117. С. 272–273.

³¹⁶ Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны. Т. 11 / под ред. А.Н. Филиппова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1912. Т. 138. С. 458–472.

³¹⁷ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 615.

³¹⁸ Проскурякова М.Е. «Из определенных к Остзею»: гарнизоны крепостей Выборга и Кегсгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск, 2012. С. 46.

на вице-адмирала Наума Сенявина и других лиц³¹⁹. 9 февраля 1736 г. С.Л. Игнатьев назначается в сибирскую следственную комиссию, порученную действительному тайному советнику барону П.П. Шафирову для рассмотрения и скорейшего окончания дела о судьях Сибирского приказа, о бывшем иркутском вице-губернаторе А.И. Жолобове, бригадире Сухареве и прочих³²⁰, в составе которой, как уже отмечалось, работал вместе с обер-егермейстером А.П. Волынским, будущим кабинет-министром и подсудимым.

Бывший офицер, а затем прокурор Штатс-контор-коллегии, Алексей Жолобов, оказавшись в 1731 г. в Сибири, занялся безудержным произволом и взяточничеством. К примеру, разгневавшись на воеводу Нерчинска И.С. Литвинцева, вице-губернатор подверг его двухдневному (!) сечению розгами, а затем завел в застенок и лично избил тростью. Конфликт был исчерпан лишь после того, как Иван Литвинцев «подарил» Алексею Ивановичу три коробки серебра и 700 рублей денег³²¹.

Для разбирательства дела Алексея Жолобова в феврале 1735 г. была учреждена следственная комиссия под руководством генерал-поручика А.П. Волынского. Истребовав из Сибири значительный документальный материал, комиссия установила множество эпизодов преступной деятельности А.И. Жолобова, сведенных затем в 16 пунктов обвинительного заключения. Ознакомившись с докладом следственной комиссии, императрица Анна Иоанновна вынесла быв-

³¹⁹ Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны. Т. 1 / под ред. А.Н. Филиппова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 276.

³²⁰ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 395.

³²¹ Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М., 2003. С. 237.

шему вице-губернатору смертный приговор. 1 июля 1736 г. А.И. Жолобов был обезглавлен³²².

7 января 1737 г. Степан Лукич именованным указом об учреждении в сенате особого генерального суда для рассмотрения поступков и виновности сенатора князя Дмитрия Голицына назначается к присутствию в указанном суде³²³, который, рассмотрев дело «о винах и преступлении князя Дмитрия Голицына» приговорил его к лишению всех чинов и смертной казни с отписанием всего движимого и недвижимого имущества на императорское величество. Анна Иоанновна, признав, что Д.М. Голицын «смертной казни хотя и достоин», заменила казнь ссылкой в Шлиссельбург «с содержанием под крепким караулом»³²⁴.

В том же году ему направляется указ императрицы от 13 августа 1737 г. о расследовании дела по обвинению ямщика И. Нутсаго в краже 2500 рублей денег, отправленных с ним купцом А. Бодышкой в Ригу³²⁵. В 1738 г. Степан Лукич становится главой следственной комиссии об адмиралтейской доимке, в том числе по этому делу осуществлял розыск скрывшегося ассессора адмиралтейской конторы Ивана Батурина³²⁶. В 1739 г. включается в состав «генерального собрания», вынесенного в 1739 г. смертный приговор князьям Долгоруковым³²⁷.

³²² Полное собрание законов. Т. 9. С. 876–879.

³²³ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 448.

³²⁴ Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны. Т. 6. С. 8–10.

³²⁵ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П.И. Баранов. СПб., 1878. Т. 3. С. 810.

³²⁶ Книга записная именованным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову 1732–1742 гг. / сост. А.Н. Кудрявцев. М., 1878. С. 204.

³²⁷ Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 298.

При Елизавете Петровне в 1742 г. он назначается членом суда над графом А.И. Остерманом; входит в состав учрежденной Сенатом Следственной комиссии по жалобе на И.Д. Шумахера — советника президента петербургской Академии наук³²⁸ (в том числе по этому делу в мае 1743 г. арестовывался и содержался под караулом адъютант М.В. Ломоносов³²⁹).

18 августа 1743 г. Степан Лукич именованным указом назначен к присутствию в генеральном суде по делу о подполковнике Иване Степановиче Лопухине, отце и матери его, Анне Бестужевой, и других, «оказавшихся виновными в государственных преступлениях»³³⁰.

Последним делом, которым пришлось заниматься С.Л. Игнатьеву, стало дело «о присвоении профессором Тредиаковским жены гренадерской»³³¹. 29 июля 1747 г. Военная коллегия постановила отобрать от В.К. Тредиаковского жену гренадера Петрова Наталью Андрееву, «безо всяких отговорок» и возвратить ее мужу.

Спустя неделю — 6 августа 1747 г. Степан Лукич умер³³² (вероятно, скоропостижно) и был похоронен 11 августа³³³

³²⁸ Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. 1: 1714–1900. СПб., 2004. С. 80.

³²⁹ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 332, 339.

³³⁰ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т. 3. С. 128–129.

³³¹ Александров Г.Н. Из дела 1746 г. о присвоении профессором Тредьяковским жены гренадерской // Оснадацатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым. Кн. 3. М., 1869. С. 178–181.

³³² Дата смерти приводится по надписи на надгробной плите, согласно надписи на которой Степан Лукич скончался «в день Преображения господня, то есть 6 августа». В то же время в ряде источников указано, что он умер 7 августа, что, видимо, объясняется тем, что в этот день было объявлено известие о его смерти.

³³³ Об этом свидетельствует запись в дневнике его современника за 11 августа 1747 г.: «Обер-комендант с.-п. бурхский, генерал-лейтенант

на Комендантском кладбище Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости у восточной стены алтарной части Петропавловского собора. На могиле была установлена сохранившаяся до наших дней большая чугунная плита с эпитафией.

После смерти Степана Лукича его вдове — Авдотье Ивановне Игнатъевой (урожденной Остафьевой) и сыну — полковнику Ивану Степановичу Игнатьеву (? — 1781 г.) остались принадлежащие Степану Лукичу двор в Москве в приходе церкви «Воскресения Христова, что слывет Новое»³³⁴, в Земляном городе³³⁵ и двор по Благовещенской улице³³⁶ в приходе церкви Благовещения Пресвятой Богородицы³³⁷, что на старом Ваганькове в Белом городе³³⁸. Являлся Степан Лукич и владельцем ряда земель и имений, включая, помимо уже упомянутых владений в Ржевском и Старицком уездах,

Стефан Лукич Игнатьев, в сих числах, а именно 7, скончавшийся, погребен». См.: Дневник Николая Ханенка (1728–1753 г.) // Киевская старина. 1886 г. Т. 15, август. Приложение. С. 322.

³³⁴ Храм, именуемый в документах XVIII века как «церковь Воскресения Христова, что слывет Новое», снесен в 1935 г. Находился по адресу: Москва, ул. Остоженка, д. 15. В настоящее время на этом месте находится небольшой сквер.

³³⁵ Этот двор был продан И.С. Игнатьевым в феврале 1748 г. эзекутору Ивану Михайловичу Игнатьеву. См.: Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1897. Т. 7. С. 180.

³³⁶ В настоящее время — Староваганьевский переулок.

³³⁷ Эта каменная церковь была разобрана в 1816 г., и на ее месте построен двухэтажный дом (современный адрес: Староваганьевский пер., дом 21), сохранившийся до наших дней. Земля С.Л. Игнатьева непосредственно примыкала к церковной земле храма Благовещения Пресвятой Богородицы. См.: Переписные книги города Москвы. Составлены в 1738–1742 годах. М., 1881. Т. 3. Стб. 29.

³³⁸ Этот двор был продан И.С. Игнатьевым в марте 1756 г. обер-прокурору Николаю Григорьевичу Жеребцову. См.: Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1898. Т. 8. С. 305–306.

вотчину «Токсова» в Выборгском уезде³³⁹ (ныне поселок Токсово находится на территории Всеволожского района Ленинградской области), ряд сел в Спасском уезде (ныне — район Пензенской области) и Муромском уезде (ныне район Владимирской области)³⁴⁰, село Руднево под Тулой³⁴¹.

Незадолго до смерти Степан Лукич начал в своем имении в селе Руднево строительство храма — Никольской церкви³⁴², строительство которой было в 1755 г. завершено его сыном³⁴³.

³³⁹ Историко-статистические сведения С.-Петербургской епархии. Вып. 2. СПб., 1871. С. 267.

³⁴⁰ Часть из них отошли к С.Л. Игнатьеву в результате судебной тяжбы с наследниками полковника П.Я. Баранчеева, который умер, не рассчитавшись по долгам. Степан Игнатьев предъявил вдове иск о выплате долга, в иске еще и донес, что Баранчеев «сокрыл беглого крестьянина Дмитрия Бабеньшева с семьей», что тогда достаточно жестоко каралось. Вдове присуждено было выплатить соседнему помещику 1922 руб. 28 коп., что тогда являлось достаточно большой суммой, а за невозможностью выплаты — описаны и переданы Игнатьеву бывшие баранчеевские имения, в том числе в деревне Вадовской и деревне Баранчеевка Спасского уезда. В 1741 г. земля М.И. Баранчевой отошла к Игнатьеву, в том числе и в Муромском уезде. После смерти Марьи Ивановны ее наследники, князя Гагарины, отсудили у наследников С.Л. Игнатьева по женской линии часть земли (50 четвертей) в деревне Вадовской, как незаконно отнятых, а в XIX в. снова судились из-за 50 десятин леса в Новоселках Спасского уезда. Дело длилось до середины XIX в. См.: Забродина Н.И., Мочалов О.А., Сушкина О.А., Сушкин М.В. Спасская летопись / под ред. Н.И. Забродиной. Спасск, 2008. С. 45; Забродина Н.И. PERSONALIA. Спасский край. Раздел 3. Землевладельцы Спасского края (17-начало 20 вв). URL:<http://davaiknam.ru/text/zabrodina-n-i-personalia-spaskij-kraj-page-3>

³⁴¹ Это имение Семена Лукича находилось недалеко от Венева, рядом с которым было имение его сослуживца по работе в «майорских» следственных канцеляриях и в Военной коллегии Е.И. Пашкова.

³⁴² Северцева И.В. Храм села Руднево Тульской губернии — памятник русской архитектуры первой половины XVIII в. // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2012. № 2. С. 359–364.

³⁴³ Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895. С. 684.

В настоящее время эта полуразрушенная величественная церковь (памятник архитектуры, охраняемый государством) является единственным уцелевшим строением усадьбы Игнатьевых.

Недалеко от Руднево — в селе Исаково было имение сына Степана Лукича³⁴⁴, который своих сыновей не имел. С его смертью пресекался род генерал-лейтенанта Игнатьева по мужской линии³⁴⁵, и стала стираться память о Степане Лукиче — следователе Петра Великого, который при шести императорах — Петре I, Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне, Иоанне Антоновиче (при регентстве герцога Бирона, а затем правительницы Анны Леопольдовны) и Елизавете Петровне — «служил Отечеству своему 46 лет без всякого пороку», как доньине свидетельствует отлитые в чугуне строки на его надгробии.

³⁴⁴ В селе Исаково Иваном Степановичем Игнатьевым были построены каменные церковь Знамения Божией Матери и здание усадьбы (помещичьего дома), которые в полуразрушенном состоянии сохранились до наших дней.

³⁴⁵ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 109–111. В то же время по женской линии род продолжился. У сына С.Л. Игнатьева — Ивана Степановича от двух жен были дочери (полукровные сестры) — Анна Ивановна Игнатьева, в замужестве Лобкова, мать Сергея Александровича Соболевского (правнук Степана Лукича, известного русского библиографа, друга А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова) и Прасковья Ивановна Игнатьева, в замужестве Давыдова, — жена Василия Владимировича Давыдова. После смерти И.С. Игнатьева деревня Баранчевка, насчитывавшая 244 души, отошла к его вдове — Афимье Ивановне и его дочери Прасковье Ивановне. От них эти земли унаследовали и владели ими до середины XIX в. дочери Прасковьи Ивановны: полковница Маргарита Васильевна, рожденная Давыдова, (по первому браку — Раевская, по второму браку Завалиевская) и генеральша Екатерина Васильяна, рожденная Давыдова (муж — генерал С.С. Стрекалов). См.: Забродина Н.И. PERSONALIA. Спасский край. URL: <http://davaiknam.ru/text/zabrodina-n-i-personalia-spasskij-kraj-page-3>

Глава 5

Руководители последних следственных канцелярий Петра Великого

§ 1. Гвардии полковник И.И. Бутурлин*

10 марта 1725 г. в Санкт-Петербурге состоялись похороны Отца Отечества императора Всероссийского Петра Великого, скончавшегося 28 января. Согласно описанию многолюдной траурной церемонии, непосредственно перед гробом императора шествовал генерал и лейб-гвардии подполковник Бутурлин, державший в руках корону Российской империи¹. Кто же такой был подполковник Бутурлин и отчего именно ему оказалась доверена честь нести императорскую корону?

Иван Иванович Бутурлин был выходцем из старинной и знатной дворянской фамилии, родоначальником которой

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: И.И. Бутурлин // Российский следователь. 2017. № 7. С. 51–56.

¹ Описание порядка, держанного при погребении блаженной высокославной и вечнодостойной памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого императора и самодержца всероссийского и блаженной памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. С. 23.

считался некий Ратша, «государич» из Трансильвании², выехавший в XIII в. на службу к великому князю Александру Ярославичу³. С течением времени род Бутурлиных чрезвычайно разветвился: достаточно сказать, что в XVII в. только в составе «царедворцев» (верхушки тогдашнего дворянства) числилось 67 (!) представителей фамилии⁴. Учитывая же, что среди Бутурлиных, живших во второй половине XVII в., имя «Иван» носило 13 (!) лиц⁵, достоверно определить, кто именно из них являлся отцом будущего гвардии подполковника, на сегодня не представляется возможным.

Родился И.И. Бутурлин 24 июня 1661 г. Каких-либо сведений о первых тридцати годах жизни Ивана Ивановича выявить к настоящему времени не удалось. Вопреки расхожим утверждениям, будущий гвардии полковник, судя по всему, не попал в число «царедворцев»⁶.

² Историческое наименование области, расположенной на северо-западе современной Румынии.

³ Алабин П.В. Иван Иванович Бутурлин, генерал-аншеф // Русская старина. 1878. Т. 23. № 10. С. 162.

⁴ См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М., 1853. С. 50–53.

⁵ Там же. С. 50–51.

⁶ См. публикацию списка «царедворцев» по состоянию на 1712 г.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112. Уместно заметить, что в первой четверти XVIII в., наряду с И.И. Бутурлиным, выдающихся успехов на государственной службе достиг его полутезка И.Ф. Бутурлин, 1686 г.р. Прослуживший в 1704–1715 гг. в лейб-гвардии Семеновском полку, Иван Федорович стал впоследствии советником Ревизион-коллегии, а затем президентом Коммерц-коллегии и сенатором. Скончался в 1726 г. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 2. Кн. 84. Л. 187–187 об. Остается совершенно неясной степень родства И.И. Бутурлина со своим полным тезкой — стольником И.И. Бутурлиным, многолетним главой Земского приказа, трагически погибшим 4 августа 1710 г.

Неизвестно и время начала военной службы И.И. Бутурлина. Насколько возможно понять, Иван Иванович оказался в первом составе гвардии Преображенского полка, однако отыскать документальных указаний на точную дату его зачисления в полк пока не удалось. По крайней мере, достоверно известно, что осенью 1694 г. Иван Иванович принял участие в Кожуховском походе⁷ — первых в истории России масштабных военных учениях, максимально приближенных к боевым.

Неясными поныне остались и обстоятельства производства Ивана Ивановича в начальные офицерские чины. С одной стороны, в списке участников Кожуховского похода Иван Бутурлин отмечен уже как майор Преображенского полка⁸, с другой — в материалах полкового архива зафиксировано, что старшим офицером Иван Иванович стал лишь в 1697 г.⁹ В отличие от большой группы своих сослуживцев по гвардии, И.И. Бутурлин не совершал в 1697–1698 гг. никаких образовательных поездок по Западной Европе, а также не сопровождал Петра I в его первом зарубежном путешествии¹⁰.

Как бы то ни было, Великую Северную войну И.И. Бутурлин встретил уже генерал-майором. Более того, Иван Иванович стал одним из руководителей первой значительной операции российской армии — осады шведской крепости Нарва¹¹. Согласно официальной «Истории Свейской войны», 23 сентября 1700 г. царь прибыл к крепости в сопровождении

⁷ История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1900. С. 144.

⁸ Там же.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 16.

¹⁰ См.: История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому. С. 221–223.

¹¹ Ныне *Narva* — город уезда Ида-Вирумаса Эстонской Республики.

И.И. Бутурлина, командовавшего внушительной группировкой из двух гвардейских и четырех полевых полков¹².

Пребывание под Нарвой завершилось для И.И. Бутурлина, однако, не лучшим образом. 19 ноября 1700 г. шведский отряд во главе с королем Карлом XII, скрытно десантировавшись на южном берегу Финского залива, атаковал и разгромил осадные позиции российских войск. Несмотря на то что полкам гвардии удалось отступить в организованном порядке, Иван Бутурлин еще с пятью генералами попали в плен.

На чужбине Ивану Ивановичу оказалось суждено провести почти десять лет. Будучи доставлен в Стокгольм в мае 1701 г., И.И. Бутурлин некоторое время содержался в режиме одиночного заключения, который затем был смягчен. В начале мая 1703 г. он предпринял неудачную попытку бегства (вместе с генералами А.А. Вейде, А.М. Головиным и Н.Ю. Трубецким)¹³. Лишь в 1710 г. Иван Иванович был обменен — первым из пленных российских генералов — на шведского генерал-майора Юхана Мейерфельда (*Johan August Meijerfeldt*).

По возвращении в Отечество карьера Ивана Бутурлина возобновилась вполне успешно. В марте 1711 г., после начала русско-турецкой войны, он получил под командование войсковую группировку, сосредоточенную у крепости Каменный Затон, предназначенную для прикрытия правобережной Украины от набегов турок и крымских татар, с предписанием «обороняться по самой крайней возможности»¹⁴. В последующее пятилетие боевая служба Ивана Ивановича проходила

¹² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова; под ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 82.

¹³ Биргеорд У. О русских высших чинах в шведском плену // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур / под ред. Т.А. Тоштендаль-Сарычевой, Л. Юнсон. М., 2009. С. 212–213, 227.

¹⁴ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 366.

на высших командных должностях на балтийском театре военных действий.

Далее в строевой службе И.И. Бутурлина наступил перерыв. В октябре 1716 г. — сентябре 1717 г. в составе небольшой свиты он сопровождал Петра I в поездке по Голландии и Франции. Примечательно, что Петр I и его сопровождающие были настолько скромно одеты, что во Франции им пришлось заняться приведением гардероба в более приличный вид. В частности, для Ивана Бутурлина в Париже была заимобразно выделена сумма казенной валюты для приобретения золотой парчи на камзол, золотых нитей для верхней одежды, зубочистки и золотого набалдашника к трости¹⁵.

Из иных подробностей отмеченной поездки Ивана Ивановича известно, что в мае 1717 г. он присутствовал при встрече царя с малолетним французским королем Людовиком XV, а 19 июня 1717 г. сопровождал Петра I при посещении судебного заседания в Парижском парламенте¹⁶ (*Parlement de Paris*)¹⁷. В ходе этого заседания высокие российские гости выслушали речь замещавшего генерал-прокурора генерал-адвоката Г. Ламуаньона, который выступил с прокурорским заключением по существу рассматривавшегося дела.

Затруднительно сказать, какие впечатления остались у И.И. Бутурлина от визита в парижский Дворец правосудия (*Palace de Justice*), но по возвращении в Россию он оказался привлечен к следственной и судебной деятельности. Поводом для очередного отвлечения Ивана Бутурлина от строевых обязанностей явилось уголовное дело, возбужденное в отно-

¹⁵ Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 223.

¹⁶ Высшая судебная инстанция Франции в XV–XVIII вв.

¹⁷ Мезин С.А. Указ. соч. С. 105, 115. О посещении российской делегацией Парижского парламента подробнее см.: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. М., 1889. Ч. 1. С. 268–269.

нении бывшего наследника престола царевича Алексея Петровича.

Как известно, следствие по делу Алексея Петровича, обвиненного в организации заговора против Петра I, началось сразу после публичного отречения царевича от престола, состоявшегося в московском Кремле 3 февраля 1718 г.¹⁸ Для производства расследования по делу бывшего наследника была учреждена особая следственная канцелярия под руководством тайного советника П.А. Толстого¹⁹, по организации и полномочиям весьма сходная с уже существовавшими «майорскими» канцеляриями²⁰, в производстве которых, правда, находились почти исключительно уголовные дела о преступлениях коррупционной направленности.

Первоначально следствие велось в Москве (точнее — в подмосковной резиденции Петра I в селе Преображенском), а затем переместилось в Санкт-Петербург (куда 18 марта 1718 г. выехал царь). В связи с этим в конце марта 1718 г. Петр I распорядился о перевозке материалов уголовного дела

¹⁸ Новейшее обозрение дела Алексея Петровича см.: Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) : пер. с англ. СПб., 2009. С. 390–432 ; Рыженков М.Р. Первая трагедия в «доме Романовых»: дело царевича Алексея Петровича. 1718 г. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 151–169. Отречение Алексея Петровича было 3 февраля 1718 г. нормативно закреплено изданием особого Манифеста об удалении от наследования престола царевича Алексея Петровича, незамедлительно опубликованного типографски. Современную научную публикацию манифеста см.: Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 54–60.

¹⁹ О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: П.А. Толстой // Российский следователь. 2016. № 5. С. 38–45.

²⁰ Подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: «майорские» следственные канцелярии // Российский следователь. 2015. № 5. С. 51–56.

в новую столицу, предписав передать их И.И. Бутурлину²¹. Тем самым Иван Иванович оказался привлечен к производству следствия по делу опального царевича.

Функционирование следственной канцелярии П.А. Толстого продлилось, впрочем, недолго. Уже в апреле — мае 1718 г. канцелярия была преобразована в Канцелярию тайных розыскных дел (Тайную канцелярию) — специализированный суд по государственным преступлениям. Во главе канцелярии остался по-прежнему Петр Толстой, а судьями (звучно наименованными почему-то «министрами») стали И.И. Бутурлин, А.И. Ушаков и Г.Г. Скорняков-Писарев.

Затруднительно в точности сказать, отчего Петр I решил привлечь Ивана Бутурлина сначала к расследованию дела бывшего наследника престола, а затем к деятельности суда по государственным преступлениям. По всей вероятности, решение включить Ивана Ивановича в состав следователей по делу Алексея Петровича царь принял в связи с тем, что одним из фигурантов дела оказался прежний командир Преображенского полка генерал-лейтенант князь В.В. Долгоруков (также руководивший прежде одной из «майорских» канцелярий)²². В этих условиях главе государства необходимо было иметь в числе следователей (а затем и судей Тайной канцелярии) военного деятеля, имевшего значительный авторитет среди гвардейцев, что должно было укрепить их лояльность по отношению к верховной власти.

Следствие по делу Алексея Петровича завершилось преданием его суду специального судебного присутствия, сформированного из 127 судей (в число которых вошел и И.И. Бу-

²¹ Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 82.

²² О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь В.В. Долгоруков // Российский следователь. 2016. № 13. С. 49–55.

турлин). 24 июня 1718 г. после единственного формального заседания суд вынес бывшему наследнику престола смертный приговор²³. Подпись «генерал-поручик Иван Бутурлин» стоит под приговором 12-й по счету, выше подписей части сенаторов.

Привести в исполнение приговор, однако, не успели. 26 июня 1718 г. содержащийся под стражей в Трубецком бастионе Петропавловской крепости Алексей Петрович скончался²⁴. Уже после смерти и похорон Алексея Петровича И.И. Бутурлину довелось выполнять поручения по распределению оставшихся от царевича вещей.

В частности, по указу Петра I от 3 ноября 1718 г. именно он передал «девке Афросинье» (Ефросинье Федоровой, бывшей сожительнице Алексея Петровича) хранившиеся среди имущества покойного ее личные вещи, от бархатной шапки, отороченной соболем, до туфель «с позументом серебряным»²⁵. Учитывая, что Ефросинья дала на следствии множество

²³ См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536.

²⁴ До настоящего времени упорно бытует версия, что Алексей Петрович не умер своей смертью, а был тайно казнен по приказу Петра I. Исполнителями казни считаются П.А. Толстой, А.И. Румянцев, А.И. Ушаков и И.И. Бутурлин. Данная версия восходит к письму упомянутого А.И. Румянцева некоему Д.И. Титову от 27 июля 1718 г., являющемуся, как давно установлено, подделкой, сфабрикованной в первой половине XIX в. В действительности смерть царевича наступила естественным путем — вследствие пыток, которым он интенсивно подвергался в июне 1718 г. Достаточно сказать, что только в преддверии суда, с 19 по 24 июня 1718 г., его пытали шесть (!) раз. Последний раз Алексея Петровича (уже осужденного) истязали 26 июня 1718 г., за семь часов до наступления смерти. И.И. Бутурлин присутствовал по меньшей мере на пяти из отмеченных допросов (Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 612–613). Подробнее о последних днях жизни отреченного царевича см.: Переладов К.Г. Кончина августейшего колодника // Родина. 1994. № 9. С. 39–42.

²⁵ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 571–572.

показаний, изблличавших царевича, подобное возвращение имущества было одной из форм ее вознаграждения.

Участие И.И. Бутурлина в расследовании дела Алексея Петровича получило высокую оценку главы государства. 9 декабря 1718 г. Иван Иванович был произведен в гвардии подполковники²⁶, что означало также назначение его командиром Преображенского полка. Очень скоро укрепилось и благосостояние Ивана Бутурлина.

11 января 1719 г. Петр I пожаловал И.И. Бутурлину часть земельных владений, конфискованных у лиц, осужденных по делу Алексея Петровича. Иван Иванович заполучил 159 крестьянских дворов из имущества сибирского царевича Василия Алексеевича и 660 дворов из имущества своего многолетнего сослуживца князя В.В. Долгорукова²⁷.

Основными занятиями судей-«министров» Тайной канцелярии были допросы обвиняемых и свидетелей, постановление приговоров, ознакомление с разнообразными выписками²⁸ из уголовных дел. Нередко в присутствии «министров» проводились очные ставки. Судебно-следственные процедуры осуществлялись в разном составе: коллегиально (в разном составе судей) или — реже — единолично. Известно, к примеру, что в 1719 г. И.И. Бутурлин единолично провел судебное следствие и вынес приговор по делу о ложном доносе по государственному преступлению²⁹.

На сегодня возможно с уверенностью предположить, что, в отличие от офицеров-преображенцев А.И. Ушакова

²⁶ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 16.

²⁷ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 578. Для сравнения уместно заметить, что П.А. Толстой получил тогда 1318 крестьянских дворов, конфискованных у осужденных, а Г.Г. Скоряков-Писарев — 127.

²⁸ То есть специально подготовленными извлечениями из материалов уголовных дел.

²⁹ Веретенников В.И. Указ. соч. С. 135–136.

и Г.Г. Скорнякова-Писарева, гвардии подполковник Иван Бутурлин в большей мере тяготился судебно-следственными занятиями в Тайной канцелярии, являлся наиболее пассивным из числа ее «министров». Впрочем, самоустранение И.И. Бутурлина от деятельности Тайной канцелярии было отчасти вызвано и объективными причинами.

Во-первых, с 1718 г. И.И. Бутурлин в полной мере вернулся к строевым обязанностям, приняв на себя командование Преображенским полком. Во-вторых, возобновилась и боевая служба Ивана Ивановича: он явился участником кампаний Великой Северной войны 1718–1719 гг. на хорошо известном ему балтийском театре военных действий. В-третьих, с 1720 г. ему довелось руководить собственной следственной канцелярией.

Победоносное завершение Великой Северной войны ознаменовалось для Ивана Бутурлина долгожданным повышением в чине: 22 октября 1721 г., в день официального празднования победы над Швецией, он был произведен в полные генералы (генерал-аншефы)³⁰. Тогда же завершилась и боевая служба Ивана Ивановича: в предпринятом в 1722 г. под командованием Петра I знаменитом Персидском походе он уже не участвовал.

Что касается следственной канцелярии И.И. Бутурлина, то она была учреждена по именному указу от 3 декабря 1720 г.³¹ В производство канцелярии поступило резонансное уголовное дело по обвинению комиссара П.И. Власова и дьяка П.К. Скурихина во взятках и хищении казенных средств на астрономическую сумму в 140 665 рублей. Дело это было воистину многострадальным.

³⁰ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 540.

³¹ РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 166. Краткие сведения об этой канцелярии см.: Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссия петровского времени. М., 2003. С. 286.

Возбужденное московским фискалом М.А. Косым еще в 1714 г., это уголовное дело рассматривалось первоначально в следственной канцелярии В.В. Долгорукова. Будучи временно перенесено (по Именному указу от 13 марта 1716 г.) в следственную канцелярию Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова, оно было окончательно закреплено в ее производстве по реестру от 9 декабря 1717 г.³²

В апреле 1719 г. в этой следственной канцелярии сменилось руководство — вместо Герасима Кошелева главой канцелярии стал гвардии майор М.А. Матюшкин.

Какие именно следственные действия были предприняты генералом Иваном Бутурлиным по отмеченному делу, установить на сегодня не удалось. Известно, однако, что единственным судебным решением, вынесенным по делу, стал Указ Петра I от 15 апреля 1724 г. об извлечении из могилы тела скончавшегося к тому времени Петра Скурихина и о подвешивании его «на железной чепи за Москвою рекою на Болоте»³³. В том же году следственная канцелярия И.И. Бутурлина подверглась упразднению.

Еще в бытность Ивана Бутурлина главой следственной канцелярии состоялось его назначение судьей Вышнего суда — высшего органа правосудия, учрежденного Петром I в январе 1723 г. По причудливому изгибу судьбы одним из первых в числе подсудимых Вышнего суда оказался недавний «министр» Тайной канцелярии, ставший затем обер-прокурором Сената, генерал-майор Г.Г. Скорняков-Писарев. 13 февраля 1723 г. судья Иван Бутурлин скрепил подписью приговор, осудивший Григория Скорнякова-Писарева к конфискации имущества и разжалованию в рядовые³⁴.

³² РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8; Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 69 об., 125–125 об.

³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 703. Л. 133 об.–134.

³⁴ Там же. Кн. 300. Л. 308–309 об.

В составе суда Иван Иванович проработал до его ликвидации в 1726 г.

В последние дни января 1725 г., сразу после кончины Петра I, И.И. Бутурлин принял активное участие в разрешении династического кризиса, вызванного тем, что первый российский император не успел назначить себе преемника³⁵. Поддержав придворную группировку во главе с «полудержавным властелином» генерал-фельдмаршалом А.Д. Меншиковым, Иван Иванович немало поспособствовал возведению на престол Екатерины Алексеевны, вдовы ушедшего из жизни императора.

Новоявленная императрица Екатерина I по достоинству оценила заслуги Ивана Бутурлина. Не случайно, как уже было отмечено, на похоронах Петра I именно ему было доверено нести в траурной процессии корону Российской империи.

21 мая 1725 г. И.И. Бутурлин был пожалован в кавалеры ордена св. Андрея Первозванного, 30 августа 1725 г. — вновь учрежденного ордена св. Александра Невского³⁶, а 8 февраля 1726 г. назначен к присутствию в Правительствующем Сенате³⁷. Это была высшая точка карьеры бывшего пленника шведского короля, открывавшая ему перспективы достойной и почетной старости. Однако далее Ивана Бутурлина подстерегало жизненное крушение.

Когда весной 1727 г. Екатерина I тяжело заболела, остро встал вопрос о том, кому наследовать престол. Наиболее вероятными кандидатурами были дочери Петра и Екатерины

³⁵ Подробнее см.: Анисимов Е.В. Россия без Петра. 1725–1740. СПб., 1994. С. 14–51.

³⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 78, 175.

³⁷ Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: материалы для биографий / сост. Н.А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 73.

Анна (1708 г.р.) и Елизавета (1709 г.р.), а также великий князь Петр Алексеевич (1715 г.р.) — сын запытанного в 1718 г. царевича Алексея.

В подобной династической комбинации почти все те, кто был непосредственно причастен к расследованию дела царевича Алексея, в том числе и И.И. Бутурлин, выступили сторонниками воцарения одной из дочерей Петра I. Иную позицию занял ставший к тому времени фактически вторым лицом в государстве А.Д. Меншиков, сумевший договориться о помолвке 12-летнего великого князя Петра Алексеевича со своей старшей дочерью Марией.

Воспользовавшись постоянным доступом к Екатерине I, Александр Меншиков добился формирования 28 апреля 1727 г. особой следственной комиссии, по итогам 3-дневной работы которой группа бывших приближенных Петра I была обвинена в заговоре и предана очередному специальному судебному присутствию — Учрежденному суду. Центральными фигурами процесса стали первый генерал-полцимейстер Санкт-Петербурга сенатор граф А.Э. Девиер, граф П.А. Толстой и все бывшие «министры» Тайной канцелярии — И.И. Бутурлин, Г.Г. Скорняков-Писарев и А.И. Ушаков³⁸. Так Иван Иванович впервые в жизни оказался в статусе подсудимого, а затем и подсудимого.

Расплата для «заговорщиков» (весь состав преступления которых ограничился несколькими разговорами в узком кругу о нежелательности прихода к власти великого князя Петра) оказалась жестокой.

6 мая 1727 г. Учрежденный суд приговорил Антона Девиера и Петра Толстого к смертной казни. В качестве дополнительных санкций осужденным назначалась конфискация имущества, а также лишение чинов, титулов и орденов.

³⁸ Подробнее см.: Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. 2-е изд. М., 1988. С. 213–236.

Иван Бутурлин был приговорен к лишению чинов, орденов и пожалованных земель и к ссылке в свои деревни.

В тот же день 6 мая 1727 г. — в день своей кончины — Екатерина I утвердила приговор³⁹. Одновременно Иван Иванович был исключен из списков Преображенского полка⁴⁰. Манифестом Петра II от 27 мая 1727 г. А.Э. Девиеру и П.А. Толстому смертная казнь заменялась на пожизненную ссылку. В части, касающейся И.И. Бутурлина, приговор остался без изменений⁴¹.

Остаток жизни Иван Иванович провел в небольшом родовом имении Крутцы Переславль-Залесской провинции, где и умер 31 декабря 1738 г. Погребли Ивана Бутурлина в подклете, под алтарем Троицкого собора Успенского женского монастыря в г. Александрове⁴². Его могила сохранилась донныне, и, спустившись в расположенную в подклете усыпальницу, можно прочитать надгробную надпись:

«Лета 7170 июня 21 числа родися раб Божий Иоанн Иоаннович Бутурлин, тезоименитство его того ж июля 24 числа, а преставися лета 7247, а от Рождества Христова 1738 декабря 31 числа в ноци то было преподобныя Мелании Римленины на день светаго Василия Великаго в Переславской своей вотчине в селе Успенском Крутец то, погребен 7247 г. от Рождества Христова 1739 году генваря 6 числа в Александровой слабаде в Успенском девиче монастыре под сею надписью,

³⁹ По всей вероятности, никакого приговора умирающая императрица не утверждала, а все итоговые документы суда были подготовлены под диктовку А.Д. Меншикова.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 16. Тогда же из списков полка был исключен и Г.Г. Скорняков-Писарев (Там же. Л. 18).

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 798–800.

⁴² Ныне — административный центр одноименного района Владимирской области.

а жития его была от рождения и да преставления 77 лет 6 месяцев и десеть дней».

Там же похоронены супруга И.И. Бутурлина — Бутурлина Марфа Тимофеевна, урожденная Савелова, один из его сыновей — Бутурлин Аркадий Иванович (1699–1775), действительный камергер, и внучка — девица Бутурлина Анастасия Аркадьевна (1733–1807), дочь Аркадия Ивановича. Кроме того, у Ивана Ивановича были сыновья Николай (ум. в 1761 г.) и Сергей, а также дочь Анна, вышедшая замуж за С.А. Головина. К середине XIX в. потомство Ивана Ивановича Бутурлина по мужской линии угасло⁴³.

§ 2. Гвардии капитан Б.Г. Скорняков-Писарев*

Имя Богдана Григорьевича Скорнякова-Писарева на сегодня можно с уверенностью счесть преданным забвению. Между тем в истории органов следствия России он явился неоспоримо заметной фигурой. Судьба Богдана Григорьевича примечательна тем, что на протяжении всего четырех лет ему сначала довелось успешно расследовать одно из наиболее резонансных уголовных дел Петровского времени о преступлениях против интересов службы, а затем оказаться фигурантом не менее резонансного сходного дела.

Богдан Скорняков-Писарев был выходцем из старинной, но захудалой фамилии каширских дворян, родоначальником которой считался «выезжий» польский шляхтич Семен

⁴³ Алабин П.В. Указ. соч. С. 179.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: Б.Г. Скорняков-Писарев // Российский следователь. 2016. № 10. С. 52–56.

Писарь. Он приходился младшим братом Г.Г. Скорнякову-Писареву, одному из руководителей Тайной канцелярии Петра I и первому обер-прокурору России.

Согласно опубликованному архивному документу, в марте 1735 г. Богдан Григорьевич показал себе 56 лет⁴⁴, так что временем его рождения следует считать 1679 или же 1678 г. В отличие от старшего брата Григория, Богдан Григорьевич ни дня не пробыл на придворных должностях, а сразу начал военную карьеру. Как указал в позднейшей челобитной сам Б.Г. Скорняков-Писарев, в службу он вступил в 1700 г. рядовым в гвардии Преображенский полк⁴⁵.

С этим полком Богдан Скорняков-Писарев прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны и злополучного Прутского похода. Каких-либо подробностей о тогдашней служебно-боевой деятельности Б.Г. Скорнякова-Писарева выявить к настоящему времени не удалось. Однако, судя по его уверенному продвижению по строевой лестнице, воевал Богдан Григорьевич достойно.

Согласно документам полкового архива, уже в 1702 г. сержант Богдан Скорняков-Писарев был произведен в прапорщики, а в декабре 1706 г. — в подпоручики (с переводом из 1-й роты в 14-ю)⁴⁶. 5 августа 1711 г. (сразу после выхода группировки российских войск из «прутского котла») Богдан Григорьевич получил чин капитан-поручика в 11-й роте, а 6 ноября 1715 г. — капитана, став командиром 14-й роты⁴⁷.

⁴⁴ Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 643.

⁴⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 2. Кн. 50. Л. 254.

⁴⁶ История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. / сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. Т. 4. Приложения. С. 22, 198.

⁴⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 127, 153.

11 ноября 1717 г. по распоряжению Петра I гвардии капитан Б.Г. Скорняков-Писарев был (в числе восьми офицеров-преображенцев) вызван из Новгорода, где дислоцировался полк, в Санкт-Петербург⁴⁸. Отныне Богдану Григорьевичу предстояло совмещать строевые обязанности с судебными.

Для начала Богдан Скорняков-Писарев был, по всей вероятности, включен в состав уже не раз упоминавшегося военного суда, учрежденного царем для рассмотрения уголовного дела по обвинению руководителя первой следственной канцелярии России гвардии майора князя М.И. Волконского в преступлениях против интересов службы. Как отмечалось выше, суд приговорил Михаила Волконского к смертной казни, публично приведенной в исполнение 9 декабря 1717 г. в Санкт-Петербурге на Троицкой площади.

Процесс над М.И. Волконским еще не завершился, когда Петр I определил Богдана Григорьевича в качестве асессора в состав одной из проектируемых новых «майорских» канцелярий⁴⁹, презусом которой предполагался батальонный командир Преображенского полка майор князь Г.Д. Юсупов, а асессорами, помимо Богдана Скорнякова-Писарева, командир 2-й роты того же полка капитан С.Б. Федоров и поручик 9-й роты И.И. Бибииков. Как известно, формальное основание следственной канцелярии Г.Д. Юсупова состоялось 9 декабря 1717 г., в день расстрела князя М.И. Волконского.

19 декабря 1717 г. Григорий Юсупов затребовал у Правительствующего Сената для своей канцелярии дьяка и подьячих, мебель, канцелярские принадлежности, а также кандалы для подсудимых, которых предстояло взять под стражу

⁴⁸ Там же. № 24. Л. 276 об.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

(«для колодников железа»)⁵⁰. Подобно иным «майорским» канцеляриям, следственная канцелярия Григория Юсупова получила в производство дела о преступлениях против интересов службы, возбужденные главным образом фискальской службой России⁵¹.

Сведений о конкретных следственных действиях, которые были предприняты Богданом Скорняковым-Писаревым в качестве ассессора канцелярии Г.Д. Юсупова, выявить к настоящему времени не удалось. Впрочем, пребывание Богдана Григорьевича в следователях канцелярии Григория Юсупова не затянулось.

5 января 1719 г. Петр I подписал указ, в котором гвардии капитану Б.Г. Скорнякову-Писареву предписывалось отправиться в Астрахань, где самостоятельно произвести следствие о должностных злоупотреблениях группы офицеров местного гарнизона во главе с обер-комендантом гвардии поручиком М.И. Чириковым⁵² (информация о которых поступила к царю от «доносителя» Михаила Смирнова). Согласно указу, Богдану Григорьевичу надлежало отстранить обер-коменданта от должности, арестовать его, провести необходимые

⁵⁰ Там же. Ф. 248. Кн. 51. Л. 11.

⁵¹ О деятельности канцелярии Г.Д. Юсупова подробнее см.: Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 44–46. Перечисляя ассессоров канцелярии, Владимир Веретенников ошибочно наименовал Б.Г. Скорнякова-Писарева «Федором Скорняковым-Писаревым» (в действительности названное лицо отсутствовало как в тогдашнем офицерском составе полков гвардии, так и в «майорских» канцеляриях).

⁵² Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 277. Оп. 2. № X–4. Л. 6–6 об. В специальном описании автографов Петра I, хранящихся в Архиве, данный указ ошибочно атрибутирован как адресованный Г.Г. Скорнякову-Писареву. См.: Автографы Петра Великого в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. Каталог / сост. С.В. Ефимов; под ред. Ю.Н. Беспярых. СПб., 1995. С. 83.

следственные действия, а затем (в случае подтверждения обвинений) этапировать подсудимых и свидетелей в Санкт-Петербург. Иными словами, Богдан Скорняков-Писарев возглавил особую следственную канцелярию⁵³.

Прибыв в Астрахань 12 марта 1719 г., гвардии капитан сумел в короткий срок прояснить картину с криминальными деяниями местных военных администраторов. Масштаб развернутых Богданом Григорьевичем следственных действий был таков, что одних только свидетелей он допросил около ста человек⁵⁴.

Уже в доношении от 29 апреля 1719 г. Богдан Григорьевич проинформировал царя о шести пунктах обвинений во взяточничестве и злоупотреблении должностными полномочиями, в которых изобличался обер-комендант Михаил Чириков⁵⁵. Одних только взяток обер-комендант набрал на внушительную сумму в 2135 рублей. Наряду с этим, как было установлено следствием, Михаил Ильич организовал контрабандную торговлю порохом, свинцом и охотничьими птицами, незаконно зачислил в астраханский гарнизон 138 стрелецких детей, беглых крестьян и дезертиров, занимался фальшивыми подрядами, расхищал рыбу из государственных запасов.

В частности, Богдан Скорняков-Писарев сумел уличить М.И. Чирикова в получении в 1713 г. крупной взятки

⁵³ Фрагментарные сведения о канцелярии Б.Г. Скорнякова-Писарева в литературе см.: Веретенников В.И. Указ. соч. С. 65–66. Научную публикацию трех документов об основании и деятельности канцелярии см.: «И по делам всем, что есть, следовать». Документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2006. № 2. С. 197–199.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 42. Л. 296 об.

⁵⁵ Там же. Л. 294–294 об.

в 200 рублей от главы администрации г. Черного Яра⁵⁶ Михаила Бакунина. Взятка была вручена обер-коменданту (при посредничестве некоего Якова Епанчина) за освобождение М. Бакунина от ответственности за хищение провианта. Ознакомившись с добытыми следствием доказательствами, Михаил Чириков дал по отмеченному эпизоду признательные показания⁵⁷.

Что касается иных подозреваемых по «астраханскому делу», то они оказались повинны лишь в грубом нарушении воинской дисциплины и в ненадлежащем бытовом поведении. Так, поручик флота Иван Кожин был уличен в неприятии мер по предотвращению массовой драки, которые его подчиненные устроили с гарнизонными солдатами, а также в «блудном» сожительстве с женой полкового лекаря. Кроме того, на Святки поручик ездил славить «в дома астраханских обывателей на верблюдах и на свиньях»⁵⁸.

4 августа 1719 г., захватив с собой 50 человек обвиняемых и свидетелей, Б.Г. Скорняков-Писарев покинул Астрахань и двинулся в Санкт-Петербург⁵⁹. Каким именно образом следствие продолжилось в столице, установить к настоящему времени не удалось. Что бы там ни было, но

⁵⁶ Ныне с. Черный Яр — административный центр одноименного района Астраханской области.

⁵⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1898. Т. 101. С. 210–211.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 42. Л. 295–295 об. Романическая история Ивана Кожина доставила Б.Г. Скорнякову-Писареву немало хлопот. Дело в том, что после ареста поручика его возлюбленная двинулась за ним в Санкт-Петербург. В свою очередь, муж ветреной дамы взялся осаждать Богдана Григорьевича просьбами содействовать ее возвращению «ему в жену по прежнему» (Там же. Л. 295 об., 303).

⁵⁹ Там же. Л. 302.

в 1720 г. М.И. Чириков был отослан в Военную коллегия для предания военному суду⁶⁰.

Впрочем, суд для разбирательства дела Михаила Чирикова был созван по указанию Петра I лишь в 1722 г., в период его пребывания в Астрахани во время Персидского похода. Председателем суда был определен сопровождавший императора в походе тайный советник и гвардии капитан П.А. Толстой⁶¹, имевший значительный опыт судебной-следственной деятельности.

Однако когда приговор суда (содержание которого осталось донныне неизвестным) был направлен на утверждение Петру I, то здесь возникла неожиданная заминка. Проявив не свойственную ему юридическую щепетильность, император неожиданно предписал выяснить, имел ли бывший обер-комендант возможность ознакомиться с Артикулом воинским 1715 г. — военно-уголовным кодексом, на основании которого квалифицировались его преступные деяния.

Поскольку, как было установлено путем опроса подъячих комендантской канцелярии и офицеров гарнизона, ни одного экземпляра Артикула воинского в Астрахань в период службы там М.И. Чирикова не поступало, Петр I не стал утверждать приговор, указав подготовить его новый вариант⁶². Несмотря на то что новый вариант приговора был подготовлен и о нем неоднократно докладывалось императору, тот так и не нашел время повторно его рассмотреть⁶³. В итоге так и не осужденный Михаил Чириков был освобожден из-под стра-

⁶⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 101. С. 232.

⁶¹ Там же. С. 207.

⁶² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 101. С. 200, 208–209.

⁶³ Там же. С. 236.

жи в Астрахани сразу после кончины Петра I на основании сенатского указа от 2 февраля 1725 г.⁶⁴

Подобные зигзаги в уголовном преследовании бывшего обер-коменданта выглядели бы загадочными, если не принять во внимание завещание, которое в октябре 1728 г. составил знаменитый «птенец гнезда Петрова» влиятельнейший генерал-адмирал граф Ф.М. Апраксин. Согласно завещанию, одним из трех душеприказчиков Федор Апраксин назначил «благодетеля моего (!) Михаила Ильича Чирикова»⁶⁵.

Что же касается Б.Г. Скорнякова-Писарева, то после завершения следствия по «астраханскому делу» его ожидало повышение по службе. По именному указу от 16 октября 1720 г. Богдан Григорьевич был произведен в полковники и назначен комендантом крепостей Полтавы и Переволочны⁶⁶. Вскоре он был переведен комендантом в Глухов — тогдашнюю резиденцию украинского гетмана⁶⁷. Однако пребывание в «Малой России» принесло Богдану Скорнякову-Писареву серьезные неприятности.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1939. Л. 18.

⁶⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 94. С. 236. Нельзя также исключить, что в истории с неутверждением приговора М.И. Чирикову оказался замешан и не менее могущественный Петр Толстой. Известно, что Петр Андреевич и Михаил Ильич вместе служили в Семеновской потешной роте, откуда в 1695 г. поступили рядовыми в гвардии Семеновский полк (Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. Приложения. С. 9). Да и в упомянутом сенатском указе об освобождении Михаила Чирикова из-под стражи подпись П.А. Толстого стоит сразу же вслед за подписью Ф.М. Апраксина.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1886. Л. 262 об.

⁶⁷ Ныне *Глухів* — административный центр одноименного района Сумской области Украины.

Началось с того, что согласно сенатскому указу от 31 марта 1721 г.⁶⁸ полковник Б.Г. Скорняков-Писарев был командирован для проверки качества межевания земель близ местечка Почеп⁶⁹, еще в 1709 г. пожалованного «полудержавному властелину» А.Д. Меншикову. Необходимость проверки была вызвана тем, что межевавший эти земли в 1718–1719 гг. дьяк Поместного приказа И.Р. Лосев в угоду Александру Меншикову присоединил к его владениям часть земель, истари принадлежавших украинским казакам⁷⁰. После жалоб, принесенных Петру I гетманом И.И. Скоропадским, царь распорядился организовать проверку межевых работ Ивана Лосева.

Предпринятая Богданом Скорняковым-Писаревым проверка не выявила между тем каких-либо нарушений при межевании. После повторных жалоб Ивана Скоропадского, высказанных императору в январе 1722 г., была назначена повторная проверка, для проведения которой в июле 1722 г. в Почеп был командирован подполковник С.И. Давыдов⁷¹.

Однако новый поворот в деле наступил отнюдь не в связи с результатами миссии Семена Давыдова, а в результате острого конфликта, разыгравшегося в октябре — декабре 1722 г. между сенатором бароном П.П. Шафировым и обер-прокурором Сената Г.Г. Скорняковым-Писаревым, родным братом Богдана Григорьевича. В письмах, направленных к находившемуся в Персидском походе Петру I, Петр Шафиров обвинил Григория Григорьевича между иного в потворстве А.Д. Меншикову в «почепском деле».

⁶⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1887. Л. 131 об.

⁶⁹ Ныне административный центр одноименного района Брянской области.

⁷⁰ Подробнее см.: Гуржій О.І. Иван Скоропадський. Київ, 2004. С. 224–228.

⁷¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 248. Л. 465 об.–467.

В существо взаимных обвинений сенатора и обер-прокурора император начал вникать 11 января 1723 г., когда состоялось первое заседание специального судебного присутствия, учрежденного для разбирательства дела Петра Шафирова и Григория Скорнякова-Писарева⁷² (это присутствие было вскоре преобразовано в постоянно функционировавший Вышний суд). В тот же день Петр I распорядился возбудить уголовные дела «О неправом межеванье Почепа, которое чинил дьяк Лосев» и «О полковнике Богдане Писареве, которой посылан был для межеванья Почепа»⁷³.

16 января 1723 г. император собственноручно написал распоряжения, в которых предписывалось арестовать Б.Г. Скорнякова-Писарева и И.Р. Лосева и этапировать их в Москву⁷⁴. Далее события развивались стремительно. Уже 10 февраля 1723 г. А.Д. Меншиков принес повинную с признанием махинаций «по делу о почепском межевании»⁷⁵.

В итоге, однако, для Богдана Григорьевича все обошлось благополучно. По всей очевидности, решающими для Вышнего суда явились данные под пыткой показания И.Р. Лосева о том, что он не обращался к Богдану Скорнякову-Писареву ни с какими просьбами проигнорировать нарушения, допущенные при межевании⁷⁶.

⁷² Публикацию материалов процесса над Г.Г. Скорняковым-Писаревым и П.П. Шафировым (в форме детального пересказа) см.: Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым / публ. П.И. Иванова // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.

⁷³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 13 об.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 356.

⁷⁵ Там же. Отд. 2. Кн. 65. Л. 232.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 62. Л. 557 об.

Насколько возможно понять, суд счел, что Б.Г. Скорняков-Писарев допустил лишь халатность, и принял решение освободить его от ответственности⁷⁷. Показательно также, что и в приговоре, вынесенном Вышним судом 13 февраля 1723 г. Григорию Скорнякову-Писареву, ни словом не упоминалось о каком-либо содействии А.Д. Меншикову в связи с историей о межевании почепских земель⁷⁸.

Наиболее пострадавшим в ходе «почепского дела» оказался дьяк И.Р. Лосев. За «учинение воровской межи» и составление «воровских межевых книг» Вышний суд приговорил в январе 1724 г. Ивана Родионовича к вырезанию ноздрей, наказанию кнутом, конфискации имущества и пожизненной ссылке на каторгу. Приговор был приведен в исполнение на Троицкой площади Санкт-Петербурга 24 января 1724 г.⁷⁹ Так Троицкая площадь⁸⁰, место расстрела руководителя первой следственной канцелярии майора М.И. Волкон-

⁷⁷ На сегодня неясно, когда именно Вышний суд принял подобное решение. По крайней мере, еще 21 сентября 1723 г. Б.Г. Скорняков-Писарев подавал челобитную с просьбой об освобождении его из-под стражи на поруки (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 23).

⁷⁸ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 308–309 об. ; Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым... С. 51–53.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 374. Л. 836, 839 об.

⁸⁰ Троицкая площадь — старейшая площадь Санкт-Петербурга на Городском (ныне Петроградском) острове, первый административный центр города. На площади находились первые петербургские постройки, в которых, в частности, располагались Сенат, Синод, коллегии, а также на ней находился деревянный Троице-Петровский собор (по которому и было дано название площади). В советское время площадь неоднократно переименовывалась. Историческое название — Троицкая — возвращено площади в 1991 г. В настоящее время площадь ограничена улицей Куйбышева, Каменноостровским проспектом и Петровской набережной вдоль Невы. С другой стороны Невы площадь соединяет Троицкий мост. Рядом с площадью находится домик Петра I и Петропавловская крепость. См.: Гусаров А.Ю. Петербургские площади. СПб., 2014. С. 89.

ского, вновь стала знаковым местом в судьбе Богдана Скорнякова-Писарева.

Окончательно страсти «по Почепу» улеглись после ухода из жизни первого российского императора. Ставший фактически вторым лицом в империи А.Д. Меншиков добился издания в декабре 1725 г. особого именного указа о своей полной реабилитации по всем возбуждавшимся против него уголовным делам⁸¹.

Бывшего дьяка Ивана Лосева освободили с каторги особым сенатским указом от 2 июня 1725 г., правда, с запретом проживать в Москве и Санкт-Петербурге⁸² и состоять на государственной службе («у дел ему нигде ни у каких не быть»)⁸³. Что же до Богдана Скорнякова-Писарева, то его вернули на прежнюю должность коменданта Глухова.

В «Малой России» Б.Г. Скорняков-Писарев прослужил до октября 1731 г.⁸⁴ Пробыв затем несколько лет «не у дел», Богдан Григорьевич был в 1735 г. уволен в отставку с военной службы с награждением чином бригадира⁸⁵. К этому времени Богдан Скорняков-Писарев являлся вполне состоятельным помещиком, владельцем 400 душ крестьян в Каширском, Лебедянском, Елецком, Владимирском и Рыльском уездах⁸⁶.

Впрочем, в том же году Богдану Григорьевичу нашлось место и на государственной гражданской службе. Сенатским

⁸¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 29. Л. 134.

⁸² Эта мера была, несомненно, связана с понесенным И.Р. Лосевым наказанием в виде вырезания ноздрей.

⁸³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1943. Л. 40.

⁸⁴ Областные правители России. 1719–1739 гг. / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 589.

⁸⁵ Упраздненный в конце XVIII в. чин бригадира находился между чинами полковника и генерал-майора.

⁸⁶ Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия. С. 643.

указом от 18 марта 1735 г. он был определен на должность воеводы⁸⁷ Елецкой провинции. Пребывая в должности елецкого воеводы, Б.Г. Скорняков-Писарев скончался 8 июня 1737 г.⁸⁸

Место погребения Богдана Скорнякова-Писарева неизвестно.

⁸⁷ То есть главы администрации.

⁸⁸ Областные правители России. 1719–1739 гг. С. 589.

Глава 6

Государственные и военные деятели, осуществлявшие отдельные расследования

§ 1. Тайный советник П.А. Толстой*

Ночь с 6 на 7 февраля 1718 г. выдалась для Санкт-Петербургского генерал-губернатора светлейшего князя А.Д. Меншикова бессонной. Отойдя ко сну по обыкновению в девятом часу вечера, Александр Меншиков был уже спустя два часа разбужен курьером, прибывшим из Москвы от царя Петра I. Переговорив с государевым посланцем «во особой комнате тайно», светлейший князь Александр Данилович приказал поднять по тревоге старших офицеров и группу солдат дислоцированных в столице гвардейских полков. Местом сбора был назначен дворец генерал-губернатора.

Явившихся к месту сбора вооруженных офицеров и солдат разделили на две группы. Первая группа, возглавленная А.Д. Меншиковым и гвардии подполковником П.М. Голицыным, арестовала в собственном доме отставного адмиралтейского советника Александра Кикина. Вторая — во главе

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: П.А. Толстой // Российский следователь. 2016. № 5. С. 38–45.

с генерал-майором Г.П. Чернышевым и гвардии майором Г.Д. Юсуповым — взяла под стражу Ивана Афанасьева, камердинера царевича Алексея Петровича. Водворив порознь закованных «в железа» арестованных в гвардейские казармы, участники операции провели в Зимнем дворце краткое совещание и в пятом часу утра разъехались по домам и местам службы¹.

Произведенные в ночь на 7 февраля 1718 г. аресты явились одними из первых следственных действий по многоэпизодному уголовному делу по обвинению в государственной измене наследника престола царевича Алексея Петровича. Следствие и суд по этому делу явились крупнейшим «политическим» процессом в истории России XVIII в., имевшим невиданный резонанс не только в нашей стране, но и во всей Европе. Ключевую роль в расследовании дела сыграл тайный советник Петр Андреевич Толстой.

Согласно генеалогическим документам, Петр Толстой принадлежал к дворянскому роду, восходившему к некоему «знатному мужу» Гендриху (Генриху, в древнерусском написании Индросу), выехавшему в 1352 г. с двумя сыновьями из Священной Римской империи на службу в Черниговское княжество. В Чернигове Гендрих-Индрос с сыновьями принял православие и стал зваться Леонтием. В XV в. правнук Гендриха-Леонтия Андрей Харитонович переехал из Чернигова в Москву, где получил «прозвание Толстой»².

При всем том, что сведения об основателе рода Толстых представляются глубоко сомнительными (приписывать себе

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 5. Кн. 26. Л. 300–301; Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М., 2000. С. 197.

² Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. 2-е изд. М., 1988. С. 119; Tolstoy N. The Tolstoys. Twenty generation of Russian History. 1353–1983. London, 1985. P. 20–21, 27.

мифических зарубежных прародителей являлось стародавней традицией российских дворян), в XVII в. представители рода заняли прочные, хотя и далеко не первостепенные позиции в рядах московской знати. Уже дед П.А. Толстого Василий Иванович достиг высокого «думного» чина окольничего. Этому же чину удостоился в 1682 г. и отец Петра Толстого Андрей Васильевич, успешно проявивший себя как администратор и военачальник.

Хотя датой рождения П.А. Толстого поныне общепринято считать 1645 г., в действительности он появился на свет несколько позднее. Согласно архивному документу, в июне 1718 г. Петр Андреевич указал себе 65 лет³, что означает, что родился он в 1653 г. (или же в 1652 г.). Первые сорок лет жизни будущего тайного советника в сохранившихся исторических источниках освещаются скудно.

Достоверно известно лишь, что поначалу служба П.А. Толстого проходила при отце (что было вполне распространенной практикой того времени). Совместно с А.В. Толстым Петру Андреевичу довелось в 1665 г. принять участие в обороне Чернигова, осажденного войсками мятежного украинского гетмана Ивана Брюховецкого, а впоследствии в русско-турецкой войне 1676–1681 гг. Несмотря на то что в 1672 г. Петр Толстой был пожалован чином стольника при дворе царицы Натальи Кирилловны, в 1681 г. он еще не имел ни государственного жалованья, ни собственных поместий.

Поныне загадочным эпизодом биографии П.А. Толстого (нуждающемся в дальнейшем изучении) явилось его участие в стрелецком восстании в Москве в мае 1682 г. Восстание это было направлено против воцарения царевича Петра Алексеевича (будущего Петра I) и привело к гибели нескольких его родственников и приближенных. По свидетельству едва

³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 8451–8662. Л. 336.

уцелевшего в те дни будущего сенатора и президента Юстиц-коллегии А.А. Матвеева, Петр Толстой вместе со старшим братом Иваном агитировал стрельцов захватить Кремль, распуская ложные слухи, что законный претендент на престол царевич Иван Алексеевич задушен Нарышкиными (родственниками матери Петра I царицы Натальи Кирилловны). Как бы то ни было, к какой-либо ответственности за участие в стрельцком восстании П.А. Толстой привлечен не был.

Первое административное назначение Петра Толстого состоялось лишь в 1693 г. и было достаточно скромным: он был назначен воеводой в удаленный от Москвы Великий Устюг. Именно там Петр Андреевич получил первую судебную практику: до 1720-х гг. главы местных администраций в России располагали не только управленческими, но и судебными полномочиями. Известно, что в 1693 г. Петр Толстой расследовал имевшее общественный резонанс дело о краже в церкви, в частности, он лично вел допросы обвиняемого Москалева под пыткой⁴.

Два года спустя судебно-административные занятия П.А. Толстого сменились на строевые: в числе других стольников он был в 1695 г. призван в армию, попав рядовым в Семеновскую потешную роту. Первоначально военная карьера Петра Андреевича не заладилась. При переформировании в том же 1695 г. потешной роты в Семеновский полк (один из первых двух полков российской гвардии) будущий тайный советник остался в числе «нижних чинов»⁵.

Из подробностей военной службы Петра Толстого на сегодня известно лишь, что в 1696 г. он принял участие во вто-

⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Пращур Льва Толстого. Граф Петр Андреевич Толстой // Исторический вестник. 1905. Т. 100. № 6. С. 865.

⁵ Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. Приложения. С. 9.

ром Азовском походе, а также был произведен сначала в прапорщики, а затем в капитаны Семеновского полка (впоследствии Петр Андреевич был номинально переведен с тем же чином в гвардии Преображенский полк). Однако впереди гвардии капитана ожидали не поля сражений, а образовательная командировка в Западную Европу. В январе 1697 г. 43-летний П.А. Толстой получил — в числе еще 37 дворян — государево предписание ехать «в европейские христианские государства “для науки воинских дел”»⁶.

За рубежом Петр Толстой пробыл почти два года: с марта 1697 г. по январь 1698 г. Более всего времени он провел в итальянских государствах, где обучался морскому делу.

Между тем в ходе заграничной поездки Петр Толстой не только освоил начала морского дела (а также в совершенстве овладел итальянским языком), но и составил пространные путевые записки. Завершенное Петром Андреевичем в 1699 г. описание своего путешествия явилось одним из выдающихся памятников российской словесности Петровского времени.

Согласно аттестату, выданному П.А. Толстому правителем Венеции 30 октября 1698 г., русский ученик прошел как теоретический курс навигации («наук теоричных... до науки морской надлежащих»), так и значительную морскую практику («до лутчаго поятия трудностей морских явное труда своего приложил прилежание... был неустрашимый в бурливости морской»)⁷.

⁶ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 / сост. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1992. С. 5. Расхожее утверждение, что П.А. Толстой вызвался ехать за рубеж добровольно (дабы завоевать доверие Петра I), никак не подтверждается документально. Вместе с тем в подготовленном в 1724 г. Петром Андреевичем описании своих служб отмеченная поездка вообще не упомянута (РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. № 183. Л. 4 об.–5).

⁷ Цит. по: Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. С. 241–242.

Как бы то ни было, по возвращении в Россию П.А. Толстой не получил назначения ни в армию, ни на государственную гражданскую службу. По всей вероятности, Петр I, имевший обыкновение лично экзаменовывать дворян, прибывших из зарубежных образовательных поездок, критически оценил уровень морских познаний Петра Толстого, а также остался недоволен тем, что Петр Андреевич вовсе не ознакомился с судостроительным делом⁸.

Поворот в карьере П.А. Толстого состоялся лишь спустя три года после возвращения из-за границы. 2 апреля 1702 г. он был назначен послом России в Оттоманской империи (Турции). Предпосылки этого назначения до сих пор неясны. Мало того что в то время Петр Андреевич не имел ни дипломатического, ни значительного административного опыта, он не входил тогда даже в дальнее окружение Петра I. В этой связи заслуживает внимания известие осведомленного французского дипломата, что должность посла Петр Толстой получил благодаря «подарку» в 2000 золотых, которые он вручил близкому к царю главе Посольского приказа боярину Ф.А. Головину⁹.

Однако каковы бы ни были обстоятельства назначения П.А. Толстого на высокий дипломатический пост, на новом поприще он проявил себя весьма успешно. Петр Андреевич сумел не только утвердить свой статус как первого постоянного посла России в Турции и организовать стационарное дипломатическое представительство в Стамбуле. Он выполнил и главную свою миссию — обеспечил благожелательный нейтралитет Турции в наиболее тяжелые для России годы Великой Северной войны¹⁰.

⁸ Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 856.

⁹ Villardeau S., de. Abregé de la vie du Comte Tolstoy / sous la dir. A. Mazon // *Analecta Slavica. A Slavonic Miscellany*. Amsterdam, 1955. P. 22.

¹⁰ Подробнее см.: Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 33–40, 47–69.

Именно на берегах Босфора в полной мере проявились такие качества Петра Толстого, как неординарное аналитическое мышление, высочайшая работоспособность, исполнительность, склонность к многоходовым интригам, коммуникабельность, незаурядные способности переговорщика¹¹. П.А. Толстой выступил также автором ряда вполне оригинальных сочинений, посвященных стране пребывания. В частности, в феврале 1706 г. посол направил в Москву подготовленное им первое в своем роде «Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота»¹².

Заслуги Петра Андреевича были по достоинству оценены главой государства. Согласно архивным документам, 28 апреля 1707 г. «за управление в Цареграде»¹³ посольских дел» Петр I пожаловал П.А. Толстому поместья в Дмитровском и Коломенском уездах, а 29 июня 1710 г. — произвел его (одним из первых в России) в чин тайного советника¹⁴.

Грянувшее в ноябре 1710 г. неожиданное объявление Турцией войны России резко изменило положение П.А. Толстого. Весь личный состав российского посольства был заключен в пользовавшийся дурной славой Семибашенный замок — Едикул (*Yedicule Zindanlari*), а имущество посольства разграблено. Как позднее свидетельствовал Петр Толстой, «приведши меня в Семибашенную фортецию посадили прежде под

¹¹ Примечательно, что, как явствует из архивных документов, до последних лет жизни П.А. Толстой обладал редким для государственного деятеля его статуса хорошо поставленным почерком с неизменно связным написанием букв, что свидетельствовало об опыте собственноручного написания значительного объема текстов.

¹² См.: Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006. С. 65–276.

¹³ Так в России в начале XVIII в. продолжали на древнерусский манер именовать Стамбул.

¹⁴ РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 48. Л. 33 ; Там же. Ф. 160. 1710. № 9. Л. 40.

башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную. И был заключен в той малой избе 17 месяцев, из того числа лежал болен от нестерпимого страдания семь месяцев... К тому же на всякой день угрожали мучением и пытками»¹⁵.

Однако на этом злключения российского посла не закончились. Будучи освобожден из тюрьмы в апреле 1712 г., Петр Толстой вновь оказался в Семибашенном замке 31 октября 1712 г. На этот раз Петру Андреевичу довелось соседствовать в темнице не только со служащими посольства, но и с близким сподвижником Петра I бароном П.П. Шафировым, прибывшим в Турцию с небольшим штатом сотрудников в качестве чрезвычайного посла после едва не закончившегося для России катастрофическим поражением Прутского похода 1711 г.

Новое заключение оказалось ничуть не легче прежнего. Попавший в Едикул офицер связи при Петре Шафирове ротмистр А.П. Вольнский сообщал в донесении, что они «в таком злом месте заключены были... что каждой ожидал смерти. Ибо не токмо света, ниже свободного воздуха, но и ветры там никогда не заходят»¹⁶.

В апреле 1713 г. дипломаты-пленники были, наконец, освобождены и осенью 1714 г. вернулись в Россию. Постоянное российское посольство в Турции было ликвидировано. В письме к секретарю царя А.В. Макарову от 21 сентября 1714 г. Петр Толстой оценил завершение своей миссии в Стамбуле как избавление от «тьмы адския»¹⁷.

Успешная дипломатическая деятельность в Турции (равно как и обретенная поддержка со стороны влиятельного Петра Шафирова) способствовали вхождению П.А. Толстого

¹⁵ Цит. по: Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 860.

¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 17. Л. 87–87 об.

¹⁷ Там же. Кн. 21. Л. 447.

в окружение Петра I. Однако какой-либо новой должности по возвращении с берегов Босфора Петр Андреевич не получил, оставшись в статусе временно прикомандированного к Посольской канцелярии. Ситуацию изменил 1717 г.

Началось с того, что в январе 1716 г. царь Петр Алексеевич отправился в длительную поездку по Западной Европе. Задачей царя было как разрешение ряда дипломатических вопросов, так и непосредственное ознакомление с зарубежными государственными институтами (что было необходимо для выработки направлений дальнейшего реформирования государственного механизма России). В небольшую группу сопровождавших Петра I сановников был включен и П.А. Толстой.

Именно в ходе этой заграничной поездки Петру Толстому суждено было получить особо важное высочайшее поручение, успешное исполнение которого окончательно переменило его судьбу. Поручение это было весьма деликатным и касалось царевича Алексея Петровича.

Сын Петра I от распавшегося брака с Е.Ф. Лопухиной, в 8-летнем возрасте разлученный с матерью, царевич Алексей характером и унастроениями был совсем не похож на отца-реформатора. Выросший в удалении от Петра I царевич ничуть не разделял ни отцовской увлеченности военными и военно-морскими делами, ни его планов по преобразованию России, а потому никак не вписывался в когорту «строителей империи».

Нередко третируемый властным отцом, неоднократно подвергавшийся от него побоям, уже готовый под отцовским давлением отречься от прав на престол, впечатлительный и эмоционально неустойчивый Алексей Петрович решился, в конце концов, на глубоко ошибочный шаг. Выехав в сентябре 1716 г. из Санкт-Петербурга для встречи с Петром I в Копенгагене, царевич изменил маршрут и, прибыв в Вену,

обратился к императору Карлу IV с просьбой о предоставлении политического убежища. По решению императора местом тайного пребывания августейшего беглеца был избран замок Эренберг (*Ehrenberg*) в Тироле¹⁸.

Внезапное исчезновение царевича крайне встревожило Петра I (первоначально он не исключал даже, что перемещавшийся без охраны, в сопровождении всего нескольких слуг Алексей стал жертвой разбойного нападения). Интенсивные поиски царевича начались в декабре 1716 г., и вскоре ситуация прояснилась. После этого стала очевидной необходимость, во-первых, установить точное местонахождение беглеца, во-вторых, убедить его вернуться в Россию, в-третьих, обеспечить его выезд с территории Священной Римской империи. Учитывая, что Алексей Петрович пребывал отныне под защитой императора, все эти задачи были трудноразрешимы.

Как бы то ни было, с первой задачей успешно справились резидент в Австрии А.П. Веселовский и прикомандированный к нему гвардии капитан А.И. Румянцев. Они сначала установили факт пребывания царевича в замке Эренберг, а затем гвардии капитан сумел проследить за перемещением августейшего невозвращенца в замок Сент-Эльмо (*Sant'Elmo*) близ Неаполя.

Разрешение еще более сложных задач по убеждению Алексея Петровича вернуться и по его беспрепятственному вывозу царь возложил на тайного советника Петра Толстого. Помощником к Петру Андреевичу был определен все тот же Александр Румянцев. 1 июля 1717 г. дипломат и гвардеец получили от Петра I пространную секретную инструкцию.

Принимая решение, кому именно поручить столь деликатную миссию, царь испытал серьезные колебания. По за-

¹⁸ Подробнее см.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 46–57, 64–81.

служивающему доверия свидетельству гвардии подполковника князя Б.И. Куракина, поручение «призвать» царевича на Родину было дано первоначально ему. Но затем «через интриги Толстова и Шафировва пременилось, и отправлен Толстой»¹⁹.

Впрочем, какие бы обстоятельства ни предшествовали данному назначению П.А. Толстого, выбор царя оказался верным. Благодаря как незаурядному интеллекту, так и выдающимся способностям переговорщика, отточенным во время пребывания в Стамбуле, П.А. Толстой выполнил секретное высочайшее задание и склонил Алексея Петровича к возвращению в Россию. Одним из решающих доводов Петра Андреевича явилось никак не предусмотренное Инструкцией заверение царевича, что отец позволит ему жениться на фаворитке Ефросинье Федоровой (к тому времени уже беременной). Столь же успешно Петр Толстой сумел преодолеть сопротивление властей Священной Римской империи, весьма настороженно воспринявших его переговоры с царевичем.

15 декабря 1717 г. Петр Толстой (еще находившийся на пути в Москву) был назначен президентом новоучрежденной Коммерц-коллегии (что означало также получение должности сенатора). На седьмом десятке лет Петр Андреевич вошел в ряды высшего руководства страны.

Возвращение Алексея дало Петру I не только возможность сурово покарать сына-невозвращенца (а заодно обеспечить права на престол родившемуся в октябре 1715 г. любимому сыну Петру Петровичу). Склонный к подозрительности царь получил также уникальный шанс прояснить степень политической лояльности любого правительственного и придворного деятеля. Достаточно лишь было выспросить

¹⁹ Архив князя Ф.А. Куракина / под ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1. С. 90–91.

у царевича, кто именно симпатизировал ему, знал, но не сообщил о его намерении бежать за границу.

Первая встреча Петра I с сыном состоялась в Ответной палате московского Кремля 3 февраля 1718 г. в присутствии большой группы «всяких чинов людей». В ходе встречи Алексей Петрович публично отрекся от прав на российский престол²⁰. Однако отречением дело не ограничилось.

Находившийся среди присутствовавших обер-фискал А.Я. Нестеров так засвидетельствовал финальный эпизод встречи: «И потом его величество изволил еще говорить громко же, чтоб показал самую истинну, кто его высочеству [царевичу] были согласники, чтоб объявил. И на те слова его высочество поползнулся было говорить, но понеже его величество от того сократил, и тем... разговор кончился»²¹.

Разговор о «согласниках», демонстративно прерванный Петром I в Кремле, разумеется, не мог не возобновиться. Неслучайно именно 3 февраля 1718 г. царь отправил А.Д. Меншикову письмо с предписанием произвести в Санкт-Петербурге описанные выше аресты.

Для наилучшего же установления всего круга потаенных оппозиционеров царь вновь призвал П.А. Толстого (что было вполне логично, учитывая предшествовавшую вовлеченность тайного советника в историю с царевичем). Уже 4 февраля 1718 г. царь предложил Алексею четыре допросных «пункта». Все они были написаны рукой Петра Андреевича Толстого²².

²⁰ Отречение Алексея Петровича было того же 3 февраля 1718 г. нормативно закреплено изданием особого «Манифеста об удалении от наследования престола царевича Алексея Петровича», незамедлительно опубликованного типографски. Современную научную публикацию Манифеста см.: Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 54–60.

²¹ Письмо обер-фискала Нестерова к князю Меншикову / публ. Г.В. Есипова // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. № 2. С. 200.

²² Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 78.

Развернувшееся в первые дни февраля расследование продлилось до июня 1718 г. Проходило оно первоначально в Москве (а точнее, в подмосковной резиденции Петра I селе Преображенском), а с конца марта — в Санкт-Петербурге²³. В феврале 1718 г. для производства расследования по делу бывшего царевича была учреждена особая следственная канцелярия ведения П.А. Толстого, по организации и полномочиям весьма сходная с уже существовавшими «майорскими» канцеляриями, расследовавшими главным образом дела по должностным преступлениям.

Функционирование следственной канцелярии П.А. Толстого продлилось, впрочем, недолго. Уже в апреле 1718 г. следственная канцелярия была преобразована в Канцелярию тайных розыскных дел (Тайную канцелярию)²⁴, возглавленную Петром Толстым и вскоре превратившуюся в специализированный суд по государственным преступлениям. В Тайной канцелярии в помощь П.А. Толстому были определены помощники — гвардии майоры А.И. Ушаков и Г.Г. Скорняков-Писарев.

Роль П.А. Толстого в расследовании дела Алексея Петровича была ключевой на всех этапах. Петр Андреевич неустанно допрашивал обвиняемых и свидетелей, проводил очные ставки, докладывал материалы дела Петру I, принимал решения (или испрашивал санкции у царя) о привлечении к делу новых фигурантов и о применении пыток, руководил подготовкой особых выписок для передачи дел в суд.

В расследовании столь масштабного и неординарного уголовного дела не мог не сказаться фактор «большой политики». С одной стороны, нельзя не констатировать, что П.А. Толстой

²³ Подробнее см.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 142–261 ; Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power. 1671–1725. Cambridge, 2004. P. 383–424.

²⁴ Веретенников В.И. Указ. соч. С. 84–85.

и его помощники проделали колоссальный объем следственных действий, установили, вероятно, исчерпывающий круг лиц, так или иначе причастных к делу опального царевича.

С другой стороны, часть уголовных дел, образовавших массив «царевичева розыска», представляются отчетливо сфабрикованными, обвинение в них основано исключительно на показаниях, которые давались под пыткой (например, уже неоднократно упоминавшееся дело руководителя одной из «майорских» канцелярий дьяка Ф.Д. Воронова). Да и наиболее важные признания Алексея Петровича были также получены в застенке.

Не вызывает сомнений, что П.А. Толстой использовал свою роль главного следователя по делу царевича не только для выявления реальных государственных преступников, но и в чисто карьерных целях. Петр Андреевич сумел с большим успехом решить двуединую задачу: и продемонстрировать Петру I грандиозные успехи в искоренении «крамолы», и скомпрометировать неугодных ему лиц в правительственной среде. В последнем случае Петр Андреевич действовал в тесном союзе с А.Д. Меншиковым, положение которого к 1718 г. весьма пошатнулось из-за многочисленных обвинений в должностных преступлениях²⁵. Именно дело Алексея Петровича (враждебное отношение которого к светлейшему князю было общеизвестно) позволило Александру Даниловичу не только восстановить доверие царя, но и при помощи Петра Толстого устранить ряд опасных политических конкурентов.

Как бы то ни было, процесс царевича Алексея Петровича завершился преданием его суду специального судебного присутствия, сформированного из 127 временных судей (в число которых вошел и П.А. Толстой). 24 июня 1718 г. после един-

²⁵ Bushkovitch P. Op. cit. P. 313–338.

ственного формального заседания суд вынес бывшему наследнику престола смертный приговор²⁶.

Привести в исполнение приговор, однако, не успели. 26 июня 1718 г. содержащийся под стражей в Трубецком бастионе Петропавловской крепости Алексей Петрович скончался²⁷.

Склонение Алексея Петровича к возвращению из Священной Римской империи и руководство следствием по его делу обернулось для П.А. Толстого чередой высочайших милостей. В 1718 г. он был пожалован высшим российским орденом св. Андрея Первозванного²⁸. 13 декабря 1718 г. «за показанную великую службу... в привезении по рождению сына его величества, а по делу злодея и губителя отца и Отечества» Петр Андреевич был произведен в действительные тайные советники и пожалован богатыми поместьями из числа конфискованных по расследованному им делу²⁹, а 7 мая 1724 г. — удостоен титула графа.

П.А. Толстой оказался на вершине успеха. Несмотря на преклонный возраст, он активно работал в Правительствующем Сенате, руководил Коммерц-коллегией и Тайной канцелярией. В 1722 г. в качестве знатока Востока и главы походной дипломатической канцелярии Петр Андреевич сопровождал

²⁶ См.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 529–536. Подпись П.А. Толстого стоит на приговоре девятой по счету.

²⁷ Вопреки популярной доньне версии, согласно которой осужденный царевич был тайно казнен по указанию Петра I группой гвардейцев во главе с А.И. Румянцевым, документы свидетельствуют о том, что смерть Алексея Петровича наступила, по всей очевидности, в результате интенсивно применявшихся к нему пыток. Достаточно сказать, что только в преддверии суда, с 19 по 24 июня 1718 г., его пытали шесть (!) раз. Подробнее см.: Переладов К.Г. Кончина августейшего колодника // Родина. 1994. № 9. С. 39–42.

²⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 74.

²⁹ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 578.

Петра I в Персидском походе. На состоявшейся в мае 1724 г. коронации императрицы Екатерины Алексеевны Петр Толстой исполнил обязанности обер-маршала церемонии.

Последовавшая в январе 1725 г. кончина императора Петра Великого хотя и явилась для П.А. Толстого поводом для изрядных переживаний³⁰, однако никак не поколебала его карьерных позиций. Более того, императрица Екатерина I (занявшая престол при активном содействии Петра Андреевича) 10 мая 1725 г. назначила его старшего сына И.П. Толстого президентом Юстиц-коллегии³¹. 30 августа 1725 г. императрица пожаловала П.А. Толстого в кавалеры ордена св. Александра Невского³². Но все это благополучие оказалось хрупким.

Потрясения ожидали Петра Андреевича весной 1727 г., когда Екатерина I тяжело заболела. Недуг императрицы со всей остротой поставил вопрос о том, кому наследовать престол. Наиболее вероятными кандидатурами были вроде бы дочери Петра и Екатерины Анна (1708 г.р.) и Елизавета (1709 г.р.). Оставался, правда, еще великий князь Петр Алексеевич (1715 г.р.) — сын умершего в 1718 г. от пыток царевича Алексея.

В подобной династической комбинации П.А. Толстой выступил, разумеется, сторонником воцарения одной из дочерей Петра I. Однако в этот момент внутривосточная конъюнктура повернулась самым неожиданным образом. За передачу престола 12-летнему Петру Алексеевичу решительно высту-

³⁰ В собственноручно написанном 31 января 1725 г. сугубо личном письме младшему сыну Петру Петровичу П.А. Толстой расценил уход из жизни Петра I как «всемогущаго Бога гнев на все государство превеликой» (Архив Санкт-Петербургского Института истории. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 129. № 11. Л. 44).

³¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1942. Л. 68.

³² Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 157.

пил «полудержавный властелин» А.Д. Меншиков, сумевший договориться о помолвке великого князя со своей старшей дочерью Марией. Тем самым сын дворцового конюха Александр Меншиков оказался в шаге от родства с правящим домом Российской империи. Соответственно, противники воцарения великого князя Петра оказались в одночасье злейшими противниками светлейшего князя.

Удар по недоброжелателям Петра Алексеевича был скор и решителен. 28 апреля 1727 г. была сформирована особая следственная комиссия, по итогам трехдневной работы которой группа бывших приближенных Петра I была обвинена в заговоре и предана очередному специальному судебному присутствию — Учрежденному суду. Центральными фигурами процесса стали первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга сенатор граф А.Э. Девиер, П.А. Толстой и его бывший помощник по Тайной канцелярии генерал-майор Г.Г. Скорняков-Писарев. Так Петр Андреевич впервые в жизни оказался в статусе подследственного, а затем и подсудимого.

Расплата для «заговорщиков» (весь состав преступления которых ограничился несколькими разговорами в узком кругу о нежелательности прихода к власти великого князя Петра) оказалась жестокой. 6 мая 1727 г. Учрежденный суд приговорил Антона Дивиера и Петра Толстого к смертной казни, Григория Скорнякова-Писарева — к ссылке. В качестве дополнительных санкций осужденным назначалась конфискация имущества, а также лишение чинов, титулов и орденов.

В тот же день 6 мая 1727 г. — в самый день своей кончины — Екатерина I утвердила приговор³³. При этом смертная казнь П.А. Толстому была заменена на ссылку в Соловецкий

³³ По всей вероятности, никакого приговора умирающая императрица не утверждала, а все итоговые документы суда были подготовлены под диктовку А.Д. Меншикова (писать светлейший князь не умел).

монастырь. Правда, в итоговом документе в число осужденных был неожиданно добавлен старший сын Петра Толстого президент Юстиц-коллегии И.П. Толстой (не привлекавшийся ни к следствию, ни к суду, а потому не упомянутый в исходном тексте приговора). Иван Петрович был направлен в ссылку вместе с отцом³⁴.

Второй раз в жизни Петру Толстому довелось оказаться в тюремных казематах. Ссылные П.А. и И.П. Толстые были водворены под круглосуточную охрану в тесные, темные и притом не отапливавшиеся кельи. Прогулок (даже внутри периметра монастырских стен) для осужденных не предусматривалось³⁵. Это были условия, мало чем отличавшиеся от тех, в которых некогда пребывал Петр Андреевич в стамбульском Еликуле.

Итог столь тяжкого заключения был предсказуем. 7 июня 1728 г. скончался заболевший цингой И.П. Толстой. Вскоре настал черед и Петра Андреевича. Как известил Учрежденный суд начальник караула капитан Григорий Воробьев, «в нынешнем 1729 году генваря с первых чисел оной Толстой заболел жестоко... И сего же генваря 30 дня оной Петр Толстой от той болезни умре»³⁶.

Иван и Петр Толстые были погребены внутри монастырской ограды, близ западной стороны Преображенского собора. В начале XX в. могила отца и сына Толстых еще сохранялась, однако надпись на надгробной плите уже полностью стерлась³⁷.

В настоящее время могила П.А. и И.П. Толстых утрачена.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 798–800.

³⁵ Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. 4-е изд. Архангельск, 1979. С. 49–50.

³⁶ Цит. по: Павленко Н.И. Указ. соч. С. 242.

³⁷ Русский провинциальный некрополь / сост. В.В. Шереметевский. М., 1914. Т. 1. С. 862.

§ 2. Гвардии майор Г.Г. Скорняков-Писарев*

Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева затруднительно отнести к числу хрестоматийно известных государственных деятелей России XVIII в. Между тем военная и правительственная карьера Григория Григорьевича была сколь успешной, столь и неординарной. Достаточно только сказать, что в чин генерал-майора Григорию Скорнякову-Писареву довелось быть произведенным трижды.

Первый обер-прокурор Российской империи Г.Г. Скорняков-Писарев был выходцем из старинной, но захудалой фамилии каширских дворян, родоначальником которой считался выезжий польский шляхтич Семен Писарь³⁸. Из рядов низового дворянства сумел выбиться лишь отец будущего обер-прокурора Григорий Нефедьевич, дослужившийся до сравнительно высокого чина «дворянина московского». Г.Н. Скорняков-Писарев позаботился дать сыну Григорию весьма необычное для России того времени домашнее образование. Как в 1722 г. засвидетельствовал Григорий Григорьевич, «отец... ево научил арихметике и геометрии»³⁹.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: Г.Г. Скорняков-Писарев // Российский следователь. 2016. № 6. С. 51–56.

³⁸ Согласно выписке из родословной росписи Скорняковых-Писаревых, составленной в 1686 г., Семен Писарь выехал на службу к великому князю московскому Василию II, от которого был в 1441 г. пожалован именем в Коломенском уезде (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 347 об.).

³⁹ Там же. Л. 348. Принимая во внимание общеизвестные впоследствии обширные математические познания Г.Г. Скорнякова-Писарева, получение им подобного начального образования представляется вероятным. Стоит также заметить, что Григорий Григорьевич обладал почти каллиграфическим, очень разборчивым почерком, причем с явно выраженными элементами графики XVII в.

Согласно архивному документу, родился Г.Г. Скорняков-Писарев в 1675 г.⁴⁰ Карьеру начал в стольниках при дворе царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана V (соправителя Петра I в 1682–1696 гг.). Затем, подобно многим другим молодым придворным, был призван в армию («взят в ученье пехотному салдацкому строю»)⁴¹.

Не вполне ясным эпизодом биографии Григория Григорьевича является его образовательная поездка в Западную Европу. Известно, что в 1697 г. для сопровождения направленного в итальянские государства князя Ивана Урусова был определен солдат Григорий Скорняков⁴². Однако традиционная идентификация этого солдата с Г.Г. Скорняковым-Писаревым вызывает сомнения: судя по всему, в Италию был командирован полуоднофамилец будущего обер-прокурора⁴³. В этой связи неясна и достоверность сведений о последующем обучении Григория Григорьевича в Берлине механике и инженерному делу⁴⁴.

Как бы то ни было, документально известно, что в 1700 г., получив первый офицерский чин прапорщика, Григорий Скорняков-Писарев оказался зачислен в бомбардирскую роту гвардии Преображенского полка⁴⁵. В ту самую роту, командиром которой, как уже говорилось, числился сам царь

⁴⁰ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 8451–8662. Л. 359.

⁴¹ Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 348.

⁴² История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / сост. П.О. Бобровский. СПб., 1900. С. 221.

⁴³ См. список личного состава бомбардирской роты Преображенского полка 1702 г. (Там же. С. 155).

⁴⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич // Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. «Сабанев — Смыслов». С. 603.

⁴⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 18.

Петр Алексеевич (проходивший в полковых документах как капитан Петр Михайлов).

Служба в привилегированном гвардейском подразделении отнюдь не явилась синекурой. С Преображенским полком Григорий Скорняков-Писарев прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны, злополучного Прутского похода. Как отметил сам Григорий Григорьевич в документе 1743 г., был я «в атаках у швецких, полских, голстинских, померанских у десяти городов и на многих баталиях и акциях»⁴⁶.

Воевал Г.Г. Скорняков-Писарев, судя по его продвижению в чинах, достойно (без реальных боевых заслуг гвардейцев тогда в чинах не повышали). Уже в 1704 г. Григорий Григорьевич стал «командующим офицером» бомбардирской роты (т.е. ее фактическим командиром), в 1711 г. — «от бомбардир» капитан-поручиком, а в январе 1716 г. — гвардии майором⁴⁷. За участие в битве при Лесной будущий обер-прокурор получил серебряную медаль, за Полтаву — обширное имение Экиматово⁴⁸.

Однако прочно вошедший в военно-походное окружение Петра I Г.Г. Скорняков-Писарев в правительственной среде продолжал оставаться фигурой малозаметной. Ситуация кардинально переменялась в 1718 г.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 11. № 788. Л. 2.

⁴⁷ История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 1-му тому. С. 157.

⁴⁸ В связи с пожалованием деревни Экиматовой Г.Г. Скорняков-Писарев попытался заменить не вполне благозвучную часть своей фамилии. В документах 1710-х гг. Григорий Григорьевич стал регулярно фигурировать как Экиматов-Писарев (подобное использование названия имения в качестве фамильного прозвища имело тогда широкое распространение среди польской шляхты). Новый вариант фамилии будущего обер-прокурора в конечном счете, однако, не утвердился.

9 февраля 1718 г. гвардии майор Григорий Скорняков-Писарев получил собственноручно написанный царем секретный указ отправиться в Суздаль⁴⁹. Боевому офицеру-артиллеристу надлежало установить возможную причастность к делу опального царевича Алексея Петровича его матери — первой супруги государя Евдокии Федоровны. Еще в 1698 г. насильно постриженная в монахини под именем Елены бывшая царица содержалась в Покровском девичьем монастыре.

Возложение на Г.Г. Скорнякова-Писарева поручения провести, в современном понимании, доследственную проверку в отношении бывшей царицы было не случайным. К 1718 г. Петр I уже неоднократно направлял лично известных ему гвардейцев для исполнения поручений следственного характера — в первую очередь в состав «майорских» следственных канцелярий.

Как бы то ни было, царь Петр Алексеевич не прогадал с новым поручением своему сослуживцу по бомбардирской роте. Прибыв 10 февраля 1718 г. в Суздаль, не имевший никакой юридической подготовки Григорий Скорняков-Писарев провел в Покровском монастыре серию грамотно организованных обысков и допросов. В итоге менее чем за недельный срок гвардии майор сумел не только получить сведения, изобличавшие Евдокию в оппозиционных настроениях, но и выявить сложившийся вокруг нее кружок единомышленников из числа светских и духовных лиц⁵⁰.

Заодно в первом же донесении от 10 февраля 1718 г. Григорий Григорьевич крайне встревожил Петра I известием,

⁴⁹ Публикацию указа см.: Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 80.

⁵⁰ Подробнее см.: Ефимов С.В. Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь : сб. науч. статей. СПб., 1995. С. 142–159.

что Евдокия Федоровна вообще не была пострижена⁵¹. Совершившееся в 1711 г. бракосочетание царя с бывшей служанкой Мартой Скавронской (в крещении Екатериной Алексеевной) оказывалось в этом случае незаконным, а родившийся в 1715 г. государев любимец царевич Петр Петрович — внебрачным⁵².

Верно оценив значение добытых Г.Г. Скорняковым-Писаревым сведений, Петр I предписал ему арестовать бывшую царицу и «ея фаворитов» и этапировать их в Москву. Уголовное дело по обвинению Евдокии и ее сообщников («суздальский розыск») стало одним из составных частей многоэпизодного дела по обвинению в государственной измене бывшего наследника престола царевича Алексея Петровича. Продолжившееся с 16 февраля 1718 г. в Москве (точнее, в подмосковной резиденции Петра I селе Преображенском) расследование дела бывшей царицы осуществлялось форсированными темпами. Общее число арестованных по «суздальскому розыску» достигло очень скоро 45 человек (включая 16 лиц духовного звания).

При всем том что основная часть фигурантов дела (включая саму Евдокию) была повинна лишь в словесной критике личности Петра I и его нововведений да в ожидании воцарения Алексея Петровича, следствию удалось, вероятно, выйти на след реального заговора против царя-реформатора. Это произошло в ходе выяснения обстоятельств взаимоотношений Евдокии с бывавшим в Суздале неким майором С.Б. Глебовым.

Будучи арестован и допрошен 20 февраля 1718 г., Степан Глебов незамедлительно дал признательные показания о якобы имевшихся у него с Евдокией Федоровной интимных

⁵¹ РГАДА. Ф. 6. № 110. Л. 1–2.

⁵² В ходе дальнейшего расследования информация о непострижении Евдокии не подтвердилась.

отношениях («жил с нею блудно»). На следующий день, 21 февраля 1718 г., эти показания Степана Богдановича на очной ставке с ним подтвердила и сама бывшая царица⁵³.

Подобные показания были крайне выгодны Петру I, весьма заинтересованному в компрометации бывшей жены. Лучшего сюжета, чем «блуд» монахини с мирянином, придумать здесь было трудно. Загвоздка в данном случае заключалась в ином.

Дело в том, что при обыске в доме С.Б. Глебова была найдена подборка зашифрованных записей («писма цифирные»). И ключ к шифру столь легко согласившийся дать показания о связи с царицей-монахиней Степан Глебов выдать отказался. Причем утвердился в этом отказе в ходе серии допросов под пыткой⁵⁴.

Отказ от выдачи ключа к шифру обернулся для С.Б. Глебова не просто смертным приговором. Сколь раздосадованный, столь и встревоженный стойкостью подследственного, Петр I распорядился подвергнуть его крайне редко применявшейся в России квалифицированной форме смертной казни — посажению на кол. На тот случай, если осужденный изъявил бы желание покаяться в ходе медленного умирания, на эшафот были направлены трое доверенных священнослужителей. Однако, несмотря на то что Степан Глебов

⁵³ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 209–210.

⁵⁴ Следствие было вынуждено удовлетвориться показаниями С.Б. Глебова, что зашифрованные записи содержали «выписки из книг» (?) и что он «цыфирь складывал сам и ни с кем не соглашался» (Там же. С. 211). Что же касается сюжета о романтических отношениях Степана Богдановича с Евдокией Федоровной, то он, по всей очевидности, явился фантазией следователей, стремившихся в угоду царю (или же по его прямому указанию) скомпрометировать бывшую царицу.

промучился на колу почти сутки⁵⁵, никаких откровений от него не последовало⁵⁶.

Исходя из обстоятельств дела С.Б. Глебова, представляется возможным предположить, что он был участником (или даже одним из руководителей) заговора против Петра I, возникшего, вероятно, в среде офицеров «полевой» армии (гвардейцы были, несомненно, глубоко лояльны царю). Как бы то ни было, тайну этого заговора (если он и в самом деле имел место) Степан Богданович унес с собой в могилу.

Из числа духовных лиц крупнейшим деятелем, изблеченным Г.Г. Скорняковым-Писаревым, явился ростовский епископ Досифей, лишенный сана 27 февраля 1718 г. (далее в судебно-следственных документах он именовался «розстрига Демид»). Как было установлено следствием, Досифей-Демид всячески покровительствовал Евдокии Федоровне, предсказывал возвращение ей статуса царицы, высказывал негативное отношение к Петру I и желал скорейшего воцарения Алексея Петровича⁵⁷.

Публичным итогом «суздальского розыска» явилось обнародование 5 марта 1718 г. беспрецедентно откровенного по содержащимся подробностям «Манифеста о бывшей царице Евдокии», типографски опубликованного в 1718 г. тремя (!) тиражами⁵⁸. Четверо фигурантов дела (включая Степана

⁵⁵ Для этого при казни Степана Глебова к колу была прибита горизонтальная рейка, чтобы казнимый под силой тяжести тела не сполз к земле. Кроме того, на казнимого надели шубу, чтобы он не замерз, и тем самым продлили его страдания. См.: Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке М., 1999. С. 558.

⁵⁶ Ефимов С.В. Указ. соч. С. 159. В 1721 г. по указанию Петра I Святейший Синод посмертно предал С.Б. Глебова анафеме.

⁵⁷ Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 212–214.

⁵⁸ Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. : сводный каталог / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич ; под ред. П.Н. Беркова. М. — Л., 1955. С. 231–233.

Глебова и расстригу Демида) были 14 марта 1718 г. приговорены к смертной казни, еще 28 — к различным телесным наказаниями. Казни состоялись в Москве на Красной площади 15 марта 1718 г. Что касается Евдокии Федоровны, то она была 20 марта 1718 г. отправлена в ссылку под строгий надзор в девичий монастырь в Старую Ладогоу.

После завершения «суздальского розыска» Г.Г. Скорняков-Писарев вслед за Петром I выехал в Санкт-Петербург. Здесь гвардии майор продолжил следственную деятельность уже на постоянной основе, будучи назначен царем в руководство только что основанной Тайной канцелярии (главой которой стал главный следователь по делу царевича Алексея Петровича уже упоминавшийся тайный советник П.А. Толстой). В новом качестве будущий обер-прокурор принял активное участие в продолжении расследовании дела царевича.

Григорий Григорьевич вошел также в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 г. Алексея Петровича к смертной казни⁵⁹. Уже после вынесения приговора Григорий Скорняков-Писарев провел 25 июля 1718 г. оказавшийся последним допрос царевича⁶⁰, скончавшегося на следующий день от последствий пыток.

Активное участие в расследовании дел Евдокии и Алексея Петровича продвинули карьеру Г.Г. Скорнякова-Писарева никак не менее, чем поля сражений. В декабре 1718 г. «за верные труды в бывшем розыске» Григорий Григорьевич получил чин полковника, 200 крестьянских дворов и каменный

⁵⁹ См.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 529–536. Подпись Г.Г. Скорнякова-Писарева стоит на приговоре 37-й по счету.

⁶⁰ Там же. С. 279, 536–537. Вероятно, именно Г.Г. Скорнякову-Писареву Петр I поручил также объявить царевичу о вынесенном ему смертном приговоре (Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power. 1671–1725. Cambridge, 2004. P. 420).

дом на Васильевском острове Санкт-Петербурга из числа конфискованных у разных лиц, осужденных по делу Алексея Петровича⁶¹.

Работая в Тайной канцелярии, Григорий Скорняков-Писарев имел отношение к расследованию многих уголовных дел. Так, в 1722 г. он провел следствие по делу воронежца И.М. Завесина, который в состоянии крайнего алкогольного опьянения объявил себя «холопом государя Алексея Петровича». Несмотря на то что, согласно добросовестно собранной Григорием Григорьевичем информации, обвиняемый в пьяном виде и ранее допускал, мягко говоря, эксцентричные выходы, он был подвергнут пытке, а затем приговорен Тайной канцелярией к наказанию кнутом⁶².

Однако судебнo-следственная деятельность в Тайной канцелярии отнюдь не исчерпывала круга занятий Григория Григорьевича. Еще 3 декабря 1718 г. царь возложил на Г.Г. Скорнякова-Писарева руководство строительством Ладожского канала. Месяц спустя, в январе 1719 г., Петр I определил Григория Скорнякова-Писарева на престижную должность начальника Морской академии⁶³. Наконец, 8 мая 1719 г. последовало высочайшее поручение Г.Г. Скорнякову-Писареву

⁶¹ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1873. Т. 11. С. 377. Будучи капитально реконструирован Г.Г. Скорняковым-Писаревым, этот дом (несколько перестроенный в XIX в.) сохранился до настоящего времени, его современный адрес: Набережная лейтенанта Шмидта, 7. Об истории дома, подвергшегося на протяжении 1710–1730-х гг. трем конфискациям, см.: Ларина Я.И. Двор на набережной. Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 99–112.

⁶² Семевский М.И. Слово и дело! 1700–1725. 2-е изд. СПб., 1884. С. 27–29.

⁶³ Веселаго Ф.Ф. Очерки русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 606.

руководить также устройством бечевника от Ладоги по рекам Волхову и Мсте⁶⁴.

Находил Григорий Григорьевич время и для интеллектуальных трудов. В августе 1720 г. Григорий Скорняков-Писарев подготовил для слушателей Морской академии «Науку статическую или механику» — первое отечественное пособие по механике⁶⁵. В феврале 1722 г. «Наука статическая...» была опубликована в Санкт-Петербурге⁶⁶.

Возглавлять Морскую академию Григорию Григорьевичу довелось три года. 18 января 1722 г. вслед за распоряжением о назначении генерал-прокурором П.И. Ягужинского император собственноручно пометил: «В обор-прокуроры Григорья Писарева»⁶⁷. Так 47-летний Г.Г. Скорняков-Писарев стал первым обер-прокурором Правительствующего Сената Российской империи. 22 января 1722 г. он был произведен в генерал-майоры.

Пребывание Г.Г. Скорнякова-Писарева на вершинах петербургской власти, однако, не затянулось. 2 октября 1722 г. обер-прокурор принес протест на незаконное решение Сената от 26 сентября 1722 г. о выплате излишнего жалованья

⁶⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 697.

⁶⁵ Сочинение Г.Г. Скорнякова-Писарева представляло собой глубокую сокращенную переработку двухтомного пособия немецкого математика и философа Иоганна Штурма «*Mathesis juvenilis, d. i. Anleitung von die Jugend zur Mathesin*», напечатанного в Нюрнберге в 1702–1705 гг. Автографический список «Науки статической...» был поднесен Григорием Григорьевичем Петру I в ноябре 1720 г. (Зубов В.П. Страница из истории механики в России первой четверти XVIII века // Труды Института истории естествознания. М., 1952. Т. 4. С. 159–171, 178–179, 181–182).

⁶⁶ Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. С. 362–363.

⁶⁷ Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский ; под ред. Б.И. Сыромятникова. М. — Л., 1945. Т. 1. С. 248.

(в размере 298 рублей 84 копеек) советнику Берг-коллегии М.П. Шафирову⁶⁸. Итогом протеста явился острейший конфликт, разгоревшийся между обер-прокурором и инициатором незаконного решения сенатором и вице-президентом Коллегии иностранных дел бароном П.П. Шафировым — старшим братом советника Михаила Шафирова.

Ареной многочисленных перепалок между Григорием Григорьевичем и бароном Петром Павловичем стали заседания Сената. В последние месяцы 1722 г. регулярно повторявшиеся «многоплодные крики» обер-прокурора и барона друг на друга стали затруднять текущую работу сенаторов. Попутно участники конфликта направили серию взаимобличающих посланий к находившемуся в Персидском походе Петру I⁶⁹. Последовавшее 18 декабря 1722 г. возвращение в Москву императора пригласило страсти.

Обратившись к делам после новогодних празднеств, государь пожелал прояснить обстоятельства недавней «междоусобной ссоры» в Сенате. 9 января 1723 г. Петр I собственноручно написал указ об отстранении от должностей обоих участников склоки и об учреждении особого Вышнего суда для разбирательства их взаимных обвинений⁷⁰. Процесс над обер-прокурором и сенатором не затянулся⁷¹.

13 февраля 1723 г. за нарушение порядка на заседаниях Сената и за ненадлежащий надзор за исполнением Сенатом одного из именных указов Вышний суд приговорил

⁶⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 96–97.

⁶⁹ Там же. Л. 99–99 об., 114–115, 181–182 об., 261–263.

⁷⁰ Там же. Л. 352–353.

⁷¹ Публикацию материалов процесса над Г.Г. Скорняковым-Писаревым и П.П. Шафировым (в форме детального пересказа) см.: Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым / публ. П.И. Иванова // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.

Г.Г. Скорнякова-Писарева к разжалованию в рядовые «до выслуги» и конфискации имущества (кроме родового). Петр I утвердил приговор без изменений⁷². Правительственная карьера бомбардира закончилась.

Вновь командированный (на этот раз без предоставления должности) на строительство Ладожского канала Григорий Скорняков-Писарев недолго пробыл в немилости у императора. Уже в мае 1724 г. по случаю коронации Екатерины Алексеевны Петр I вторично произвел опального артиллериста в полковники и вернул ему половину конфискованных деревень. Согласно собственноручной приписке императора, Г.Г. Скорняков-Писарев «и старой чин достоин был бы, но в канальном деле потачка и недосмотр»⁷³. Иными словами, восстановление бывшего обер-прокурора в чине генерал-майора помешали его упущения в деле строительства Ладожского канала.

Положение Григория Григорьевича окончательно упрочилось после кончины Петра I. 21 мая 1725 г. по предложению П.А. Толстого и А.Д. Меншикова императрица Екатерина I возвратила Григорию Скорнякову-Писареву вторую половину конфискованного имущества. 28 июля 1726 г. императрица определила Г.Г. Скорнякова-Писарева начальником Артиллерийской канторы Военной коллегии, а 24 ноября — вторично произвела в генерал-майоры⁷⁴.

Перед Григорием Григорьевичем замаячила перспектива вернуться в высшие эшелоны власти. Но бывшего обер-прокурора подстерегал новый удар судьбы.

Как уже отмечалось выше, весной 1727 г., когда стал очевиден скорый уход из жизни тяжело занемогшей Екатери-

⁷² РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 308–309 об.

⁷³ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 11. С. 548.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 11. № 788. Л. 6 об., 10.

ны I, крайнюю остроту приобрел вопрос о престолонаследии. Дилемма была несложной: или к власти приходит великий князь Петр Алексеевич (1715 г.р.), сын запытанного в 1718 г. в Тайной канцелярии царевича Алексея Петровича, или какая-то из дочерей Петра I от брака с Екатериной Алексеевной: Анна (1708 г.р.) либо Елизавета (1709 г.р.). В этих условиях у прямо причастного к гибели царевича Алексея Григория Григорьевича не было выбора: он примкнул к исподволь формировавшейся «партии» противников воцарения великого князя Петра.

Расплата оказалась скорой и весьма суровой. Будучи арестован 27 апреля 1727 г. и обвинен (заодно со своим бывшим начальником по Тайной канцелярии П.А. Толстым) в участии в мифическом заговоре⁷⁵, Григорий Скорняков-Писарев оказался во второй раз в жизни в статусе подсудимого.

6 мая 1727 г. специальное судебное присутствие — Учрежденный суд — приговорил Петра Толстого к смертной казни, Г.Г. Скорнякова-Писарева — к ссылке и некоему «наказанию». Дополнительно осужденным назначалась конфискация имущества, а также лишение чинов, титулов и орденов.

В тот же день 6 мая 1727 г., в самый день своей кончины, Екатерина I утвердила приговор. Вопреки традиции, санкция, назначенная Григорию Григорьевичу, оказалась при утверждении ужесточена: его предписывалось отослать в ссылку, «бив кнутом»⁷⁶.

Отправленный за Полярный круг, в отдаленнейшее Жиганское зимовье⁷⁷, расположенное на берегу реки Лены,

⁷⁵ Подробнее см.: Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. 2-е изд. М., 1988. С. 213–236.

⁷⁶ Полное собрание законов. Т. 7. С. 798–800. Совершенно очевидно, что никакого приговора умиравшая императрица утвердить не могла.

⁷⁷ Ныне село Жиганск — административный центр одноименного района (улуса) Республики Саха (Якутия).

примерно в 700 верстах от Якутска, Григорий Скорняков-Писарев едва не погиб от лишений. В довершение всего Григория Григорьевича взялся притеснять местный комиссар Иван Шемаев. Нимало не интересуясь былым положением и заслугами ссыльного, комиссар для начала ограбил его, затем приказал избить, а потом и вовсе пригрозил утопить⁷⁸.

Положение Г.Г. Скорнякова-Писарева изменилось, когда о нем вспомнили в Санкт-Петербурге и в мае 1731 г. (по предложению бывшего генерал-прокурора Павла Ягужинского) назначили на должность главного командира «Охотского правления». Бесправный обитатель Жиганска в одночасье превратился в единоличного управителя гигантской территории, включавшей побережья нынешних Охотского и Берингова морей, Анадырский край, Камчатский полуостров. По существу под властью формально оставшегося в статусе ссыльного Григория Григорьевича оказалась вся северо-восточная оконечность Европейско-Азиатского континента.

Впереди у Г.Г. Скорнякова-Писарева были успешные реконструкция города Охотска и обустройство Охотско-Якутского тракта, склоки с руководством Второй камчатской экспедиции (в том числе лично с Витусом Берингом), кратковременное возвращение в Жиганское зимовье, арест в 1740 г. по обвинению в упущениях по управлению краем⁷⁹. Впереди был дворцовый переворот 1741 г., долгожданная реабилитация, возвращение в Санкт-Петербург, третье производство в чин генерал-майора. И был указ императрицы Елизаветы Петровны от 23 апреля 1743 г., повелевавший Гри-

⁷⁸ Зуев А.С., Миненко Н.А. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск, 1992. С. 47.

⁷⁹ О деятельности Г.Г. Скорнякова-Писарева как главного командира Охотского правления подробнее см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 152–158.

горию Скорнякову-Писареву «жить в доме своем, и к делам никуда его не определять»⁸⁰.

Время кончины и место погребения Г.Г. Скорнякова-Писарева неизвестны.

§ 3. Генерал-майор В.И. Геннин*

Вилим Иванович Геннин⁸¹ известен ныне прежде всего как сподвижник царя и императора Петра I, видный деятель артиллерийского ведомства, выдающийся организатор металлургической промышленности России, основатель г. Екатеринбурга. Между тем, занимая различные административные должности, Вилим Геннин проявлял значительный интерес к вопросам уголовного судопроизводства, не раз обращался к судебной и следственной практике, непосредственно осуществлял следствие.

Ставший известным в России как Вилим Иванович, Георг Вильгельм Геннин (*Georg Wilhelm Henning*) родился 11 октября 1676 г. в г. Зигене (*Siegen*), тогдашней столице германского графства Нассау⁸². Будущий «птенец гнезда Петрова» происходил из семьи, имевшей голландские корни, ряд представителей которой были известны в XVII в. как просветители

⁸⁰ РГАДА. Ф. 11. № 788. Л. 12.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: В.И. Геннин // Российский следователь. 2016. № 9. С. 50–56.

⁸¹ В российских документах XVIII в. фамилия В.И. Геннина писалась различно: «Геннинг», «Генинг», «Генин», «Геник», «Генн», «Хеник», «Хенинг». Сам он подписывался по-русски «Вилим Геннин» либо «В. Геннин». Именно этот русскоязычный вариант написания его фамилии и утвердился к XX в. в качестве общепринятого.

⁸² Ныне г. Зиген — административный центр района Зиген-Виттенштайн земли Северный Рейн — Вестфалия (ФРГ).

и проповедники в Голландии и в западных германских герцогствах и графствах.

Дед В.И. Геннина — Конрад Геннин — был священником в Зигене, а затем придворным проповедником и инспектором реформатской церкви в г. Ганау, столице одноименного графства. Дядя — Генрих Геннин — состоял ректором гимназии в голландском городе Тиле, а затем профессором философии в университете г. Дуйсбурга. Отец Георга-Вилима — Иоганн Геннин — обучался в Академии в г. Ганау, некоторое время работал писарем в тамошнем казначействе, а затем служил младшим офицером в артиллерии⁸³.

Сведения о раннем периоде биографии В.И. Геннина весьма скудны. В частности, неясно, где он получил образование. По свидетельству самого Вилима Ивановича, он «несколько лет обучался и... основательно разумеет архитектуру гражданскую, домов строение, делание всяких огнестрельных вещей»⁸⁴.

Известно также, что в юности Вилим работал формовщиком⁸⁵, т.е. рабочим, изготавливающим формы для заливки в них расплавленного металла. Выбор Вилимом Ивановичем подобной специальности был вполне понятен: его родной город Зиген являлся в XVII в. одним из крупнейших центров горнорудной промышленности Западной Европы.

Судя по всему, перспективы карьеры в родных местах показались Георгу Геннину не особенно привлекательными: в мае 1698 г. в Амстердаме во время пребывания там «великого посольства из Московии» он поступил на русскую службу.

⁸³ Lück A. Georg Wilhelm Henning. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen // Siegerland. Siegen, 1972. Bd. 49. S. 9–11.

⁸⁴ Цит. по: Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / публ. М.О. Акишина. Екатеринбург, 1995. С. 4.

⁸⁵ Lück A. Op. cit. S. 11.

Для начала молодой металлург получил скромный чин фейерверкера (сержанта артиллерии) с окладом 67 рублей в год.

Обстоятельства карьеры В.И. Геннина в последующее десятилетие достаточно туманны. Согласно автобиографической записке, собственноручно написанной Вилимом Ивановичем в 1743 г. и извлеченной военным историком В.Н. Берхом из семейного архива Генниных, в 1700 г. из фейерверкеров Вилим Геннин был произведен в поручики, в 1702 г. — в капитаны, а в 1706 г. — в майоры⁸⁶. Однако каких-либо подробностей о круге занятий Вилима Ивановича в эти годы выявить к настоящему времени не удалось.

Первые документальные подробности о службе Вилима Геннина относятся к 1710 г. и связаны с его участием в осаде шведских крепостей Выборг и Кексгольм⁸⁷. Известно, в частности, что В.И. Геннин принимал участие в переговорах о сдаче Кексгольма и направлялся в крепость в качестве парламентаря⁸⁸. По случаю взятия Выборга Вилим Иванович был награжден 100 рублями, а за Кексгольм — золотой медалью с алмазами и деревней в 60 дворов⁸⁹. В том же 1710 г. В.И. Геннин был произведен в подполковники артиллерии.

В 1712 г. Вилим Иванович занимался достройкой и оснащением Пушечного литейного двора и пороховых заводов

⁸⁶ Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (окончание) // Горный журнал. 1826. Кн. 5. С. 104.

⁸⁷ Ныне г. Приозерск, административный центр одноименного района Ленинградской области.

⁸⁸ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова; под ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 360–361.

⁸⁹ Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина... (окончание). С. 105.

в Санкт-Петербурге. Наконец, в сентябре 1713 г. подполковник В.И. Геннин получил первое значительное административное назначение, став комендантом г. Олонца⁹⁰ и начальником олонечских металлургических заводов и верфи⁹¹.

Помимо руководства заводами и верфью, на коменданта были возложены полномочия как по управлению городом и Олонечким уездом в целом, так и по поддержанию правопорядка и отправлению правосудия на вверенной территории. Именно в Олонце В.И. Геннин впервые в полной мере проявил себя не только как выдающийся организатор металлургического и артиллерийского производства, но и как поборник законности, жесткий, прагматичный и неподкупный администратор.

Так, столкнувшись с массовым бегством рабочих людей с заводов, комендант предпринял сколь здравую, столь и гуманную меру: вместо традиционного наказания кнутом он ввел за побег имущественную санкцию — штраф в два рубля за месяц отсутствия на рабочем месте. В доношении своему непосредственному руководителю генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину от 22 мая 1714 г. Вилим Иванович так пояснил мотивы своего решения: «Чтоб кроволития болше не чинить, положил я за побег штрафу... Понеже их (рабочих людей) кнутом содержать (удержать) было невозможно, а вешать грех»⁹².

⁹⁰ Ныне административный центр одноименного района Республики Карелия.

⁹¹ Глаголева А.П. Олонечкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 102. Об олонечком периоде жизни и деятельности В.И. Геннина см. также: Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (продолжение) // Горный журнал. 1826. Кн. 2. С. 113–172; Кн. 3. С. 89–143.

⁹² Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (начало) // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 87.

Особой страницей пребывания Вилима Геннина в Олонце явилось его противостояние с коррумпированным местным фискалом П.А. Ижориным (на должностных лиц фискальской службы юрисдикционные полномочия коменданта не распространялись). Здесь Вилиму Ивановичу пришлось столкнуться с противодействием главы фискальской службы России А.Я. Нестерова, неизменно выступавшего в поддержку Петра Ижорина (по всей вероятности, небескорыстно). Да и генерал-адмирал Федор Апраксин занял в этой ситуации загадочно пассивную позицию.

Карьере П.А. Ижорина, казалось, пришел конец в 1717 г., когда вдова У.Н. Лобанова обвинила его в составлении фальшивого завещания и присвоении имущества ее покойного мужа⁹³. После длительных проволочек Сенат все же предписал В.И. Геннину выслать олонецкого фискала для допроса в Санкт-Петербург. Однако, когда в сентябре 1717 г. комендант направил для задержания Петра Ижорина семерых солдат, тот сумел скрыться. Нелегально прибыв затем в столицу, Петр Алексеевич явился прямо на дом к А.Я. Нестерову, который в очередной раз взял его под защиту⁹⁴. В итоге, несмотря на все усилия Вилима Геннина, П.А. Ижорин не только избежал уголовной ответственности, но и дослужился впоследствии до высоких должностей секретаря Вышнего суда, обер-секретаря Военной коллегии, получив при отставке в июле 1744 г. «генеральский» чин статского советника⁹⁵.

⁹³ Согласно исковой челобитной Улиты Лобановой от 26 марта 1717 г., завещание («духовная») было оформлено П.А. Ижориным, когда ее муж Иван Лобанов из-за тяжелой болезни уже утратил способность говорить («был безгласен»). К тому же завещание не имело подписи И. Лобанова, что, по резонному мнению вдовы, свидетельствовало о его беспомощном физическом состоянии («безсилстве»). См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Кн. 520. Л. 68.

⁹⁴ Там же. Л. 73.

⁹⁵ Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 44–45.

Будучи «нововыезжим иноземцем», В.И. Геннин сумел не только в совершенстве овладеть русским языком, но и на удивление глубоко вникнуть в специфику механизмов власти в России, а потому вел себя в ряде случаев как администратор вполне старомосковской закалки. Особенно это проявилось в отношении органов правосудия, отделенных от органов управления, которые начали создаваться в России в 1719 г.⁹⁶

Не вдохновившись передовой европейской идеей о суде, независимом от администрации (абсолютно неорганичной тогдашним российским условиям), Вилим Иванович отказался в 1721 г. принять назначенного Юстиц-коллегией в Олонец городского судью. В адресованном Юстиц-коллегии доношении от 18 августа 1721 г. Вилим Геннин прямолинейно предложил, чтобы назначавшийся в Олонец судья находился «под моею командою и без моего б ведома ничего не делал»⁹⁷.

Деятельность Вилима Ивановича в Олонце была высоко оценена главой государства. В 1716 г. Петр I произвел В.И. Геннина в полковники, а в 1719 г., во время приезда в Олонец, пожаловал коменданту свой портрет, украшенный алмазами.

6 марта 1722 г. Вилим Иванович был произведен в генерал-майоры. Вскоре последовало и новое назначение. В.И. Геннину предстояло отправиться на Урал.

Согласно инструкции, подписанной императором 29 апреля 1722 г., генерал-майор должен был прежде всего осуществить технологическую реконструкцию уральских горных заводов. Однако в ст. 3 Инструкции на Вилима Геннина возлагалось и следственное поручение. Оно гласило: «Розы-

⁹⁶ Подробнее см.: Серов Д.О. Зарождение системы судов общей юрисдикции в России (из истории судебной реформы Петра I) // *Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии.* 2009. № 1. С. 83–94.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5945. № 222. Л. 2.

скать между Демидовым и Татищевым, также и о всем деле Татищева»⁹⁸. Так под следствием Вилима Ивановича оказался работавший на Урале капитан артиллерии Василий Никитич Татищев, будущий известный государственный деятель и историограф.

На Урал, в г. Кунгур, В.И. Геннин прибыл 2 октября 1722 г. Начав выполнение инструкции Петра I с осмотра месторождений медной руды, Вилим Иванович приступил к следствию по делу Василия Татищева в первые дни декабря. Вилиму Геннину предстояло расследовать обвинение в двух эпизодах злоупотребления должностными полномочиями, которые выдвинул против В.Н. Татищева могущественный уральский горнозаводчик Никита Демидов.

Первый этап расследования завершился к середине февраля 1723 г. Проведя (лично и через уполномоченных должностных лиц) допросы нескольких десятков свидетелей из числа местных жителей и самого В.Н. Татищева, Вилим Геннин пришел к выводу о необоснованности предъявленных капитану обвинений⁹⁹. Заключение по делу — «Выписку обстоятельную из дела, что розыскивано между Демидовым и капитаном Татищевым» — В.И. Геннин направил 15 февраля 1723 г. с пространном сопроводительным письмом Петру I¹⁰⁰.

Получив 8 апреля 1723 г. материалы расследования Вилима Геннина, император направил их в тот же день на рассмотрение Вышнего суда¹⁰¹, занимавшего в реформированной судебной системе России место органа правосудия высшего звена. Придя к заключению об обоснованности выводов

⁹⁸ Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 419.

⁹⁹ Подробнее см.: Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 111–118.

¹⁰⁰ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 62. Л. 979–985.

¹⁰¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 16.

осуществленного В.И. Генниным предварительного следствия, Вышний суд вынес Василию Татищеву оправдательный приговор (единственный за все время существования суда).

Однако уже вскоре Вилим Геннин предпринял в отношении Василия Никитича новое следствие. Дело в том, что до генерал-майора дошла информация о взяточничестве Василия Татищева. Будучи непримиримым противником коррупции, Вилим Иванович не мог оставить поступившие сведения без внимания.

По поручению В.И. Геннина фискал Иван Крупенников и гвардии сержант О.А. Украинцев осуществили сплошную проверку финансовой документации уральских органов местного самоуправления. Проверка выявила ряд эпизодов получения В.Н. Татищевым в 1720–1721 гг. добровольных подношений от выборных должностных лиц в виде продуктов и денег на общую сумму 21 рубль 79 копеек¹⁰². Несмотря на, мягко говоря, скромный размер этой суммы, Вилим Геннин счел необходимым детально проинформировать о результатах второго расследования Петра I.

В письме к секретарю императора А.В. Макарову от 23 октября 1723 г. из только что основанного Екатеринбурга Вилим Иванович так пояснил мотивы, побудившие его сообщить главе государства о столь незначительном правонарушении Василия Татищева: «Хотя сие дело и малое, однако ж мне нельзя не объявить, для того что при отъезде моем присягал его величеству, чтоб мне ничего не утаить... [А если утаить, то] государь меня велит судить и розстрелять по достоинству. Того б ради всяк себя от смерти опасен и делать надобно правда»¹⁰³. Нет сомнений, что, говоря о перспективе возмож-

¹⁰² Юхт А.И. Указ. соч. С. 118–119.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 62. Л. 1056.

ной казни за упущения в расследовании, Вилим Геннин имел в виду судьбу упомянутого выше следователя М.И. Волконского, публично расстрелянного в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 г.

Между тем следственная деятельность В.И. Геннина на Урале отнюдь не ограничилась разбирательством дел Василия Татищева. Пользуясь высоким служебным статусом, Вилим Иванович попытался «навести порядок» в органах власти, пресечь преступную деятельность представителей низового звена уральской администрации. Еще только прибыв в Кунгур, Вилим Геннин распорядился с барабанным боем объявить по слободам и заводским поселкам о том, чтобы местные управители «взятков бы брать не дерзали под опасением смертной казни»¹⁰⁴.

Для начала внимание генерал-майора привлекли судебный комиссар Уктусского дистрикта Сибирской губернии В.Ф. Томилов и земский комиссар Каменского дистрикта Ф.Ф. Фефилов. Впоследствии Вилим Иванович возбудил уголовные дела также в отношении судебных комиссаров Гавриила Черкасова, Матвея Головкова и Федора Протопопова, подьячего Андрея Гобова¹⁰⁵.

Так, на комиссара М. Головкова, арестованного Вилимом Генниным в 1724 г., было подано 60 (!) исковых челобитных о вымогательстве взяток. В свою очередь, будучи допрошен Вилимом Ивановичем, Матвей Головков дал признательные показания, что за свое назначение на должность судебного комиссара он дал в 1723 г. крупную взятку вице-президенту Тобольского надворного суда Р.Т. Ушакову, а затем

¹⁰⁴ Цит. по: Корепанов Н.С. Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006. С. 19.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 295–299, 303.

дополнительно «подарил» тому же Родиону Ушакову, а также судьям Н.Б. Мещерскому и А.М. Коротееву по быку¹⁰⁶.

Что касается Венедикта Томилова, то он обвинялся в нанесении «мужикам великих обид и разорения, и волокит». Кроме того, судебный комиссар подозревался в присвоении изъятых у задержанных воров и разбойников краденых вещей и в необоснованном (и явно небескорыстном) освобождении двоих из них из-под стражи. По степени криминальной активности от В.Ф. Томилова не отставал и Федор Фефилов: на него было подано 10 исковых челобитных, в которых он обвинялся в вымогательстве взяток с применением насилия на общую сумму в 248 рублей.

Получив сведения о криминальных деяниях В.Ф. Томилова и Ф.Ф. Фефилова, Вилим Геннин незамедлительно распорядился арестовать комиссаров, а затем основал следственную канцелярию во главе с майором Тобольского драгунского полка И. Брикгаузенем. Согласно распоряжению В.И. Геннина от 12 июля 1723 г., Иоганну Брикгаузену (совместно с одним-двумя строевыми офицерами) надлежало в кратчайший срок осуществить предварительное следствие («исследовать... наискорее») по делам В.Ф. Томилова и Ф.Ф. Фефилова. Будучи допрошены в канцелярии И. Брикгаузена, комиссары незамедлительно дали признательные показания, объяснив свои преступные деяния «простотою и недоумением»¹⁰⁷.

Как уже отмечалось выше, не вызывает сомнений, что, будучи осведомлен о формах организации предварительного следствия, которые получили развитие во второй половине 1710-х гг., Вилим Геннин создал в 1723 г. уральский аналог «майорской» следственной канцелярии. Расследован-

¹⁰⁶ Бородина Е.В. Изменение основ судебного процесса в период второй областной реформы Петра Великого // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6. С. 162.

¹⁰⁷ Редин Д.А. Указ. соч. С. 298, 301.

ные дела В.И. Геннин предполагал затем передать на судебное рассмотрение в располагавшийся в подмосковном селе Преображенском¹⁰⁸ Преображенский приказ — специализированный суд по государственным преступлениям¹⁰⁹.

Проблема заключалась, однако, в том, что юрисдикционные полномочия главы уральского горного правления В.И. Геннина не распространялись на должностных лиц местных органов власти, а потому, возбудив в отношении них уголовное преследование, Вилим Иванович *de jure* значительно превысил свои должностные полномочия. По этой причине, вопреки инициативе В.И. Геннина, уголовные дела коррумпированных комиссаров были направлены в производство не Преображенского приказа, а Тобольского надворного суда.

Стремясь сохранить контроль над судебным рассмотрением возбужденных им уголовных дел, В.И. Геннин попытался давать руководящие указания никак не подчиненному ему надворному суду. Так, 31 января 1724 г. Вилим Иванович направил президенту суда князю С.М. Козловскому письмо с требованием, чтобы «вы... безделников сковав держали и по челобитным и доношениям безволокидно следовали, дабы бедной народ не вовсе разорился и могли б свои подати платить на содержание флоту и армей»¹¹⁰.

Однако все усилия В.И. Геннина по искоренению коррупции оказались тщетными. Тобольский надворный суд для начала освободил всех обвиняемых из-под стражи, а затем

¹⁰⁸ Село Преображенское прекратило существование уже к началу XIX в. В настоящее время территория, на которой располагалось село, входит в состав района «Преображенское» ВАО г. Москвы.

¹⁰⁹ О приказе подробнее см.: Серов Д.О. Преображенский приказ: судьба в эпоху построения «полицейского государства» (1717–1724 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 77–84.

¹¹⁰ Цит. по: Редин Д.А. Указ. соч. С. 305.

принялся всячески затягивать рассмотрение дел. В итоге уголовные дела по обвинению В.Ф. Томилова, Ф.Ф. Фефилова и других мздоимцев так и не были доведены до приговора.

Как «вышний горный командир» В.И. Геннин организовывал и борьбу с шайками разбойников, угрожавших металлургическим заводам. Так, летом 1724 г., узнав о намерении группы разбойников совершить нападение на поселок Егошихинского медеплавильного завода¹¹¹, Вилим Иванович организовал против них войсковую операцию. После того как захваченные разбойники на пытках признали вину, В.И. Геннин приговорил шестерых из них к смертной казни через повешение за ребра и через колесование¹¹².

Наряду с этим, как старший на Урале воинский начальник, Вилим Иванович утверждал приговоры военного суда Тобольского полка (кригсрехта). Так, за 1723 г. кригсрехт вынес 50 обвинительных приговоров, в том числе 18 смертных. Десятерых солдат, осужденных за дезертирство и пьянство на карауле к смертной казни, В.И. Геннин помиловал, найдя смягчающие обстоятельства. Еще троих солдат Вилим Иванович приказал отпустить прямо с эшафота в честь дня святых апостолов Петра и Павла.

Помилованных наказали кнутом и шпицрутенами, а затем привели к повторной присяге у полкового знамени. А вот гренадеру В.Н. Жеравцову, избличенному судом не только в дезертирстве, но и в нескольких убийствах, а также в подговоре группы солдат к побегу с целью последующего разбоя на Волге, В.И. Геннин утвердил смертный приговор.

¹¹¹ Основанный в 1723 г. Егошихинский (Ягошихинский) завод положил начало существованию г. Перми, получившего современное название в 1780 г.

¹¹² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 66. Л. 710 об.

10 августа 1723 г. Василий Жеравцов был колесован в Екатеринбурге перед строем полка¹¹³.

Помимо участия в уголовном преследовании коррумпированных комиссаров и разбойников, в первые годы пребывания на Урале В.И. Геннин выступил с рядом инициатив по совершенствованию судебного устройства Сибирской губернии. Сохранив неприятие европейского суда, независимого от администрации, Вилим Иванович высказал в письме кабинет-секретарю А.В. Макарову от 1 февраля 1724 г. мысль о необходимости сосредоточения всей полноты власти в регионе в едином органе: «Чтоб... был бы один главнейший командир, которой бы всех сибирских командиров, надворной суд и камерира¹¹⁴ мог бы ведать и штрафовать, а не так как теперь, что всякой болшой»¹¹⁵. Столь емко сформулированная Вилимом Генниным идея о «главнейшем командире» воплотилась в жизнь в полной мере уже после кончины Петра I в связи с изданием Закона от 24 февраля 1727 г. о реорганизации местного управления¹¹⁶.

Еще одной проблемой, с которой столкнулся Вилим Геннин на Урале, являлась практика объявления осужденными лицами «слова и дела» (извета) с обвинениями различных должностных лиц в совершении государственных преступлений. Дело в том, что в соответствии с тогдашним уголовно-процессуальным законодательством изветчик и оговоренный (независимо от их служебного и процессуального статуса) подлежали незамедлительному этапированию в Преображенский приказ.

¹¹³ Корепанов Н.С. Указ. соч. С. 54.

¹¹⁴ То есть главу территориального органа налоговой службы.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 66. Л. 677.

¹¹⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 744–750.

Подобная практика изрядно дезорганизовывала работу местной администрации. Так, согласно данным Сибирской губернской канцелярии, только за 1723 г. в связи с объявлением «слова и дела» на должностных лиц из губернии в Преображенский приказ было отослано 116 человек, причем ни один извет так и не подтвердился¹¹⁷.

В связи с подобной ситуацией В.И. Геннин предложил учредить в Сибирской губернии представительство Преображенского приказа. В письме императору от 22 октября 1723 г. Вилим Геннин высказал просьбу, чтобы для разбирательства дел по государственным преступлениям прислать «ис Преображенска афицера... кому изволишь верить», который «в Сибири бы жил»¹¹⁸. В направленном два дня спустя письме к главе Преображенского приказа И.Ф. Ромодановскому генерал-майор изложил соображения на этот счет более подробно.

По мысли Вилима Ивановича, командированный в Тобольск уполномоченный Преображенского приказа производил бы совместно с губернатором или вице-губернатором разбирательство дел по «слову и делу», возбуждавшихся на территории Сибири. При этом по «малым делам» проектируемое сибирское представительство приказа осуществляло бы судопроизводство в полном объеме, а в остальных случаях — ограничивалось бы досудебным рассмотрением дела, результаты которого докладывались бы затем в Преображенский приказ¹¹⁹. Однако, несмотря на серьезную обоснованность, данное предложение Вилима Геннина не нашло поддержки ни в Преображенском приказе, ни у Петра I.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1938. Л. 19 об.

¹¹⁸ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 62. Л. 1046. О конкретных эпизодах заявления осужденными преступниками в 1723–1724 гг. «слова и дела» (в том числе на В.И. Геннина) см.: Бородина Е.В. Указ. соч. С. 156–157.

¹¹⁹ Редин Д.А. Указ. соч. С. 281–282.

После кончины первого российского императора карьера В.И. Геннина развивалась вполне успешно. 24 февраля 1728 г. по случаю коронации императора Петра II его произвели в генерал-лейтенанты артиллерии¹²⁰, а 6 июля 1731 г. Вилим Иванович был пожалован в кавалеры ордена св. Александра Невского¹²¹.

После 12 лет работы на Урале¹²² В. Геннин был переведен в Санкт-Петербург и в апреле 1735 г. назначен руководителем Канцелярии Главной артиллерии и управляющим Сестрорецким оружейным заводом. На смену генерал-лейтенанту для заведывания горными заводами в Сибирской и Казанской губерниях был направлен В.Н. Татищев.

Почти сразу Василий Татищев инициировал расследование в отношении В.И. Геннина. Поводом для этого явилась информация, полученная Василием Никитичем от некоего купца Осенева.

В марте 1735 г. Василий Татищев известил кабинет-министров А.И. Остермана и А.М. Черкасского касательно утверждений Осенева о том, что Вилим Геннин, «приехав последний раз с Москвы, объявил-де мне, что он весьма разорился и якобы ему 10 000 убытка стало, и посылал де меня к Демидова приказчикам говорить, чтоб за показанные его благодеяния

¹²⁰ Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П.И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. С. 135.

¹²¹ Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 183. После награждения орденом В.И. Геннин добавил к своей фамилии французскую дворянскую частицу «де» и стал подписываться «де Геннин», а то и по-немецки «G.W. de Hennin».

¹²² За эти годы он подготовил обширное «Описание уральских и сибирских заводов», рукопись которого в марте 1735 г. поднес императрице Анне Иоанновне. Указанный выдающийся труд Вилима Геннина был опубликован лишь два столетия спустя. См.: Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 64–632.

тот его убыток наградили», в связи с чем «приказчик Демидова Степан Егоров ему, генерал-поручику, то число денег привез и отдал»¹²³.

Из ответного письма Андрея Остермана В.Н. Татищеву известно, что указанная информация была доложена императрице Анне Иоанновне, которая распорядилась провести негласное расследование выдвинутых против В.И. Геннина обвинений. Приказчик А.Н. Демидова Степан Егоров, будучи доставлен в Санкт-Петербург, показал, что в 1729 г. Вилим Геннин якобы в самом деле обращался к нему с просьбой о помощи в связи с утратой им в европейском банке 10 тысяч рублей¹²⁴ и что по поручению хозяина (Акинфия Демидова) он выдал Геннину 4000 рублей. Так через 13 лет следствие вновь свело Вилима Геннина и Василия Татищева, поменяв на этот раз их процессуальное положение местами.

Однако, несмотря на негласный характер расследования, Вилим Иванович узнал о нем, после чего обратился к А.И. Остерману с заявлением о своей невиновности и с требованием проведения очной ставки со Степаном Егоровым. Судя по тому, что положение В.И. Геннина в дальнейшем никак не поколебалось, а С. Егоров был по распоряжению Кабинета министров от 16 декабря 1735 г. отправлен обратно на Урал¹²⁵, его показания против Вилима Геннина были сочтены неосновательными. Затеянная Василием Татищевым интрига провалилась.

¹²³ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 10. С. 490–491.

¹²⁴ Что характерно, сам факт утраты В.И. Генниным банковского вклада в 10 000 руб. имел место. Согласно документу, составленному самим Вилимом Ивановичем, он потерял эту сумму в результате банкротства банка в Амстердаме (Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина... (окончание). С. 106).

¹²⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества / под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1901. Т. 111. С. 525.

Отдав службе России более 42 лет жизни, Вилим Иванович Геннин вышел в отставку и скончался 12 апреля 1750 г. в Санкт-Петербурге. За сорок с небольшим дней до ухода из жизни он составил пространное завещание, предписав похоронить его в Санкт-Петербурге «у Самсония»¹²⁶ подле своей жены Фридерики Луизы, урожденной фон Бартиг, указав погребение «произвести самым тихим образом... не палить ни из пушек, ни из ружей»¹²⁷, что и было исполнено.

Могила В.И. Геннина не сохранилась. На месте кладбища, где он был похоронен, в 1927–1928 гг. разбит сад имени Карла Маркса, переименованный в 1991 г. в Сампсониевский сад.

¹²⁶ Первое кладбище Санкт-Петербурга у церкви св. Самсония (Сампсония), поставленной в 1710 г. (в 1738 г. возведено новое каменное здание Сампсониевской церкви), на котором располагались как православные, так и иноверческие («немецкие») захоронения. На этом кладбище, расположенном на Выборгской стороне Санкт-Петербурга, хоронились умершие в 1710–1750-х гг.

¹²⁷ Публикацию подробного извлечения из завещания см.: Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина... (окончание). С. 146–149.

Глава 7

Обер-фискалы и проводимые ими расследования

§ 1. Обер-фискал А.Я. Нестеров*

В 1889 г. прокурор Московской судебной палаты действительный статский советник Н.В. Муравьев опубликовал исследование «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности». В этом труде (ставшем вскоре классическим) Николай Муравьев, обзревая историю фискальской службы России, посвятил несколько строк одному из ее руководителей А.Я. Нестерову. Николай Валерианович, один из выдающихся деятелей российской прокуратуры XIX в., так оценил деятельность своего отдаленного предшественника Алексея Нестерова: «Энергичный исполнитель мыслей Петра Великого о правительственном надзоре, необычайно усердный и неутомимый, Нестеров... остается крупной личностью в истории этого надзора в России XVIII века»¹.

Как известно, учрежденные в 1711 г. фискальские органы были наделены как функцией общего надзора, так и полномочиями возбуждать уголовные дела, собирать по ним дока-

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: А.Я. Нестеров // Российский следователь. 2016. № 22. С. 52–56.

¹ Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. С. 259.

зательства, а также выступать с обвинением в суде от имени государства (хотя порядок реализации этих полномочий законодатель не прописал). Иными словами, фискальская служба России с момента учреждения стала, в современном понимании, еще и органом уголовного преследования, т.е. была уполномочена осуществлять процессуальную деятельность в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Вместе с тем наделение фискальской службы полномочиями по возбуждению уголовного дела и по подготовке к передаче дела в суд превращало ее в своего рода следственный, а точнее сказать, в квазиследственный орган².

К этому необходимо добавить, что деятельность «майорских» следственных канцелярий — первых специализированных органов следствия России³ — была теснейшим образом связана с фискальской службой. В частности, в тяжкую годину Великой Северной войны и непрерывных реформ именно фискальской службе и «майорским» канцеляриям довелось принять на себя основную тяжесть борьбы с должностными преступлениями. В свою очередь, ключевой фигурой в деле взаимодействия фискалов и следователей Петра I явился Алексей Яковлевич Нестеров.

Обстоятельства биографии А.Я. Нестерова до поступления в фискальские органы прояснены к настоящему времени не вполне отчетливо. Доныне так и не удалось установить, кем был Алексей Нестеров по социальному происхождению и когда именно он родился. Из обстоятельств ранней биографии Алексея Яковлевича достоверно известно лишь, что до

² См. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: фискальская служба как орган уголовного преследования // Российский следователь. 2015. № 6. С. 50–55.

³ Об этих канцеляриях см. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. М., 2015. С. 34–52.

поступления на государственную гражданскую службу он был холопом⁴ думного дворянина Ф.Г. Хрущова.

В начале 1700-х гг. Алексей Нестеров выступил прибыльщиком, изобретателем новых доходов для казны⁵ (вероятнее всего, в сфере ясачного обложения⁶). В составленных независимо друг от друга записках современников сохранилась почти идентичная подборка имен холопов, которым финансовое прожектёрство открыло дорогу на государственную службу.

Как писал пребывавшей на покое окольничий И.А. Желябужский, «в том же [1704] году явились прибыльщики, люди боярские: боярина князя Бориса Алексеевича Голицына человек его⁷ Степан Вараксин, боярина князь Михайло Яковлевича Черкасского — Василий Ершов, думного дворянина Федора Григорьевича Крущова человек его Алексей Яковлев сын Нестеров и инья многие. И по указу государеву велено им сидеть и чинить государю прибыль...»⁸.

В свою очередь, будущий гвардии подполковник и действительный тайный советник князь Б.И. Куракин отмечал в дневнике: «Канцелярия Низовая, суд весь Казанского дворца⁹ взят... и все оброчныя статьи взяты из прибыли, кото-

⁴ То есть феодально зависимым лицом, лишенным правосубъектности.

⁵ Получившее широкую поддержку властей движение прибыльщиков началось в 1699 г. с предложения холопа А.А. Курбатова (будущего архангелогородского вице-губернатора) завести в России гербовую бумагу. Вскоре были «вымышлены» сборы с бань, мельниц, постоянных дворов, рыболовецких угодий.

⁶ То есть налогов для коренных народов Поволжья.

⁷ То есть холоп.

⁸ Желябужский И.А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / сост. А.П. Богданов. М., 1990. С. 308.

⁹ То есть Приказа Казанского дворца (Казанского приказа) — центрального органа, ведавшего в административном, судебном и финансовом отношении Поволжьем (землями бывших Казанского и Астраханского ханств).

рья то выдали — человек князь Бориса Алексеевича Голицына Степан Вараксин да Хрущова — Алексей Нестеров... Того ж [1705] года Дворец взят весь в особую канцелярию, а взял на себя Василий Ершов, человек князя Михаила Яковлевича Черкасского да в товарищех Яков Акиншин, человек князя Петра Голицына. А взяли все дворцовыя волости из прибыли в полтора, что плачивали прежде сего...»¹⁰.

Все названные лица в 1704 г. начали работу в ведавшей сбором новых налогов Семеновской приказной палате. В структуре палаты (переименованной в январе 1705 г. в Ингерманландскую канцелярию) А.Я. Нестеров возглавил Ясачную канцелярию. В подготовленном в 1722 г. «Реэстре делам, кои учинены в прибыль его императорскому величеству и всему государству Алексеем Нестеровым» сам Алексей Яковлевич исчислял доходы, полученные казной за 1705–1722 гг., благодаря предложенной им системе налогообложения ясачного населения, в 3 млн рублей¹¹.

Проверить приведенную цифру сегодня крайне затруднительно, однако необходимо заметить, что, как явствует из архивного документа, в 1704 г. Алексей Нестеров получил из доходов канцелярии более чем внушительный оклад в 500 рублей, а в 1705 г. — в 250 рублей¹². Денежные выплаты подобного размера могли быть назначены только в случае успехов вверенной А.Я. Нестерову канцелярии в деле сбора новых налогов.

Вероятно, в 1708 г. Алексей Яковлевич перевелся в Ямской приказ, а в 1710 г. занял должность комиссара

¹⁰ Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф.А. Куракина ; под ред. М.И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1. С. 270.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 75.

¹² Там же. Ф. 26. Оп. 2. № 6. Л. 201.

в Московской губернской канцелярии. В 1711 г., еще в бытность комиссаром, А.Я. Нестеров разоблачил взяточничество дьяка Д.И. Новикова. Как сумел установить Алексей Нестеров, дьяк получил от откупщика Лукьяна Чижова (хлопотавшего о получении подряда на ремонт Яузского моста) внушительную сумму в 400 рублей, чтобы «был бы добр». После не особенно затяжного судебного разбирательства опрометчиво пообещавший откупщику «во всяких делах чинить всякое вспоможение» (общее покровительство в современном понимании) Данила Новиков был в декабре 1711 г. приговорен Правительствующим Сенатом к наказанию кнутом и штрафу в 1400 рублей¹³.

С должности комиссара в середине декабря 1711 г. Алексей Нестеров поступил в фискалы¹⁴, заняв вскоре должность провинциал-фискала при главе службы обер-фискале М.В. Желябужском. На новом месте Алексей Яковлевич, что называется, «нашел себя», его служебная активность воистину не знала границ. Так, из 107 уголовных дел, возбужденных фискальской службой в июле — октябре 1713 г., по данным, собранным Алексеем Нестеровым, было возбуждено 62 дела (и еще семь дел было возбуждено им совместно с иными фискалами)¹⁵. В свою очередь, из 18 доношений фискальской службы, поступивших в 1712–1715 гг. в кабинет Петра I, 13 доношений было направлено царю единолично А.Я. Нестеровым, а три — М.В. Желябужским совместно с А.Я. Нестеровым и московским фискалом С.Н. Шепелевым¹⁶.

¹³ Там же. Ф. 248. Оп. 106. № 20. Л. 13, 165–165 об.

¹⁴ Анпилогов Г.Н. Фискалитет при Петре I // Вестник МГУ. Серия: Историко-филологическая. 1956. № 2. С. 66.

¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 89.

¹⁶ Шестаков С.Е. Формирование института гражданских фискалов в России в первой трети XVIII в. // Реформы в России XVI–XIX вв. : сб. науч. тр. / под ред. И.А. Булыгина. М., 1992. С. 106.

Так, 13 июля 1713 г. А.Я. Нестеров направил в Правительствующий Сенат доношение о возбуждении им уголовного дела в отношении офицера Иова Вельяшева, который, уклоняясь от военной службы, поселился в г. Воротынске¹⁷ Смоленской губернии, где стал выдавать себя за сыщика¹⁸. Заодно лжесыщик поселил в своем доме в Москве еще одного уклониста, дворянина Евдокима Кишинского, который из страха попасть на фронт «и имя свое переменял, и называющегося Федором, а в службу годен»¹⁹. 28 июля 1713 г. Алексей Яковлевич доложил Сенату о возбуждении уголовного дела в отношении стольника Степана Нелединского-Мелецкого, укрывшего в своей вотчине двух дезертиров, одного из которых его крестьяне убили, а тело сбросили в реку²⁰.

Петр I уделял сведениям, полученным от фискалов, большое внимание. В 1713 г. царь даже вступил в личную переписку с А.Я. Нестеровым, направив ему три послания²¹. В письме Сенату от 2 июня 1713 г. Петр I пригрозил сенаторам, замедлившим рассмотрение дел по доношениям А.Я. Нестерова, смертной казнью²².

Не ограничиваясь выявлением криминальных деяний низших региональных администраторов и канцелярского персонала центральных ведомств, фискалы нередко возбуждали

¹⁷ Ныне — село в Перемышльском районе Калужской области.

¹⁸ То есть за должностное лицо, направленное в регион для борьбы с разбоями.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 89. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 25.

²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого / под ред. А.А. Преображенского. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 130 ; Там же. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 50, 128–129.

²² Там же. С. 40–41. Поводом к этому весьма резкому посланию послужило обращение к царю А.Я. Нестерова, пожаловавшегося, что сенаторы не вынесли приговоров ни по одному из возбужденных им уголовных дел (РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 2).

уголовные дела и против могущественных сановников. Так, именно А.Я. Нестеров рискнул начать собирать доказательства по грандиозной «подрядной афере», большинство фигурантов которой составляли высшие должностные лица (включая самого «полудержавного властелина» генерал-фельдмаршала А.Д. Меншикова, а также сенаторов В.А. Апухтина и Г.И. Волконского).

Вопрос об участии представителей высшей администрации в подрядных махинациях был впервые поднят Алексеем Яковлевичем в письме Петру I от 9 апреля 1713 г.

В этом обширном послании, не называя еще имен Василия Апухтина и Григория Волконского, Алексей Нестеров упомянул о сенаторах, которые «вступили в сущее похищение казны вашей чрез посторонния имена»²³.

Позднее, в упоминавшемся «Реестре делам, кои учинены в прибыль его императорскому величеству и всему государству Алексеем Нестеровым» от июня 1722 г., он отметил: «А о чом... о Волконском и Опухтине с протчими розыск был, проведено и усмотрено преж других всех мною ж»²⁴.

Провести предварительное следствие по «подрядной афере» царь поручил следственной канцелярии во главе с гвардии подполковником князем В.В. Долгоруковым²⁵ (ставшей второй по времени создания следственной канцелярией России). Финал дела вышел для разоблаченных А.Я. Нестеровым сенаторов драматичным.

Вот как в Походном журнале Петра I была описана состоявшаяся 6 апреля 1715 г. на Троицкой площади Санкт-Петербурга «эксекучия»: «И приведши их на площадь, где по-

²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 362.

²⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 76 об.

²⁵ См. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь В.В. Долгоруков // Российский следователь. 2016. № 13. С. 49–55.

ложена была плаха и топор, объявлен указ: сенаторам двум, Волконскому и Апухтину за вины их (что они, преступая присягу²⁶, подражались сами чужими именами под правянт и брали дорогую цену, и тем народу приключали тягость) указано их казнить смертью, однако от смерти освобождены, толко за лживую их присягу обожжены у них языки, и имение их все взято на государя»²⁷.

Наряду с сенаторами различным телесным и членовредительным наказаниям 6 апреля 1715 г. подверглись еще несколько замешанных в подрядных махинациях должностных лиц (в том числе был наказан кнутом Санкт-Петербургский вице-губернатор Я.Н. Римский-Корсаков), а также группа уличенных фискалами во взятках дьяков Военной канцелярии.

События 6 апреля 1715 г. знаменовали крупный успех инициатора расследования А.Я. Нестерова. Неслучайно уже на следующий день, 7 апреля 1715 г., был издан именной указ, согласно которому Алексей Нестеров занял давно заслуженный им пост обер-фискала. Прежний обер-фискал М.В. Желябужский сенатским указом от 15 апреля 1715 г., был определен ландратом²⁸ в Смоленскую губернию²⁹. В истории фискальской службы открылась новая глава.

Став во главе фискальской службы, А.Я. Нестеров еще более активизировал ее работу. Под руководством и при непосредственном участии Алексея Нестерова фискалы возбуждали в 1715–1717 гг. такие резонансные уголовные дела, как

²⁶ Имеется в виду присяга на верность государственной службе от 2 марта 1711 г. (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 4. С. 635).

²⁷ Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 13.

²⁸ То есть главой администрации низшей административно-территориальной единицы — доли.

²⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 342.

о «преступлении указов» сенатором М.М. Самариним, губернаторами К.А. Нарышкиным и П.А. Голицыным, вице-губернаторами П.Е. Лодыженским, В.И. Гагариним и С.И. Путягиным, начальником снабжения флота Г.П. Чернышевым. Продолжился начатый еще в 1713–1714 гг. сбор информации о финансовых злоупотреблениях и взяточничестве А.Д. Меншикова, сенаторов Я.Ф. Долгорукова и П.М. Апраксина (относившихся главным образом к его губернаторству в Казани), сибирского губернатора М.П. Гагарина, главы Мундирной канцелярии М.А. Головина, адмиралтейского советника А.В. Кикина.

Однако, какую бы ценную информацию ни добывали фискалы, какое бы упорство ни демонстрировал новый обер-фискал в доведении этой информации до царя и Сената, механизм реализации информации подобного рода по-прежнему раз за разом стопорился. Расследования уголовных дел по фискальским доношениям волокитились, приговоры по ним почти не выносились.

В 1717 г. Петр I оказался вынужден вновь, как и в 1713 г., понукать сенаторов по поводу скорейшего рассмотрения дел, возбужденных фискальской службой. В направленном из зарубежной поездки письме Сенату от 16 апреля 1717 г. царь указал между иного, чтобы по делам о казнокрадстве «о которых фискалы будут доносить, чтоб немедленная инквизиция была и эксекуция»³⁰.

Как известно, в том же 1717 г. для ускорения досудебного производства по уголовным делам, возбужденным фискальской службой, Петр I решил учредить сразу несколько новых следственных канцелярий. Подборки уголовных дел, возбужденных А.Я. Нестеровым и его подчиненными, получили «майорские» канцелярии, учрежденные 9 декабря 1717 г. Так,

³⁰ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 7. Л. 233.

следственная канцелярия гвардии подполковника П.М. Голицына получила дела по обвинениям А.Д. Меншикова, А.В. Кикина, К.А. Нарышкина, С.И. Путятина, следственная канцелярия гвардии майора М.Я. Волкова — дела Г.П. Чернышева и В.И. Гагарина. Дело столь длительно обличавшегося фискальской службой М.П. Гагарина оказалось в производстве следственной канцелярии гвардии майора И.И. Дмитриева-Мамонова³¹.

Сам Алексей Яковлевич в «Реэстре делам, кои учинены в прибыль его императорскому величеству и всему государству Алексеем Нестеровым» резюмировал личный вклад в возбуждение уголовных дел, расследовавшихся «майорскими» канцеляриями, следующим образом: «И в новоопределенных маюрских канцеляриях показано доносами и обличениями [моими] за Гагариным и другими виноватыми... интересов немалыя тысящи [рублей], что уже в казну и сыскано, а иныя отыскивают»³².

Однако, явившись бесстрашным разоблачителем многих «господ вышних командиров», А.Я. Нестеров сам со временем встал на преступный путь. Чем дальше, тем больше Алексей Яковлевич начал вымогать взятки с подчиненных, покрывать их противоправную деятельность, заниматься хищением казны, возбуждать уголовные дела по заведомо ложным основаниям. Так, в сентябре 1720 г. обер-фискал направил царю доношение с фальсифицированными обвинениями в совершении должностных преступлений ассессорами следственной канцелярии М.А. Матюшкина гвардии поручиком В.И. Ивановым и гвардии подпоручиком В.Г. Языковым³³.

³¹ Там же. Ф. 248. Кн. 51. Л. 30–31, 34 об.–36 об., 41–42.

³² Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 75 об.–76.

³³ См. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: В.И. Иванов и В.Г. Языков // Российский следователь. 2016. № 20. С. 45–52.

Расплата наступила в сентябре 1722 г., когда Алексей Яковлевич был арестован по начавшемуся полугодом ранее «делу фискалов». Следствие по этому делу осуществлялось сначала следственной канцелярией генерал-прокуратуры, а затем Розыскной конторой Вышнего суда³⁴. Основную работу по расследованию многоэпизодного дела провел прокурор Военной коллегии гвардии капитан Е.И. Пашков³⁵, бывший ассессор следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова.

В январе 1724 г., после последних допросов А.Я. Нестерова, проведенных лично Петром I³⁶, Егор Пашков подготовил развернутое обвинительное заключение по его делу³⁷. В общей сложности Е.И. Пашков вменил бывшему обер-фискалу 39 эпизодов преступной деятельности (главным образом получение взяток). В резюмирующей части заключения, в частности, говорилось о том, что «он, Нестеров, не токмо за другими [не] смотрел и [не] доносил, но сам его императорского величества указы презирал и казенные денги... крал и, ведая за другими кражу казны и указом его императорского величества противные дела, для дружбы не доносил и имал с них великие взятки...»³⁸.

В качестве санкции Егор Иванович предложил приговорить А.Я. Нестерова к квалифицированной смертной каз-

³⁴ См. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: следственная канцелярия генерал-прокуратуры и Розыскная контора Вышнего суда // Российский следователь. 2015. № 7. С. 52–55.

³⁵ О нем см. подр.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: Е.И. Пашков // Российский следователь. 2016. № 7. С. 49–55.

³⁶ Эти допросы состоялись 16 и 18 января 1724 г. В обоих случаях к А.Я. Нестерову были применены пытки (подъем на дыбу, битье кнутом и жжение огнем) (РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 633, 635).

³⁷ См.: Там же. Л. 683–689.

³⁸ Там же. Л. 688 об.—689.

ни через колесование³⁹. Подобная санкция не была предусмотрена ни в одном из законодательных актов, по которым были квалифицированы предъявленные бывшему обер-фискалу обвинения. По всей вероятности, в данном случае при подготовке обвинительного заключения Е.И. Пашков принял во внимание некую устно выраженную «рекомендацию» Петра I, весьма болезненно воспринявшего разоблачение криминальных деяний А.Я. Нестерова.

22 января 1724 г. в ходе однодневного заседания Вышний суд, заслушав обвинительное заключение, признал А.Я. Нестерова виновным по всем пунктам обвинения и приговорил его к смертной казни через колесование. Император утвердил приговор без изменений⁴⁰.

24 января 1724 г. в числе 12 осужденных по «делу фискалов» Алексей Нестеров взошел на эшафот. Конец жизни бывшего прибыльщика и обер-фискала был зафиксирован в лаконичной записи секретаря суда: «Таков указ оному Нестерову в Санкт-Петербурге сказан⁴¹, и генваря 24 дня 1724 года на Троицкой площади экзекуция учинена, казнен колесованием»⁴².

Петр I счел «дело фискалов» столь общественно значимым, что того же 24 января 1724 г. распорядился подготовить особый информационный листок с изложением «преступлений бывшего обер-фискала Нестерова и протчих» и отпечатать его «для всенародного известия»⁴³. 11-страничное «Объявление о бывшей экзекуции в Санкт-Петербурге генваря в 24 день 1724 году» вышло в свет уже 4 марта 1724 г.⁴⁴

³⁹ Там же. Л. 689.

⁴⁰ Там же. Л. 690–691.

⁴¹ То есть публично оглашен приговор.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 694.

⁴³ Там же. Кн. 374. Л. 836.

⁴⁴ Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. : сводный каталог / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич ; под ред. П.Н. Беркова. М. — Л., 1955. С. 437.

16 марта 1724 г. Правительствующий Сенат указал разослать экземпляры «Объявления» по центральным и местным органам власти (для ознакомления прежде всего государственных служащих)⁴⁵.

Место погребения А.Я. Нестерова неизвестно.

§ 2. Обер-фискал М.А. Косой*

Имя Михаила Андреевича Косого известно сегодня разве что специалистам по истории отечественных еретических движений. Между тем М.А. Косой был не только еретиком, но и видным деятелем фискальской службы России⁴⁶, тесно связанным по роду деятельности с «майорскими» следственными канцеляриями.

На сегодня достоверно известно, что родился М.А. Косой в 1662 г.⁴⁷ Последующие сведения о биографии Михаила Косого относятся к 1682 г., когда он — записной⁴⁸ каменщик, житель столичной Кошельной слободы — принял участие в беспорядках в Москве в период безвластия после майского выступления стрельцов. Согласно Записной книге Приказа каменных дел, в 1682 г. М.А. Косой «с товарищи... ходили бунтом к дьяком и подьячим на дворы и брали с них

⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 374. Л. 842–842 об.

* Параграф подготовлен на основе материалов статьи: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: М.А. Косой // Российский следователь. 2016. № 23. С. 51–56.

⁴⁶ Подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: фискальская служба как орган уголовного преследования // Российский следователь. 2015. № 6. С. 50–55.

⁴⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 26. Оп. 1. Кн. 8451–8662. Л. 425.

⁴⁸ В современном смысле — сертифицированный.

денги»⁴⁹. Впрочем, более вероятным представляется предположение, что каменщики во главе с Михаилом Косым занимались не грабежом, а просто насильственно взыскали суммы, причитавшиеся им за возведение на Красной площади в конце мая — начале июня 1682 г. каменного столпа, прославлявшего стрельцов⁵⁰.

Как бы то ни было, криминальные похождения каменщиков не остались безнаказанными. Взятые под стражу после восстановления порядка, они были в 1683 г. отправлены в ссылку в Сибирь. В ссылке Михаил Косой пробыл около пяти лет. Обстоятельства его возвращения в Москву остались поныне непроясненными.

Лично знавший каменщика преподаватель московской Математико-навигаторской школы Л.Ф. Магницкий утверждал впоследствии, что М.А. Косой прибыл в столицу «тайно собою», иными словами, бежал из ссылки⁵¹. Поскольку предпринятые поиски в архиве Приказа каменных дел указа об освобождении Михаила Косого в 1714 г. оказались безуспешными⁵², следует предположить, что он в самом деле самовольно покинул место ссылки. По свидетельству Леонтия Магницкого, после возвращения из Сибири, сблизившись с некими Яковом Якимовым и Д.Е. Тверитиновым, М.А. Косой «принял развращение благочестия», проникся еретическими воззрениями протестантского толка⁵³.

⁴⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода / под ред. Н.И. Верховского. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. Приложения. Стб. XXXIII.

⁵⁰ Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 187.

⁵¹ Магницкий Л.Ф. Записка по делу Тверитинова. СПб., 1882. С. 3.

⁵² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 2. Ч. 1. Приложения. Стб. XXXIII–XXXIV.

⁵³ Магницкий Л.Ф. Указ. соч. С. 3.

Новый поворот судьбы ожидал Михаила Андреевича на исходе 1711 г. По указу Правительствующего Сената от 27 декабря 1711 г. М.А. Косой в качестве целовальника⁵⁴ по приему и покупке строительных материалов был направлен в Санкт-Петербург⁵⁵. Довелось ли Михаилу Андреевичу потрудиться на строительстве новой столицы, на сегодня установить не удалось. Более определенно можно сказать иное: не позднее 1713 г. М.А. Косой оставил ремесло каменщика и поступил в фискалы.

Кто именно содействовал поступлению Михаила Косого на государственную гражданскую службу, осталось не ясным (хотя, судя по последующим событиям, это мог быть кто-то из князей Долгоруковых). Бесспорно известно другое: по именному указу от 24 апреля 1713 г. фискалу Михаилу Андрееву (как в начале 1710-х гг. начал именовать себя М.А. Косой⁵⁶) было поручено провести проверку финансовой деятельности Московской Большой таможни и Ратуши⁵⁷. Благодаря возложенному на него высочайшему поручению,

⁵⁴ То есть выборного должностного лица.

⁵⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1880. Т. 1. С. 401–402.

⁵⁶ Попытки смены фамилии М.А. Косому в полной мере не удалось — слишком многие современники, очевидно, помнили его прежнее фамильное прозвание. Однако протянувшееся через десятилетия, регулярно повторявшееся в документах альтернативное именование Михаила Андреевича ввело в заблуждение выдающегося знатока XVIII в. профессора истории русского права А.Н. Филиппова. Подробно описав в монографии 1895 г. финал карьеры «обер-фискала Михаила Косого», исследователь чуть ниже отметил, что «у нас нет указаний, остался ли в должности... обер-фискал Михаил Андреев» (Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Юрьев, 1895. Ч. 1. С. 290, 292).

⁵⁷ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1887. Т. 3. Кн. 1. С. 226.

М.А. Косой-Андреев стал заметной фигурой в бюрократических кругах бывшей столицы.

Новые занятия Михаила Андреевича отнюдь не угасили его давнюю склонность к «еретическому мудрованию». Свои неканонические взгляды он открыто высказывал теперь в стенах московских канцелярий, став активным участником еретического кружка Д.Е. Тверитинова. Принимавшая все более значительные масштабы еретическая агитация не могла не встревожить церковные власти. В результате проведенного в 1713–1714 гг. расследования были установлены все активные участники кружка Дмитрия Тверитинова. 24 октября 1714 г. состоялось соборное осуждение еретиков. «Лжеучитель» Д.Е. Тверитинов, а также наиболее близкие его сподвижники — фискал Михаил Косой и цирюльник⁵⁸ Фома Иванов — были преданы анафеме⁵⁹.

Между тем, исходя из буквы действующего законодательства, участникам «развратных» бесед грозили не одни лишь духовные санкции. Уместно вспомнить, что деяния Д.Е. Тверитинова и его ближайших сподвижников напрямую попадали под ст. 1 главы 1 Уложения 1649 г., в которой предусматривалась единственная санкция — смертная казнь. Ничего подобного, впрочем, не последовало. В Сенате проигнорировали даже всплывшие в ходе расследования деятельности еретического кружка обстоятельства криминального прошлого М.А. Косого-Андреева. Отлученный от церкви фискал продолжил как ни в чем не бывало находиться на государственной службе.

⁵⁸ То есть парикмахер.

⁵⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 2. Ч. 1. Приложения. Стб. CLXXVII (публикацию полного текста соборного осуждения см.: Там же. С. CLXXXII–CLXXXVII).

Столь благоприятный для Михаила Косого итог разбирательства дела Дмитрия Тверитинова возможно связать с действиями князей Долгоруковых. С одной стороны, известно, что дело о еретическом сообществе было «похоронено» в Сенате во многом благодаря усилиям сенатора князя Якова Долгорукова, о чем в мае 1716 г. заявил сенатор П.М. Апраксин⁶⁰. С другой стороны, рьяно взявшийся за исполнение служебных обязанностей Михаил Косой сумел заинтересовать своими разоблачениями могущественного руководителя следственной канцелярии гвардии майора В.В. Долгорукова⁶¹, двоюродного племянника князя Якова Федоровича.

О степени тогдашней связанности М.А. Косого с главой следственной канцелярии свидетельствует фрагмент из письма В.В. Долгорукова брату сенатору М.В. Долгорукову от 23 марта 1716 г. В этом сугубо доверительном послании князь Василий Долгоруков между иного просил брата: «И Косому изволь сам сказать, и чтоб он имел меня так, как я его в кредит [в]вел, и ко мне б писал»⁶². Вероятнее всего, с подачи именно В.В. Долгорукова Петр I направил 28 января 1716 г. письмо главе Подрядной канцелярии полковнику Г.И. Кошелеву⁶³, в котором предписал оказывать содействие Михаилу Косому, взявшемуся (попутно с фискальской деятельностью) за подряд корабельных лесов⁶⁴.

⁶⁰ Там же. Стб. СХСХVII–СХСХVIII. Леонтий Магницкий также упомянул о покровительстве Я.Ф. Долгорукова еретикам (Магницкий Л.Ф. Указ. соч. С. 14).

⁶¹ О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь В.В. Долгоруков // Российский следователь. 2016. № 13. С. 49–55.

⁶² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2583. Оп. 1. № 29. Л. 68.

⁶³ О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: Г.И. Кошелев // Российский следователь. 2016. № 15. С. 52–56.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 7.

Самым значительным из числа уголовных дел, возбужденных М.А. Косым, следует, по-видимому, признать дело комиссара П.И. Власова и дьяка П.К. Скурихина, обвиненных во взяточничестве и в расхищении 140 665 руб. казенных денег. Названное уголовное дело находилось первоначально в производстве следственной канцелярии В.В. Долгорукова. Будучи временно перенесено (по именному указу от 13 марта 1716 г.) в следственную канцелярию Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова дело было окончательно закреплено в ее производстве по реестру от 9 декабря 1717 г.⁶⁵

Затем по именному указу от 3 декабря 1720 г. дело П.И. Власова и П.К. Скурихина перенесено в специально организованную для его расследования следственную канцелярию гвардии подполковника И.И. Бутурлина⁶⁶. Дело, однако, так и не дошло до суда, несмотря на то что Петр Власов принес в 1724 г. повинную, признав часть эпизодов получения взяток. Вместе с тем, узнав из повинной П.И. Власова о преступных действиях также Петра Скурихина (уже умершего к тому времени), Петр I указал 15 апреля 1724 г. извлечь из могилы его тело и подвесить останки «на железной чепи за Московую рекою на Болоте»⁶⁷.

Возбужденное же М.А. Косым аналогично в 1714 г. уголовное дело по обвинению купца Сидора Томилина в участии в подрядных махинациях кочевало по следственным канцеляриям несколько по иному «маршруту». Как указал сам подследственный в челобитной от ноября 1723 г., «ис канцелярии ведения князь Василья Долгорукова в канцелярию господина полковника Кошелева, а от Кошелева в канцелярию Языкова да Иванова, а от них в канцелярию

⁶⁵ Там же. Л. 8; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 69 об., 125–125 об.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 166.

⁶⁷ Там же. Ф. 248. Кн. 703. Л. 133 об.–134.

господина генерала-маэора Княжова-Юсупова⁶⁸, а от господина Княжова-Юсупова в канцелярию генерал-лейтенанта Матюшкина, а от него в канцелярию ведения господина генерала Ивана Ивановича Бутурлина... а решения не учинено тому уже девять лет»⁶⁹.

Попутно в 1716–1717 гг. М.А. Косой вступил в открытое противоборство с главой фискальской службы России обер-фискалом А.Я. Нестеровым⁷⁰. Согласно изложенной уже в 1723 г. версии Михаила Андреевича, глава фискальской службы принялся, «закрывая хищников», препятствовать расследованию дела П.И. Власова и П.К. Скурихина⁷¹. Породивший чреду взаимных обвинений отмеченный конфликт начал вскоре складываться не в пользу Михаила Косого.

Сложилось так, что в конце 1710-х гг. Михаил Андреевич лишился поддержки клана Долгоруковых. Арестованный в феврале 1718 г. по обвинению в связях с опальным царевичем Алексеем Петровичем В.В. Долгоруков был 14 марта 1718 г. приговорен особым судебным присутствием к лишению чинов, конфискации имущества и ссылке. Уличенный в крупномасштабных злоупотреблениях по «китайскому торгу», утративший доверие Петра I (хотя так и не осужденный) Яков Долгоруков скончался 23 июня 1720 г.⁷²

⁶⁸ Имеется в виду следственная канцелярия князя Г.Д. Юсупова, о которой подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: князь Г.Д. Юсупов // Российский следователь. 2016. № 11. С. 51–56.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 65. Л. 403.

⁷⁰ О нем подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы российских следователей: А.Я. Нестеров // Российский следователь. 2016. № 22. С. 52–56.

⁷¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1277. Л. 295.

⁷² О деле Я.Ф. Долгорукова подробнее см.: Серов Д.О. Малоизвестная страница истории военной юстиции России: процесс Я.Ф. Долгорукова

Нет поэтому ничего удивительного, что уже весной 1719 г. М.А. Косой оказался под стражей в Юстиц-коллегии, будучи обвинен А.Я. Нестеровым в утайке таможенных пошлин на внушительную сумму в 48 000 рублей⁷³. Впрочем, в колодничьей палате Михаил Косой пробыл недолго. Затруднительно сказать, кто на этот раз вступился за Михаила Андреевича, но 27 мая 1719 г. Петр I указал изменить фискалу меру пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде, «на росписку знатным людям».

Сразу после освобождения М.А. Косой подал в декабре 1719 г. в следственную канцелярию князя Г.Д. Юсупова развернутое доношение, содержащее обвинения А.Я. Нестерова в многочисленных преступлениях против интересов службы. Означенное доношение было доложено Петру I, который 16 февраля 1720 г. наложил на него лаконичную резолюцию: «Отослать в Юстиц-коллегию»⁷⁴. Правда, никакого расследования обвинений, выдвинутых М.А. Косым против обер-фискала, в Юстиц-коллегии предпринято не было.

Однако начавшееся в марте 1722 г. резонансное «дело фискалов», в связи с которым в сентябре 1722 г. был взят под стражу А.Я. Нестеров⁷⁵, изменило ситуацию в благоприятную для Михаила Косого сторону.

8 января 1723 г. М.А. Косой подал в только что учрежденный Вышний суд очередное доношение с обвинениями Алексея Нестерова в преступлениях против интересов службы и в клевете (каковая имела последствием отмеченное уголовное

(1718) // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: материалы всерос. науч.-практич. конф. СПб., 2006. Ч. 3. С. 57–60.

⁷³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 75 об.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. № 21560. Л. 1–1 об.

⁷⁵ О «деле фискалов» подробнее см.: Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. М., 2015. С. 65–75.

преследование Михаила Андреевича со стороны Юстиц-коллегии)⁷⁶. Возбужденные А.Я. Нестеровым уголовные дела против Михаила Косого были прекращены.

Однако падение Алексея Нестерова имело последствием не только освобождение М.А. Косого от уголовного преследования. Как известно, стремясь укрепить фискальскую службу, Петр I учредил 30 января 1723 г. должность генерал-фискала. Обер-фискал становился отныне вторым лицом в иерархии ведомства. 22 февраля 1723 г. император определил в генерал-фискалы заслуженного фронтовика, бывшего командира Новгородского пехотного полка А.А. Мякина. В свою очередь по предложению Алексея Мякина 4 июня 1724 г. Правительствующий Сенат назначил на пост обер-фискала М.А. Косого⁷⁷.

Насколько можно понять, бывший полковой командир и бывший каменщик вполне сработались. По крайней мере, сохранившиеся до наших дней письма А.А. Мякина к Михаилу Косому от июня — июля 1724 г. выдержаны в отчетливо благожелательном духе⁷⁸. Впрочем, совместная деятельность Алексея Антоновича и Михаила Андреевича продлилась недолго.

Оказавшись на правительственной должности, Михаил Косой, по всей очевидности, утратил ощущение реальности, вообразил себя всемогущим и принялся, значительно превышая свои полномочия, арестовывать московских купцов, заключая их в специально оборудованную домашнюю тюрьму. Более того, стремясь добиться от незаконно задержанных колодников признательных показаний, новоявленный обер-фискал стал держать их (вероятно, с целью лишения сна)

⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1277. Л. 295–296 об.

⁷⁷ Там же. Кн. 1927. Л. 93.

⁷⁸ См.: Там же. Ф. 386. № 1. Л. 7–7 об., 17–17 об.

в невиданных железных ошейниках с длинными спицами «и на концах кольца гремачие».

Трудно сказать, благодаря кому преступная деятельность М.А. Косого получила огласку, но уже 22 февраля 1725 г. Сенат указал освободить всех арестованных им лиц, а в его доме произвести обыск. Заодно сенаторы затребовали для ознакомления образцы применявшихся в домашней тюрьме «мучительских ошейников» (изобретенных, как вскоре открылось, самим Михаилом Андреевичем). Этим же сенатским указом был наложен арест на имущество М.А. Косого⁷⁹.

Точную дату ареста Михаила Косого установить не удалось, вероятно, это произошло уже в конце февраля — начале марта 1725 г. Позднее режим содержания Михаила Андреевича под стражей оказался ужесточен: по сенатскому указу от 28 марта 1726 г. его было предписано «держатъ под крепким караулом и ни с кем разговоров иметь не допускать»⁸⁰.

Расследование «худых поступков» Михаила Косого не особенно затянулось. 2 марта 1727 г. по пяти эпизодам злоупотребления должностными полномочиями (включая истязания арестованных) Сенат приговорил Михаила Косого к пожизненной ссылке в Сибирь с содержанием в Тобольске без определения к делам и к конфискации имущества. В качестве своего рода дополнительной санкции в приговоре был прописан запрет сибирскому губернатору принимать от бывшего обер-фискала какие-либо доношения⁸¹. Круг злоключений Михаила Андреевича замкнулся: по прошествии 40 с лишним лет он вновь оказался в дальних краях в статусе ссыльного.

⁷⁹ Там же. Ф. 248. Кн. 1939. Л. 143–143 об.

⁸⁰ Там же. Кн. 1952. Л. 247.

⁸¹ Там же. Кн. 1964. Л. 67–68 об.

В Сибири М.А. Косого ожидали новые превратности судьбы. Не склонный афишировать еретические воззрения в тобольском обществе Михаил Косой не нашел при этом ничего лучшего как в начале 1728 г. обратиться с просьбой о благословении и назначении духовного отца к самому митрополиту Антонию. На беду Михаила Андреевича, в Тобольск вскоре поступило опубликованное в Москве богословское сочинение покойного митрополита Стефана Яворского «Камень веры». В предисловии автор, руководивший некогда разбирательством дела Дмитрия Тверитинова, подробно изложил обстоятельства изобличения еретиков. Не был обойден вниманием в предисловии и Михаил Косой⁸².

Ознакомившись с книгой, бдительный Антоний быстро установил идентичность посетившего его в дни Великого поста 1728 г. ссыльного фискала и упомянутого в трактате митрополита Стефана еретика М.А. Косого. Растревоженный митрополит доложил о ситуации в декабре 1729 г. Святейшему Синоду, попросив заодно уточнить, принес ли Михаил Косой покаяние и снята ли с него анафема. Поскольку, как быстро выяснилось, никакого покаяния М.А. Косой не приносил, 7 апреля 1730 г. Антонию был направлен синодский указ, в котором предписывалось добиться у Михаила Андреевича публичного отречения от ереси, после чего разрешить его от наложенного в 1714 г. проклятия⁸³.

⁸² Стефан [Яворский]. Камень веры православным церкви святыя сыном на утверждение и духовное созидание, претыкающимся же о камень претыкания и соблазна на востание и исправление. М., 1727. С. 1.

⁸³ РГИА. Ф. 796. Оп. 11. № 33. Л. 1–1 об., 9–9 об. Краткое изложение синодских актов 1728–1731 гг. по делу М.А. Косого см.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода СПб., 1901. Т. 10. Стб. 85–90. В литературе о тобольских злоключениях Михаила Андреевича см.: Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 335–337; Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники.

Торжества православия, однако, не получилось. Приглашенный в тобольский Успенский собор «при собрании многонародном духовных и светских персон» Михаил Андреевич, в отличие от глубоко почитавшегося им Д.Е. Тверитинова, отрекшегося от еретических убеждений в феврале 1723 г., по существу, отказался принести покаяние. Разгневанный подобным поворотом дела митрополит Антоний предложил в доношении Синоду от 24 марта 1731 г. направить бывшего обер-фискала для дальнейшего отбывания ссылки в совсем глухие места, «на Обдоры⁸⁴ между новокрещеных, из которых едва кто русского языка знает... где и слушать противного церкви святой учения его будет некому»⁸⁵.

В Синоде мнение Антония поддержали и в июле 1731 г. направили дело об упорствующем в ереси ссыльном для окончательного решения в Сенат. Правительствующий Сенат, который столь длительное время игнорировал факт соборного проклятия Михаила Андреевича, на этот раз вынес приговор более суровый, нежели предлагали церковные власти. 13 августа 1731 г. Сенат осудил Михаила Косого к тюремному заключению с содержанием на хлебе и воде до принесения покаяния с последующей ссылкой в Обдорскую волость⁸⁶.

Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 268–269.

⁸⁴ Историческое название местности близ Полярного круга, в северной части бассейна р. Обь. Единственным российским поселением в этих местах в XVIII в. являлся Обдорский городок (Обдорск), ныне г. Салехард, административный центр Ямало-Ненецкого автономного округа.

⁸⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 11. № 33. Л. 14–15 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 777. Л. 431–431 об.; публикацию документа см.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1890. Т. 7. С. 361–362.

Время и обстоятельства кончины М.А. Косого установить к настоящему времени не удалось. Вероятнее всего, Михаил Косой (которому в то время было уже около 70 лет) не смог вынести тягот строгого заключения и вскоре завершил свои дни в тобольской тюрьме. Остается добавить, что в мае 1741 г. в Сенат поступила челобитная сына Михаила Андреевича Ивана Косого, в которой тот, упомянув о конфискации семейного имущества и о смерти отца в ссылке, просил «наградить его подаванием милости»⁸⁷. Решение Сената по этому поводу неизвестно.

⁸⁷ Сенатский архив. СПб., 1890. Т. 3. С. 335.

Заключение

Вопросы истории следствия традиционно рассматриваются с использованием двух подходов: первого — через изучение истории уголовно-процессуального законодательства, второго — через изучение организационного построения органов следствия. В настоящем издании предпринята попытка исследовать историю становления и развития российских следственных органов первой четверти XVIII в. с применением третьего подхода — через обозрение судеб и дел следователей Петра Великого.

Представленная работа охватывает лишь часть известных на данный момент лиц, принимавших в изучаемый период активное участие в расследовании уголовных дел. Авторы планируют продолжать начатое исследование.

Давно подмечено, что история повторяется, и изучение прошлого помогает лучше понять настоящее. В этом ценность уроков прошлого, в том числе персонифицированных с делами и судьбами конкретных следователей.

Литература*

1. Автографы Петра Великого в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. Каталог / составитель С.В. Ефимов ; под редакцией Ю.Н. Беспятых. Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. 132 с.
2. Агеева З. Русская императрица Елизавета. «Царица всей земли» / З. Агеева. Москва : Алгоритм, 2017. 96 с.
3. Азанчевский М.П. История Преображенского полка / М.П. Азанчевский. Москва. : Тип. Каткова и К°, 1859. XXII, 232, 142 с.
4. Акишин М.О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого / М.О. Акишин // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 95–117.
5. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого / М.О. Акишин. Новосибирск : Автор, 1996. 224 с.
6. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата / М.О. Акишин. Москва : Древлехранилище, 2003. 406 с.
7. Алабин П.В. Иван Иванович Бутурлин, генерал-аншеф / П.В. Алабин // Русская старина. 1878. Т. 23. № 10. С. 161–180.
8. Александров Г.Н. Из дела 1746 г. о присвоении профессором Тредьяковским жены гренадерской / Г.Н. Александров // Осмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым. Кн. 3. Москва : Типография Т. Рис, 1869. С. 178–181.
9. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции / составитель П.И. Иванов. Москва : Типография С. Селивановского, 1853. V, 498 с.
10. Андреева Е.А. Следственное дело и ссылка А.Д. Меншикова 1727–1729 гг.: исследование и документы / Е.А. Андреева. Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2013. 320 с.
11. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века / Е.В. Анисимов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

* В список литературы включены работы, на которые имеются ссылки в тексте настоящего издания.

12. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е.В. Анисимов. Москва : Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.

13. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. / Е.В. Анисимов. Ленинград : Наука, 1981. 295 с.

14. Анисимов Е.В. Россия без Петра. 1725–1740 / Е.В. Анисимов. Санкт-Петербург : Лениздат, 1994. 496 с.

15. Анпилогов Г.Н. Фискалитет при Петре I / Г.Н. Анпилогов // Вестник МГУ. Серия: Историко-филологическая. 1956. № 2. С. 63–80.

16. Архив князя Ф.А. Куракина / под редакцией М.И. Семевского. Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1890. Кн. 1. XXVI, 387 с.

17. Архив Правительствующего Сената / составитель П.И. Баранов. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1872. Т. 1. XXXI, 167 с.

18. Бабич М.В. Генерал М.Я. Волков: материалы к биографии / М.В. Бабич // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха : материалы всероссийской научной конференции / ответственный редактор С.В. Ефимов. Санкт-Петербург : ВИМАИВиВС, 2004. Ч. 1. С. 11–16.

19. Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени / М.В. Бабич. Москва : РОССПЭН, 2003. 480 с.

20. Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого / Д.Н. Бантыш-Каменский. Москва : Типография В.С. Всеволожского, 1813. Ч. 2. 352 с.

21. Бантыш-Каменский Д.Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов / Д.Н. Бантыш-Каменский. Москва : Типография В.С. Всеволожского, 1814. X, 336, XLVII с.

22. Берх В.Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов / В.Н. Берх // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 51–129; Кн. 2. С. 113–172; Кн. 3. С. 89–143; Кн. 4. С. 85–132; Кн. 5. С. 87–149.

23. Берх В.Н. Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории российского флота / В.Н. Берх. Санкт-Петербург : Морская типография, 1832. Ч. 2. 391, 14 с.

24. Берхгольц Ф.-В. Дневник, веденный в России. 1721–1725 : перевод с немецкого. 2-е изд. / Ф.-В. Берхгольц. Москва : Университетская типография, 1902. Ч. 1. 189 с.; Ч. 2. 247 с.; 1903. Ч. 4. 139 с.

25. Биргегорд У. О русских высших чинах в шведском плену // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур / У. Биргегорд ; под

редакцией Т.А. Тоштендаль-Сарычевой, Л. Юнсон. Москва : РГГУ, 2009. С. 207–229.

26. Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка / П.О. Бобровский. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. Т. 1. X, 380 с.

27. Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка / П.О. Бобровский. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904. Т. 2. XII, 256 с.

28. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии / М.М. Богословский. Москва : Госполитиздат, 1946. Т. 3. 502 с.

29. Болтунова Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация / Е.М. Болтунова. Москва : РГГУ, 2011. 349 с.

30. Бородаев В.Б. Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости на Иртыше / В.Б. Бородаев // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы международной научно-практической конференции / ответственный редактор Т.В. Захарова. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2011. С. 25–35.

31. Бородина Е.В. Изменение основ судебного процесса в период второй областной реформы Петра Великого / Е.В. Бородина // Проблемы истории России : сборник научных трудов. Екатеринбург : НППМ «Волот», 2005. Вып. 6. С. 153–168.

32. [Бороздин К.М.] Опыт исторического родословия дворян и графов Матюшкиных. Санкт-Петербург : Типография Российской академии, 1841. 21 с.

33. Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725) : перевод с английского / П. Бушкович. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. 344 с.

34. Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и о его преобразованиях : перевод с немецкого / Ф.-Х. Вебер // Русский архив. 1882. Вып. 6. Стб. 1057–1168.

35. Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петровского времени / В.И. Веретенников. Харьков : Типография «Печатное дело», 1910. 307 с.

36. Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории / Ф.Ф. Веселаго. Санкт-Петербург : Типография В. Демакова, 1875. Ч. 1. VIII, IV, 652 с.

37. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917. Историко-биографические очерки / редактор-составитель А.Н. Акиншин. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. 400 с.

38. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки / редактор-составитель А.Н. Акиншин.

2-е изд., испр. и доп. Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. 424 с.

39. Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735 / В.И. Геннин. Москва : Издательство «История заводов», 1937. 681 с.

40. Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / составитель М.О. Акишин / В.И. Геннин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1994. 467 с.

41. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / составитель Т.С. Майкова; под редакцией А.А. Преображенского. Москва : Круг, 2004. Вып. 1. 632 с.

42. Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века / А.П. Глаголева. Москва : Издательство АН СССР, 1957. 254 с.

43. Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. / Н.Б. Голикова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.) : сборник статей / под редакцией Н.М. Дружинина. Москва : Наука, 1964. С. 243–280.

44. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа / Н.Б. Голикова. Москва : Издательство МГУ, 1957. 337 с.

45. Гуржій О.І. Иван Скоропадський / О.І. Гуржій. Київ : Альтернативи, 2004. 312 с.

46. Гусаров А.Ю. Петербургские площади / А.Ю. Гусаров. Санкт-Петербург : Паритет, 2014. 512 с.

47. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / составители Н.В. Козлова, А.Ю. Прокофьева. Москва : РОССПЭН, 2015. 911 с.

48. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / составитель А.А. Бобринский. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1890. Ч. 1. XXXVIII, 756 с.

49. Дворянское сословие Тульской губернии / составитель В.И. Чернопятов. Москва : Типография А.П. Петцман, 1912. Т. 7 (XVI). VII, 204 с.

50. Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка / П.Н. Дирин. Санкт-Петербург : Типография Э. Гоппе, 1883. Т. 1. 448, VIII с.

51. Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка / П.Н. Дирин. Санкт-Петербург : Типография Э. Гоппе, 1883. Т. 1. 448, VIII с.; Т. 2. 296, 202, V с.

52. Дневник Николая Ханенка (1728–1753 г.) (Продолжение) // Киевская старина. 1886 г. Т. 15, август. Приложение. С. 321–352.

53. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография Императорской АН, 1892. Т. 5. Кн. 1. 25, 584 с.

54. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография Императорской АН, 1897. Т. 5. Кн. 2. 24, 868 с.

55. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография Императорской АН, 1901. Т. 6. Кн. 1. 24, 586 с.

56. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография Императорской АН, 1887. Т. 3. Кн. 1. 18, 447 с.

57. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под редакцией Н.В. Калачева. Санкт-Петербург : Типография Императорской АН, 1883. Т. 2. Кн. 2. 16, 551 с.

58. Долгоруков П.В. Российская родословная книга / П.В. Долгоруков. Санкт-Петербург : Типография Э. Веймара, 1855. Ч. 2. 327 с. ; То же. Санкт-Петербург : Типография III Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. Ч. 4. 482 с.

59. Долгоруков П.В. Сказание о роде князей Долгоруковых / П.В. Долгоруков. Санкт-Петербург : Типография Э. Праца, 1840. IX, 337, [9] с.

60. Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / публикация П.И. Иванова // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Москва : Университетская типография, 1858. Кн. 3. Смесь. С. 1–50.

61. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. 2-е изд. Москва : Типография Компании Типографической. Ч. 19. 1791. IV, 418 с.

62. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. Москва : Типография Е. Гербек, 1883. Вып. 2. 150 с.

63. Есинов Г.В. Кабачок «Мартышка». Эпизод 1718–19 гг. / Г.В. Есинов // Русский вестник. 1860. № 11. С. 115–126.

64. Ефимов С.В. Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века / С.В. Ефимов // Средневековая Русь : сборник научных статей. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 1995. С. 136–165.

65. Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря / И.Е. Забелин. Москва : Типография Грачева и К°, 1865. 160 с.

66. Забродина Н.И. Спасская летопись / Н.И. Забродина, О.А. Мочалов, О.А. Сушкина, М.В. Сушкин ; под редакцией Н.И. Забродиной. Спасск, 2008. 432 с.

67. Законодательные акты Петра I / составитель Н.А. Воскресенский ; под редакцией Б.И. Сыромятникова. Москва — Ленинград : Издательство АН СССР, 1945. Т. 1. XXXI, 602 с.

68. Законодательство Петра I / под редакцией А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. Москва : Юридическая литература, 1997. 880 с.

69. Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 годов — памятник отечественной политико-правовой мысли. Работы разных лет : сборник статей / А.С. Замуруев. Псков : б. и., 2006. С. 156–366.

70. Зубов В.П. Страница из истории механики в России первой четверти XVIII века / В.П. Зубов // Труды Института истории естествознания. Москва : Издательство АН СССР, 1952. Т. 4. С. 157–183.

71. Зуев А.С. Секретные узники сибирских острогов (очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.) / А.С. Зуев, Н.А. Миненко. Новосибирск : ВО «Наука», 1992. 165 с.

72. Игнатъев А. Иван Ильич Дмитриев-Мамонов / А. Игнатъев // Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762 / под редакцией С.А. Панчулидзева. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1901. С. 21–26.

73. Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / составитель А.В. Павлов, Н.К. Эссен [и др.]. Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 210 с.

74. «И по делам всем, что есть, следовать». Документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / публикация Д.О. Серова // Исторический архив. 2006. № 2. С. 192–206.

75. Историко-статистические сведения С.-Петербургской епархии. Санкт-Петербург : Печатня В.И. Головина, 1871. Вып. 2. II, 161–298, VI, 81–256, III с.

76. История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. / составитель А. Чичерин, А. Афанасьев. Санкт-Петербург : Типография А.А. Краевского, 1883. Т. 4. Приложения. 132, 260 с.

77. История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / составитель П.О. Бобровский. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. VIII, 260 с.

78. История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / сост. П.О. Бобровский. Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904. VIII, 243 с.

79. Калашников Г.В. Офицеры под судом и следствием: из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) / Г.В. Калашников // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 80–87.

80. Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854 / П.П. Карцов. Санкт-Петербург : Типография Штаба военно-учебных заведений, 1852. Ч. 1. 259, 56 с.

81. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И.К. Кирилов. Москва : Наука, 1977. 443 с.

82. Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742 гг. / публикация А. Кудрявцева. Москва : Университетская типография, 1878. XII, 236 с.

83. Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы / Н.А. Комолов. Ростов-на-Дону : Ростиздат, 2009. 257 с.

84. Комолов Н.А. Органы следствия, суда и надзора в российской провинции XVIII века: на материалах Белгородской и Воронежской губерний / Н.А. Комолов. Воронеж : Издательство ВГУ, 2007. 185 с.

85. Корепанов Н.С. Геннин на Урале / Н.С. Корепанов. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. 280 с. (Очерки истории Урала. Вып. 39).

86. Коробко М.Ю. Усадьба Большое Голубино / М.Ю. Коробко // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы / редактор-составитель М.В. Нашекина. Москва : Издательство «Улей», 2008. Вып. 13–14. С. 548–559.

87. Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года / П.А. Кротов. Санкт-Петербург : Лики России, 1996. 247 с.

88. Курдюмов М.Г. Юсупова Прасковья Григорьевна // Русский биографический словарь / М.Г. Курдюмов. Санкт-Петербург : Типография Главного управления уделов, 1912. Т. «Щапов – Юшиевский». С. 345–347.

89. Курукин И.В. Анна Иоанновна / И.В. Курукин. Москва : Молодая гвардия, 2014. 430 с.

90. Курукин И.В. Артемий Волынский и его клиенты / И.В. Курукин // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / ответственные составители Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен ; ответственный редактор А.А. Доронин. Москва : РОССПЭН, 2013. С. 225–233.

91. Курукин И.В. Артемий Волынский / И.В. Курукин. Москва : Молодая гвардия, 2011. 414 с.

92. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735) / И.В. Курукин. Москва : Квадрига ; Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с.

93. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. / И.В. Курукин. Рязань : б. и., 2003. 570 с. (Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 6).

94. Курукин И.В. 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы / И.В. Курукин, А.Б. Плотников. Москва : Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 280 с.

95. Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы / А.В. Лаврентьев. Москва : Археографический центр, 1997. 253 с.

96. Ларина Я.И. Двор на набережной. Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII в. / Я.И. Ларина // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 99–112.

97. Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. 1: 1714–1900 / научный руководитель В.П. Леонов ; ответственный редактор Н.В. Колпаков ; ответственный составитель Г.В. Головки. Санкт-Петербург : Библиотека РАН, 2004. 416 с.

98. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В.А. Линовский. Москва : Лекс-Эст, 2001. 240 с.

99. Лириа Я. де. Записки во время пребывания при императорском Российском дворе : перевод с французского / Я. де Лириа. Санкт-Петербург : Гутенбергова типография, 1845. III, 217 с.

100. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. 2-е изд. / А.Б. Лобанов-Ростовский. Санкт-Петербург : Издание А.С. Суворина, 1895. Т. 1. VIII, 467 с. ; То же. Санкт-Петербург : Издание А.С. Суворина, 1895. Т. 2. V, 481 с.

101. Лопатин Н.В. История рода Чебышевых / Н.В. Лопатин, В.А. Бессонов, С.Я. Заурдина . Калуга : Полиграф-Информ, 2004. 283 с.

102. Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий. 2-е изд. / С.В. Любимов. Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 368 с.

103. Магницкий Л.Ф. Записка по делу Тверитинова / Л.Ф. Магницкий. Санкт-Петербург : Типография Добродеева, 1882. XII, 272, V с.

104. Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени / Е.К. Максимов, С.А. Мезин. Санкт-Петербург : Издательство «Европейский Дом», 2010. 178 с.

105. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. / А.Г. Маньков. Санкт-Петербург : Наука, 1998. 213 с.

106. Мезин С.А. Петр I во Франции / С.А. Мезин. Санкт-Петербург : Издательство «Европейский дом», 2015. 312 с.

107. Михайлов К.Н. Никитский женский монастырь в Москве (Исторические разыскания по московским древностям и по дому бояр Романовых) / К.Н. Михайлов. Санкт-Петербург : Типография Н.Н. Клобукова, 1901. XVI, 259 с.

108. Москва. Актовые книги XVIII столетия. Москва : Типография А.Г. Кольчугина, 1898. Т. 8. 350 с.

109. Москва. Актовые книги XVIII столетия. Москва : Типография А.Г. Кольчугина, 1897. Т. 7. 353 с.

110. Москва. Актовые книги XVIII столетия. Москва : Типография И.А. Баландина, 1898. Т. 8. 350 с.

111. Московский некрополь / составитель В.И. Саитов. Москва : Типография М.М. Стасюлевича, 1907. Т. 1. XXIII, 517 с.

112. Московский некрополь / составитель В.И. Саитов. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1908. Т. 2. 486 с.

114. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы / Н.В. Муравьев. Москва : Университетская типография, 1889. Т. 1. V, 552 с.

116. Надгробная летопись Москвы / составитель А.А. Мартынов // Русский архив. 1895. Т. 2. № 7. С. 383–395.

117. О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. / публикация В.И. Лебедева // Исторический архив. 1955. № 4. С. 179–195.

118. Областные правители России. 1719–1739 гг. / составители М.В. Бабич, И.В. Бабич. Москва : РОССПЭН, 2008. 831 с.

119. Общий морской список / составитель Ф.Ф. Веселаго. Санкт-Петербург : Типография В. Демакова, 1885. Ч. 1. XXXVIII, 454 с.

120. Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия / составитель Ф.Ф. Веселаго. Санкт-Петербург : Типография В. Демакова, 1879. Т. 2. 844 с.

121. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода / под редакцией Н.И. Верховского. Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1879. Т. 2. Ч. 1. 556 стб., 3, III с.

122. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1883. Т. 6. XI с., CCLXXXVI стб., 77, II с.

123. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1885. Т. 7. VII с., CLVVIV стб., 75 с.

124. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. : сводный каталог / составитель Т.А. Быкова, М.М. Гуревич ; под редакци-

ей П.Н. Беркова. Москва — Ленинград : Издательство АН СССР, 1955. 625 с.

125. Описание порядка держанного при погребении блаженный выскославный и вечнодостойный памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого императора и самодержца всероссийского и блаженные памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская типография, 1725. 34 с.

126. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / составитель П.И. Баранов. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1875. Т. 2. XIV, 989 с.

127. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / составитель П.И. Баранов. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1878. Т. 3. XXXI, 513 с.

128. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / составитель П.И. Баранов. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1878. Т. 3. XXXI, 513 с.

129. Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. / С.Ф. Орешкова. Москва : Наука, 1971. 204 с.

130. Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков / Н.И. Павленко. Москва : Наука, 1984. 197 с.

131. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. 2-е изд. / Н.И. Павленко. Москва : Мысль, 1988. 347 с.

132. Павлов-Сильванский Н.П. Пращур Льва Толстого. Граф Петр Андреевич Толстой / Н.П. Павлов-Сильванский // Исторический вестник. 1905. Т. 100. № 6. С. 836–870.

133. Павлов-Сильванский Н.П. Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич // Русский биографический словарь / Н.П. Павлов-Сильванский. Санкт-Петербург : Типография В. Демакова, 1904. Т. «Сабанеев — Смыслов». С. 603–608.

134. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века / под редакцией Л.А. Дмитриева. Москва : Художественная литература, 1981. 606 с.

135. Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге / П.П. Пекарский. Санкт-Петербург : Типография Императорской АН, 1873. Т. 2. LVIII, 1042 с.

136. Переладов К.Г. Кончина августейшего колодника / К.Г. Переладов // Родина. 1994. № 9. С. 39–42.

137. Переписные книги города Москвы. Составлены в 1738–1742 годах. Москва : Типография М.П. Щепкина, 1881. Т. 3. 1 с., 78 стб.
138. Петербургский некрополь / составитель В.И. Саитов. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1912. Т. 2. 747 с.
139. Письма и бумаги императора Петра Великого / под редакцией А.А. Преображенского. Москва : Наука, 1992. Т. 13. Вып. 1. 480 с.
140. Письма и бумаги императора Петра Великого / ответственный редактор А.А. Преображенский. Москва : Древлехранилище, 2003. Т. 13. Вып. 2. 678 с.
141. Письма и бумаги императора Петра Великого / составитель А.П. Глаголева, Т.С. Майкова [и др.]. Москва : Наука, 1964. Т. 11. Вып. 2. 743 с.
142. Письма и бумаги императора Петра Великого. Москва : Издательство АН СССР, 1962. Т. 11. Вып. 1. 642 с.
143. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / публикация С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. Москва : АНО «Редакция альманаха Российский архив», 2000. 646 с.
144. Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву / А.В. Попов. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1904. VI, 516, III с.
145. Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города / составитель В.Г. Рубан. Санкт-Петербург : б. и., 1773. 4, 8, 226 с.
146. Походный журнал 1714 года. Санкт-Петербург : б. и., 1854. 159 с.
147. Походный журнал 1715 года. Санкт-Петербург : б. и., 1855. 80 с.
148. Походный журнал 1717 года. Санкт-Петербург : б. и., 1855. 36 с.
149. Походный журнал 1720 года. Санкт-Петербург : б. и., 1855. 51 с.
150. Походный журнал 1721 года. : б. и., 1855. 76 с.
151. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. Москва : Московская типография, 1722. 59 с.
152. Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Издание Тульского епархиального братства Св. Иоанна Предтечи. Тула : Типография Соколова и Фортунатова, 1895. II, 781, XLIII с.
153. Проскурякова М.Е. «Из определенных к Остзею»: гарнизоны крепостей Выборга и Кегсгольма в первой половине XVIII века / М.Е. Проскурякова. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2012. 179 с.
154. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 / составитель Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. Москва : Наука, 1992. 381 с.
155. Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.) / Д.А. Редин. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2007. 608 с.

156. Редин Д.А. О разграничении юрисдикций гражданских и горных властей в западных провинциях Сибирской губернии (на примере уголовных дел 1723–1724 гг.) / Д.А. Редин // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 113–116.

157. Род князей Голицыных. Материалы родословные / составитель Н.Н. Голицын. Санкт-Петербург : Типография Н.Н. Скороходова, 1892. Т. 1. XVII, 611 с.

158. «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судоустройства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / публикация Д.О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 200–211.

159. Рондо К. Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 г. : перевод с английского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете / К. Рондо. Москва : Университетская типография, 1861. Кн. 2. С. 1–19.

160. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / составитель А.П. Богданов. Москва : Современник, 1990. 445 с.

161. Рубцов Ю.В. Генерал-фельдмаршалы в истории России. Жезлы на эполетах / Ю.В. Рубцов. Москва : Вече, 2015. 256 с.

162. Руммель В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий / В.В. Руммель, В.В. Голубцов. Санкт-Петербург : Издание А.С. Суворина, 1886. Т. 1. 2, 610, 11 с.

163. Русский провинциальный некрополь / составитель В.В. Шереметевский. Москва : Типография т-ва И.Н. Кушнарева, 1914. Т. 1. IX, 1008 с.

164. Рыженков М.Р. Первая трагедия в «доме Романовых»: дело царевича Алексея Петровича. 1718 г. / М.Р. Рыженков // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 151–169.

165. Рычаловский Е.Е. Дело драгуна Полибина и феномен ложного извета в петровскую эпоху // Петр Великий – реформатор России / ответственный редактор Н.С. Владимирская / Е.Е. Рычаловский. Москва : б. и., 2001. С. 62–70.

166. Самойлов В.И. О первых узниках Петропавловской крепости / В.И. Самойлов // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 119–121.

167. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев : Типография К. Матисена, 1904. Т. 117. XLVIII, 785 с.

168. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев : Типография К. Матисена, 1898. Т. 104. XCII, 580 с.

169. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией А.Ф. Бычкова. Санкт-Петербург : Типография II Отделения Е. И. В. канцелярии, 1873. Т. 11. X, 365 с.

170. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1886. Т. 55. II, 503 с.

171. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1887. Т. 56. XIX, 641 с.

172. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1888. Т. 63. XXXVIII, 875 с.

173. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1889. Т. 69. VII, 967 с.

174. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1891. Т. 79. XXXIX, 603 с.

175. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1893. Т. 84. XXX, 745 с.

176. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1889. Т. 94. XXXII, 871 с.

177. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией Н.Ф. Дубровина. Санкт-Петербург : Типография И.Н. Скороходова, 1898. Т. 101. XXXII, 576 с.

178. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев : Типография К. Маттисена, 1901. Т. 111. XIV, 587 с.

179. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев : Типография К. Маттисена, 1909. Т. 130. XLII, 716, VIII с.

180. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев : Типография К. Маттисена, 1912. Т. 138. XXXVII, 614 с.

181. Сборник Императорского Русского исторического общества. Санкт-Петербург : Типография Императорской АН, 1881. Т. 34. XI, XLVII, 560 с.

182. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 92. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1894. XXII. 569, VI.

183. Сборник Императорского Русского исторического общества / под редакцией А.Н. Филиппова. Юрьев : Типография К. Маттисена, 1899. Т. 106. XLVI, 654 с.

184. Северцева И.В. Храм села Руднево Тульской губернии — памятник русской архитектуры первой половины XVIII в. / И.В. Северцева // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2012. № 2. С. 359–364.

185. Семевский М.И. Слово и дело! 1700–1725. 2-е изд. / М.И. Семевский. Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1884. 340 с.

186. Сенатский архив. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1891. Т. 4. 715, 60 с.

187. Сенатский архив. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1890. Т. 3. 621, 64 с.

188. Сенатский архив. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1892. Т. 5. 681, 48 с.

189. Сергей, архим. Историческое описание московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе / Архим. Сергей. Москва : Типография А.И. Мамонтова, 1866. 131, 28 с.

190. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование / Д.О. Серов. Москва : Зерцало-М, 2009. 488 с.

191. Серов Д.О. Фискальская служба России: зигзаги исторического пути (1711–1729 гг.) / Д.О. Серов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Право. 2005. Т. 1. Вып. 1. С. 20–27.

192. Серов Д.О. Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (опыт систематического обзора) / Д.О. Серов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 165–173.

193. Серов Д.О. Высшие администраторы под судом Петра I: из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. / Д.О. Серов // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 47–63.

194. Серов Д.О. Забытая страница истории уголовно-процессуального законодательства России XVIII в.: Наказ «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. / Д.О. Серов // Научные труды Российской академии юридических наук / ответственный редактор В.В. Гриб. Москва : ИГ «Юрист», 2010. Вып. 10. Т. 3. С. 941–945.

195. Серов Д.О. Забытая страница судебной реформы Петра I: Вышний суд (1723–1726 гг.) / Д.О. Серов // Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения) : материалы международной научно-практической конференции. Москва : МГЮА, 2010. С. 296–301.

196. Серов Д.О. Зарождение системы судов общей юрисдикции в России (из истории судебной реформы Петра I) / Д.О. Серов // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2009. № 1. С. 83–94.

197. Серов Д.О. Малоизвестная страница истории военной юстиции России: процесс Я.Ф. Долгорукова (1718) / Д.О. Серов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное : материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург : ВИМАИВиВС, 2006. Ч. 3. С. 57–60.

198. Серов Д.О. Надворные суды в судебной системе России (1719–1727 гг.) / Д.О. Серов // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 132–138.

199. Серов Д.О. Петр I как вершитель правосудия / Д.О. Серов // Cahiers du Monde russe. 2014. № 55/1–2. Р. 13–30.

200. Серов Д.О. Петр I как судебный деятель / Д.О. Серов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1. С. 28–34.

201. Серов Д.О. Преображенский приказ: судьба в эпоху построения «полицейского государства» (1717–1724 гг.) / Д.О. Серов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 77–84.

202. Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.) : историко-правовой очерк / Д.О. Серов. Новосибирск : Сибвузиздат, 2002. 330 с.

203. Серов Д.О. Прокуратура России: начало пути / Д.О. Серов // Законность. 2005. № 12. С. 28–30.

204. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: А.Я. Нестеров / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 22. С. 52–56.

205. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: Б.Г. Скорняков-Писарев / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 10. С. 52–56.

206. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: В.И. Геннин / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 9. С. 50–56.

207. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: В.И. Иванов и В.Г. Языков / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 20. С. 45–52.

208. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: Г.Г. Скорняков-Писарев / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 6. С. 51–56.

209. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: Г.И. Кошелев / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 15. С. 52–56.

210. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: Е.И. Пашков / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 7. С. 49–55.

211. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: И.И. Дмитриев-Мамонов / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 12. С. 50–56.

212. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: И.М. Лихарев / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 14. С. 51–56.

213. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: И.Н. Плещеев / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 19. С. 47–53.

214. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: И.С. Чебышев / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 17. С. 48–53.

215. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: И.И. Бахметьев / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2017. № 6. С. 50–56.

216. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: И.И. Бутурлин / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2017. № 7. С. 51–56.

217. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: князь В.В. Долгоруков / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 13. С. 49–55.

218. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: князь Г.Д. Юсупов / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 11. С. 51–56.

219. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: князь П.М. Голицын / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 21. С. 45–50.

220. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: князь Г.А. Урусов / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2017. № 9. С. 50–56.

221. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: М.А. Матюшкин / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 18. С. 51–56.

222. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: М.Я. Волков / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 16. С. 51–56.

223. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: М.А. Косой / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 23. С. 51–56.

224. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: П.А. Толстой / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 5. С. 38–45.

225. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: С.А. Салтыков и его следственная канцелярия / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 8. С. 50–56.

226. Серов Д.О. Дела и судьбы следователей Петра Великого: С.Л. Игнатьев / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4. (18). С. 26–37.

227. Серов Д.О. Дела и судьбы следователей Петра I / Д.О. Серов, А.В. Федоров. Москва : ИГ «Юрист», 2016. 364 с.

228. Серов Д.О. Петр I как следователь / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 3. С. 50–56.

229. Серов Д.О. Следствие в Древнерусском государстве X–XIV веков / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2014. № 1. С. 53–56.

230. Серов Д.О. Следствие в Московском государстве XV–XVII вв. / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2014. № 2. С. 52–56.

231. Серов Д.О. Следствие при Петре I: «майорские» следственные канцелярии / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2015. № 5. С. 51–56.

232. Серов Д.О. Следствие при Петре I: изменения в процессуальном законодательстве, сопутствующие созданию специальных следственных органов / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2015. № 3. С. 48–51.

233. Серов Д.О. Следствие при Петре I: образование «майорских» канцелярий и зарождение стадии предварительного расследования / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2015. № 4. С. 53–56.

234. Серов Д.О. Следствие при Петре I: следственная канцелярия генерал-прокуратуры и Розыскная контора Вышнего суда / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2015. № 7. С. 52–56.

235. Серов Д.О. Следствие при Петре I: фискальская служба как орган уголовного преследования / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2015. № 6. С. 50–55.

236. Серов Д.О. Служил отечеству своему 46 лет без всякого пороку / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Человек и закон. 2018. № 11. С. 38–56.

237. Серов Д.О. Дела и судьбы российских следователей: князь М.И. Волконский / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. 2016. № 4. С. 50–55.

238. Серов Д.О. Очерки истории российских следственных органов : научное издание / Д.О. Серов, А.В. Федоров. Москва : ИГ «Юрист», 2015. 318 с.

240. Сизиков М.И. О судебнo-следственных функциях полицмейстерских канцелярий России в первой четверти XVIII в. / М.И. Сизиков //

Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института. Свердловск : СЮИ, 1970. Вып. 11. С. 87–93.

241. Славнитский Н.Р. Степан Лукич Игнатъев на посту коменданта Санкт-Петербургской крепости (1734–1747) / Н.Р. Славнитский // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции / под редакцией С.В. Ефимова. Санкт-Петербург : ВИМАИВиВС, 2017. Ч. 4. С. 193–202.

242. Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг. : материалы для биографий / составитель Н.А. Мурзанов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2011. 736 с.

243. Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. / Е.Б. Смилянская. Москва : Издательство «Индрик», 2003. 464 с.

244. Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути / сост. П.И. Бартнев. Москва : Типография В. Готье, 1856. V, 246 с.

245. Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1962. Кн. 10. 725 с.

246. Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1963. Кн. 9. 701 с.

247. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / составитель А.П. Барсуков. Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1902. IX, 611 с.

248. Список воеводам, наместникам и губернаторам Симбирского края // Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск : Типография Симбирского губернского правления, 1868. С. 127–137.

249. Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный из архива Государственной Военной коллегии. Санкт-Петербург : Типография Ученого комитета по артиллерийской части, 1809. 129, 15 с.

250. Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1895. Т. 7. С. 636–811.

251. Стефан [Яворский]. Камень веры православным церкви святыя сыном на утверждение и духовное созидание, претыкающимся же о камень претыкания и соблазна на востание и исправление / Стефан [Яворский]. Москва : Синодальная типография, 1727. 38, 1099 с.

252. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым / публикация П.И. Иванова // Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.

253. Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / П.А. Толстой ; составители И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. Москва : Наталис, 2006. 304 с.

254. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого / Н.Г. Устрялов. Санкт-Петербург : Типография II Отделения Е. И. В. канцелярии, 1859. Т. 6. VII, 628, XII с.

255. Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета / А.Н. Филиппов. Юрьев : Типография К. Маттисена, 1895. Ч. 1. XII, 486 с.

256. Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом : перевод с немецкого // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете / И.-Г. Фоккеродт. Москва : Университетская типография, 1874. Кн. 2. Отд. 4. С. 1–120.

257. Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. 4-е изд. / Г.Г. Фруменков. Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1979. 224 с.

258. Ханенко Н.Д. Диариуш или журнал, то есть повседневная записка. Рок 1722 / Н.Д. Ханенко ; публикация О.М. Бодянского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете / публикация О.М. Бодянского. Москва : Университетская типография, 1858. Кн. 1. Смесь. С. 1–74.

259. Храм Положения Ризы Господней на Донской улице в Москве. Москва : БЕТТА-ФРЕЙМ, 2011. 64 с.

260. Черных С.Е. Начало положила крепость : сборник статей, очерков / С.Е. Черных. Усть-Каменогорск : б. и., 2004. 67 с.

261. Чистяков О.И. Процессуальное законодательство // Законодательство Петра I / О.И. Чистяков ; под редакцией А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. Москва : Юридическая литература, 1997. С. 794–821.

262. Шестаков С.Е. Формирование института гражданских фискалов в России в первой трети XVIII в. / С.Е. Шестаков // Реформы в России XVI–XIX вв. : сборник научных трудов / под редакцией И.А. Булыгина. Москва : ИРИ РАН, 1992. С. 101–122.

263. Шубинский С.Н. Княгиня А.П. Волконская и ее друзья (Эпизод из придворной жизни XVIII столетия) / С.Н. Шубинский // Исторический вестник. 1904. № 12. С. 927–965.

264. Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых / Н.Б. Юсупов. Санкт-Петербург : Типография Н. Тиблена, 1866. Ч. 1. VIII, 191, VI с. ; То же. Санкт-Петербург : Типография Н. Тиблена, 1867. Ч. 2. XIII, 421, IV с.

265. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. / А.И. Юхт. Москва : Наука, 1985. 367 с.
266. Юшков С.В. История государства и права СССР. 4-е изд. / С.В. Юшков. Москва : Юридическая литература, 1961. Ч. 1. 679 с.
267. 300 лет следственному аппарату России (1713–2013 гг.) : сборник статей об истории следственных органов / под общей редакцией А.И. Бастрыкина ; научный редактор Д.О. Серов. Москва : СК РФ, 2014. 400 с.
268. Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power. 1671–1725 / P. Bushkovitch. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 450 p.
269. Lück A. Georg Wilhelm Henning. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen / A. Lück // Siegerland. Siegen, 1972. Bd. 49. S. 9–24.
270. Peterson C. Användningen av dansk och svensk rätt i Peter den stores lagkommission, 1720–1725 / C. Peterson // Danske og Norske Lov i 300 år / red. Ditlev Tamm. København : Juristforbundet, 1983. S. 369–404.
271. Tolstoy N. The Tolstoys. Twenty generation of Russian History. 1353–1983 / N. Tolstoy. London : Hodder and Stoughton Paperbacks, 1985. 408 p.
272. Villardeau S., de. Abregé de la vie du Comte Tolstoy / sous la dir. A. Mazon // Analecta Slavica. A Slavonic Miscellany. Amsterdam : De Bezige Bij, 1955. P. 21–30.

Д.О. Серов, А.В. Федоров

Дела и судьбы следователей Петра I

Научное издание

Оригинал-макет изготовлен
Издательской группой «Юрист»

Подписано в печать: сентябрь 2019 г. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgС. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа»
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел. (4842) 70-03-37